

ВАЛИХАНОВ

У. Стрелкова

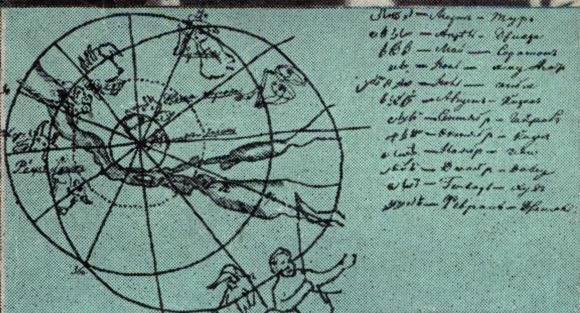
ВАЛИХАНОВ

УЗЛ

У. Стрелкова

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

7. Robertson

ЖИЗНЬ
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

ОСНОВАНА
В 1933 ГОДУ
М. ГОРЬКИМ

ВЫПУСК 6

(635)

И. Стрелкова

ВАЛИХАНОВ

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1983

В душу взглядишь глубже, сам с собою побудь:
Я для тебя загадка, я и мой путь.
Знай, потомок, дорогу я для тебя стлал.
Претив тысяч сражался — не обессудь!

А б а й

Чокан жил со своими современниками, обменивался с ними своими страстями, но интересовался судьбой больше людей будущего.

Г. Н. Потанин

С $\frac{4702010200-088}{078(02)-83}$ Без объявл.

ПРАВНУК ХАНА АБЛАЯ

В один из последних дней мая 1858 года из укрепления Верного выехал сопровождаемый небольшим казачьим конвоем тарантас с двумя седоками и покатиł степной дорогой на Капал.

— Вы неисправимы, — ворчал старший из седоков, полковник Гутковский, — от вас пахнет английскими духами и сигарой.

— И шампанским Монтебелло! — смеясь, подхватил поручик Валиханов. — Проводы есть проводы.

Гутковский откинулся на спинку сиденья, обтянутого кожей, долго, серьезно разглядывал своего спутника, франтоватого армейского поручика, его монгольские скулы, темные насмешливые глаза, лихо закрученные усы — оценивал непринужденность и изящество позы.

— Как я завидую вашей молодости! И вашему спокойствию!

Полковник Гутковский считался крупнейшим знатоком степных просторов к югу от Омска и до самой границы. Он начал службу в Западной Сибири двадцать лет назад, сейчас в его руках находилось управление Областью сибирских киргизов, Петербург поручал ему ответственные дела, касавшиеся сопредельных среднеазиатских владений.

Поручик Валиханов происходил из степного аристократического рода, в казенных бумагах непременно отмечалось, что поручик султан Валиханов — «потомок последнего владетельного хана Аблая, поступившего в подданство России, и первый из султанских сыновей, который получил основательное образование в Сибирском кадетском корпусе». Чокану Чингисовичу Валиханову шел двадцать третий год, он состоял адъютантом при генерал-губернаторе Западной Сибири Гасфорте.

Прибыв в укрепление Капал, полковник Гутковский и поручик султан Валиханов встретились там с командиром Десятого сибирского полка, начальником Алатавского округа подполковником Абакумовым. Затем они выехали из Капала в сторону Аксуйского пикета. Неподалеку от пикета, на берегу реки Аксу, их поджидал верный человек

Гирей. В приготовленной юрте Валиханов сбросил мундир и переделся в платье азиатского покроя. Гирей обрил поручику голову, обкорнал усы. Гутковский укладывал в чемодан одежду Валиханова. Поручик попросил оставить хотя бы плащ — ночи в степи холодны. Но Гутковский забрал и плащ. Подорожную Валиханова Гутковский тоже забрал, хотя поручик говорил, что казенные бумаги могут вдруг да понадобится, а уничтожить их в случае чего недолго. На прощание Гутковский и Валиханов крепко обнялись. Валиханов остался у Гирей. Гутковский вернулся в Капал, отправил оттуда донесение по начальству, что Валиханов приступил к исполнению порученного ему дела, и стал ждать вестей.

Все шло пока согласно плану. Состоял он в следующем. Под именем купца Алимбая Абдиллабаева поручик Валиханов отправлялся с торговым караваном, снаряженным семипалатинскими купцами в западные владения Китая — Кашгар, остававшийся до сих пор и для России и для Европы «белым пятном» на карте Азии. Валиханов должен был присоединиться к каравану на пути, уже совершив превращение в Алимбая. Семипалатинские купцы знали, на что идут, они рассчитали и свой риск, и все выгоды, какие смогут извлечь из важной услуги, оказанной русским властям.

И вот дни проходят, а каравана из Семипалатинска нет и нет. Валиханов начинает тревожиться. Май — лучшее время для отправки каравана. Все караваны выходят в степь, когда еще зелена трава и есть корм для вьючного скота, когда еще не пересохли степные речушки и есть всюду по пути вода... Не выйти в мае — все равно что вовсе не выйти!..

4 июня человек в азиатском халате, сидя за низким столиком в юрте Гирей, торопливо писал Гутковскому: «Милостивый государь, Карл Казимирович!

Казалось, что все было устроено хорошо, но вышло напротив. Дело мое принимает прескверный оборот. Я совершенно потерялся и не знаю, что делать...»

Вошел Гирей.

— Господин Гутковский велел...

— Я сказал, собирайся! И стол возьми, он мне больше не нужен.

Он подложил под бумагу кожаную суму.

«...Гирей был сейчас на пикете, видел татарина, едущего из Семипалатинска в Верное, и узнал, что до 23 числа не выходил никакой караван. Остаться мне более у

Гирея нельзя: кругом ходят воры и уже по моей милости успели потерять трех лошадей...»

Гирей не уходил.

— Чего тебе? Иди собирайся. Все аулы давно ушли в горы, только ты один торчишь на Аксу. Если не спи-мешься, навлечешь подозрения.

— А вы?

— Я пойду навстречу каравану... Один.

Он понимал теперь, какую глупость сделал, отдав Гутковскому и плащ и подорожную. Чтобы отправиться навстречу каравану, надо иметь при себе хоть какие-то регалии. Иначе или казаки схватят как бродягу, или казаки ограбят, а то и уведут за Черный Иртыш... Этот край не для прогулок одинокого безоружного человека. Днем придется где-то прятаться, а ночью рыскать за пропитанием. На беду, у Гирея иссяк запас муки, потерялось огниво...

Через открытую дверь он видел, что Гирей заканчивает сборы. Один только верблюд остается без поклажи, тот, на которого навьючат юрту. Что ж, пора...

Чокан быстро дописал последние строки:

«...Скажите, ради бога, где ваш караван? Поймите мое положение: что мне делать? Как же это Вы не обратили внимания на самый главный пункт — на слона: где ваш караван, вышедший, по достоверным сведениям, 15 числа из Семипалатинска. Все было бы отлично, дела мы вели хорошо. Все было замаскировано. Ни один мудрец киргизский не постигнул хитрости, и вдруг... срываюсь, срываюсь жестоко. На чем же? На приходе каравана! Прощайте. Сегодня я исчезаю. Что будет, ведает один лишь бог.

Ч. В.».

Получив это письмо, встревоженный Гутковский мчит в Семипалатинск.

Гирей откочевывает в горы, а обритый наголо человек в халате, какие носят азиатские купцы, остается один в степи без огня и хлеба. Он кружит поблизости от караванного пути, от еле заметных параллельных троп, пробитых в степи вьючным скотом. Тропы успели зарастить. Караваны теперь ходят редко. Три года назад подстрекаемая кем-то толпа сожгла русскую факторию в Чугучаке. Смуты в Кашгаре тоже не содействуют процветанию торговли.

Семипалатинский караван покажется на горизонте только 28 июня. На размышления у Валиханова остава-

лось очень много времени — 24 длинных летних дня. Степь жила своей жизнью, вдали пестрели горы. А он, голодный и грязный, прятался дотемна в камнях — один, наедине со своими мыслями. Он вспоминал не только всю свою жизнь. Он размышлял о жизни своего отца султана Чингиса, о бабушке ханше Айганым, о деде своем хане Вали, о знаменитом прадеде хане Аблае... Он думал о народе своем, который широко разбрелся по степи — от Тянь-Шаня до Урала, о его прошлом, настоящем и будущем.

Султан Чингис в положенный срок занялся с сыном родословной Валихановых. Чокан узнал, что он внук хана Вали и правнук великого хана Аблая. Как полагалось на Востоке, он выучил своих предков до седьмого колена. Родословная уходила в глубь веков — к хану Ишиму, оставившему казахам свод законов, именуемый «Древний путь Ишим-хана». А дальше Ишима, в дальней-дальней глубине, сияли легендарные имена: Баракхан, Куюрчук-хан, Урус-хан... И в самом начале стояло имя великого завоевателя Чингисхана, потомками которого считаются все ханы и все султаны.

Чокан узнал от отца, что с давних времен казахи поделены на три жуза¹: Младший, Средний и Старший. Его дед Вали правил Средним жузом, а великому Аблаю подчинялись и Средний и Старший жуз.

После отцовских рассказов о деяниях знаменитого прадеда воображением Чокана завладел храбрый и мудрый Аблай. Хотя он и был султанского рода, юность его прошла в лишениях, ему пришлось служить простым пастухом у богатого табуновладельца, и жена хозяина заметила, что молодой чужестранец никогда не пьет из нечистых чашек. Так открылось высокое происхождение юноши, и тогда-то хозяин одарил его лучшим скакуном из табуна, огнехвостым Чалкуйруком, на котором Аблай отправился завоевывать славу.

Попачалу он был рядовым воином, в сражениях добыл славу искусного полководца. Ему приписывали сверхъестественные качества, он — арвах (дух), ниспо-

¹ По-русски жузы назывались ордами: Малая, Средняя, Большая. Поскольку Валиханов в своих трудах употреблял слово «орда», оно и в этой книге будет встречаться. В те времена казахов называли «киргизами», «киргиз-кайсаками», эти этнонимы употреблял и Валиханов.

сланный народу для великих дел. Этим Аблай был во многом обязан своему современнику, знаменитому поэту-импровизатору Бухар-жырау¹, воспевшему его подвиги и оплакавшему его смерть.

1723 год остался в памяти казахов как год великого бедствия — «актабан шубырынды». Джунгары² вторглись в Степь. Аулы панически бежали, усеивая свой путь телами погибших, бросая скот и имущество. В Хиве и Бухаре казахов встретили недружелюбно. Аулы двинулись на север, к границам России. Хан Младшего жуза Абулхаир в 1731 году обратился к императрице Анне Иоанновне с просьбой принять его в подданство. Казахи Младшего жуза стали считаться русскими подданными, и в 1741 году Оренбургская крепость оборонила их от нового нашествия джунгар. Абулхаир просил Россию помочь ему восстановить древний город Джанкент на Сырдарье, чтобы сделать его своей столицей. И Россия откликнулась: на Сырдарью отправили геодезиста и инженера под охраной казаков. Но в 1748 году Абулхаир был убит, и все работы прекратились.

Хан Среднего жуза Семеке в 1731 году тоже принял присягу на верность России. Однако его признавала ханом только часть жуза — другой частью правили Абулмамбет-хан и Аблай-султан. В 1739 году Аблай-султан вместе с Абулмамбетом присягнул в Оренбурге на подданство России. Этот год можно бы считать началом верной службы Аблая русскому царю, если бы не крутые повороты в истории Степи и не его колоссальное честолюбие.

После смерти Абулмамбета султаны подняли на белом войлоке Аблая, восславляя его победы. Затем по обычаю собравшиеся родоначальники изорвали в клочья одежду нового хана и расхватали драгоценные лоскутки.

Аблай властвовал в Среднем жузе деспотически, устанавливал свои законы и приобрел право приговаривать к смертной казни, которая прежде производилась только по приговору всего народа.

Жизнь и деяния прадеда продолжали интересовать

¹ Жырау — термин более раннего происхождения, чем акын.

² Джунгары — они же калмыки, ойраты. Государство ойратов в Джунгарии сложилось в 30-х годах XVII века. В 1757—1758 годах завоевано китайской династией Цин.

Чокана Валиханова всю жизнь. Будучи в Петербурге, он написал статью о хане Аблае для энциклопедического словаря. В его оценке личности Аблая беспристрастность ученого уживалась с восхищением перед ролью, какую сыграл в истории казахов его прадед.

Аблай совершил немало походов против джунгар, угрожавших казахам с востока. От его руки погиб любимый сын джунгарского хунтайджи¹ Галдан-Церена. И когда Аблай в одном из сражений был разбит и попал в плен, хунтайджи посадил его в яму, к которой каждый день приходила мать убитого и осыпала пленника страшными проклятиями. Неизвестно, чем бы все кончилось, если бы не вмешалась Россия. К Галдан-Церену прибыл русский посол К. Миллер и потребовал освобождения подданных ее величества Елизаветы Петровны. Аблай и его соплеменники возвратились в Среднюю орду. Россия добивалась права утверждать казахских ханов в этом звании и стала платить им жалованье. Аблай получал ежегодно триста рублей и двести пудов муки. У него в ставке на правах советника поселился казак Матвей Арапов. Русское правительство построило хану Аблаю дом, прислало десять мужиков для обучения киргиз-кайсаков хлебопашеству. Оренбургский губернатор слал Аблаю письма с приглашением киргиз-кайсаков в Оренбург на торговлю.

Все меньше беспокоили Аблая джунгары. После смерти в 1745 году злейшего врага Аблая Галдан-Церена в Джунгарии началась ожесточенная борьба за власть. Аблай прилагал все усилия, чтобы разжечь там междоусобицы, принимал то одну, то другую сторону. Это вообще было его основным житейским правилом. Он и детям своим завещал никогда не решать вполне межродовых дел казахских племен, ибо только несогласие и раздоры могут быть незыблемой опорой ханской власти.

Сибирское казачье войско заселяло границу по Иртышской линии и по Горькой линии, получившей название от степных озер с горько-соленой водой². От крепо-

¹ Хунтайджи — правитель у джунгар.

² Впоследствии на юг от Горькой линии, за рекой Или, возникло еще одно казачье войско — Семиреченское. Представляет интерес само превращение российского казачества из вольного сообщества, обосновавшегося у границ государства, подальше от властей, в верных слуг царя и отечества. Новые казачьи поселения создавались уже не вольными людьми, а для казенной надобности, однако учитывались и сложившиеся у казачества традиции.

сти Звериноголовской цепочка крепостей, казачьих постов тянулась на восток к Омску, оттуда вдоль Иртыша на Семипалатинск и дальше к Усть-Каменогорску, к Алтаю с его серебряными рудниками, принадлежавшими царской семье.

С границы зорко следили за каждым шагом хана Средней орды, слали рапорты в Петербург. В Омском архиве Чокан Валиханов отыскал Указ Екатерины II генерал-поручику Шпрингеру, данный в Санкт-Петербурге, сентября 8-го дня 1769 года. Это был ответ на рапорт Шпрингера, в котором сообщалось, что получены сведения о намерении Аблая к учинению набегов на русские поселения. Императрица повелевала: «...по начатии от киргизцев наималейшего неприятельского действия тотчас командировать некоторое число по рассмотрению вашему регулярного войска с пушками и велеть такое их сборище тотчас разогнать и разбить. И таким образом их за дерзость достойно наказать так, чтобы впредь они вас беспокоить отнюдь не отваживались».

В 1771 году Аблай, вновь избранный ханом, объявил, что не намерен ехать к русским и принимать от них знаки ханского достоинства — саблю, шубу и шапку. Русские не стали выказывать недовольство, послали к Аблаю мелкого чиновника, тот наскоро, без пышных церемоний привел хана к присяге, отдал саблю и шубу с шапкой.

Через два года вспыхнуло восстание Пугачева.

У яицких казаков не было — и не могло быть — дружественных отношений с аулами, кочевавшими по соседству. Между яицким казачеством и казаками шла непрестанная борьба за земли. Пугачев не мог приманить ордынцев обещаниями вернуть им пастбища, это поссорило бы его с Янком. Но крестьянская война в России взволновала кочевья. Ханы замечались в поисках выгоды. Один в письмах русским властям изъявлял готовность помочь в поимке злодея, а в письмах Пугачеву именовал его великим императором. Другой послал новоявленному Петру III в аманаты своего сына.

Аблай не торопился в подданные к «Петру III», знал, что претендент на престол сам ищет поддержки в орде. Гонцы от Пугачева появились в ставке Аблая весной 1774 года. За помощь в «побеждении российских войск» Пугачев обещал ему всех сибирских дворян в подданство. Хан выждал удобный момент и нагрянул со своим отрядом на крепости Ново-Ишимской линии, после чего обратился к Пугачеву с просьбой, чтобы все захваченные

на линии пленные перешли в его, Аблая, собственность. Пугачев ответил Аблаю согласием. Но затем опытный политик уклонился от участия в действиях против России. Послов Пугачева, привезших Аблаю грамоту от самозванного царя, принял сын хана султан Вали, и они отъехали от него ни с чем. А русскому начальству на гневный запрос о сношениях со злодеем Вали ответил: хан Аблай злодея не поддерживает, Аблай далеко, воюет с дикокаменными киргизами.

Вали был сыном второй жены Аблая, дочери каракалпакского бека. Всего у хана Аблая было 12 жен, родивших ему 30 сыновей и 40 дочерей.

Аблай предпринял поход против киргизов, воспользовавшись тем, что со стороны России, занятой подавлением мятежников, ему ничто не угрожало. Потеснив киргизов за Чу, он продолжал сколачивать свое великое государство, отвоевал Сайрам, Чимкент, Сузак, его данником стал Ташкент. Императрице Екатерине II Аблай сообщал, что в Туркестане его возвели в звание хана всех трех киргиз-кайсацких орд, и получил от императрицы соболью шубу, парчовую шапку с околышем из черно-бурой лисицы, саблю с надписью и ханский патент, но... только на Среднюю орду.

Будучи русским подданным, Аблай продолжал удерживать у себя русских пленников и грабить торговые караваны. Состарившись, он поделил свое государство на уделы между сыновьями, а сам отправился на покой. Аблай умер в 1781 году и был похоронен в склепе под знаменитой в мусульманском мире мечетью ходжи Ахмеда-Ясеви в городе Туркестане.

После смерти Аблая русское правительство признало ханом Среднего жуза Вали, доказавшего в годы пугачевщины свою верность и преданность. Несмотря на то что лишь половина родов Среднего жуза считала Вали достойным наследником Аблая, султаны и старшины провели традиционные выборы хана, подняли Вали на белой кошме, разорвали в клочки его одежду. Затем Вали стал готовиться к торжественному утверждению в ханском звании и к присяге ее императорскому величеству Екатерине II.

Для торжественного провозглашения Вали ханом во дворе крепости св. Петра¹ воздвигли специальное возвышение. Поднявшись на возвышение, генерал-поручик

¹ Ныне г. Петропавловск.

Якоби объявил Вали киргиз-кайсацким ханом Средней орды. На русском и на татарском языках прочли жалованный Вали ханский патент. Вали повторил текст присяги, опустился на колени, поцеловал Коран и приложил к присяге свою печать. После этого чиновники надели на него знаки ханского достоинства — шубу и саблю, а шапку возложил на его голову сам Якоби. Начали палить пушки, загремели ружейные залпы, застучали барабаны, грянули литавры, запели трубы, русские знамена склонились до земли. За годы правления хана Вали в Среднем жузе происходило куда меньше междоусобиц, чем по соседству, в Младшем жузе. Но полной тишины и спокойствия тоже не наблюдалось. Старшины Среднего жуза жаловались Екатерине II на мздоимство хана Вали. Русское начальство докладывало в Петербург, что хан Вали грабит идущие через Среднюю орду торговые караваны. Недовольные его поборами казахские роды получили разрешение переселиться внутрь России, за Иртыш, в Тобольскую и Томскую губернии. Наконец русское правительство, чтобы уменьшить власть Вали, утвердило для Средней орды еще одного хана — Букея. Букей недолго правил восточной частью орды, он умер в 1817 году, а в 1819 году умер и хан Вали. Появилась возможность упразднить в Средней орде звание хана. Для начала постарались не допустить, чтобы султаны подняли на белой кошме нового претендента. Тем временем шел сбор сведений, кто из членов семьи Вали или из султанов достоин доверия начальства.

Люди, достойные доверия, требовались для утверждения в Среднем жузе новых порядков. В 1822 году стал действовать «Устав о сибирских киргизах», составленный графом М. М. Сперанским, превосходно знавшим Сибирь, где он с 1819 по 1821 год был генерал-губернатором. Вместо родового деления в Средней орде учреждались округа под управлением выборных старших султанов, русских заседателей и заседателей из киргизской верхушки. Округа делилась на волости под началом выборных волостных правителей. Для сибирских киргизов вводилась ясачная подать в размере одного процента от количества скота, взимаемая раз в год, летом, а также постоянная, подводная и почтовая повинности.

В «Уставе» Сперанского отразились просвещенные и умеренные взгляды этого государственного деятеля, привлечшего себе в помощники Г. С. Батенькова, будущего декабриста. Сибирские киргизы получили известное уча-

ствие в управлении. И фактически инородец, житель колонии, оказался более свободным, чем русский крестьянин. Крепостное право на Степь не распространилось. Султаны не имели прав помещиков и уравнивались со всем населением.

Но было бы наивным полагать, что народ сразу же разобрался в «Уставе», о котором ему толковали рассылаемые по Степи прокламации и о котором слагали песни акыны, используемые русским начальством для своего рода разъяснительной работы в аулах. Что же касается потомков хана Вали, то не все они примирились с упразднением ханского престола и ханского жалованья.

Русские власти все-таки недоглядели — казахская верхушка успела вознести на белом войлоке одного из сыновей Вали — Губайдулла.

Губайдулла не блистал умом и не был готов применить заветы Аблая в новых исторических условиях. Вместе с другим сыном Вали, султаном Аббасом, Губайдулла отправился в Кульджу к цзянь-цзюню¹ и стал домогаться, чтобы их пропустили в Китай, к богдыхану. Цзянь-цзюнь витиевато объяснял, что этого сделать никак нельзя.

Сыновья хана Вали несолоно хлебавши воротились восвояси. Губайдулла и после доставлял русскому начальству уйму хлопот. То его ловили в баянаульских горах, и он каялся, давал клятву оставить свои попытки бежать под покровительство Пекина. То он, получив должность старшего султана в Кокчетаве, принимался за барымту², не давал покоя другим султанам. Однажды он официальным письмом русскому начальству объявил себя мертвым. Для выяснения сей странности к нему прислали русского переводчика с подарком — с железной печкой. Султан самолично вышел к переводчику и сказал:

— Я помер! Печка мне не требуется.

¹ Цзянь-цзюнь — наместник, генерал-губернатор.

² Барымта (баранта) — это захват чужого скота или чужих вещей. Барымта производилась явно, на виду у всех, или тайно, с условием, что затеявший барымту заранее извещает об этом своих соперников. Подробно барымта исследована у Чокана Валиханова в «Записке о судебной реформе». Поводом к барымте могла стать обида, родовая неприязнь, сведение счетов. Согласно патриархальным обычаям каждый имел право на барымту, но практически это было право сильного, то есть богатого. И в более поздние времена степные феодалы в целях наживы шли на открытый разбой, с этой целью держали при себе барымтачей. Об этом с гневом писал выдающийся казахский поэт и ученый Султан-Махмуд Торайгыров (1892—1920).

Впрочем, это не помешало Губайдулле по прошествии некоторого времени попросить русское начальство, чтобы ему построили дом. Обращение Губайдуллы за помощью подало надежду, что он утих и покорился. Губайдулла с гордостью облачился в мундир подполковника, повесил на шею золотую медаль на андреевской ленте¹. Но стоило его родичу Кенесары поднять мятеж против русских, Губайдулла забыл о своем подполковничьем чине. Терпение сибирского начальства лопнуло. Губайдуллу и его сына, майора Булата, сослали в город Березов.

Младшая жена хана Вали, умная и властная Айганым, неусыпно следила за авантюрами Губайдуллы. Она была женщиной образованной, знала несколько восточных языков, обладала незаурядным поэтическим талантом и прозорливостью опытного политика. После смерти Вали Айганым и ее сыновья получили ставку в Сырымбете. Ханша Айганым — так ее продолжали титуловать в казенных бумагах — твердо взяла курс на сближение с Россией, не поддаваясь никаким иным веяниям. На любую попытку вовлечь ее в заговор против России у ханши Айганым всегда был наготове категорический отказ. И она сама заботилась, чтобы русское начальство получало от своих соглядатаев сведения о верности ханши Айганым и чтобы из Степи регулярно шли доносы на Губайдуллу и на всех других ее политических противников.

В Петербурге обратили внимание на усердие вдовы хана Вали. Александр I подписал указ о водворении вдовы хана Вали на избранных ею землях и о строительстве для нее дома и мечети ценою в пять тысяч рублей.

В Сырымбет явились военнорабочие и взялись за строительство. Поручик Ермолаев мечетей прежде никогда не строил, он поставил мечеть фасадом не в ту сторону. Требовательная ханша обратилась к генерал-губернатору Западной Сибири с просьбой поставить мечеть по мусульманским правилам, а также оштукатурить дом внутри, сделать еще одну голландскую печь и одну русскую, приделать к 15 окнам ставни. Кроме того, ханша просила, чтобы ей за счет казны выстроили в Сырымбете баню, школу с помещением для учителя, сарай во дворе и пристроили к дому гостиную для приема посетителей.

¹ И дальше в этой книге будут встречаться названия русских орденов, медалей, которыми награждали казахов. Однако для нехристиан существовали особые орденские знаки.

В Сырымбет прислали новую команду, все, что просила ханша, сделали. Сырымбет превратился в недурное поместье вполне русского образца — только вместо усадебной церкви мечеть. Затем ханша изъявила желание заняться хлебопашеством¹ и попросила прислать ей соответствующие орудия, семена и опытного человека «для показания», что и как делать. Ханше дали семена, купили для нее четыре сохи, восемь борон, послали в Сырымбет казака Антона Лычагина, и он с помощью поступивших под его начало тюленгутов² поднял четыре десятины целины и засеял рожью. Военнорабочие построили в Сырымбете мельницу. Для обучения детей ханши русское начальство прислало муллу.

Энергия этой женщины была поразительна. Айганым просила послать ее в числе лучших и почтеннейших людей в Петербург, где она имела бы «неоценимое удовольствие лицезреть августейшего монарха», выразить ему свою искреннюю преданность и передать пожелание киргиз-кайсаков, чтобы вновь учреждаемые волости управлялись не людьми простого племени, от которых не будет никакого проку, только споры и раздоры, а султанами.

Ханша отлично приспособилась к всероссийскому бюрократизму и постигла силу бумаги, особенно гербовой. Она ежегодно получала жалованье из казначейства, и, если ей надо было отправиться в Тобольск³ или в Омск по своим делам, которые она считала государственными, Айганым требовала прогонные деньги. В Омске она занимала доверенного чиновника — Дабшинского. Такие доверенные лица, своя рука в канцеляриях, вскоре появились у всех султанов. Отношения между степными правителями и омскими чиновниками строились на взаимовыгодных условиях. Но между Валихановыми и Дабшинским отношения сложились по-иному. Честный службист и большой знаток Степи, Дабшинский сделался их другом и советчиком.

В 1831 году ханша Айганым привезла своего двадцатилетнего сына Чингиса в Омск.

Омскую крепость основал в 1716 году подполковник

¹ По «Уставу» Сперанского за хлебопашество, пчеловодство и прочее полагалась особенная награда.

² Тюленгуты находились в вассальной зависимости от хана, но это не рабы. Рабы назывались кулами. Тюленгуты служили дружинниками в прежние времена, у Аблая насчитывалось пять тысяч хозяйств тюленгутов.

³ До 1839 года центром Западной Сибири был Тобольск, а с 1839 года — Омск.

Иван Дмитриевич Вухгольц, отправившийся по приказу Петра I в Джунгарию за «песочным золотом», но не только за ним. Царь, прорубивший окно в Европу, не забывал и об Азии. Петр I стремился установить торговые связи между Россией и Индией. К началу XIX века на берегу Иртыша, чуть ниже стгнувшего в небытие Черного городка, служившего столицей хану Кучуму, вырос город, половину населения которого составляли люди военные. Отсюда управляли Западной Сибирью, Сибирским казачьим войском и сибирскими киргизами.

Для Сибирского казачьего войска открыли в Омске Линейное училище, а при нем Азиатскую школу, где стали обучать русскому языку и немногим другим наукам будущим толмачей. Сюда-то и отдала своего сына ханша Айганым. По «Уставу о сибирских киргизах» Чингис имел право быть принятым на казенное содержание в само училище — эту привилегию русское правительство установило для детей султанов и старшин. Но Чингис тогда совершенно не знал русского языка и к тому же, по мнению училищного начальства, ему было бы затруднительно жить вместе с христианскими воспитанниками и довольствоваться их пищей. Чингиса поместили в Азиатскую школу.

Великовозрастному султану Чингису учење давалось непросто. Однажды он попытался удрать домой. Айганым отослала сына обратно в Омск. Чингис продолжал учење до 1834 года. По-русски он в конце концов стал объясняться довольно свободно, и Чингисом заинтересовалось омское общество.

Было оно довольно пестрым. В Сибирь устремлялись из европейских губерний России люди, ищущие карьеры и легкой наживы. Здесь отсиживались герои столичных скандалов — в ожидании, когда шум поутихнет. Всей этой публике в холодной Сибири жилось тепло. На взятках, на поборах с инородцев быстро сколачивались состояния. Но все эти пришлые авантюристы и хапуги — грязная пена. Подлинная глубинная Сибирь крепла и набирала силы, приучая расейцев — так называли сибиряки жителей центральных губерний — поглядывать на нее все с большим уважением. Исстари в поисках воли в Сибирь стремился русский человек особого бунтарского склада, прирожденный открыватель новых земель. С мечтой о воле он подавался откуда-нибудь из Костромской или Вологодской родимой сторонешки — за Урал, за Байкал — и пешком добирался до берегов Тихого океа-

на. Новые земли он осваивал не оружием завоевателя, а крестьянской сохой Андреевной, плотницким топором. Потомки его хозяйствовали смело, не боялись тайги и не испытывали ни малейшего трепета перед форменной фуражкой. Общение со ссыльным людом догранивало, дошлифовывало тип русского сибиряка.

В «Записках» декабриста Николая Басаргина есть такие строки:

«Можно положительно сказать, что наше долговременное пребывание в разных местах Сибири доставило в отношении нравственного образования сибирских жителей некоторую пользу и ввело в общественные отношения несколько новых и полезных идей». Чернышевский обратил внимание на необычный путь развития этой окраины Российской империи: «По особенностям своей исторической судьбы Сибирь, никогда не знавшая крепостного права, получавшая из России постоянный прилив самого энергического и часто самого развитого населения, издавна пользуется славой, что стоит в умственном отношении выше Европейской России». Все это можно отнести и к русскому населению Степи, входившей в состав Западной Сибири¹.

...К тому времени, когда сын ханши Айганым завершил учење, был создан новый округ — Аман-Карагайский, куда записали аулы нескольких казахских родов — атыгай, керей, кипчак, уак. По сравнению с другими округами Области сибирских киргизов Аман-Карагайский был невелик. Для его образования, несомненно, потребовалось все влияние ханши Айганым. Но была и еще причина. Аман-Карагай находился у границы между двумя ведомствами — Оренбургским и Западно-Сибирским. Создавая у границы с «враждебным» Оренбургским губернаторством еще один приказ, пусть и маленький, зато с таким надежным человеком, как Чингис, на должности старшего султана, омские чиновники заглядывали далеко. Чингис Валиханов еще будет иметь возможность в этом убедиться, принимая участие в расследовании самовольных переходов казахских аулов через прямую линию, разграничивающую две соседние губернии. На-

¹ В Западной Сибири к 1858 году ссыльных с семьями насчитывалось 111 010 душ обоого пола. Омская городская полиция несколько раз в году представляла по начальству сведения о политических преступниках. В графе «Из какого звания происходит» тут иной раз писали в простоте: «Из политических преступников».

чальство, разумеется, определило границу без учета традиционных путей кочевков. А земельный вопрос был и без русских достаточно запутан. Ведь случалось, что казахи целым жузом откочевывали от завоевателей. И собственные завоевания тоже вели к перекочевке на новые земли. Поэтому довольно часто на одни и те же привольные места претендовали два рода, а то и несколько родов. Теперь же получилось, что граница раздвинула земли, принадлежащие одному роду. Особенно много хлопот доставляли своевольные баганалинцы¹.

30 августа 1834 года в живописном урочище неподалеку от Аман-Карагайского бора расположились белые юрты степной знати. Простой народ в выборах старшего султана по «Уставу» не участвовал. Султаны и старшины, соблюдая традиции и желая угодить новоиспеченному ага-султану, подняли сына ханши Айганым на белом войлоке, изорвали его одежду и затем утвердили бумагу об избрании Чингиса Валиханова старшим султаном Аман-Карагайского округа, приложив к ней свои тамги². Бумагу засвидетельствовали присутствовавшие при сем три русских чиновника. Чингису они, как положено, подарили почетный халат³. Омское начальство без проволочек утвердило решение казахской знати, и Чингис согласно «Уставу» получил вместе с должностью старшего султана чин майора.

Аман-Карагаю не суждено было превратиться в большое поселение, куда все аулы съезжаются для сатовки, то есть мелочной торговли. В 1835 году центр возглавляемого Чингисом Валихановым округа переместился в русскую крепость Кушмурун возле озера, весьма обширного, оно у казахов звалось Денгиз (море). Рядом по реч-

¹ В 1852 году генерал-губернатор Западной Сибири предписал, чтобы баганалинские волости при переходе с летних кочевков на зимние сопровождался русским чиновником для указания пути между Улутавскими горами и Ишимом в пределах сибирской степи. В случае нарушения границы виновным грозил суд. В 1864 году Чингис Валиханов уже в чине полковника снова разбирался в жалобах на баганалинцев. Омское начальство наконец распорядилось, чтобы беспокойные аулы откочевали на юг, к реке Чу. Тем же приказом было отмечено усердие полковника Валиханова.

² Тамга — знак родовой и частной собственности. Заменяла подпись неграмотного правителя.

³ Почетный халат — распространенная в то время награда от русского начальства, халат обшивался золотым галуном.

ке Кушмурунке проходила граница между оренбургским и сибирским ведомствами.

В русской крепости Кушмурун Чингис поселился с молодой женой. Зейнеп происходила из уважаемого в Степи рода. Ее отец бий¹ Чорман обладал даром красноречия, он прославился в 14 лет, когда своими речами перед ханом Вали выиграл тяжбу, которую родичи Чормана вели против соседей. Он тогда уже, в юные годы, стал родоначальником и получил прозвище Чечен, что значит мудрый. Зейнеп Чорманова, обрученная с Чингисом еще в детстве, была достаточно образованной для того времени женщиной. Ее брата, Мусу Чорманова, знали в аулах и в Омске как человека весьма острого на язык. Он тоже успел завести немало друзей из числа образованных русских, носил перчатки и даже танцевал на балах. Муса согласно степному обычаю сделался своим человеком в доме замужней сестры, он и Чингис постоянно советовались друг с другом по всем запутанным вопросам степной политики.

Ханша Айганым до конца дней заботилась о достоинстве рода Валихановых, пользовалась печатью хана Вали и не отдавала ее — как следовало по обычаю — одному из сыновей. Айганым продолжала поддерживать тонкие дипломатические отношения с русским начальством, которое прекрасно понимало, как велико влияние в Средней орде вдовы последнего хана.

Чингис находился уже в ином положении, чем старая ханша. Он числился на русской службе по выборам. Отслужив три срока, он имел право просить «диплом на достоинство дворянина Российской империи». Старший султан Чингис стремился выдвинуться в глазах омского начальства, и это ему удалось, потому что он был одним из первых в Средней орде султанов, получивших порядочное русское образование. Правящий должность пограничного начальника Области сибирских киргизов полковник М. В. Ладыженский в порядке служебного поручения приказывал г. майору Чингису Валиеву² собирать песни, сказки, пословицы киргизского народа, отыскивать в степи развалины и камни с надписями и записывать связанные с ними предания.

¹ Бий — знаток казахских законов, судья. До второй половины XIX века звание было наследственным. Подробно о суде биев см. дальше.

² Отца Чокана поначалу именовали в казенных бумагах Валиевым.

Этот приказ полковника Ладыженского сочинил и переписал набело декабрист В. И. Штейнгель, познакомившийся с Чингисом в годы его ученья в Омске и не раз потом гостивший у молодого султана. Дружили с майором Чингисом и наезжали к нему также декабристы С. М. Семенов и Н. И. Басаргин, ученые и путешественники, интересовавшиеся жизнью казахов Средней орды.

Впоследствии, в 1850 году, Чингис доставил для Русского географического общества, начавшего создавать этнографическое собрание костюмов всех народностей, населяющих Россию, кайсацкий мужской костюм из следующих предметов: лисья шапка, крытая синей канфой, бархатный тюбетей, обложенный выдрой и позументом, чамбары красного сукна, вышитые шелком, яргак из козлиных шкур на ситцевой подкладке, обложенный бархатом и выдрой, калта в серебряной оправе, сапоги, нож в серебряных ножнах, огниво, оправленное серебром, пороховница в серебряной оправе¹. Это был богатейший подарок. Но тогда, в 1850 году, Чингис еще не был готов отдать в музей семейную реликвию — кольчугу и шлем хана Вали. Он это сделал позднее, в 1865 году. А еще позже, в 1876-м, Чингис Валиханов специально приготовил множество предметов казахского быта для проходившего в Петербурге III Международного конгресса ориенталистов. И начало такой его деятельности на благо науки и просвещения было положено с первых лет правления молодого султана в Кушмуруне, где он с разрешения омского начальства построил на свои средства школу для детей казахов — это была уже вторая школа, созданная в Степи Валихановыми, первую открыла Айганым в Сырымбете.

Стенная крепость описана у Пушкина в «Капитанской дочке». Обыкновенная деревушка, окруженная бревенчатым забором. Улицы тесны и кривы, избы низки и большей частью крыты соломой, мельница, деревянная церковь. Кушмурун отличался от Белогорской только тем, что, кроме бревенчатого забора, там насыпали для защиты крепости с юга внушительный земляной вал. Да еще тем, что там имелась мечеть.

Когда Чингис поселился в Кушмуруне, крепость была только что закончена постройкой, причем в срок наи-

¹ Канфа — шелковая ткань, чамбары (чембары) — род шаровар; яргак (ергак) — тулуп; калта — пояс с охотничьими принадлежностями. Эти слова знал Даль и ввел в свой Толковый словарь с пометами: сиб., орнб., влгд.

кратчайший. Следовательно, Кушмуруну придавалось в ту пору серьезное стратегическое значение.

За бревенчатой оградой крепости делалось все беспокойней. В Степи разливался мятеж под предводительством султана Кенесары. Чингис оказался меж двух огней. Мятежник приходился ему близким родичем.

Тот же полковник Ладыженский, через которого декабрист Штейнгель давал Чингису подробнейшие инструкции, как собирать степные песни и предания, слал ему строжайшие распоряжения не отлучаться из крепости без особого на то разрешения. Одновременно Ладыженский установил тайный надзор за султаном Чингисом и усилил Аман-Карагайский казачий отряд. А когда Чингис уклонился от высылки пятидесяти благонадежных казахов-проводников в русский Джаргаинагачский отряд, ему пришла грозная бумага от самого командира Отдельного сибирского корпуса и генерал-губернатора Западной Сибири генерал-лейтенанта князя Горчакова, который предупреждал, что время излишнего снисхождения уже прошло и ему остается только назначить на место Чингиса более благонадежного человека.

Уклоняясь до поры от открытого участия в действиях против мятежного родича, султан Чингис никоим образом никогда не поддерживал Кенесары, наотрез отказывался говорить с его посланцами. И Чингис, и Муса Чорманов, и Айганым порешили меж собой с самого начала, что за призывами Желтого клеща¹ к независимости кроется жажда власти над всеми казахами, стремление воссесть на ханскую белую кошму.

Немало смелых батыров сначала ушло под бунтарские знамена Кенесары, но бывало и так, что с ним оставалась только тысяча тюленгутов, принадлежащих ему со всеми потрохами. Аулы бежали от Кенесары, отличавшегося жестокостью и деспотизмом, на север, за линию казачьих станиц. Родич Валихановых, султан Абулхаир Габбасов, откочевал со всеми своими подданными под защиту русских крепостей, и в награду за это русское правительство освободило Абулхаира и его аулы от уплаты ясака на четверть века.

Расстановка сил все больше прояснялась. Кенесары пришлось воевать не столько с русскими, сколько с казахами, которые отказывались примкнуть к мятежу. А русские отряды не спешили с поимкой Кенесары.

¹ Таков перевод имени Кенесары.

Военное начальство затягивало кампанию, потому что ему было выгодно кормить солдат дорогим провиантом, класть в карман фуражные деньги, угонять у казахов скот якобы за пособничество Кенесары. Ну и, конечно, Оренбург, как всегда, был рад возможности напасть на Омску. Оренбург, несмотря на предостережения влиятельного султана Малой орды Ахмета Джантюрина, пытался приручить Кенесары, обвинял Омск в неумении находить общий язык с подчиненными ему киргизами и даже выхлопотал мятежнику в 1841 году полное прощение. И что же? Кенесары получил необходимую ему передышку и с новыми силами взялся за прежнее, предлагая России мир на условии возвращения ему кочевий Аблая. Действия этого претендента на престол отбрасывали Степь в давно прошедшее время, ничего не обещали, кроме смут и междоусобиц. Чингис это видел не хуже Ахмета Джантюрина. Он не верил в возможность образования независимого государства казахов. Если не под властью России, то, значит, еще под чьей-то властью. А рука восточного владыки куда тяжелей, чем у белого царя.

Старший султан Кушмурунского округа Чингис Валиханов в конце концов принял участие в военных действиях. Впрочем, судя по корреспонденции, появившейся в «Одесском вестнике» за 1842 год, крупных сражений не произошло. Султан Чингис выехал в степь вместе с казачьим отрядом, присланным главным образом для охраны его табунов. Эта корреспонденция — первое упоминание о Валихановых в русской печати. Ее автор Александр Алексеевич Сотников — добрый приятель Чингиса, они вместе разбирали конфликты на границе двух губерний.

Но так или иначе за участие в кампании против Кенесары Чингиса в 1843 году наградили золотой медалью на александровской ленте. Надежный ага-султан был избран на должность в четвертый раз и, значит, обрел право на дворянство, о чем и начал хлопотать в 1848 году.

Росли дети, и наибольшие надежды подавал старший. Первенец султана Чингиса и Зейнеп родился в ноябре 1835 года — точно день неизвестен — в крепости Кушмурун, в деревянном доме, отведенном под резиденцию старшего султана округа. Мальчику дали мусульманское имя Мухаммед-Ханафия. Мать стала называть его по своему — Чокан. Прозвище, придуманное матерью, превратилось затем во всеми признанное имя.

Челядь Валихановых в один голос твердила, что маленький торе¹ поразительно похож на своего великого прадеда. «Вылитый Аблай!» — восклицали и родичи, склоняясь над колыбелью. Младенец дал прекрасный повод напомнить Степи, кто есть Валихановы. В ставку Чингиса спешили акыны — воспеть достоинства знатного дитяти. Согласно правилам казахского богатырского эпоса герой должен с первого года жизни проявить необыкновенные, сверхъестественные качества. До наших дней дошла легенда о том, как рано заговорил Чокан.

У Валихановых соблюдали ханский обычай. Пока ребенок не скажет первое слово, его держат в колыбели. Однажды, когда младенец Чокан, накормленный грудью, спал, приехали гости. Им подали вяленую конину, и тут вдруг проснулся Чокан, протянул из колыбели ручонку и внятно произнес: «Ах, гости, не оставьте меня голодным. Дайте мне хоть немного мяса». Гости оторопели, но один из них, самый мудрый, вынул младенца из колыбели и дал ему кусок копченой конины. Чокан съел мясо и потребовал еще. Истинно ханский поступок!

Хану полагается быть сильным и безжалостным. Народная память именно таким рисует маленького Чокана. Считается, что на мальчика дурно влиял один из братьев Чингиса — Чепе. Подстрекаемый дядей, Чокан потешался над незнатными гостями отца. Пока гость сидел в юрте, маленький торе растреноживал и прогонял его коня, прятал седло и камчу, а потом хохотал, глядя, как человек мечется в поисках по всему аулу.

Ему доставляло удовольствие унижать людей и хватать своей безнаказанностью. И будто бы он не уважал даже родного отца, передразнивал ага-султана Чингиса, произносил в его присутствии бранные слова. Добрый и благородный Чингис будто бы пытался приструнить жестокого и непокорного сына, но невежественный Чепе вставал горой на защиту Чокана и твердил, что именно таким должен расти правнук великого Аблая. Завоевать власть и удержать ее в руках может только тот, кто жесток, мстителен, не сомневается в своем праве повелевать и попирает. Разве возвела кого-нибудь наверх доброта?

Предания о маленьком жестоком торе достойны самого серьезного отношения исследователей жизненного пути Чокана Валиханова. В каждой легенде непременно зашифровано что-то важное. Был ли Чокан действительно

¹ Торе, или тюре, тюря — так называли султанов.

таким или в преданиях дошли до нас нравы и обычаи среды, в которой он провел раннее — и небезоблачное — детство?

И вот уже не легенда, а факт: маленький торе выучился читать года в четыре. Он очень рано стал ходить в Кушмурунскую казахскую школу, построенную его отцом. Грамотные казахи тогда писали на чагатайско-кипчакском языке, известном под названием «тюрки». На этом языке еще в XV веке составлялись официальные бумаги, велась деловая и семейная переписка. Все послания Чокана родителям написаны по-чагатайски. Учитель-мулла дал ему начальные знания восточных языков. Учитель и сам не знал семи языков Востока — а именно столько полагалось выучить султанскому сыну, — но арабским Чокан овладел в детстве, через арабский ему открылась восточная литература.

Ничто так не способствует раннему и стремительному развитию ума и характера, как необычность положения, в которое судьба ставит одаренного человека с малых лет. У Чокана первые детские впечатления связаны с пребыванием семьи казахского султана, правителя округа, потомка великого Аблая, в русской крепости, среди офицеров и солдат — то ли под домашним арестом, то ли под охраной от возможных разбойных нападений на виднейшего в Степи сторонника России.

Сюда, в Кушмурун, в бревенчатый дом, где живет семья старшего султана, привозят весть о разгроме усадьбы бабушки Айганым. Кенесары, отличавшийся мстительностью, свел счеты с Айганым (а значит, и с Чингисом) вполне по-родственному. Отрядом, налетевшим на Сырымбет, командовала сестра мятежного хана султанша Бопай. Не застав Айганым в Сырымбете, Бопай обчистила богатое поместье и угнала весь скот. О наглом налете Бопай беспрестанно сообщали в Кушмурун все новые и новые подробности. Взломаны замки на дверях, увезены все ценные вещи, даже все запасы провизии. Маленький Чокан был потрясен разорением дома любимой бабушки. Усадьба бабушки, где он бывал не раз, стояла у подножия невысокой горы, рядом с рощей, невдалеке синело озеро. Из Сырымбета маленького торе возили к сказочной горе Ок-Жетпес, похожей на башню, сложенную великаном из огромных каменных плит. В Сырымбете Чокан наслушался от бабушки преданий о своем прадеде. А сколько сказок и песен он там узнал! Он любил бабушкин дом, полный прекрасных ста-

ринных вещей. И теперь этот чудесный дом разграблен, все унесено. И чьими руками! Как ни говори, а султанша Бопай приходилась Чокану теткой.

Так уж вышло, что в числе его первых и самых ярких впечатлений детства оказались степные междоусобицы, острые политические разногласия. Чокан рано — слишком рано и близко! — наблюдал сложнейшую ожесточенную борьбу, в которую были втянуты все его родичи, весь Кушмурунский округ, вся Степь, весь народ. Линия, поделившая казахскую степь на две враждующие партии, пролегла достаточно извилисто. Враждебная Валихановым партия называлась ак-арка (белый хребет). Она оказалась сильнее в южной части степи, а север в основном держался русских.

В те годы состязания певцов, традиционные айтысы неизбежно превращались в политические споры. Поэзия этого времени запечатлелась в памяти Чокана с поразительной яркостью. Годы спустя он вспоминал множество стихов, пословиц, анекдотов. Чокан рано научился отличать истинный патриотизм от показного, национальную гордость от национального чванства. Он рано усвоил тончайшие приемы восточной беседы, когда сказано все, но не выдано ничего. Он с малых лет умел рассуждать убедительно, как его дед по матери бий Чорман, и умел скрывать свои мысли, как его прадед Аблай. Выросший в пору междоусобиц, он обещал стать в будущем незаурядным степным политиком. Его к этому и готовили отец и дядя.

Однажды за ним явился придворный борец Чингиса. Маленького горе переодели в дорогой халат, повели в белую юрту отца. Возле юрты ага-султана толпилась челядь Валихановых и челядь какого-то важного гостя. Чокана ввели в юрту. Там на почетном месте сидел Ахмет Джантюрин. Чокан знал, что у отца давняя вражда с этим соседом. Владения Ахмета Джантюрина находились в Оренбургской губернии, и так получилось, что аулы рода кереев оказались разделены границей между двумя губерниями. Часть кереев отошла в Кушмурунский округ, которым правил Чингис Валиханов, часть кочевала по владениям Ахмета Джантюрина, по Оренбургской губернии, где вся система управления казахами была совершенно другой, чем в Западной Сибири, более патриархальной; никаких округов, никаких выборных ага-султанов, там, в Младшем жузе, властвовали султаны-правители, подчиненные Оренбургской пограничной комис-

сии. Пользуясь межведомственной неразберихой, Ахмет Джантюрин засылал своих агентов в Кушмурунский округ, они сманивали кереев перебраться навсегда в Оренбургскую губернию. Потом распря между двумя султанами перешла в стадию тонкой степной дипломатии, они договорились о союзе и по обычаю намеревались скрепить свой стовор браком. Ахмет Джантюрин был достаточно наслышан о смелости и уме старшего сына султана Чингиса, да и породниться с потомками хана Вали лестно. Маленький торе держался перед важным гостем, надо полагать, не дерзко, а умно и хитро. Отослав мальчика, Чингис и Ахмет Джантюрин окончательно условились об одной из важнейших деталей своего политического союза — о помолвке Чокана с любимой дочерью Ахмета. Для того времени обычное дело. Маленькому торе потом сказали, что теперь у него тоже есть невеста. Мальчик засмеялся и побежал доигрывать свои детские игры.

Чокана куда больше смущали планы отца оторвать его от семьи, от родных мест, послать в неведомую даль, к чужим людям. Но по новым временам без русского образования далеко не пойдешь. Об этом говорили на семейном совете Чингис, дядя Муса и бабушка Айганым. Александр Алексеевич Сотников однажды привез новость: вместо Линеиного казачьего училища в Омске открывается кадетский корпус.

— Сыновья султанов имеют право поступать в учебные заведения на казенный кошт, — пояснял Сотников. — В Оренбургском кадетском корпусе получили образование уже многие султанские сыновья, а сын Джангира, правившего Букеевской ордой, поступил даже в самое привилегированное учебное заведение России, в Пажеский корпус. Неужели вы, Чингис Валневич, не желаете добра своему сыну?!

Можно себе представить, с каким любопытством подглядывал за частым гостем отца маленький торе, рано научившийся разбираться в людях.

Александр Алексеевич Сотников окончил Одесское восточное училище, служил переводчиком в Таврическом генерал-губернаторстве и за что-то неугодное начальству был отправлен в Омск. Здесь он тоже не ужился. Поссорился с каким-то полковником и нашел оригинальный способ рассчитаться: переделал казахским джигитом и принародно, на людной омской улице отстегал своего врага камчой. Его сослали еще дальше — в Енисейскую губернию. Помыкавшись по Сибири, Сотников кончил

самоубийством, бросился с парохода в Байкал. Эта загубленная жизнь оставила все же по себе добрую память. Неугомонный Сотников искренне привязался к маленькому торе и оказал на него, быть может, немалое влияние.

Как-то Александр Алексеевич признался маленькому торе, что вот уже сколько времени ездит по аулам, собирает народные обычаи, чтобы составить свод законов Степи, но ничего не выходит, в аулах его обманывают, рассказывают всякие небылицы, выдумывают, будто произошли от арабов и Магомета.

На детской физиономии появилась аблаевская усмешка. Говорить или не говорить? Но Сотников — старший! — так доверчиво признался, что в аулах хитрецы водят его за нос! Чокан сжалился:

— Чужому у нас не рассказывают про старину. Такой обычай... И я слышал... Не надо признаваться русским, что ты казах, а то обратят в казака.

— Ну и ну! — Сотников расхохотался.

Подрастая, Чокан переходил от детских забав к отроческим. Он полюбил до самозабвения соколиную охоту, на которую ездил, конечно, не один, а с полагающейся султанскому сыну свитой. Народная память рисует его сильным, ловким, удачливым охотником. Он возвращался непременно с добычей, привозил матери красную лисью шкуру, которая у казахов ценится выше черно-бурой. Чингис разрешал сыну брать борзых, купленных по сто рублей серебром за каждую, Чокан все увереннее распоряжался отцовскими покорными тюленгутами.

Однако, заслышав, что к отцу приехал знаменитый Орынбай, Чокан бросал все и бежал к отцовской юрте, откуда доносился звон струн и высокий голос певца. Гости, собравшиеся у Чингиса, пропускали вперед любимого сына ага-султана. Чокан с восхищением глядел на красавца акына, круглолицего и черноусого, в богатом шелковом халате, в щегольских расшитых сапогах с загнутыми носками. Орынбай знал уйму старинных степных преданий. Новые песни он складывал в форме улен — из четверостиший, удивляя Чокана легкостью, с которой слова сплетались в красивый узор. Закончив, певец опускал домбру и бесстыдно выпрашивал вознаграждение.

Чингис швырял ему халат или говорил, что дарит коня. Орынбай ударял по струнам и пел хвалу ага-султану Чингису, его отцу Вали, его великому деду Аблаю. И Чингис швырял ему шелковые рубашки, говорил, что

дарит верблюда. Орынбай благодарил и начинал импровизацию в честь сына достославного Чингиса: «Бием становятся с помощью братьев, уважение приобретают благодаря сыновьям». Мальчик гордо опускал глаза.

Со временем он узнал, что Орынбай славится по Степи не только талантом, унаследованным от отца и деда — они оба были поэтами, — но и тем, что он поет, только если ему платят. Про Орынбая рассказывали, что, когда он ездил с генералом Вишневским на сейм казахов Среднего и Старшего жузов, кто-то из русских преподнес ему букет цветов. Певец оскорбился: «Даже простые пастихи дарят мне коней и халаты». А когда ему посоветовали воспеть красоту гор Алатау, певец ответил: «Кто за это заплатит: Алатау мне ничего не даст».

Давний соперник Орынбая Джанак являлся к Чингису в скромной одежде. От него не ожидали песен, восхваляющих хозяина богатой юрты, но Чокан примечал — этому невзрачному и, как видно, больному человеку отец неизменно оказывал уважение. А может быть, побаивался Джанака? Остроумные двустипшия нищего певца мигом разлетались по всей степи. Джанак не прочь был посмеяться над оседлыми казахами — джатаками, разъезжающими верхом на быках с сидящей за спиной женой. Но и богач, подаривший певцу жену, не дождался от него лстивых слов. Старинные предания Джанак знал не хуже, чем Орынбай. Когда Чокан, подражая отцу, пристрастился записывать степные сказания и поэмы, он упросил Джанака спеть любимую казахами поэму о Козы-Корпеше и Баян-слу¹. Отец остался доволен записью Чокана и отправил ее кому-то в Омск. Дядя Муса похвалил Чокана. Успех подвигнул юного торе на дальнейшие труды. Он записал еще несколько вариантов поэмы «Козы-Корпеш и Баян-слу» и несколько вариантов поэмы «Еркокче».

Легенда о двух влюбленных занимала воображение Чокана всю жизнь. В 1864 году он, живя в Омске, зазвал к себе домой знаменитого акына Шоже и записал еще один вариант поэмы о Козы-Корпеше и прекрасной Баян. Жаль, что Чокан не мог знать об интересе к казахской легенде Пушкина, записавшего ее во время поездки в Оренбург.

Для приезжавших в аул Чингиса акынов сделалась

¹ В трудах Валиханова — Кузу-Курпеч и Баян-слу, Козу-Корпеч и Баяна. В дальнейшем будет даваться современная транскрипция имен и географических наименований.

привычной фигура султанского сына, что-то быстро пишущего на листах русской бумаги.

Бумага и карандаш всегда с ним. Мудрено ли, что он стал и рисовать? В крепости Кушмурун подолгу жили военные топографы. Чокану нравилось смотреть, как они вычерчивают тушью дороги, реки, планы крепостей, штрихуют склоны гор, помечают расположение колодцев. Топографы заметили, что возле них все время крутится смысленный сын султана Чингиса, и Чокан обрел вполне квалифицированных учителей рисования. В ту пору на Руси учили этому искусству не только тех, кто проявил способности. Рисование отнюдь не считалось в школах и училищах второстепенным предметом. Не у каждого дар божий, но всех выпускали с набитой рукой, особенно из военных учебных заведений.

От рисунков карандашом и тушью Чокан перешел к акварели. Отец одобрил его увлечение и стал брать с собой на археологические раскопки. Чокан старательно рисовал древнюю утварь, оружие, украшения. Осмелев, он стал рисовать юрты, верблюдов, людей. Рисунки и акварели юный Чокан — в подражание кому-то из своих военных учителей — помещал в круг, вычерченный циркулем. До нас дошли две ранние акварели Чокана. На одной изображен джатак возле своей юрты, на другой — погонщик верблюдов. Мусульманская религия запрещала изображать человека, но эти двое не были, наверное, как и большинство простых казахов, правоверными мусульманами. Юный торе приказал — они послушно замерли, не догадываясь, что это называется позировать. Степь еще не ведала, что такое рисунок на бумаге, акварель, картина, написанная маслом. Степь знала только фрески в мавзолеях, оставшиеся от старых мастеров. Мальчик, сын султана Чингиса, стал первым у своего народа художником.

Первые пейзажи степи, набросанные рукой ее коренного уроженца, а не проезжим рисовальщиком. Первые портреты казахов, жанровые сценки, карандашные зарисовки животных, памятников архитектуры. Рисование обостряло его наблюдательность. Он вглядывался, как уложены кошмы на юрте джатака, как сделано ярмо вола, тщательно прорисовывал вьюки на верблюдах, одежду погонщика.

Все это Чокан видел с малых лет, видел бесчисленное число раз. Вечно стояли в степи каменные изваяния, мавзолеи из кирпича-сырца, замешенного на животном жи-

ре, камни с надписями, высокие башни из тесаных камней в честь тенгри¹, которым поклонялся народ, загадочные развалины, о которых рассказывались легенды. И так же вечны были для пейзажа степи жилища казахов, их легкие юрты — белейшие у членов семьи Валихановых и прокопченные у бедняков. Но когда Чокан переносил на бумагу вечное, известное каждому казаху с рождения — юрты, коней, степь, у него возникало беспокойное ощущение, что все это еще никем не открыто, все это еще никому не ведомо — и прежде всего самим степнякам. Они кочуют, бьют из молока масло и делают сыр, режут скот в начале зимы и стригут скот весной. На все дела и поступки у казаха есть любимый ответ — это делали наши предки, значит, это правильно, мои дети обязаны жить по тем же законам и обычаям. Но никто не стремится понять и объяснить, почему именно так, а не иначе устроена жизнь народа, почему он говорит на таком, а не на ином языке, откуда взялся народ и давно ли живет в степи.

Рисуя окружающую его жизнь, Чокан с детским увлечением делался ее исследователем, ему хотелось постичь через рисунок суть предметов, он брался за карандаш, чтобы понять: как? зачем? почему? Исследователь, ученый, историк, собиратель фольклора в Чокане с самых ранних лет упорно брал верх над художником.

Когда отец привез его в Омск, чтобы отдать в кадетский корпус, Чокан тотчас схватился за карандаш. Лихорадочно рисовал пароход на Иртыше, городские, прежде никогда не виданные дома в два, три этажа. Он стремился как можно скорее разобраться в городской жизни, понять в ней самое главное. Ведь ему тут жить — и не под отцовским крылышком, одному, самостоятельно. Вот какая напряженная мысль устремилась в кончик карандаша, торопливо бегающего по листу, вот почему он прихватил из дому рисовальные принадлежности и не запрятал среди дорожной поклажи — держал их поближе, под рукой, постоянно наготове.

Чокана повезли в Омск осенью 1847 года, когда ему исполнилось двенадцать лет. Прожив детские годы в русской крепости, общаясь с Сотниковым, с другими русскими гостями отца, с военными топографами, Чокан, имевший огромные способности к языкам, очевидно, изъяснял

¹ Тенгри — небо, бог.

ся по-русски вполне сносно для начала обучения в корпусе.

Он был невелик ростом, худ, наголо обрит по казахскому обычаю, в щегольском халатике, в расшитых сапожках. Настоящий торе, султанский сынок, барчук, с маленькими аристократическими руками, с лицом монгольского типа, что говорило о высоком происхождении; только среди «черной кости» могли встретиться узколистые или горбоносые, а султаны-чингизиды плосколицы, с приплюснутыми носами. Придет время, и кадет Валиханов начнет стесняться, что у него такой аблаевский, «калмыцкий» нос, и будет мечтать, как бы его приподнять, чем угодно, «хотя бы шишкой». Но до этого еще очень и очень далеко. Едучи в Омск, он твердил про себя, чей он сын, внук и правнук.

По приезде в Омск Валихановы направились к старинному другу семьи Дабшинскому. Пока Чокан, взбудораженный первыми городскими впечатлениями, торопился набросать на бумаге все, что видел, проезжая омскими улицами, Дабшинский вышел и спустя некоторое время вернулся с русским мальчиком — кадетом.

— Чокан, — обратился Дабшинский на казахском языке, — я привел к тебе товарища, он тебе поможет на первых порах. — И пояснил кадету, тоже по-казахски: — Григорий, ты ему помоги, познакомь с порядками в эскадроне.

— Бельмейды! — сокрушенно признался кадет. На простодушной физиономии выразилось полное отчаяние. Кроме этого слова — «не понимаю», — он знал еще, пожалуй, с десяток, не больше.

Дабшинский выразительно глянул на Чокана. Если кадет из казаков Горькой линии не говорит по-казахски, то пускай Чокан блеснет своим знанием русского. Но юный торе упрямо молчал. Не хочет — не надо принуждать. Дабшинский достаточно знал Валихановых. Аблай не переставал в них сказываться.

Простодушный Потанин так и остался на всю жизнь в убеждении, что Чокан приехал в Омск, совершенно не зная русского языка. Потанин был в восторге от быстрых успехов своего нового приятеля в корпусе. Впоследствии в своих воспоминаниях Потанин рассказывал, что Дабшинский позвал его к себе случайно, как первого встречного.

Однако случаен ли был выбор Дабшинского, старого друга семьи Валихановых, большого знатока Стёпи?

Кадет Григорий Потанин происходил из известного всей Горькой линии потанинского рода. Его дед, сотник Илья Потанин, владел несметными стадами овец и табунами лошадей. Отец, Николай Ильич Потанин, блестяще окончил Омское войсковое училище и прославился как способный и смелый офицер. В 1829 году Николая Ильича Потанина назначили сопровождать через степи в Коканд посольство хана, возвращавшееся из Петербурга. Всю дорогу Потанин вел маршрутные съемки и подробнейший дневник. Его записки были в 1831 году опубликованы в «Военном журнале». Затем Потанина опять послали сопровождать кокандцев, направлявшихся в Петербург.

Время шло, о заслугах Потанина в столице забыли. Потом Николай Ильич не поладил с начальством, попал под суд, отцовское наследие ухнуло на взятки судьям. В конце концов Николая Ильича разжаловали, он бедствовал, Григория взяла к себе в дом добрая женщина, жена бригадного командира Эллизена — Григорий и жил-то больше у Эллизенов, чем с отцом...

Все эти обстоятельства Дабшинский, конечно, знал. Только не учел того, что, живя у Эллизенов, Григорий не мог выучиться казахскому языку — в отличие от других казачат, которые сызмала сопровождают отцов в поездках по аулам.

Дружба двух мальчиков двенадцати лет — меж Чоканом и Григорием оказался лишь месяц разницы в возрасте — не могла начаться по приказу или доброму желанию взрослого. У нее свои законы приязни и неприязни. И все же очень много значит, что благодаря старому другу семьи Валихановых двенадцатилетний торе из всех омских кадет первым встретил именно Григория Потанина, уже прочитавшего «Робинзона Крузо», уже вынашивавшего мечты о дальних путешествиях, о неведомых экзотических странах.

ЕВРОПА И АЗИЯ

Воспитанники Сибирского кадетского корпуса делились на две касты — ротные и эскадронные. В роту направляли сыновей пехотных офицеров и чиновников. В эскадрон — сыновей казачьих офицеров. Приехавшие из Петербурга образованные офицеры стали начальниками у ротных кадет. В эскадроне остались казаки-служаки из состава войскового училища. Ротных одели в нарядные двубортные сюртуки с металлическими пуговицами, выдали им каски с белыми султанами. Эскадронные носили казакины (не на пуговицах, на крючках!) и кивера с помпонами. Ротных учили танцам и иностранным языкам. Эскадронных — верховой езде и татарскому языку. Рота размещалась в бельэтаже. Эскадрон — внизу. Верх чувствовал себя Европой. Низ — Азией. Когда устраивали военную игру — битву Ермака с Кучумом, русскими, казаками Ермака, объявляли себя ротные кадеты. Эскадронные, то есть доподлинные казаки, становились ордой Кучума.

В орду Кучума попал и Чокан. Несмотря на знатных предков и на майорский чин отца, маленького торе определили в эскадрон. Потанин написал в своих воспоминаниях, что жизнь в плебейской среде «не осталась без влияния на образование демократических мыслей казахского аристократа», и казакам пошло на пользу постоянное общение с казахом, он приучил эскадронных кадет к расотерпимости.

Надо полагать, на первых порах случались и острые столкновения, но Потанин о них не пишет.

Потанин вспоминал о годах учения — своих и Чокана — сквозь дымку лет, уже будучи известным путешественником. Сын хорунжего Потанина явился в корпус с детской мечтой о дальних странствиях. Но это еще когда сбудется... А юный абориген степи Чокан — вот он, рядом. И Григорий дотошно расспрашивал Чокана о казахских обычаях, об утвари и вооружении. На том они и сдружились. Григорий записывал рассказы товарища в большую тетрадь. Чокан, заботясь о достоверности потанинского первого научного труда, иллюстрировал записи

изображениями казахской утвари, принадлежностей сокольной охоты, музыкальных инструментов, оружия...

Мальчики корпели прилежно над толстой тетрадью, пока другие эскадронные кадеты играли на вытоптанной траве просторного двора в городки, лапту и «завари кашу».

«Чтение мы имели бедное, — пишет Потанин в своих воспоминаниях. — Ученическая библиотека была составлена почти исключительно из биографий русских генералов и описаний разных войн. Самые интересные книги были: «Путешествие Дюмон-Дюрвиля», обработанное для детей, «Записки Манштейна», «История» Карамзина и чья-то биография Наполеона Бонапарта. Да и эти книги доставались нам с трудом...»

Такое ограничение по части книг проводилось тогда во всех кадетских корпусах согласно действующему «Наставлению для образования воспитанников военно-учебных заведений», где было сказано ясно и откровенно, что «никакие учебные заведения в Европе не могут для заведений наших служить образцом» и что все наши заведения «уединообразиваются». С этой целью — «уединообразить» — и заперли на замок созданные в прежние годы довольно богатые библиотеки военно-учебных заведений. В Сибирском кадетском корпусе оказалась недоступной для воспитанников основательная библиотека бывшего войскового училища.

Но для кого на замке, а для кого — нет. Потанину, например, книг не давали. И вот он вспоминает: «Для меня было большим счастьем, когда начальство разрешило Чокану брать книги из фундаментальной библиотеки. Это в нашем развитии была эпоха, когда Чокан принес из недоступного книгохранилища «Путешествие Палласа» и «Дневные записки Рычкова»¹. Толщина книг, их формат, старинная печать, старинные обороты речи и затхлость бумаги — как это было удивительно, необыкновенно, полно поэзией старины! После прочитанного в более раннем детстве «Робинзона Крузо» ни одна книга не оставила во мне такого впечатления, как эти путешествия прошлого века. С увлечением читали мы книгу Палласа, особенно те ее страницы, в которых описывались родные для нас места или ближайшие к ним. Что пока-

¹ «Дневные записки путешествия капитана Николая Рычкова в киргиз-кайсацкие степи 1771 года». Спб., 1772. «Путешествие по разным провинциям Российской империи», в 4-х частях, академика Павла Палласа. Спб., 1773—1788.

залось путешественнику замечательным в этих местах, что он нашел достойным занести в свой дневник, это нас с Чоканом особенно интересовало.

Не будем ли мы подражать впоследствии путешественнику? Чтение это указало нам наше призвание...

Уже в то время, т. е. когда Чокану было 14—15 лет, кадетское начальство на него начало смотреть как на будущего исследователя и, может быть, ученого.

Все, что рассказывает Потанин о годах учения — своего и Чокана, — явно не согласуется с «Наставлением к образованию воспитанников военно-учебных заведений». Чокану довелось с юных лет познакомиться с весьма характерным противоречием: начальство проектирует одно, а в жизни образуется нечто совсем противоположное. Казалось бы, совершенно казенным должен был быть «Журнал для чтения воспитанникам учебных заведений», а в нем Чокан наткнулся на очерк русского путешественника Егора Ковалевского о казахском поэте-бунтаре Махамбете Утемисове¹.

Сибирский кадетский корпус, несмотря на разъединение воспитанников на две касты, несмотря на урезанные программы, в силу особой исторической судьбы Сибири, ее стремительного развития сделался для этой азиатской части России своим Царскосельским лицеем. Из корпуса вышла целая плеяда видных общественных деятелей Сибири, ученых и революционеров. В их числе и Чокан Валиханов.

Если в 14 лет Чокана стали прочить в ученые, то, значит, за первые два года он успел поразительно много. Потанин называет в своих воспоминаниях учителей, которым Чокан обязан этим.

Историю кадетам преподавал молодой учитель Гонсевский, несомненно, талантливый ученый, застенчивый добряк. Провинциальная жизнь впоследствии довела его до самоубийства. Читая кадетам свой предмет, Гонсевский вопреки укороченной программе, где история кончалась победоносным для России 1815 годом, довел свой курс до 1830 года. В Гонсевском преотлично уживались монархист и республиканец. Он самовольно включил в программу историю Великой французской революции и с восхищением рассказывал кадетам о ее блистательных деятелях. Искренне веруя в прогресс, учитель истории

¹ Махамбет Утемисов (1804—1846) вместе с Исатаем Таймановым (1791—1838) возглавлял восстание казахов Младшего жуза против хана Джангира.

рисовал перед слушателями дивные картины, как они, выйдя из корпуса, примутся вместе со всеми стремить Россию в прекрасное будущее. Гонсевский преклонялся перед гением Петра I. Мог ли он допустить мысль, что ныне царствующий Николай I стоит по значению своему ниже великого предка? Нет, это невозможно, ибо это значило бы отрицание прогресса. Новое не может быть хуже старого.

Веру Гонсевского в прогресс России укреплял и пример кадета Валиханова, феноменально быстрое развитие юного кайсака. Чокан воплощал в глазах прекраснородного учителя все лучшее в эпохе Николая I. На воскресенье Гонсевский брал Чокана к себе домой и разрешал ему рыться в книгах. Это была типичная библиотека русского образованного человека. Как тогда говорили: европейски образованного. То есть читавшего Гёте и Шиллера, Расина и Мольера, Шекспира и Байрона не в переводах, которых и было-то в ту пору немного, а в оригинале. Чокан с его способностью к языкам благодаря библиотеке Гонсевского овладел немецким и французским.

Полную противоположность европейски образованному историку являл Старков, обучавший кадет географии Киргизской степи. Старков вырос в станице, учился в Омском войсковом училище, объездил всю Степь и побывал в глубинах Азии, сопровождая во главе казачьего конвоя торговые караваны. Старков сам писал свой курс¹, которому в корпусе придавалось первостепенное значение, ибо воспитанникам эскадрона предстояло служить только в Сибирском казачьем войске. Старков гордился тем, что степь Сибирского ведомства по площади и по населению больше степи Оренбургского ведомства.

— А где разумнее управление, — спросил его Чокан не без ехидства, — у нас, в Омске, или в Оренбурге?

— Управление Младшей ордой вроде бы деспотичней, зато проще, — задумчиво отвечал Старков. — Что же касается Средней орды, то... Сложность управления способствует росту взяточничества со стороны должностных лиц...

Тихим голосом географ выкладывал в классе такие сведения, каких в ту пору не было ни в книгах великих географов, признанных авторитетов по землеведению

¹ Очерки Старкова о киргиз-кайсацкой степи печатались позднее, в 1860 году, в «Тобольских губернских ведомостях» и вышли отдельной книгой.

Азии, ни даже в Генеральном штабе. Старков, бывало, задумается, дернет себя за ус, прищурит и без того узкие глаза истинного степняка и по-о-ошел называть по порядку станицы, пикеты, речушки, кайсацкие зимовки, урочища, колодцы, могильники... Слушатели словно уже и не в классе, а едут верхами по гладкой, как стол, степи, к примеру от Пресновска до Ямышевского или от Коряковска¹ до Баян-Аула.

Математику кадетам преподавал инспектор классов Ждан-Пушкин. Заскорузлые служаки считали его «петербургской штучкой», кадеты старших классов преклонялись перед его умом и благородством. Кадеты, разумеется, не догадывались, что их строгий и требовательный Ждан-Пушкин поддерживает тайную связь с политическим, отбывающим каторгу в Омской тюрьме. А инспектор Ждан-Пушкин, не революционер, из чистого благородства, рискуя многим, умудрялся получать из-за тюремных стен и пересылать в Петербург письма каторжника Сергея Дурова, петрашевца, который впоследствии сыграет такую решающую роль в судьбе Чокана и его друга Григория Потанина.

Однажды Ждан-Пушкин вошел в класс и увидел, что все воспитанники собрались у доски, лучший ученик что-то им втолковывает, постукивая мелком, а самый слабый ученик, кадет Валиханов, вместо того чтобы заниматься математикой, сидит за последней партой и мечтательно смотрит в потолок.

— Валиханов!

Чокан вскочил.

— Вы что не готовитесь? — спросил инспектор. — Знаете предмет лучше других?

— Не хочу притворяться! Зачем? Я за год не мог постигнуть ваш предмет. Неужели я его пойму за несколько часов?

Кадеты засмеялись. Валиханов и глазом не моргнул.

— Идите за мной! — приказал Ждан-Пушкин.

Кадеты гадали, куда повел султанчика строгий инспектор. Начальник эскадрона Кучковский, он же «змея», упек бы в карцер, а то и высек. Но инспектор...

Ждан-Пушкин привел кадета Валиханова в свой кабинет.

— Садитесь!

Чокан сел за стол. Ждан-Пушкин достал из книжного

¹ Ныне г. Павлодар.

шкафа свежий номер «Современника» и положил перед Валихановым. Награда за правдолюбие.

В числе учителей, оказавших благотворное влияние на юного Чокана, надо непременно назвать и Померанцева, учителя рисования, ставившего успехи кадета Валиханова в пример одноклассникам и забиравшего Чокана к себе на праздники, чтобы дать ему возможность вволю порисовать.

Корпусной священник Сулоцкий на уроках закона божьего живо и увлекательно излагал кадетам священную историю. Однако почему мусульманину Валиханову разрешили посещать эти занятия?

В Кушмуруне и в Сырымбете у Валихановых стояли мечети, первым учителем Чокана был мулла, потомки хана Вали в случае необходимости клялись на Коране, но их отношение к исламу следует назвать чисто формальным. У казахов чтили муллу и все же куда с большим удовольствием обращались к шаману — баксы. В поэтической душе казаха составила какая-то своя вера — смесь язычества и мусульманства. Задабривали древнего казахского духа джайчи, покровителя стад, верили в джезтернаков с медными когтями и молились мусульманским святым — все в кучу.

В корпусе вместе с Чоканом учился еще один мусульманин — Ишмурат Ибрагимов, из сибирских татар. В эскадроне, кроме них двоих, все были православные. Зато в роте можно было насчитать немало лютеран и католиков. Чокана заинтересовало существование разных верований в Христа. В городе напротив Казачьего собора, где хранилось знамя Ермака, стоял католический костел, и ссыльные поляки, участники восстания 1830 года, прилежно молились своему католическому богу. Гуляя в воскресный день по Омску, Чокан натолкнулся за рекой на лютеранскую кирку, в нее шествовали чиновники и офицеры из немцев со своими разряженными супругами и дочерьми. А на окраинах города жили, по слухам, раскольники, у них полиция то и дело устраивала обыски, вылавливала то раскольничьего Христа, то еще одного самозваного Петра III. О раскольниках Чокан слышал у себя дома. Русские беглые люди искали в казахских степях и дальше на Алтае какое-то Беловодье. Они расселились у горы Аблакетки, названной так в память о хане Аблае, и двинулись дальше по реке Бухтарме.

Интерес Чокана к вере состоял из детского любопытства и из стремления будущего путешественника разо-

браться в образе жизни, ему незнакомом, в тайне национального духа других народов, в чем-то сокровенном. Сулоцкий сумел правильно его понять. Юный кайсак не спешил задавать вопросы, он вообще не собирался выспрашивать и выведывать, он сидел на уроках закона божьего, чтобы потом долго о чем-то размышлять. В конце концов Сулоцкий дал Чокану для чтения Библию. Чокан обнаружил много общего меж христианской и мусульманской религиями. Та же проповедь любви к ближнему, те же обещания рая для праведников и ада для грешников. Песнь Песней Соломона вызывала у иных кадет ухмылки. Чокана эти страницы Ветхого завета поразили сходством с восточной, ему-то хорошо знакомой поэзией. Как близко может оказаться самое, казалось бы, несовместимое!

Человеку одаренному свойственно в ранней юности предугадывать то, над чем он станет напряженно размышлять всю свою жизнь. Так случилось и с Чоканом. В нем рано поселилось ощущение, что он открывает в культуре Запада то же самое, что он уже видел в жизни своего народа, в жизни Востока, — те же суждения, те же понятия, но в зеркальном — перевернутом — отражении.

Словесность в корпусе преподавал Николай Федорович Костылецкий. Он происходил из сибирских казаков, с детства разъезжал по аулам с отцом, скупщиком скота, и показавски говорил как казах. В Линеинном казачьем училище Костылецкий обучался в одно время с Чингисом, и они заинтересовались друг другом еще тогда. Ведь это для Николая Федоровича — ему еще незнакомо — записывал маленький Чокан легенду о Козы-Корпеше.

Закончив войсковое училище, Костылецкий поступил на факультет востоковедения Казанского университета, выделился блестящими успехами в изучении арабского, персидского, тюркских языков. Его прочили на службу в русское посольство в Константинополе, но помешало сибирское казачье происхождение. Костылецкому приказали воротиться в Омск. Там молодого востоковеда ждала новая несправедливость. Ему не предложили службы, где быгодились восточные языки, а сделали — терпи, казак! — учителем словесности. Все в жизни талантливого человека сложилось наперекор его стремлениям и... к великой удаче для кадета Валиханова. Вот уж повезло так повезло! Один учитель открывал Чокану имена Пушкина и Низами, Гоголя и Фирдоуси, один учитель наставлял его в русской литературе и формировал из него образованного востоковеда.

Для своих сибирских лицейстов Николай Федорович составил курс русской словесности по Белинскому — разумеется, не упоминая имени, запретного для учебных заведений. Большинству воспитанников корпуса предстояло служить в Сибири, населенной инородцами. С помощью русской литературы Костылецкий учил будущих офицеров уважению к людям иной веры, иного племени, требовал знать наизусть «Памятник» Пушкина, обращенный не только к русскому народу, но и ко всей многоязычной России. Однажды он принес Чокану «Историю пугачевского бунта». Чокана взволновало в «Истории» упоминание о казахах, и он возгордился, отыскав у Пушкина в примечаниях имя своего прадеда хана Аблая.

Читая Пушкина, Лермонтова, Марлинского, Чокан испытывал зависть к Кавказу, восславленному и в стихах, и в прозе. Русская литература куда меньше интересовалась казахской степью. Но все же... Чокан с увлечением прочел повесть Владимира Даля «Бикей и Мауляна», отметив про себя сходство сюжета с историей Козы-Корпеша и Баян-слу и восхитившись великолепным описанием казахских костюмов и быта. Потом ему попался «Киргиз-кайсак» Василия Ушакова, и Костылецкий сказал, что эту повесть хвалил Белинский. Герой «Киргиз-кайсака» Виктор Славин, блестящий гвардейский офицер, сам не знал до поры до времени, что он сын простой казашки, продавшей его в детстве русскому барину, который усыновил ребенка и дал ему прекрасное воспитание. Узнав о своем происхождении, Виктор Славин не стал скрывать его от невесты, княжны Любской, и от ее родных. Родные восстали против брака, невеста смирилась... Виктор Славин возвратил ей слово, уехал на войну, был ранен и умер от воспаления мозга... Несмотря на свое султанское воспитание, Чокан украдкой тер глаза, читая повесть, где только плохие люди отворачивались от человека нерусского происхождения.

Он смеялся над наивным «Киргизским пленником» Н. Муравьева: «Киргизцы буйною толпою...» И прочел «Ивана Выжигина» Фаддея Булгарина, отправившего своего героя в степь, здесь Иван Выжигин с выгодой торговал и, разумеется, на скачках опередил всех киргизцев.

Костылецкий, учившийся в Казани, где среди студентов встречалось больше так называемых инородцев, чем в других университетах России, стремился увлечь своего ученика возможностями, которые открывает перед чело-

веком иного племени русское образование. В Казани преподавал русский язык и литературу татарин Нигмат Ибрагимов, студенты его называли Николаем Мисаиловичем. Он писал и печатал стихи на русском языке. Поэтом стал и его сын Лев Николаевич Ибрагимов, сам Жуковский хвалил Льва Ибрагимова в столичном журнале, а русский народ распевал его романс «Ты душа ль моя, красна девица...». Из чеченцев происходил известный живописец Петр Захаров. Его настоящее имя неизвестно, казак Захар Недоносков подобрал малыша чеченца на поле боя, назвал Петром Захаровым, а вырастил найденыша генерал А. П. Ермолов. Еще один известный русский художник, Алексей Егоров, — учитель Карла Брюллова — по происхождению калмык. Замечательный исследователь Китая и Средней Азии монах о. Иакинф — в миру Никита Бичурин — родом из чувашей... Кабардинец Казы-Гирей печатался в «Современнике», причем сам редактор — Пушкин! — писал о нем: «Вот явление, неожиданное в нашей литературе! Сын полудикого Кавказа становится в ряды наших писателей...»

Костылецкий сказал Чокану:

— Обрати внимание на слова Пушкина о Казы-Гирее: «...изъясняется на русском языке свободно, сильно и живописно. Мы ни одного слова не хотели переменить в предлагаемом отрывке». Этого можешь достичь и ты...

Для Костылецкого-востоковеда кадет Валиханов сделался вскоре необходимым и полезным сотрудником. Николай Федорович поддерживал дружбу с казанским профессором Ильей Николаевичем Березиным, занимавшимся историей и филологией тюрко-монгольских народов, посылал ему записи казахских поэм и сказаний, приохотив к этому делу многих своих учеников. Потом они становились казачьими офицерами, жили, куда загонит начальство, и оттуда продолжали слать дорогому Николаю Федоровичу свои записи.

Чокан летом на каникулах все усердней собирал для Костылецкого казахские песни и легенды, все глубже и осознаннее постигал язык, на котором говорил с младенчества, все более восхищался красочностью выражений, свойственной даже самому немногословному из казахов. И рядом с родной речью жил в его сознании русский литературный язык. Он говорил по-русски без огрехов просторечия и промахов элементарной неграмотности, свойственных иным из эскадронных кадет, выросших в станциях. Чокан был целиком и полностью ученик русской

литературы. И она научила казаха чувствовать живую жизнь языка так, как ее чувствует русский человек. Подобно многим юношам своего времени, Чокан избрал своим кумиром Лермонтова. Автор «Героя нашего времени» беспощадно преследовал насмешками все пошлое — Чокан с восторгом следовал этому правилу. Он и внешне копировал Лермонтова, завел ту же прическу, что на известном портрете.

С годами он завоевывал все более независимое положение в кругу кадет. Уже не требовалось отвечать на обидное слово высокомерным султанским молчанием или кидаться в драку. Кадетам — и ротным и эскадронным — пришлось считаться с острым языком Чокана.

Оружием язвительных насмешек Чокан, по свидетельству Потанина, повел войну против всеми признанного вожака класса. Тот отбирал у товарищей домашние лакомства, потом выменивал у них же на эти лакомства бумагу, карандаши, завел у себя что-то вроде лавочки, ссужал кадет школьными принадлежностями за разные услуги, главным образом за решение задач и т. п. Чокан беспощадными насмешками разоблачил и уничтожил первого силача и сделался вожаком класса.

Потанин пишет, что весь эскадрон стал обращаться к Чокану за советом в делах особо тонких и щепетильных, в вопросах чести. Никто лучше его не мог рассудить спорщиков и дать правильный совет — недаром Чокан был внуком бия. В своих поступках он предпочитал следовать собственной природе.

В далекое прошлое отошли времена, когда он чувствовал себя здесь чужим, с трудом привыкал к казарме, к грубой кадетской пище, к дикости вроде общего банного мытья. Разве что до самого выпуска осталось мучение ранней побудки. Казахи по натуре полуночники, ложатся поздно и встают поздно. Дневальный будил Чокана, принимая необходимые меры предосторожности, ибо кадет султан Валиханов имел привычку спросонья швырять в дневального сапогом.

По воскресным дням воспитанников отпускали в город. Друзья султана Чингиса и офицеры-преподаватели кадетского корпуса не простили бы себе, если бы подросток, родимое гнездо которого далеко в степи, одиноко просиживал воскресенья и праздники в стенах корпуса. Чокан уходил или к Дабшинскому, с которым солидно обсуждал степные новости, главным образом здоровье ханши Айганым, или его брал к себе учитель рисования По-

меранцев, или Чокан у Гонсевского блаженствовал с книгой в руках.

Потанин и на воскресенья, и на праздники оставался в корпусе. У него тоже не было в Омске ни родных, ни знакомых, родимое гнездо Потанина тоже находилось далеко-далеко в степи, он тоже скучал по дому, но этому не придавали значения. Чокану горячо сочувствовали, Потанину — нет. Это было очень по-русски — жалели не своего. Свой-то уж как-нибудь обойдется, перетерпит. Много-терпеливый Потанин сидел по воскресеньям в полном одиночестве, переписывал, чтобы выработать слог, «Историю» Карамзина, даже не догадываясь, как ему впоследствии пригодится это умение занять себя делом, невзирая ни на что.

За годы детской и юношеской дружбы — с общими мечтами и торжественными клятвами посвятить свою жизнь путешествиям в глубины Азии и добраться до озера Кукунор — эти двое словно бы поменялись местами. Поначалу Потанин просвещал Валиханова. Теперь Григорий признал за Чоканом право вести. Они строили планы поехать в Петербург, в университет. Чокан поступит на восточный факультет, Григорий — на естественное отделение. Вдвоем они составят идеального путешественника. Чокан будет заниматься филологией восточных племен, Григорий собирать коллекцию для Петербургского ботанического сада и для зоологического музея Академии наук... Впрочем, невозбранно мечтать мог только Чокан, Григорий с малых лет понимал, что он казак, а казаки — крепостные государя. Куда прикажут — туда и поедешь. И не в дальние страны, а на службу в Сибирском войске. Как Николай Федорович Костылецкий.

Чокан в своих планах заносился далеко. Мечтал о путешествии к верховьям Желтой реки. Любимым чтением его и Потанина стали отысканные в кадетской библиотеке пропылившиеся книжки журнала «Сибирский вестник», переименованного затем в «Азиатский вестник». Они прочли труды о Сибири и странах, с ней сопредельных, издателя журнала Григория Спасского, сведения о тридцатилетнем странствовании российского татарина Губайдуллы Амирова, побывавшего в Средней Азии, в Афганистане и в Индии. Их удивила живостью описания «Роспись Китаюскому государству и Лобинскому и иным государствам, жилым и кочевым, и улусам, и великой Оби, и рекам, и дорогам» томского казака Ивана Петлина, ездившего в Китай в 1618 году.

Все-таки не случайно так много книг, зовущих в странствования по неведомым землям, предлагал русскому юношеству XIX век! И вот уже 15-летний Чокан с его рассказами о знаменитых и малоизвестных путешественниках окружен обожанием младших кадет. Как же, будущий открыватель тайн Азии! Один из этих младших, Евгений Колосов, запомнил на всю жизнь и, уже будучи взрослым, рассказывал Потанину, как однажды группа кадет стояла у задних ворот корпусного двора, выходящих к Иртышу, Чокан жадными глазами смотрел вдаль и вдруг произнес, взглянув на свою ногу:

— Бог знает, где эта нога очутится впоследствии.

Но уже тогда он знал, что «терра инкогнита» начинается сразу же за Иртышом. Вместе с Григорием Потаниным он проштудировал три тома «Описания киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей» А. И. Левшина, «Покорение Сибири» и «Очерки торговли России с Средней Азией» П. И. Небольсина, «Историю первых четырех ханов из дома Чингизова» о. Иакинфа, «Историю Сибири» Миллера, «Исторические карты Азии» Клапрота, труды Александра Гумбольдта, Абеля Ремюза...

Чокан увозил Левшина и Клапрота домой на летние каникулы. Лежал на ковре в бешмете и широких летних штанах — дамбалах и читал. За открытой дверью белой юрты — беспредельная степь, ветер расчесывает степные травы, высоко в небе звенит жаворонок, слышны мерные удары палкой по кошке, потом вдруг звучит смех, оживленный говор — кто-то приехал: долгожданный гость или никому не известный молодой джигит, веселый жолоучи¹ со своей неразлучной домброй, с песнями и новостями. Но кто бы он ни был, его примут радушно, накормят, послушают и новости и песни. Он поживет в ауле сколько захочет и поскачет дальше. А в аул, глядишь, еще кто-нибудь заглянет.

Но о чем там привирает жолоучи с таким жаром? Чокан прислушался. А-а-а, любопытно. Еще один подвиг выдающегося баксы Койлубая. Как он победил албасты, духа-давителя, вредящего женщинам при родах.

Жолоучи рассказывал с жаром, как очевидец жуткой схватки. С одной стороны — Койлубай и состоящие у него на службе духи. С другой — все албасты во главе со своим царем. У слушателей, конечно, душа в пятки ушла от страха. Но разве может быть побежден наш баксы

¹ Жолоучи — от слова «жол» — дорога.

Койлубай! Албасты бежали, а их царь стал униженно проситься на службу к Койлубаю. Роженицы в аулах могут отныне не бояться духов-давителей. Койлубай пришлет свою плеть или шапку — и албасты не посмеет войти в юрту, где вывешены эти охранные знаки.

Чокан слушал и улыбался. Ай да жолоучи, какую сказку привез! А может, сам сочинил? Мы, казахи, поэтический народ, но почему-то нас в таком качестве еще никто не открыл миру...

Возвращаясь после летних каникул из родных мест, кадет Валиханов сдавал Старкову отлично выполненные схематические карты степных дорог, план крепости Кушмурун, топографический пейзаж горы Сырымбет, схематическую карту горы и ее окрестностей, план усадьбы бабушки Айганым, карту осенних и зимних стоянок казахов на землях Айганым. Он привозил рисунки карандашом и пером. У верстового столба. Вид на усадьбу бабушки. Встреча чиновника в ауле Сырымбет... Костылецкому Чокан вручал сделанные летом новые записи степных преданий. Эскадронным кадетам красочно рассказывал о своей любимой забаве — соколиной охоте, о добытых трофеях... Но однажды, незадолго до выпуска, кадет Валиханов вернулся после каникул на удивление молчаливым, замкнутым. Им владела неотвязная мысль, что пора браться за перо.

Он положил перед собой читаный-перечитанный третий том Левшина с закладками, какие там, в юрте, попадались под руку, — ветка джусана, стебель актаспы или каудана¹. Затем достал чистый лист бумаги и решительно макнул перо в чернильницу.

Что ж... Можно признавать Левшина истинным Геродотом казахского народа. Левшин в годы своего казачества довольно долго жил у казахского хана Ишима в Туркестане, на Левшина ссылался Пушкин в «Истории пугачевского бунта», но...

«На странице 9, внизу, в выноске, слово акбура переведено неверно, — Чокан писал убористо, заслоняясь левой рукой от любопытства одноклассников, сидящих в той же комнате за уроками, — акбура значит нелегченный белый верблюд, а не белый волк, что по-кайсацки будет акборе, или каскыр...»

Чокан перелистнул страницы, нашел свои пометки

¹ Джусан — полынь, актаспа — астрагал, каудан — козыль.

на 11-й. «Кайсаки ходжей не относят к белой кости, а уважают их наравне с султанами, как лиц духовных, строгих исполнителей предписаний шариата и как потомков пророка... — Он отложил перо, но сразу же схватил и решительно дописал: — Вообще кайсаки очень уважают людей грамотных».

Излагая одно за другим свои замечания, кадет Валиханов следил за тем, чтобы нигде не проскользнуло, что рецензию пишет кайсак. Выпячивать свое происхождение он ни в коем случае не будет — в этом Чокан полагал что-то унизительное.

Он решительно опроверг утверждение почтенного географа и историографа кайсаков относительно того, что для темного степняка шайтан — божество. Кайсаки никогда не поклоняются шайтану и не приносят жертв, чтобы его умиловить. Теперь о колдунах. Левшин ошибается, полагая, что колдовство и ворожба есть часть религии невежественных жителей степи. Разве нет колдунов у русских? У других народов? Вера в колдовство не религия, а суеверие, которое есть у народов всех вероисповеданий.

Начав с замечаний, касавшихся мелких ошибок, быть может, описок, он увлекся и перешел к изложению собственных мыслей. Но и здесь, говоря о том, что было для него особо дорого и важно, Чокан строжайше придерживался манеры не кайсака, ни в коем случае. Писал в стиле классического путешественника, словно бы глядящего на степную жизнь со стороны, и оттого ему казалось: написанное производило более сильное впечатление. «Чувствительность в кайсаках и участие, принимаемое ими в несчастии ближнего, стоят внимания и похвалы. Можно сказать, что это единственная добродетель, которую нужно искать в кайсаках. Участие сие видно из следующего: нищий, куда бы он ни пришел... — Чокан перевернул лист и продолжал: — ...в кибитку ли богача или в хижину бедняка — везде ему приют, везде выражают ему сострадателность и не только словом, но всегда чем-нибудь более или менее существенным; из кибитки первого выходит он с какою-нибудь да тряпицей, а у последнего напьется по крайней мере или наестся тем, чем тот богат. Словом, нигде и никогда не говорят ему и не отделяются от него голым пожеланием: *«бог подаст!»* Кроме врожденной чувствительности, кайсака заставляет быть сострадательным еще то понятное всякому опасение сегодня или завтра обнищать самому через баранту или падеж, столь

частые в степи. Взаимная друг другу помощь, оказываемая кайсаками в последнем случае, достойна подражания и просвещенному европейцу. Потерпевшие от баранты или падежа пользуются неотъемлемым правом идти к другим своим родовичам со смелым требованием так называемого жлу, т. е. вспомоществования, следующего со всего благополучно пребывающего общества, которое или из сострадания, или побуждаемое каким-либо иным чувством действительно делает складчину в пользу первых. Короче сказать, право на требование жлу для кайсака столь же священно, сколь священно для него право на кунакасы, т. е. бесплатный обед или ужин, следующий всякому страннику...»

Чокан положил перо, придирчиво перечитал написанное. А ведь недурно: «достойна подражания и просвещенному европейцу», — и упрятал подальше от любопытных глаз два листа, исписанные с обеих сторон.

В ту пору друг Костылецкого профессор Казанского университета Илья Николаевич Березин занимался изданием «Библиотеки восточных историков». «Шейбанинаме», «Родословная тюрков» Абу-ль-гази, «Сборник летописей» Жалаири. Все издания, разумеется, присылались Николаю Федоровичу Костылецкому, как и труд самого Березина «Ханские ярлыки», опубликованный в Казани в 1850 году. Причем Илья Николаевич Березин отнюдь не пренебрегал отзывами о его «восточной библиотеке» и о его собственных сочинениях тех, кого проживавший в Омске ссыльный польский повстанец Адольф Янушкевич насмешливо назвал в своих записках «омскими киргизско-татарско-монгольскими ориенталистами»¹. Березин, узнав от Костылецкого о феноменальном юноше Чокане Валиханове², выразил надежду на его помощь — ключом к расшифровке непонятных слов из ярлыка Тохтамышша может быть язык степного кочевого племени.

Кадет Валиханов отважно взялся за работу. Перед ним был тюркский текст ярлыка Тохтамышша к Ягайлу, двой-

¹ А. Янушкевич. Дневники и письма из путешествия по казахским степям. Записки Янушкевича впервые вышли в 1861 году в Париже на польском языке. Изданы на русском в Алма-Ате в 1966 году.

² Еще в 1851 году Н. Ф. Костылецкий переслал Березину так называемый кущмурунский список поэмы «Козы-Корпеш и Баян-слу», сделанный Чоканом Валихановым вместе с отцом, а также русское переложение этой поэмы и поэмы «Едиге», сделанное Н. Ф. Костылецким при участии Чокана.

ник ярлыка на древнерусском языке и перевод части текста на польский язык, опубликованные вместе с превосходным факсимиле с подлинника в книге известного собирателя и издателя исторических источников М. А. Оболенского «Ярлык Тохтамыш-хана к Ягайлу», тоже вышедшей в Казани в 1850 году.

Задумавшись, Чокан машинально срисовывал с факсимиле тарханной грамоты знак бычачьей головы... Сколько государств возникло на земле, где сейчас живут казахи, и затем исчезло бесследно. Рухнулись государства, песок заносил развалины городов, но оставались все-таки кто-то, незначительный, безымянный, оставались с ним жалкие остатки его стад, и оставались с ним слова, обозначающие все те предметы и понятия, которые были ему известны. И этот незначительный мирный человек передавал слова новым поколениям и нес их другим народам вместе с товаром, назначенным в продажу. Только он мог уберечь язык народа — мирный хлебопашец, пастух или торговец, но никоим образом не воин, увешанный оружием, и не сборщик податей с плетью в руке... А если так — значит, в степи в мирном казахском ауле должны сыскаться старинные слова.

Когда Чокан углубился в сличение разноязычных текстов, его на первых порах ожидала легкая удача. Через расспросы стариков он установил смысл нескольких непонятых Березиным слов из ярлыка Тохтамыша. Но легкий успех в научных занятиях так же коварен, как на охоте. Можно сразу по выезде в степь добыть лисицу, а потом протаскаться весь день попусту.

После первых счастливых открытий Чокан зашел в тупик. Он понял, что еще не знает множества вещей, без которых в работе над древними источниками не ступишь ни шагу. Можно, конечно, ограничиться сообщением в Казань о своих небольших находках. Для кадета более чем достаточно. Скажут: «Ах, какой одаренный юноша! И при этом, обратите внимание, происходит из дикого племени...» Но вот чего Чокан не терпел по отношению к себе! Подлинное равенство невозможно, если допускать послабление, как сыну кочевого племени.

Привычка не торопиться с маленькими — по его собственной мерке — открытиями образовалась у Чокана с юности. Благодаря этому правилу многие из его интереснейших работ остались незавершенными. Его научная щепетильность и строгая требовательность к себе паразитичны. Над ярлыком Тохтамыша Чокан трудился не-

сколько лет. Он прочел все исторические сочинения, какие можно было сыскать в Омске. Сделал выписки из «Сборника летописей» Жалаири, уроженца Степи, оказавшегося в Москве вместе с «царем Салтаном», казахским султаном Ураз-Мухаммедом, и там написавшего свой труд на казахско-чагатайском языке, очень близком тому живому языку, на котором и сейчас говорят в аулах. У Жалаири оказалось немало интереснейших сведений из истории казахов.

Затем Чокан взялся за «Родословную тюрков» Абу-льгази. Уже сама судьба сочинения хивинского хана и писателя XVII века будоражила воображение начинающего востоковеда. Изгнанный из Хорезма ученый нашел приют у казахского хана Ишима. А рукопись его «Родословная тюрков» была найдена в прошлом веке не где-то на Востоке, а в России, в Тобольске, издавна связанном торговыми делами со Средней Азией. Одним из первых перевел хивинского хана поэт Третьяковский. Березин, издавший «Родословную тюрков» в своей «Библиотеке восточных историков», взял перевод казанского профессора Г. Саблукова. Чокан, судя по его запискам, пользовался и более ранним, румянцевским изданием. Он искал у хивинского писателя упоминаний о народе казак в самые ранние времена и не нашел, что его ничуть не огорчило. Автор «Родословной тюрков» подтвердил сомнения начинающего историка относительно того, существовал ли народ казак уже во времена Чингисхана, как пишут некоторые авторы. Чокан продолжал искать подтверждения своей гипотезы о более позднем формировании казахского народа. Он отыскал их в «Шейбани-наме» Кемал ад-дина Али бен Мухаммеда ал-хереви, жившего в XVI веке при дворе Тимуридов. Однако у Бабура¹ в «Записках» говорилось о хане казак-Арслане, имевшем 400 тысяч воинов...

Уже по выходе из корпуса, приводя в порядок свои наброски о ярлыке Тохтамыша, Чокан написал Березину — но так и не отправил, — что все данные, собираньем которых он был занят, подтверждают, что «народ казак (так называем мы себя)» образовался от союза разных племен не раньше XIV века, это не тот древний народ, о котором писал Фирдоуси.

¹ Бабура Захиреддин Мухаммед — основатель государства Великих Моголов, потомок Тамерлана, жил в XV веке. После него осталось автобиографическое сочинение «Бабура-наме» и стихи.

Другой кайсак, возможно, ни в коем случае не допустил бы себя до такого открытия, держался бы за версию древности своего народа — древность почетна. Но Чокан исповедовал научное беспристрастие. Да, первые казахские государства возникли лишь пять столетий назад — неслышно, почти незаметно, потому что мирно. Мы, казахи, мирный народ, а мирные народы всегда лучше воспринимают цивилизацию, чем воинственные.

Ученые занятия, конечно, мешали кадету султану Валиханову овладеть специальными военными знаниями, но никто не собирався его к этому принуждать. Товарищи уезжали в летние лагеря, а он к себе домой — поправить здоровье. В 1851 году из Петербурга пришло предписание не преподавать воспитанникам-киргизам политическую и новую историю и не переводить их в специальный класс, где изучались военные дисциплины, а выпускать годом раньше. В Петербурге рассудили примерно так: их обучишь военному делу, а они применят полученные знания против нас. Казахские султаны все еще считались ненадежными, мятежи в Степи не прекращались. Выпускная кадеты-инородца годом раньше, военное начальство предназначало его не для строевой службы, а для канцелярской, штабной. Но все же он становился офицером действительной службы — иное положение, чем у его отца и у всех других степных майоров, подполковников и полковников, получающих чин вместе с должностью. Чокану по окончании корпуса предстояло законное производство в корнеты армейской кавалерии и дальнейшее продвижение в чинах.

Незадолго до выпуска он стал часто бывать у Капустиных, в большой и гостеприимной сибирской семье. Его ввел туда учитель геодезии Гутковский — да, тот самый Гутковский, что потом будет снаряжать Чокана в Кашгар. Почему-то крупный чиновник счел для себя нужным преподавать в кадетском корпусе один из специальных предметов. Впрочем, благодаря этой причуде Гутковский обнаружил, что там обучается одаренный мальчик, сын султана Чингиса, не раз доказавшего свою верность России.

С сибиряками Капустиными Гутковский породнился, женившись на дочери Якова Семеновича Капустина от первого брака. Вторая жена Якова Семеновича, Екатери-

на Ивановна, была дочерью многодетного тобольского учителя Ивана Павловича Менделеева.

Удивительное явление русской жизни XIX века. Те, кого Россия любит, кем гордится, эти люди часто состояли между собой в родстве или свойстве.

Одна из сестер Менделеевых, Ольга, вышла замуж за декабриста Николая Басаргина; у супругов Басаргиных воспитывалась Полинька, дочь декабриста Николая Мозгалевского и простой сибирячки. Полинька потом вышла замуж за брата своей приемной матери — Павла Менделеева.

Родством с декабристами в Сибири гордились. У Менделеевых родство с героями 14 декабря образовалось по двум семейным ветвям. И оно ощущалось в воздухе дома Екатерины Ивановны Капустиной. К тому же здесь бывала со своим мужем, военным инженером Ивановым, Ольга Ивановна Иванова, дочь декабриста Ивана Александровича Анненкова. Конечно, и он, наезжая в Омск, появлялся у Капустиных, у них бывал и сын Ивана Дмитриевича Якушкина¹, ездивший к отцу в 1853 и 1855 годах. А когда декабристы после смерти Николая I получили право возвращаться из Сибири в центральные губернии России, у многих путь лежал через Омск, и там их привечала гостеприимная Екатерина Ивановна.

Русская женщина, сибирячка, образованная и энергичная... Ум в согласии с душой, с умением все делать своими руками. В доме Капустиных собиралось омское интеллигентное общество, здесь всегда можно было найти свежий номер литературного журнала, новую книгу. И здесь кормили вкусно, сытно, стлали для гостя постель, топили баню, снабжали бельем, сшитым руками Екатерины Ивановны.

Кадет Валиханов встретил здесь материнскую ласку, его угощали домашними пирогами, дырка на мундире оказывалась искусно заштопанной. Он привязался к Екатерине Ивановне как к родной. И близко сошелся с бывавшими здесь молодыми людьми. С пасынком Екатерины Ивановны — Семеном Капустиным, с Павлом Менделеевым, с гимназистом Дмитрием, наезжавшим к сестре на каникулы. Дмитрий оказался всего на год старше Чо-

¹ Сын известного декабриста Евгений Иванович Якушкин (1826—1905) посвятил всю жизнь делу своего отца, дружил со многими декабристами, стал собирателем и хранителем наследия героев 14 декабря, многие мемуары написаны по его настоянию, изданы впервые при его содействии.

кана и тогда совершенно не походил на будущего великого ученого. В гимназии его считали отпетым, но переводили из класса в класс, несмотря на неуспешность, потому что, по мнению учителей, он был вполне умственно развит. С Чоканом Дмитрия сближал интерес к востоковедению, впоследствии, учась в Петербурге, в Главном педагогическом институте, Менделеев написал студенческую работу о школьном образовании в Китае. И потом в числе его самых близких друзей будет востоковед Илья Николаевич Березин.

В молодое общество, собиравшееся в доме Капустиных, идет Валиханов вошел как свой. Все это были люди, близкие ему по духу, по образу мыслей. С ними он ощущал себя коренным сибиряком, даже сибирским патриотом. И это чувство не спорило с любовью к своему народу, оказавшемуся — Чокан это уже понимал, обмысливал — перед важнейшим за всю свою историю историческим выбором. Разбираясь в своих чувствах, ища определение своей позиции, Чокан нашел образное сравнение. Прежде всего он любит свой народ, потом Сибирь, потом Россию, потом все человечество. Одна любовь заключена у него в другую, как кунгурские, один в другой вставляемые сундуки¹. Пасынок Екатерины Иваповны Семен Капустин, ставший впоследствии известным публицистом по крестьянскому вопросу, в воспоминаниях о Чокане Валиханове написал, что Чокан «...заставлял считать себя братом, да еще более близким, нежели русский одного с вами круга, товарищ ваш с детства...».

По российскому обыкновению у Капустиных много и горячо спорили. О русском крестьянине, русской истории русской молодежи, русских беспорядках... Прислушиваясь к этим спорам, Чокан многое узнал.

Так, он узнал, что в России, давно имеющей печатное слово и ученых-историографов, существует изузстная история, и она заметно отличается от истории печатной. Например, тебе расскажут полушепотом, с подробностями, не менее живописными, чем в казахском предании о хане Аблае, что Екатерину II посадила на престол кучка заговорщиков и что Пугачев не первый самозванец, а пятый, принявший имя убиенного государя Петра III.

Кроме изузстной истории России, как обнаружил Чо-

¹ Образ, всем понятный по тому времени. Кунгурские, то есть изготовленные в городе Кунгуре Пермской губернии, сундуки считались в Средней Азии ценным подарком. Макарьевские сундучики снабжали своим товаром всю Среднюю Азию.

кан, существовал также изустный курс отечественной словесности, огромный потайной фонд русской культуры. В доме Капустиных, как и в тысячах других русских домов, звучали запретные стихи, запретные имена. И здесь, пожалуй, лучше, чем еще где-то в России, было известно, в каком положении находились сосланные в Оренбургскую губернию Шевченко и Плещеев, томящиеся в Омской крепости Достоевский и Дуров.

У Капустиных Чокан узнал и о том, что в России главные политические новости не всегда можно вычитать из столичных газет. Почте такие новости тоже не принято доверять. Почта в России ненадежна, письма иной раз попадают совсем не по адресу, и написавший что-то лишнее пусть пеняет на себя. Но тем не менее все значительные события рано или поздно делаются известными даже в таком дальнем городишке, как Омск. Удивительно, но факт. Русский хабар¹ делает чудеса. Газеты о каком-то событии молчат, а Россия все равно знает. Существует масса безобидных слов, подменяющих слова, кои произносить и писать не рекомендуется... Чокан слушал и молчал на ус. Он с самого раннего детства кое-что понимал в манере степных политиков вести беседы как бы в три слоя: первый — то, что говорится, второй — то, что должен заподозрить собеседник, а третий — то, что ты думаешь на самом деле. Это раннее детское султанское воспитание оставило след в характере Чокана. Он не был весь параспашку, как Потанин. Что-то всегда оставалось у Чокана затаенным. Читать между строк и писать об одном, подразумевая совсем другое, он научился, как немногие в те времена².

В начале 1854 года Чокан, только что выпущенный из корпуса, принял участие в хлопотах, охвативших семью Ивановых и Капустиных. Кончался срок каторжных работ у двоих арестантов Омского острога — у Федора Михайловича Достоевского и Сергея Федоровича Дурова. Их, разумеется, не отпустят на волю, их упекут рядовы-

¹ Хабар — весть. У Даля это слово дано с пометой: каз., орнб.

² Зашифрованные политические высказывания содержатся и в его переписке, и в научных трудах, и в путевых очерках. Понятные современникам, они долгое время проходили мимо внимания исследователей научного наследия Валиханова. Впервые на зашифрованные политические высказывания Валиханова обратил внимание профессор С. Я. Булатов в работе «К вопросу о государственных и правовых воззрениях Чокана Валиханова», опубликованной в 1956 году.

ми куда-нибудь в Степь, в дальнюю крепость, но все же казарма не тюрьма. А главное — теперь будет возможность из Омска как-то облегчить их солдатскую участь. Уже разрешили обоим после выхода из острога перед отправкой на солдатскую службу пожить у Ивановых.

Шили белье, обдумывали, чем накормить, куда поместить, как уберечь от провинциального любопытства. Ольга Ивановна Иванова вспоминала, как четыре года назад, в 1850-м, вот так же в январе, когда поздно светает и рано темнеет, мать взяла ее с собой в Тобольскую пересыльную тюрьму. Живущие в Тобольске декабристы узнали, что туда, на этапный двор, привезли политических преступников, осужденных по делу Петрашевского. Тогда жены декабристов — П. Е. Анненкова с дочерью, Н. Д. Фонвизина и Ж. А. Муравьева — уговорили смотрителя тюрьмы вызвать политических к себе на квартиру. Там накормили их, снабдили всем необходимым — уж они-то знали, что требуется человеку на каторге. Не полагалось передавать осужденным деньги, и женщины пошли на хитрость. Вложили десятирублевые ассигнации в переплеты Евангелия и подарили каждому по Евангелию — других книг каторжникам иметь при себе не дозволялось... Некоторые осужденные показались Ольге Ивановне ужасно поникшими, измученными. Достоевский выглядел самым молодым, самым щедедушным...

Срок каторжных работ Достоевского и Дурова кончился 23 января. Но только в один из дней начала февраля сделалось известно, что завтра их выпускают. Все было готово — застланная ковром кошева, сибирские огромные тулупы. С утра пораньше Ольга Ивановна ждала в саних неподалеку от ворот острога. А они где-то там прощались с товарищами по каторге, в инженерной мастерской кузнец снимал с них цепи... Едва только открылись тяжелые ворота, выпустив две жалкие фигуры с арестантскими узелками, подлетела запряженная парой кошева, и они оба узнали Ольгу Ивановну. Радость безмерная! Добрый знак для начала новой, свободной жизни!

А у нее сердце сжалось от боли, когда она увидела Дурова. Тогда, в Тобольске, это был тридцатилетний черноглазый, черноволосый человек. Теперь она везла в саних согбенного седого старика, еле сумевшего пройти больными ногами несколько шагов от ворот до саней. Достоевский, показавшийся ей в Тобольске самым слабым, болезненным, ехал в распахнутом тулупе, не боясь простудиться, — спасибо острогу, избавился от петербург-

ской слабости здоровья. В доме Ивановых, в отведенной ему комнате, Достоевский первым делом вынул и положил на столик у кровати Евангелие — то, врученное ему в Тобольске.

Умытые и переодетые во все чистое, они с радостью принимали обыкновенную чашку, тарелку, хрустящую салфетку, брали в руки книги, журналы, газеты, начинали читать, не дочитав, хватались за другое. У Ивановых они прожили почти месяц. По уговору друзья в этот дом не заглядывали, чтобы не докучать. Екатерина Ивановна по своей деликатности не зашла ни разу, она познакомилась с Федором Михайловичем Достоевским только четыре года спустя. Но Ольга Ивановна сочла нужным представить своим подопечным Чокана.

Состоялся ли тогда меж Достоевским и Валихановым какой-либо значительный разговор? Этого мы не знаем. Но мы знаем, что Чокан был к такому разговору подготовлен своим образованием и воспитанием.

Ханша Айганым скончалась осенью 1853 года на семидесятом году от рождения. Восемнадцатилетний внук приехал на похороны. Собрались толпы народа. Подъезжающие издали начинали причитать во весь голос.

— Да произрастают ее ветви! — слышал Чокан со всех сторон. Он горячо любил бабушку, она ему дала раннее понимание, кто он, откуда родом, и раннее — из легенд — представление о судьбе казахов. Он — ее зеленая ветвь.

В омских канцеляриях еще долго шла переписка относительно прекращения выплаты пенсии, которую Айганым получала по высочайшему повелению. Предстоял дележ богатых урочищ, принадлежавших ханше. Чиновничество заглянуло в омские архивы и с радостью обнаружило, что из донесения войскового старшины Леденсва, занимавшегося в 1823 году отводом мест ханше Валиевой, не видно, какое именно пространство земли было отведено. Из дела о наследстве могла бы выйти прекрасная долголетняя кормушка для канцеляристов, но... у Валихановых появился свой человек при генерал-губернаторе Гасфорте — сын Чокан.

АДЪЮТАНТ ГАСФОРТА

«Божиею милостию мы, Николай Первый, император и самодержец всероссийский, и прочая, и прочая, и прочая...

Известно и ведомо да будет каждому, что мы Сибирского кадетского корпуса воспитанника Чокана Валиханова в наши корнеты тысяча восемьсот пятьдесят третьего года ноября восьмого дня всемилостивейше пожаловали и учредили; яко же мы сим жалуем и учреждаем, повелевая всем нашим подданным, оного Чокана Валиханова за нашего корнета надлежащим образом признавать и почитать; и мы надеемся, что он в сем ему от нас всемилостивейше пожалованном чине так верно и прилежно поступать будет, как то верному и доброму офицеру надлежит».

Русский военный мундир Чокан Валиханов будет носить всю свою короткую жизнь. Никогда и нигде не посетует, что мундир его тяготит. Военная служба не мешала многим русским талантливым людям заниматься своим любимым делом, а путешественники, исследователи новых земель почти сплошь были на Руси люди в военных мундирах. К тому же Чокану при его внешности инородца мундир служил надежнейшей защитой от произвола и пренебрежения — и в странствиях и в канцеляриях. Да и в казахском ауле не покажешься в штатском сюртучке или во фрачишке с дурацкими хвостами. Совсем другое дело мундир, аксельбанты, серебряные шпоры, сабля...

Выйдя из корпуса, он повел жизнь богатого молодого барина, одевался с иголочки, носил шинель с бобровым воротником, отрастил на одном пальце длиннющий палец. Дом, снятый им в Мокром, выглядел снаружи вполне заурядно. Однако внутри гостей поражало роскошное убранство. Отец прислал Чокану из Сырымбета дорогие ковры, шкуры зверей. Чокан пристрастился к собиранию безделушек из слоновой кости, душился английскими духами, курил гаванские сигары, щеголяя дорогим портсигаром с изображением крысы, сверлящей земную твердь. По заверениям Чокана, крыса обозначала геолога.

В Омске говорили, что у него язык как бритва. Чокан мастерски сочинял провинциальные анекдоты. Об одном генерале он рассказывал, что его превосходительство, получив очередной орден, нацепил орденские ленточки даже на галоши. Одного заезжего столичного франта Чокан при всех оконфузил. Франт, услышав разговор о Теккерее, которым тогда зачитывались в кружке Капустиных, подумал, что речь идет о каком-то высшем чине, и пожелал быть представленным господину Теккерее. Чокан подвел франта к висевшему в гостиной портрету английского писателя и по всей форме представил.

Потанин утверждал, что еще с кадетских лет Чоканом владела потребность преследовать кого-нибудь своими насмешками. Он мог бессердечно измываться даже над физическим недостатком. Но стоило кому-то из друзей заболеть — не было пяньки нежнее и заботливее, чем Чокан.

Вступив в должность адъютанта генерал-губернатора, корнет султан Валиханов вошел в круг омской золотой молодежи, кутил, играл в карты, пил шампанское и выучился у сомнительных личностей этакому петербургскому гвардейскому тону.

Фантазии Чокана нередко принимали странный характер. Он охотно рассказывал о себе самые разные небывлицы и приписывал себе гнусные поступки, которых он не совершал. Как пишет Потанин, Чокан хотел этим показать, что ни капельки не дорожит посторонним мнением. И ему нравилось дразнить друзей-филистеров. «Перед вечностью все это ничтожно!» — эту фразу он часто любил произносить в шутку, но, по словам Потанина, она была его «самой властительной думой».

Корнет султан Валиханов ездил и в дома, где были барышни на выданье. Влюблялся — о чем друзья догадывались, когда он начинал изъясняться в каком-нибудь доме стихами Лермонтова и Полонского. Потом увлечение проходило. Однако вряд ли по той причине, что Чокан вспоминал о просватанной ему когда-то дочери султана Ахмета Джантюрина. Просто проходило. Маменьки облегченно вздыхали. Хотя чем не партия, если бы не мусульманин.

За первые три года службы корнет султан Валиханов был удостоен «ношения бронзовой медали» в память войны 1853—1856 годов на владимирской ленте. Он вышел из корпуса, как раз когда началась Крымская война, после которой в Российском государстве все пошло, поехало.

Врагов России объединило стремление не пустить русских в Средиземное море и помешать усилению их позиций на Балканах. У Британской империи одной из дополнительных причин для участия в Крымской войне было ее соперничество с Россией в Средней Азии.

В Омске сведущие люди знали немало об английских происках. В 1825 году в Бухаре побывали английские агенты Мукрокрофт и Требек. В 1833 году там видели агента Ост-Индийской компании лейтенанта Александра Борнса. Английские разведчики проникали и в Оренбург под ширмой евангелической миссии, но вскоре оренбургские власти обнаружили, чем занимаются святые отцы, и миссию закрыли. В 1840 году на Мангышлаке появился английский агент Аббот с фирманом от хивинского хана. Из Хивы предписывали казахам адаевского рода подчиниться Абботу, как личному представителю хана. Но они, поразмыслив, сдали англичанина русским властям. Через год оренбургский военный губернатор Перовский доносил графу Нессельроде, что, по сведениям, сообщенным одним киргизцем, в Хиве появился какой-то англичанин и торговал дом, однако хан покупку не разрешил. Перовский считал возможной попытку англичан устроить переворот в Туркестане.

В связи с такой активной деятельностью английской разведки немудрено, что русские власти подозревали — и, возможно, не без оснований, — что художник Аткинсон, путешествовавший по Семиречью, тоже английский агент. Его описание Восточной и Западной Сибири, Киргизской степи и других земель было издано в Лондоне в 1858 году.

Когда началась Крымская война, постоянные английские резиденты, сидевшие в сопредельных России странах, оживили деятельность своей агентуры в Степи. Во время стычек с кокандскими отрядами русские захватывали английские ружья и пушки. Казахские мятежные султаны тоже кое-что получали от англичан.

Согласно плану лорда Пальмерстова Крым и Кавказ должны были отойти от России к Турции, причем часть Кавказа — ее лорд Пальмерстон поименовал «Черкессией» — должна была образовать отдельное государство, находящееся в вассальных отношениях к султану Турции. Вся эта затея с «Черкессией» была рассчитана на то, чтобы во время Крымской войны активизировал свою деятельность Шамиль. Англичанам, конечно, очень бы пригодился в Средней Азии такой вождь газавата, как Кенесары, но его уже не было в живых.

Крымская война началась с занятия русскими войсками Молдавии и Валахии, с Синопского боя, с победы Нахимова над турецким флотом. В тогдашнем русском взрыве патриотизма прозвучали отчасти и мечты о новом для России повороте истории. В сибирской ссылке — в том числе и в Омске — за Крымской войной напряженно следили декабристы. Герой Отечественной войны 1812 года 66-летний Сергей Волконский писал из Иркутска Пуццину: «...Я хоть сейчас готов к Севастополю — лишь бы взяли». Лев Толстой отправился в Севастополь. Достоевский в Семипалатинске, в солдатской казарме, складывал патриотическую оду.

Вспышку патриотизма сменили ужас и стыд поражения. В Омске, как и всюду в России, возмущались глупостью командования, беззастенчивым казнокрадством.

В аулах мало что знали о далекой от Степи Крымской войне, хотя особым решением русского начальства киргизам дозволили «вносить пожертвования на нужды войны деньгами и скотом». В аулах не сочли эту патриотическую кампанию чем-то из ряда вон выходящим. Султаны столько всегда собирали с народа — деньгами и скотом, — годовой ясак собирали отнюдь не раз в год, а три! Новый сбор пожертвований отличался только тем, что в придачу к поживе султаны и старшины удостоились особой чести: попали в шнуровые книги «для доведения об усердствующих до высшего начальства и самого государя императора».

Неудачи в Крыму не мешали успешному продвижению России в Средней Азии и в Степи. Напротив, этим продвижением Россия как бы теснила Англию на другом фланге.

В 1854 году у подножия Алатау встало укрепление Верное¹. Русское подданство принял киргизский род бугу. Россия переселяла в Семиречье сибирских казаков, семипалатинских татар, воронежских крестьян, немцев-колонистов. Купцы Кузнецов и Поклевский подали Николаю I ходатайство — они собирались основать пароходство на Или. В 1856 году на трех судах по озеру Балхаш и реке Или купцы доставили провиант в укрепление Верное. Коммерции советник Попов построил два завода по выплавке серебра и свинца. Горнозаводским делом занялись Самсоновы, Перфильевы, Степановы. В Каркаралинских горах нашли гигантский самородок меди. Появились

¹ Ныне г. Алма-Ата.

салотопши, сукновальни, и пошли жалобы, что киргизы везут на продажу грязную шерсть, из которой не выткешь тонкого сукна.

Степь все еще управлялась из министерства иностранных дел, но уже упразднили созданное по «Уставу о сибирских киргизах» Сперанского Пограничное управление и учредили Областное правление сибирских киргизов. В отношениях с казахскими султанами меньше стало дипломатии и больше распоряжений, указаний и предписаний. Степь прощалась с укладом, к которому когда-то одними из первых сумели приспособиться Айганым и ее сын Чингис. Казахская верхушка прикидывала, как же приноровиться к новым порядкам.

По утрам корнет Валиханов подъезжал в собственном щегольском экипаже к дому генерал-губернатора. К тому самому, великолепнейшему, заморожившему его детское воображение дому с башней и государственным флагом, который он по приезду в Омск в 1847 году старательно изобразил акварелью.

В передней он сбрасывал на руки лакея шинель и спешил наверх, в кабинет генерал-губернатора Западной Сибири, командира Отдельного сибирского корпуса, генерала от инфантерии Густава Христиановича Гасфорта.

Описывая фон Лембке в «Бесах» и, несомненно, отдавая ему кое-какие черты Гасфорта, Достоевский писал, что его герой «...принадлежал к тому фаворизованному (природой) племени, которого в России числится по календарю несколько сот тысяч и которое, может, и само не знает, что составляет в ней всю свою массу один строго организованный союз... состоящий во взаимной поддержке всех членов этого племени одного другим всегда, везде и при каких бы то ни было обстоятельствах».

Гасфорт был родом из Пруссии, по образованию ветеринар. Во время войн против Наполеона, в которых Пруссия стала союзницей России, его прикомандировали к русской кавалерии — по случаю открывшейся эпизоотии. Гасфорт принял русское подданство, поступил в училище колонновсжатых, оттуда попал в Главный штаб и в силу причин, названных Достоевским, стал быстро продвигаться вверх.

В списке высших начальствующих лиц Западной Сибири в пору, когда ею правил Гасфорт, трудно отыскать русскую фамилию. Генерал фон Фридрихс, генерал де

Граве, генерал барон Сильвергельм, генерал фон Вилькен, генерал Гитовт... Засильем немцев в управлении Западной Сибирью возмущался впоследствии в мемуарах сослуживец Валиханова И. Ф. Бабков.

Из людей, которых природа обделила умом, при определенных условиях — например, тех, что существовали в бюрократической системе управления Россией, — вырабатывается тип чрезвычайно деятельный, со склонностью самолично во все вникнуть и особенно в те сферы жизни, где он вовсе ничего не смыслит. Страсть к преобразованиям в Гасфорте была развита чрезвычайно, все, что делалось до него, делалось, разумеется, неправильно. Зато его преемникам достанется сидеть сложа руки — все дела он переделает на много лет вперед.

Гасфорту кладут на стол новехонькую карту — итог многолетнего труда топографов, исходивших со своими инструментами огромные плоские пространства.

— Но где же горы? — озабоченно спрашивает бывший кавказец Гасфорт.

Гор на карте нет, как нет их в степи южнее Омска. Топографы пытаются довести этот прискорбный факт до сведения генерал-губернатора, но все их старания напрасны. Гасфорт требует, чтобы ему наконец показали, где находятся горы. Ничто так не сбивает с толку русского военного человека, как сочетание в начальстве энергии и тупости. Топографы удрученно молчат. Гасфорт берет карандаш и уверенно набрасывает на карте штрихи.

— Вот здесь будут горы!

С той же уверенностью он переименовывал степные поселения в города, чтобы поднять значение Западной Сибири в сравнении с Восточной, правителю которой Муравьеву (Муравьеву-Амурскому) Гасфорт мучительно завидовал. Гасфорт спал и видел, что его делают Гасфортом-Заилийским или Алатавским. Слава, богу, он не дожил до того дня, когда не он, а путешественник Семенов стал Семеновым-Тянь-Шанским.

Муравьев у себя в Восточной Сибири и Перовский в Оренбургской губернии умели привлечь к работе людей образованных и деятельных. При Перовском в Оренбурге служил В. И. Даль, служили востоковеды В. В. Григорьев и В. В. Вельяминов-Зернов, исследователи Средней Азии А. И. Бутаков и А. И. Макшеев. У Муравьева в ближних советчиках состояли декабристы. А Гасфорт... Да если бы он и захотел создать вокруг себя просвещенное общество, то ему бы этого не позволили сделать ни военный губер-

натор генерал Фридрихс, который выслушивал доклады, играя на флейте, ни все прочие высшие чины губернии. Густава Христиановича весьма плотно обвели всевозможные монстры, ничтожества вроде Фридрихса и проходимцы вроде известного всей Степи взяточника Кури. Но справедливости ради надо отметить, что сам Гасфорт не был причастен ни к злоупотреблениям, связанным с винными откупами, ни к поборам с аулов, ни к незаконным доходам с поставки хлеба для войска и переселенцев.

Вступив в свою влиятельную должность при губернаторе, 18-летний корнет султан Валиханов уповал, что сможет хоть что-то сделать для Степи. Он стал примерно таким же литературным негром и подсказчиком, каким был Владимир Иванович Даль при оренбургском губернаторе Перовском, и так же стремился внести в казенные реляции и прожекты сколько можно полезного.

Однажды Чокан, вернувшись домой, записал «великолепнейший» монолог его превосходительства о романах вообще и о романах, написанных самим Гасфортом. Запись эта свидетельствует, что Чокан лелеял мечту сделаться российским литератором и даже делал попытки что-то создать, подражая Гоголю и новому сатирику Щедрина, «Губернскими очерками» которого зачитывалась вся Россия. Гасфорт со своим монологом написан у Чокана преотлично. Передана и надутость, и ученость, и первородная глупость — портрет цельный и убедительный:

«— Да, матушка, муж твой был некогда романист, но занят крепко был, романист, да только, так сказать, не то во (улыбка), не сентиментальный, не то во, чтобы какая-нибудь Жорж Занд или Гоголь, что ли там у вас, господа, которым вы так восхищаетесь, я не нахожу в нем ничего. Я... (ковыряет между клыков). А сам я писал вроде Диккенса: в глубоко патетическом и вместе с тем в забавно-юмористическом тоне (выпивает последний глоток пива). Жаль, г-н В[алиханов], что этих романов теперь у меня нет, я бы дал бы Вам их в полное и неотъемлемое право («т» с особенным ударением и скрипом), если бы Вы их издали под своим именем, то, нет сомнения, Вы бы получили репутацию и авторитет лучшего писателя...»

Кроме этой сатирической сценки, дошедшей до нас в письменном виде, существовало — и ходило по Омску — множество анекдотов Чокана о Гасфорте, о том, как его превосходительство проектировал «вооруженные гумна».

Или о том, как его превосходительство решил стать новым пророком... Одним из героев этой истории оказался сам Чокан.

Гасфорт поручил ему подготовить записку о древних верованиях казахов. Чокану представилась возможность продолжить спор с А. И. Левшиным, который, основываясь на ответе степняка на вопрос о вере: «Не знаю», сделал вывод, что казахи невежественны и никакой веры у них нет. Чокан написал для Гасфорта уникальную по сведениям записку о верованиях казахов, о почитании огня, о культе духа предков, о прочих духах: дживнах, албасты. О живущем в лесах лешем, которого казахи называют сорель. О кон-аяке, имеющем, по поверью, вместо ног ремни. О гадалках — кумалакчи и джаурунчи¹... О том, как после смерти казаха в его юрте каждый день зажигают свечу у порога с правой стороны, а перед тем отворяют дверь, постилают белую кошму и ставят чашку с кумысом. Все это надо делать, потому что до сорока дней дух умершего посещает свою юрту.

Если где-то стоит одинокое дерево, уродливый куст, его не минует ни один путник. Возле одиноких деревьев ночуют, на их ветви навязывают разноцветные лоскуты. Лебедей казахи не стреляют, лебедь — царь птиц. Не бьют сову, филина, дятла и кукушку. Про кукушку есть у казахов поэтичная легенда. Приехал к невесте жених, у него потерялась лошадь. На поиски отправилась сестра невесты, надев второпях один сапог жениха, а другой свой. Идет и криком зовет лошадь. Это было весной. Вот почему у кукушки одна нога красная, а другая синяя, и вот почему она кукует весной — ищет лошадь. Казахи считают эту птицу священной. Если взять ветку, на которой сидела кукушка, и бросить в молоко — будет много масла.

Ему славно работалось над этим сводом правил и обычаев народа. И он не ездил собирать материал. Он приводил в систему все, что впитал в себя с ранних лет, что видел в Степи вновь и вновь. В записку вошли и деяния баксы Койлубая из рода баганалы. Великий Койлубай на одну байгу² поставил свой кобыз³, распорядившись привязать брыкливый инструмент к саксауловому дереву.

¹ Кумалакчи гадали на кумалаках (шарикц, обычно их брали 41), джаурунчи — на бараньей лопатке.

² Байга — конные состязания.

³ Кобыз — музыкальный инструмент.

И кобыз Койлубая выиграл на байге первый приз, прискакал впереди всех лошадей, волоча за собой вырванное с огромным корнем дерево. Посмеиваясь, записал Чокан и сказку, поведенную — или придуманную — заезжим жолучи: о битве отважного Койлубая с царем албасты. Не такой человек казахский баксы, чтобы испугаться ничтожных чертей, отказаться от поездки к больной, потерять свой нажитый годами авторитет.

Продолжая давний юношеский спор с Левшиным, он писал о вере, а не о суевериях. И не только о духах и почитании животных, птиц, загадочных явлений природы. Во всем этом выразился живо и образно характер степного кочевого народа, поэтическое восприятие окружающего мира.

Гасфорт проштудировал записку своего адъютанта и сделал неожиданное резюме:

— У вашего народа нет религии. Ее надо создать. Я обдумаю.

И Гасфорт со свойственным ему педантизмом погрузился в чтение ученых книг. Придуманная им религия весьма искусно — на его, конечно, взгляд — трансформировала для степняка-язычника еврейскую религию, очищенную от крайностей талмуда и реформированную в духе христианства. Весь Омск катался со смеху, слушая Чокана, излагавшего с самым серьезным видом учение пророка Гасфорта, не понятого, как и все пророки, высшим начальством. Петербург возвратил проект Гасфорта с уничтожающей резолюцией Николая I, что религии не сочиняются, как статьи свода законов.

Кроме обязанности писать бумаги за Гасфорта, Чокану досталась и обязанность историографа Западной Сибири. Он получил доступ в одно из ценнейших хранилищ тайн русской политики в Азии — в Омский архив. Там сидели безвестные, недипломированные, но своего рода блистательные знатоки прошлого. Они приносили адъютанту Гасфорта корнету султану Валиханову пропыленные, пожелтевшие связки бумаг. Древние грамоты на русском языке, на староузбекском, указы и приказы, рапорты и реляции, походные журналы, путевые записки купцов... Чего только не было в Омском архиве! Связки материалов о русско-джунгарских отношениях, показания бухарца Адама Хазикельдина, уроженца города Томска, тайно посланного из Кашгара в Россию некими двенадцатью беками с письмом русскому царю и шестью драгоценными камнями в презент...

Чокану разрешили уносить домой бумаги, наиболее его заинтересовавшие. Теперь у него в комнатах, убранных коврами, неустанно бродили тени людей, живших в стародавние времена, звучали их отнюдь не бесстрастные голоса. Живые свидетели истории то излагали чистейшую правду, то лгали в своих корыстных целях, то просто-напросто несли дикую, невежественную чушь. Словом, вели себя, как свойственно людям... Беседуя с ними, Чокан испытывал высокое наслаждение, ведомое историкам, — он становился очевидцем, почти участником давно минувших событий, но при этом обладал горьким преимуществом мудреца, знающего все, что случится потом: через день, через год, через сто лет.

И нередко, когда Чокан беседовал с живыми свидетелями прошлого Степи, восхищаясь их отвагой и прозорливостью или негодуя на глупость, трусость, корыстолюбие, в комнате вдруг начинали звучать знакомые с детства песни Джанака и Орынбая, негромкий голос бабушки, сказывающей старую легенду. Поразительно! Старинные героические поэмы, похвальные оды, плачи точнейшим образом воспроизводили те же исторические события, о которых свидетельствовали полуистлевшие грамоты, труды историков и летописцев. Значит, сказка сказкой, но есть в ней и зерна достоверности.

А давно ли, размышлял Чокан, европейские ученые отказались от пренебрежительного отношения даже к письменным свидетельствам восточных историков? Совсем недавно. И далеко не все восточные письменные источники получили признание у корифеев. Принято верить греческим авторам, а чего нет у греков, того и вовсе не было никогда и не могло быть. С этим утверждением горячо спорил В. В. Григорьев, оренбуржец, восходящая звезда русского востоковедения, доказывая, что по истории Руси многое сыщется не столько у греков, сколько у восточных писателей. В. В. Григорьев обнаружил в поэме Низами «Искандер-наме» сведения о походах русов, отличающиеся какою-то особенною достоверностью.

А разве казахская поэма о Едиге не свидетельствует о деяниях этого темника, упоминаемого в ярлыке Тохтамыша? Казахские предания, значит, потому и повторяются слово в слово в разных концах Степи, разными людьми, что они достоверны, они — устная летопись. Едиге — не вымышленный герой, а реальная историческая фигура, он победил Витовта, князя литовского, при Ворскле. И эпическая поэма, воспевающая деяния Еркочке, впол-

не может быть сопоставлена с Никоновской летописью, где упоминается Когча — богатырь татарский, «велика суща телом и силою».

Вот оно, значит, как... Сказания и легенды казахов — это богатейший, обширнейший изустный архив степного кочевого народа. Вот почему поэзия казахов столь богата и столь чтима!

Чокан был счастлив сделать это открытие. Счастлив еще и потому, что с самых ранних лет он что-то, значит, угадывал, предчувствовал, когда увлекся — не по-детски серьезно — записью народных преданий.

Гутковский с интересом выслушивал рассказы Чокана об архивных поисках и находках. Чокан имел возможность убедиться, что его корпусной учитель геодезии недурно разбирается в истории всех трех киргиз-кайсацких орд. Но куда больше интересовали Карла Казимировича вопросы новейшей политики России в Средней Азии. Через Степь тянулись торговые пути в Хиву, в Бухару, в Кашгар. Карл Казимирович был превосходно осведомлен обо всем, что происходило по ту сторону среднеазиатской границы Российской империи. И особенно интересовался Кашгаром. В 1847 году Гутковского специально командировали в приграничное укрепление Аягуз для сбора сведений о восстаниях кашгарских ходжей против китайского владычества.

Несмотря на вечные распри меж Омском и Оренбургом, Гутковский многое знал о тайных предприятиях соседнего губернаторства. Знал и о том, как засылали в Хиву и Бухару необычного лазутчика — из поляков, отбывающих в Оренбурге солдатчину. Виткевич гимназистом пятнадцати лет очутился в Оренбурге. Он владел до ссылки семнадцатью языками, а в казарме умудрился изучить персидский и узбекский. Когда в Оренбург приехал Гумбольдт, ему представили Виткевича, и великий немец пришел в восторг от познаний юноши в истории и географии. Перовский в конце концов произвел его в офицеры и взял к себе в адъютанты. Виткевич ездил от Перовского в Кабул к эмиру Дост-Мухаммеду. А потом сам вызвался тайно проникнуть в Хиву и Бухару. Переоделся в азиатскую одежду и присоединился к бухарскому каравану. В Хиве все обошлось благополучно. В Бухаре Виткевича случайно увидел беглый русский солдат, опознал и выдал властям. Виткевича ожидала мучительная казнь, но ему удалось бежать, добраться через степь до Оренбурга, вручить Перовскому драгоценнейшие сведения о путях в

Хиву и Бухару, о политическом положении в сопредельных России государствах. Перовский отправил героя пожинать лавры в Петербург. Николай I назначил ему аудиенцию, а накануне ее Виткевича нашли в номере гостиницы с простреленной головой, от всех привезенных им бумаг осталась горсть пепла.

— Зачем же он их сжег?! — воскликнул Чокан.

Гутковский неопределенно пожал плечами:

— Российским агентам, проникшим в тайны Азии, надлежит быть осторожными и после благополучного возвращения. Вам известна судьба Кирилова, помощника Григория Карелина?

— Расскажите.

— С Кириловым такое же несчастье приключилось еще по пути в Петербург, в Арзамасе. Опять загадочная смерть и опять исчезновение дневников. Только пепла не осталось, дневники просто украли. Если допустить, что Виткевич, ненавидя царя, мог действительно застрелиться, предварительно уничтожив бумаги, то уж о Кирилове этого подумать нельзя. Его убили. А дневники, я думаю, лежат сейчас в каком-нибудь лондонском сейфе.

Может быть, уже тогда в долгих увлеченных беседах опытного службиста Карла Казимировича Гутковского и 19-летнего Чокана начал уточняться зародившийся в юности замысел, основанный на безупречно азиатской внешности Валиханова. Во всяком случае, среди документов, которые Чокан выносил из Омского архива и которые остались у него по причине смерти архивариуса Доценки и последовавшей затем неразберихи, оказалось немало путевых записок с подробнейшими маршрутами.

Журнал похода подпоручика и атамана Телятникова в Ташкению, совершенного в 1796—1797 годах и описанного сержантом Безносиковым... Путевые записки толмача Мамедиарова с маршрутом от Сибирской линии до Коканда с подробными примечаниями о переправах, колодцах, наличии подножного корма и топлива... Записки кабульского еврея Мегди Рафаилова, отправленного в 1813 году по поручению корпусного командира генерал-лейтенанта Глазенапа в город Тибет...

С особым интересом Чокан изучал составленную в 1827 году неким Сушиным записку «О положении дел в Кашгаре». Поводом для ее составления было восстание Джангир-ходжи. И здесь Чокан натолкнулся на знакомое имя. Его родич, султан Старшего жуза Сьюк, содействовал встрече титулярного советника Бубеньова с агентом

Джангир-ходжи. Судя по записке Сушина, кашгарская смута тогда интересовала не столько военное министерство, сколько министерство финансов. Сушин полагал, что, если Кашгар порвет с Китаем, азиатская торговля России только выиграет, ибо Россия — а не Кашгар, Кульджа и Чугучак — будет посредничать в сбыте китайского чая в Средней Азии и в снабжении Китая азиатскими товарами. В записке Сушина особо отмечалось, что благодаря кашгарской смуте в декабре 1826 года в Петропавловск пришел китайский караван на 600 верблюдах! Чокан подосадовал, что Сушин упустил важнейшие подробности: какие же были товары? Зато об английских происках в Средней Азии Сушин писал обстоятельно. По слухам, собранным от купцов, английских агентов видели в Кабуле и в Бухаре, они отдавали свои товары даже без денег, на веру и под видом товаров провозили в ящиках огнестрельное и белое оружие, отдавая его за бесценок.

Служа адъютантом у генерал-губернатора, Чокан изрядно преуспел в изучении наук, и прежде всего истории, географии и экономики Степи и соседних стран. Поразительно много разных дел умудрялся совмещать юноша, только что выпущенный из корпуса. И ко всему на корнете Валиханове лежало еще и бремя султанского рода. Отец и дядя Муса не скупились на советы, а в казахских семьях младшие подчиняются старшим беспрекословно.

В 1854 году подполковник Чингис Валиханов получил должность советника Пограничного управления (вскоре переименованного в Областное правление¹) и перебрался на житье в Омск. Чингис Валиханов и Муса Чорманов делают на многие годы признанными советниками русского начальства по всем вопросам, касающимся Степи. Этим они, конечно, во многом обязаны не только собственным достоинствам, уму и знанию степной политики, но и тому положению, которое занял Чокан при Гасфорте. И все остальные потомки хана Вали тоже обязаны

¹ По новому административному делению 1854 года территория, подвластная прежде Пограничному управлению, теперь состояла из Области сибирских киргизов и Семипалатинской области. Первая имела областное правление, а в Семипалатинске не было ни областного правления, ни выборных старших султанов. Считалось, что в Старшей орде это вводить преждевременно. В Областном правлении сибирских киргизов было четыре советника, из них только один киргиз. Положение Чингиса было очень почетным.

Чокану тем вниманием, которое стал им уделять Гасфорт. Не был забыт и Губайдулла. Сам Густав Христианович уговорил его отдать в Сибирский кадетский корпус одного из внуков, девятилетнего Гази, сына того самого султана Булата, что отбывал вместе с Губайдуллой ссылку в Березове. Гази Валиханов поступил в кадетский корпус в тот год, когда Чокан сделался адъютантом генерал-губернатора. Чокану еще придется сталкиваться в разных обстоятельствах с этим шустрым родичем, поразительно похожим на него внешне, а характером на деда, на Губайдуллу.

Сергея Федоровича Дурова определили в 3-й батальон, стоявший в Кокчетаве. Красивейшие места, здоровый климат. Уже в те времена сибиряки ездили сюда отдыхать, лечиться кумысом. В Кокчетаве находился военный госпиталь. Дуров, страдавший жестоким ревматизмом, больше времени пребывал там, чем на службе. К тому же казачья станица Кокчетавская была центром округа, которым правил старший султан Чингис Валиханов. Окружной приказ помещался на станичной площади напротив гостиного двора, и там же стояла мечеть побогаче видом, чем скромная деревянная церковь Георгия-Победоносца. Отец Чокана пользовался в Кокчетаве большой властью, что тоже сказалось на положении Дурова. Летом 1854 года Чокан по обыкновению приехал в Сырымбет, и Сергей Федорович какое-то время смог пожить у Валихановых.

Через год после выхода из крепости Дурова освободили от солдатской службы. Екатерина Ивановна Капустина взяла его под свою опеку, он поступил писцом в Областное управление сибирских киргизов и поселился неподалеку от Капустиных в мещанском домишке.

— Какое великолепное знание литературы о Востоке и какая бедность общего образования! — заявил Дуров, ближе сойдясь с Чоканом. Заявил со свойственной ему резкостью и прямоотой без снисхождения к тому, что Чокан не петербургский студент, а недавний кадет и к тому же происходит из кочевого народа.

Петрашевцев судили за вольные разговоры, за чтение крамольного письма Белинского к Гоголю. Но... Двадцать одного подсудимого — к смертной казни, к расстрелянию, к жуткому спектаклю царского «помилования», продуманному до тонкостей, сыгранному искусно, с надевани-

ем саванов, с предсмертными объятьями соучастников, а трое уже привязаны к столбам...

Петрашевцы высказали самую опасную для самодержавия мысль: главное в том, «чтобы идеи и желания укоренились в массах народа, а когда будет чего желать целый народ, тогда против него ничего не может войско».

В кругу петрашевцев Сергей Федорович Дуров считался одним из самых непримиримых. По донесениям провокатора Антонелли, Дуров на собрании у Петрашевского заявил: «Всякому должно показывать зло в самом его начале, то есть в законе и государстве».

Образованнейший человек, владеющий несколькими иностранными языками, талантливый поэт и переводчик, Сергей Федорович Дуров обладал даром пропагандиста. Он открыл Чокану имена теоретиков утопического социализма Фурье, Сен-Симона, Роберта Оуэна. Чокан узнал от Дурова и то, что петрашевцы обсуждали на своих собраниях положение нерусских народов России¹, что Петрашевский собирался написать «Очерк общежития в России» и был убежден, что новое учение пробудит все народы от векового застоя.

В воспоминаниях Сергея Федоровича Дурова о вольных беседах в кружке возникали знакомые Чокану имена. И Егор Петрович Ковалевский там бывал... Но кто такой Аскер-хан?

— Признаться, я не верил письмам моего друга Аскер-хана, — усмешливо вспоминал Дуров. — Он уехал служить в Оренбург и писал оттуда, что киргизы, находящиеся под властью Хивы, завидуют участи соплеменников, вошедших в русское подданство. Завидовать участи русских подданных? Не дико ли?

Оказалось, что Аскер-ханом прозвали с юных лет Алексея Ивановича Макшеева за его мечты о путешествиях в глубины Азии². В одном из выпусков «Записок

¹ Генерал-аудитор в докладе царю обратил на это особое внимание.

² Впоследствии в «Историческом обзоре Туркестана и наступательного движения в него русских», вышедшем в 1890 году, А. И. Макшеев, уже генерал-лейтенант, член военно-ученого комитета Главного штаба, писал, что политика России в Азии «резко отличается от запытия европейскими государствами стран в других частях света», и подчеркивал национальную терпимость русского народа: «Не оружием, а нравственными качествами русского народа упрочилось господство России в Европе и Азии». При всей официальности этих взглядов их небезынтересно сопоставить с высказываниями Ф. Энгельса о цивилизирующем влиянии России в Средней Азии.

Русского географического общества» Чокану встретилось «Описание Аральского моря» Макшеева. Автор с состраданием рисовал тяжелую жизнь киргизов, кочующих около устьев Сырдарьи и на Кос-Арале; нищие кибитки киргизов-землепашцев на Камышлы-баше; беглецов, поселившихся на острове Барса-Кельмес, название которого означает: «пойдешь и не вернешься»...

От Дурова Чокан узнал, что среди петрашевцев было немало востоковедов. В Азиатском департаменте служили Д. Д. Ахшарумов, А. П. Баласогло, Е. С. Есаков, Н. С. Кашкин, братья И. М. и К. М. Дебу, на восточном факультете Петербургского университета учились поэт А. Н. Плещеев, А. Д. Толстов, А. В. Ханыков, младший брат знаменитого востоковеда и путешественника Николая Владимировича Ханыкова, труд которого «О населении Киргизских степей» Чокан прочел с увлечением, как, впрочем, и описание Бухары и труд о городском управлении в Средней Азии.

Нет, все-таки существовала закономерность в том, что петрашевцев влекла к себе Азия. Дуров рассказывал своему ученику об идеях Баласогло. Старший архивариус Азиатского департамента Баласогло признавался на следствии: «Я и спал и бредил разбором азиатских дел... Я не разбираю, а воссоздаю дела, как художник какую-нибудь древнюю статую или здание, разбросанное в мельчайших обломках...» Политический преступник обвинил правительство в неумении вести дела в Азии: «...гр. Несельероде целые 35 лет своего управления министерством не видел или не хотел видеть целого Востока и столь тесно соприкосновенной с ним огромнейшей половины России...» Баласогло провозглашал — и ведь перед кем! Перед судьями! — «Восток принадлежит России неизменно, естественно, исторически, добровольно... Он куплен кровью России еще в доисторических спорах славян с финнами и тюрками, он выстрадан у Азии монгольским игмом, он спаян с Русью ее казаками, — он заслужен у Европы отстаиванием ее от турков...».

Идеи Баласогло вспомнились Чокану, когда по служебной обязанности — он состоял одно время в штабе Отдельного сибирского корпуса при генерал-лейтенанте Яковлеве — ему довелось распечатать пакет с одой Достоевского «На европейские события в 1854 году». Семипалатинское начальство представило стихи опального солдата по инстанции, в штаб корпуса, а от Яковлева патри-

отическая ода пошла в Петербург, Дубельту — только он мог распорядиться ее судьбой. Пылкие стихи, подражания Пушкину, «Клеветникам России»:

И властвуя над Азией глубокой,
Она всему младую жизнь дает,
И возрожденье древнего Востока
(Так бог велел!) Россией настает.

Тщетно Чокан потом искал в доставляемых из столицы газетах оду Достоевского. Нет, не напечатали. Только ли потому, что не хотят вернуть из забвения имя автора «Бедных людей»? Или что-то не понравилось в самой оде? Ломая голову над причиной, отчего не печатают патристические стихи, Чокан вновь и вновь возвращался памятью к строкам о России и Востоке. Судьбу оды решал Дубельт, а уж он-то помнил, что говорили — и в кружке, меж собой, и на допросах — петрашевцы.

С Сергеем Федоровичем Чокан своей смутной догадкой делиться не стал. Он видел, что на каторге двое петрашевцев не сблизились — как было в Сибири с декабристами, — а разошлись. Не Чокану их судить. К тому же он замечал, что с Дуровым после каторги обошлись снисходительней — послали в благодатный Кокчетав, через год освободили по болезни от солдатчины. А Достоевский? Его упекли хуже некуда — в Семипалатинск, в чертову песочницу. И его — сколько ни стараются омские друзья — не освобождают от солдатской лямки. Несмотря на эпилепсию, засвидетельствованную медиками, на то, что припадок может случиться с ним в строю, на посту, в походе. У Петербурга к Достоевскому какие-то свои счета.

Один мудрый человек сказал, что пути к истине подобны дорогам в ногайской степи — столь же широки, как и длинны. В книгах и архивных документах Чокану встречались две меры степных дорог. Одна — в верстах, в милях, в прочих мерах длины, азиатских и европейских. Другая — в часах, днях, неделях, месяцах, даже годах пути... Чокан ощущал, что бег его жизни стремителен. Начать отсчет с того ли года, как двенадцатилетнего султана привезли в ученье к Костылецкому и Гонсевскому?.. С того ли, как он открыл для себя высокий мир чувств и мыслей Пушкина, Гоголя, Лермонтова?.. С того ли, как он узнал о декабристах, о рабстве русского мужика, о том, что в России зреют новые силы, противостоя-

щие трону?.. Ведь, в сущности, то, о чем ему с таким жаром убеждения говорил Сергей Федорович Дуров, уже составляло историческое прошлое, канун 1849-го... А сейчас в воздухе слышны раскаты грядущих бурь. Они слышны и в глубине Сибири. Здесь тоже читают «Современник» и замечают, как в небольшой рецензии на книги по статистике сельского хозяйства излагаются доказательства, что крепостное право невыгодно экономически, ведет Россию к упадку и разорению. И до Омска уже начинают доходить издания Лондонской вольной типографии, их получает в засургученном пакете Гасфорт, стремящийся быть в курсе новых опасных веяний. И русский хабар приносит из центральных губерний достовернейшие сведения о новой вспышке крестьянских бунтов. И крымский позор пеплом кружит над Россией...

В феврале 1855 года Чокан, как адъютант Гасфорта, одним из первых в Омске услышал весть о кончине Николая I. Мигом все оживилось, засуетилось. Нашлись счастливы, которые представлялись наследнику престола во время его путешествия по России в 1837 году. Меж тем русский хабар доставил из столицы достовернейшие слухи о самоубийстве Николая I.

Чокан оказался вовлеченным в свару, вспыхнувшую среди султанов, когда стали составлять список депутации от киргиз-кайсаков Средней орды для поездки в Петербург. Подполковник Чингис Валиханов и сотник Муса Чорманов (оба с характеристикой: «Говорит по-русски порядочно») попали в именной список. Приставом при депутации назначили старого друга семьи Валихановых — Дабшинского. Вместе с султанами в Петербург отправился глухонемой братишка Чокана, десятилетний Макажан, которого в доме звали Маки. Чокан уговорил отца поместить Маки в столичное училище для глухонемых.

В Петербурге и Москве султаны потерялись в толпе привезенных отовсюду, наряженных в национальные одежды верноподданных Русской империи. Сибирских киргизов принял Александр II, они выразили ему свою любовь, были милостиво обласканы и могли отправляться восвояси. Маки, плачущий в три ручья, остался в училище для глухонемых на Гороховой улице. И поскольку у него не оказалось в столице ни родственников, ни знакомых, попечение о Маки, принятом на казенный счет,

было возложено на управляющего делами Сибирского комитета, «подобно тому, как поручены ему кавказские и закавказские уроженцы, воспитывающиеся в высших и специальных заведениях империи».

Еще много лет спустя Чокан будет слышать в аулах красочные подробности поездки казахской депутации к царю. Поэтическое воображение степняков надолго взбудоражили рассказы, что русские ездят — и напих султанов возили! — на огнедышащей лошади, она мчится с ужасающей быстротой и тянет по железной дороге длинную связку тарантасов.

Долго помнился в Степи и внеочередной, крупнейший сбор так называемых добровольных приношений на поездку султанов к русскому царю. Это был такой грабеж, что годы спустя казах, припоминая какое-нибудь событие, говорил для точности времени: «Это произошло до сбора на депутацию» или: «Это произошло после сбора».

Никаких перемен с восшествием на престол уже молодого Александра II Степь не ощутила, как, впрочем, не ощутил и Петербург. В обществе шли споры, надо ли идти на мир с врагами России или продолжать войну. Первым законодательным актом Александра II стало высочайшее повеление о переменах в военных мундирах. Генералы надели брюки красного цвета, что сделалось событием в Омске, где в то время насчитывалось вместе с Гасфортом четырнадцать генералов. Русский хабар донес из столиц новейший каламбур: «Ожидали законы, а вышли только панталоны!»

Летом 1855 года Гасфорт отправился в поездку по Семипалатинской области, недавно образованной в составе Западно-Сибирской губернии. Генерал-губернатор еще только-только выехал из Омска в величественном экипаже, запряженном восьмеркой лошадей, а в Степи все аулы уже повернули в направлении того маршрута, которым везли Гасфорта. Никто казахов туда не гнал, никто не намеревался украсить путь Гасфорта такими живописными потемкинскими аулами. На все была добрая воля самих кочевников и новый степной обычай, которым казахи были обязаны Сперанскому, вписавшему в «Устав», что один раз в году областной начальник отправляется сам или отряжает особых чиновников для обозрения и ревизии порядка в Степи и что жалобы на старшего султана,

на членов приказа и начальника стражи подаются киргизами письменно областному начальству.

Со времен введения «Устава» маршрут, которым ездили омские начальники, сделался для казахов чем-то вроде Птичьей Дороги¹, опустившейся в Степь. Летние кочевки родов теперь строились с расчетом на встречу с кочевкой омского начальника. И само лето сделалось для степняка не только порой свадеб и других празднеств, не только порой богатых поминок и разбора дел судом биев. Лето стало теперь благодатной порой принесения жалоб русскому начальству. Вот ради чего пустели все степные урочища окрест и становилосьлюдно на пути губернаторской кочевки. А где людно, там и праздники. Поют акыны. Джигиты состязаются в байге и кокпаре. У кого нет надежного скакуна — ступай борись, ухватив за пояс мокрого от пота соперника. У кого и силенок пегусто — попытай счастья, может, тебе удастся выхватить зубами монету, брошенную в казан, полный кумыса.

На всем пути от Омска до Семипалатинска веселятся беспечные казахи на традиционном летнем празднике принесения жалоб русскому начальнику. И да здравствует просвещение, да здравствует цивилизация, обучившая кочевника жалобам в письменной форме! Но кто их пишет в почти сплошь неграмотной Степи? Пишут толмачи и письмоводители. Пишут не только за бедняков из «черной кости», но и за большинство из тех, кто поставлен у власти. Громаднейшую бесконтрольную власть дает в Степи элементарное знание грамоты. Один случай вошел в легенду. Некий ловкий письмоводитель написал от имени неграмотного правителя прошение об отставке, припечатал доверенной ему родовой тамгой и подал по начальству. Отставка не замедлила. На должность правителя был тут же избран другой — тот, кто уплатил ловкачу письмоводителю большой тогуз². Правильно говорят, что войлок под задами правителей и старшин постелен хитростью и посажены они на него обманом. Ну а куда девался об-

¹ Птичьа Дорога, Куш Жол — так называли казахи Млечный Путь.

² Тогуз в переводе — девять. Распространенная в степи мера оплаты, а также взятки. Большой тогуз — девять голов разного скота, начиная с верблюда. Средний тогуз начинается с лошади, малый — с бычка. У Валиханова в дневнике поездки на Иссык-Куль (1856 г.) приводится пример, когда было уплачено за сооружение надгробия четыре девятки; первая из них была раб и 8 лошадей, вторая — верблюд и 8 лошадей, третья — лошадь-бегунец и 8 лошадей, четвертая — вол и 8 коров.

манутый письмоводителем проstack? Никуда не девался. Он каждое лето прикочевывает на веселый праздник казахских жалоб русскому начальству, но никак не может добиться толку и до сих пор не знает, за что его уволили с должности, ибо письмоводителем служит все тот же ловкий пройдоха и все жалобы за неграмотного простака пишет он, а что в них пишет — неизвестно.

Сопровождая генерал-губернатора в триумфальной поездке сквозь сплошной летний степной праздник, Чокан многое увидел и понял, чего раньше, быть может, просто не замечал, когда ездил степью в свои родные, с детства знакомые и любимые места, в свое родовое гнездо Сырымбет.

Путешествие учит человека зоркости. Дорога развязывает языки. На всем пути от Омска до Семипалатинска Чокан слышал за спиной беседы омских знатоков Степи. Среди рассказчиков блистал остроумием его будущий злейший враг Виктор Карлович Ивашкевич, давно уже забывший то время, когда находился на положении политического ссыльного. Он, видно, и в тайное общество попал случайно. А в ссылке «образумился», вошел как свой в теплую компанию, засевшую в Областном правлении сибирских киргизов. Казахский язык Ивашкевич знал в совершенстве.

— Знать язык — первейшее дело, — поучал он других. — Потом тамыров¹ надо заводить в степи — верных, надежных, преданных. Уметь себя вести в компании киргизов — без этого не обойдешься. Баранью кость ни в коем случае, господа, не грызть зубами. Имейте при себе ножичек поострее и ножичком, ножичком обкромсайте мясо, однако не дочиста. Мослы у киргизов принято швырять сидящим позади дамам...

Вся теплая компания покатывалась со смеху. Гасфортovu свору не беспокоило, что их слышит корнет Валиханов, что разговор задевает его национальные чувства. Какие там чувства у киргиза!

Обижаться на эту публику — много чести. Но у шайки хапуг на самом деле повсюду имелись наивернейшие тамыры. Султаны и волостные правители в почетных халатах ташили своим омским сообщникам богатые дары, ставили белые юрты, поили шампанским, придумывали черт-те какие, будто бы существующие в степи испокон

¹ Тамыр — друг, побратим, то же, что на Кавказе кунак. Это слово дано у Даля с примечанием: «По Иртышу».

веков, варварские обычаи гостеприимства — лишь бы угодить чиновному вору и что-то урвать для себя.

А простой народ почтительно глазел издалека на то, как его лучшие представители — его избранники! — дружески обращаются с русскими начальниками.

На корнета султана Валиханова, затянутого в изящный мундир, сидящего в седле не как казах, а как русский кавалерист, его родной народ глядел с недоверием, отчужденно. Откуда знать вон тому чабану в овчине, надетой на голое тело, или вон той девушке в праздничном наряде, какие мысли о судьбе казахов владеют молодым богатым султаном, наряженным в русский мундир?!

Зато аульная верхушка вполне осведомлена, какой влиятельный пост — при самом генерал-губернаторе! — занимает корнет султан Валиханов.

Султаны и правители знали всю его родословную до седьмого колена и знали, с кем Валихановы находятся в родстве.

— Валихановский щенок не станет помогать кому-нибудь другому, только своим, — слышал он за спиной.

Чокана бесили косые, завистливые взгляды перодичей. Но еще больше его бесили те, кто считал себя родней адъютанта губернатора. Они набивались к нему в палатку, бесцеремонные, уповающие, что он для того и занимает место при губернаторе, чтобы устраивать дела и делишки валихановской, ближней и дальней, родни, а всех ее врагов давить и преследовать, не пускать на выгодные должности, выгонять с лучших пастбищ.

Родня, настоящая и самозваная, липла к нему. И откатывалась, брызгая слюной от возмущения.

— Сын Чингиса обрусел. Он пренебрегает казахскими обычаями, которые обязывают помогать друг другу.

И это говорилось о нем, считавшем, что чувствительность в казахах и участие, принимаемое ими в ближнем, лучшая добродетель степного народа.

Зато как счастлив бывал Чокан, когда продирался сквозь толпу остроскулый, с горящими глазами смельчак и во всеуслышание заявлял жалобу на своего султана, на русского заседателя-взяточника. Нет, не перевелись в казахском народе искатели правды и справедливости, заступники за слабых и обиженных! А ведь нелегко им доставалось. Сколько знала Степь случаев, когда вот такой смельчак пробивался к русскому начальству с праведной речью, а продажный толмач превращал гневные слова в пылкую лесть русскому начальнику. Русский на-

чальник благосклонно кивал головой, милостиво улыбался, и смельчаку казалось, что все им сказанное понято, что начальник обещает во всем разобраться, а начальник ехал дальше, весьма довольный тем, что киргизы его так любят и почитают. Ну а обидчики и взяточники, разумеется, оставались на своих местах.

В эту поездку генерал-губернатора Чокану достались обязанности толмача, и, наверное, кое-кто все-таки полетел с теплых местечек. Не такая уж большая победа — вытурить одного, двух, трех взяточников. Но он верил, что каждый случай, когда жалоба смельчака не осталась неуслышанной, порождает новых смельчаков, учит народ пользоваться хотя бы теми скудными правами, которые у него есть.

К Семипалатинску поезд генерал-губернатора подъезжал со всем азиатским великолепием, подняв над степью гигантское облако пыли. Впереди мчали тройки с колокольцами. За ними — экипаж, в котором восседали Гасфорт с супругой. За экипажем следовали омские чиновники и семипалатинские высшие чины, выехавшие встретить генерал-губернатора. По сторонам скакали в почетных халатах почетные казахи. К ним затесались семипалатинские купцы, примчавшиеся навстречу поезду Гасфорта за много верст.

Семипалатинская крепость встретила генерал-губернатора пушечным салютом. У переправы через Иртыш Гасфорта приветствовала толпа чиновников, парившихся на голнце в мундирах и сюртуках. Множество зевак глазело на редкостное зрелище с плотов и лодок, усеявших Иртыш. Из казахской слободки высыпали полуголые дегизки.

Чокан разглядывал город, раскинувшийся на противоположном берегу. Мечетей он насчитал больше, чем церквей. Несколько лет назад Семипалатинск получил городской герб с изображением золотого верблюда, полумесяца и пятиугольной звезды. Чокан знал, что этот герб полностью соответствует тому значению, которое приобрел город на Иртыше в русско-азиатской торговле.

Издавна во всех договорах России с казахскими ханами неизменно стояло условие, чтобы торговые караваны пропускались беспрепятственно. Казахам, принявших русское подданство, освободили от ясака с верблюжьего поголовья — верблюды требовались в большом количестве для торговых караванов. Россия так сильно жаждала торговать с Азией, что не ущемляла купцов таможенными

тарифами и давала каждому купцу — будь то русский или азиатец — казаков для охраны в пути.

Но православному купечеству было невыгодно ездить с караванами в азиатские города. Там с неверных согласно шариату драли вдвое больше зякета¹, чем с мусульман. Поэтому всю торговлю России с Азией прибрали к своим рукам ташкентцы, бухарцы, татары, осевшие в русских городах-крепостях. Православное купечество больше интересовалось горным делом, а если и торговало, то через приказчиков-мусульман или русских, бойко болтавших на всех азиатских наречиях и выдававших себя за татар². Казахи гоняли скот на продажу в среднеазиатские города и на линию русских крепостей. В ходу был с русской стороны товар Ирбитской и Нижегородской ярмарок, с азиатской — ташкентский, бухарский и китайский. При Бухтарминской, Ямышевской и Семипалатинской крепостях караваны проходили таможенный досмотр. Чокану попадались в Омском архиве связки бумаг — отчеты таможен о привозных и отвозных товарах с указанием мест, в кои вывезены.

Семипалатинскую крепость основали на исключительно удачном месте. Торговая слава города на Иртыше росла и проникала в глубины Азии. В 1851 году произошло событие, чрезвычайно благодетельное для Семипалатинска. Знаменитый путешественник и дипломат Егор Петрович Ковалевский проследовал через этот город в Кульджу и заключил там с китайцами взаимовыгодный Кульджинский договор, открывший для русской торговли Кульджу и Чугучак, где учреждались русские торговые консульства. Кульджинский договор поднял торговый оборот Семипалатинска до миллиона рублей в год, семипалатинский таможенный пост преобразовали в таможню первого класса.

Переправившись на тот берег, Чокан увидел, что разгневанный Густав Христианович распекает священника в парадном облачении.

— Почему не встретили колоколами?!!

— Колоколами, ваше превосходительство, положено встречать царя, а также особу царской фамилии, — пы-

¹ Зякет — налог, сборы.

² Семипалатинский купец Пеленков (Пиленков) торговал в Кашгаре под именем Абди-Ходжеина.

тался объяснить батюшка, не смея, однако, напомнить, что Гасфорт к тому же не православный, а лютеранин.

— Здесь я царь!

Наконец кто-то догадался увести священника.

Губернаторский поезд покатило по широким улицам, тонущим в сером мелком песке. Впереди грянули барабаны и литавры, Чокан увидел сквозь клубы пыли плац, строй солдат. Солнце палило нестерпимо, от песка под ногами несло жаром, как из пекла, строй штыков оставался идеальным.

Чокан вглядывался в красные, словно обваренные, лица солдат. Хоть бы не увидеть сегодня в строю Достоевского! Могли же они пощадить известного литератора! Да что там литератора... Он болен, с ним случается падучая... Чокан несколько раз провел взглядом по красным лицам, одинаково выделанным солдатской службой. Нет, не видать...

Адъютант семипалатинского губернатора Спиридонова, бывший гусар Василий Петрович Демчинский, уже с утра подвыпивший (что проясняло причины его перевода из привилегированного полка в семипалатинский гарнизон), обещал вытребовать Достоевского из батальона.

— Проще всего вам свидеться у меня на квартире... Мы с Федей... с Федором Михайловичем приятели.

Чокан растерялся. Что же это такое!.. Юнец, корнет армейской кавалерии привез писателю приветы и посылки от омских друзей. Так явись почтительно, вручи!.. Нет, вместо этого писателя Достоевского вытребуют из казармы. Ты зачем-то понадобился адъютантику генерал-губернатора, султану Валиханову, наглому ценку.

— Ерунда! — объявил в ответ на все его сомнения Демчинский. — Александра Егорыча Врангеля не знаете? Здешний стряпчий казенных и уголовных дел. Тоже приехал — и «ах, ах, неудобно». Ничего. Федя к нему явился, стал во фронт. А теперь приятели...

Гасфорт в Семипалатинске принял депутацию азиатского купечества. Толмачил при деловой беседе Валиханов. Они вошли — степенные, знающие себе цену, в дорогих зеленых и малиновых халатах, в тюбетейках с замысловатыми узорами — по тюбетейке можно определить, из каких мест происходит азиатский купец. Чокан отметил, что казахов среди купеческой верхушки нет. Ка-

захи вели только мелкий торг, сатовку в степи. Степь — степняку, а города — иноплеменным. В городах только на самом дне скапливались обнищавшие вконец казахи из самых безродных, чьими главными достоинствами считались покорство и безотказность.

Беседу с Гасфортом вел от имени всех азиатских купцов ташкентец Букаш.

Переводя ответы Букаша на вопросы Гасфорта, Чокан все больше убеждался, что ташкентец — политик и дипломат, каких поискать. Букаш в курсе всех интриг, которые плетутся в Коканде, Кашгаре, Бухаре и Хиве. Ему известно во всех подробностях, что предпринимают «инглиз-адам»¹, чтобы завоевать среднеазиатские рынки для своих товаров.

Неторопливые и обстоятельные ответы Букаша наполнили Чокану дневные записки азиатских и российских купцов, что сберегались в Омском архиве. Люди торгового сословия не умеют составлять маршруты, вычерчивать карты, вести топографические съемки. Но они знают дороги, обычаи народов, языки. У торгового сословия есть своя — и превосходная! — изустная география все еще не открытой европейцами Азии. Листы их памятных книжек пахнут дымом костров, бараньим салом и дорогими благовониями. Там записано, сколько пало по пути верблюдов и лошадей, сколько работников погибло смертью храбрых, сражаясь за хозяйское добро, а также померло в пути от холеры, оспы, чумы. И бог ты мой, что за перечень товаров!.. Ситец, зеркала, медные чайники, чугунные котлы, заступы, зонтики, чулки, умывальники, мишурный позумент, александрийский лист, жемчуг, ичиги с калошами, нитки, сапоги, купорос... Ода во славу торговли!

Чокан готов был толмачить беседу Гасфорта с азиатскими купцами хоть сутки напролет, но хвастающий своим деловым рвением Гасфорт и тот притомился, дал понять, что купцы могут приступить к изложению своих просьб.

Что ж... Не задаром же Букаш принес генерал-губернатору требуемый политический товар. У Букаша — да и у других купцов — осложнились отношения с казахами Старшего жуза. Раньше султаны обеспечивали торговому каравану необходимую безопасность, отряжали сопровождающих, а купцы за это подносили султанам подарки.

¹ Инглиз-адам — англичане.

Добрые отношения давали купцам возможность пасти вьючный скот на урочищах, принадлежащих казахам.

— Но зачем одаривать бездельников-султанов, если теперь у купечества существуют добрые отношения с русской властью, охраняющей караваны? — Букаш просил Гасфорга законно отвести купечеству землю для пастбы вьючного скота, заверял клятвенно, что у казахов пастбищ слишком много, куда больше, чем им нужно.

Обращаясь к Гасфорту с такой просьбой, Букаш знал, что она вовсе не проста. Земельный вопрос решал только Петербург. Гасфорт милостиво, но уклончиво обещал купцам свое содействие. Азиатское купечество торжественно удалилось, обсахарив Гасфорта первосортной восточной лестью.

Демчинский, как и обещал, вытребовал Достоевского из батальона к себе на квартиру.

Для Достоевского этот юноша с монгольским лицом, в мундире корнета армейской кавалерии прежде всего посланец Ольги Ивановны, названной сестры. Человек, которому можно довериться. Губернаторское кочевье прибыло в Семипалатинск как раз в ту пору, когда Достоевский возобновил попытки пробиться в печать.

Новые стихи «На первое июля 1855 года», ко дню рождения вдовствующей императрицы, пошли в Петербург через Гасфорга, однако не Дубельту, а военному министру, причем не ради печатания (хотя почему бы и нет?), а с ходатайством о присвоении Достоевскому унтер-офицерского чина. Густав Христианович не принадлежал к числу тех, кто согласен вот так, за здорово живешь, портить отношения где-то наверху. За хлопотами Гасфорга о Достоевском стоит чье-то очень веское на него влияние.

Принято считать, что Гасфорга убедили походатайствовать за опального писателя двое: семипалатинский губернатор Петр Михайлович Спиридонов и Александр Егорович Врангель, имевший ход к Гасфорту, «приятелю многих моих родных», как пишет Врангель в воспоминаниях о Достоевском.

А что же Валиханов, адъютант, писавший за Гасфорта все важные бумаги?

Не умаляя значения той помощи, которую Александр Егорович Врангель оказывал опальному солдату, и значения их многолетней переписки для исследования творчества Достоевского (несмотря на изъятие мест, показав-

шихся Врангелю излишне откровенными), надо все-таки опровергнуть устоявшееся мнение, что один только Александр Егорович и опекал Достоевского в Семипалатинске и был ему достойным собеседником. Из Омска имели возможность влиять на семипалатинское начальство Ивановы, Капустины, Гутковский. И служили в Семипалатинске образованные офицеры. И купцов не всех чохом следует зачислять по «темному царству». И жили там старообрядцы, искатели сказочного Беловодья. И разный другой прелюбопытный народ. Но Врангель в силу своего петербургского воспитания никого из этих людей — по его мерке невежественных — не заметил. И на Валиханова тоже особого внимания не обратил.

О роли Чокана в отправке оды через Гасфорта можно судить по тому, что меж ним и Достоевским сразу же возникли дружеские отношения.

К тому времени Достоевский основательно проштудировал заинтересовавший петрашевцев сложнейший вопрос о положении нерусских народов России. Он изучил этот вопрос не кабинетно, не в путешествии, а на тюремных нарах, где теснились все племена, все языки многонациональной империи. Личные впечатления, вынесенные из столь близкого общения с русскими крестьянами, с малороссами, кавказцами, поляками, евреями, татарами, будут и годы спустя влиять на позицию Достоевского, на его мысли о всечеловечности русского духа, объединяющего все национальности.

В «Записках из мертвого дома» Достоевский с великой любовью написал о дагестанце Алее¹: «...я так рад был, что судьба послала мне его, а не другого кого-нибудь в соседи».

В Чокане Достоевский увидел продолжение Алея. И какое удивительное, знаменательное для России продолжение! В свои двадцать лет сын кочевого племени был весьма образованным историком, этнографом и географом, владел восточными языками и европейскими...

Они, возможно, говорили о новейшей русской литературе — о Тургеневе и Толстом. И особо о традициях русского очерка и путевых записок. Ведь в Семипалатинске, обдумывая свою книгу о каторге, Достоевский пришел к решению ни в коем случае не сочинять роман, это будут статьи, очерки, записки... В размышлениях о форме будущей книги Достоевский перечитывал Карамзина, Ак-

¹ А л е й — вымышленное имя

сакова. В Чокане он нашел знатока путевых очерков, их формы и стиля.

И конечно же, они говорили о Крымской войне. На Достоевского должна была произвести сильнейшее впечатление патриотическая позиция правнука Аблая султана Валиханова.

Семипалатинск открыл Достоевскому не книжный, не экзотический, а реальный Восток. В солдатской казарме, прислушиваясь к перелетающим через крепостные стены призывам муэдзинов, Достоевский размышлял о власти веры над душами людей и судьбами народов. Он попросил брата прислать Коран. Тогдашние английские и французские переводы Корана и русские переводы с английских и французских изданий были весьма несовершенны¹. Достоевский обрадовался возможности послушать лекции Чокана о мусульманской религии — лекции тем более интересные, что Чокан неплохо знал священную историю. От Чокана Достоевский мог узнать, что пророк Магомет страдал эпилепсией, мысль о связи своего недуга с пророческим даром возникла у Достоевского именно тогда, в Семипалатинске.

Если они говорили о Коране и Евангелии, о мусульманстве и православии, о том, насколько повлияло христианское учение на Запад, а Коран на Восток, то, значит, возникала и очень важная для обоих тема России и Азии².

А потом — очевидно, вместе с развеселым Демчинским или с важным Александром Егоровичем Врангелем — они совершили небольшое путешествие на загадочный Восток, к купцу-ташкентцу Букашу Аупову. Деловой ташкентец умел принять русских гостей, накормить и напоить, и уж тем более ему было лестно видеть у себя Валиханова, влиятельного человека при генерал-губернаторе и к тому же правнука Аблая.

¹ Первый русский перевод Корана был сделан П. Постниковым с французского перевода по приказу Петра I и опубликован в 1716 году. Пушкин написал свои «Подражания корану», ознакомившись с изданием 1790 года в хорошем литературном переводе М. И. Веревкина. Переводы Корана на русский язык с арабского появились лишь в 70-х годах XIX века. Один из них принадлежит казанскому востоковеду Г. С. Саблукову, учителю Н. Г. Чернышевского по саратовской семинарии.

² Сибирскими, то есть семипалатинскими, впечатлениями навеяна мысль Достоевского: «...работать у себя на задах, поливать корни, ходить за ними, пежить, холить, все для корней, и помнить: «Россия, положим, в Европе, а главное — в Азии. В Азию! В Азию!» (Из записной книжки.)

Букаш мог порассказать Чокану о своих беседах с побывавшим в Семипалатинске — не так уж давно — немецким путешественником Гумбольдтом и о мудром степном политике султана Старшего жуза Сьюке, родиче Валихановых. Сьюк кочевал неподалеку от Капала. Его аулы подвергались беспрестанным грабительским налетам кокандцев. Султан обрадовался, когда пришли русские и построили в Капале крепость. Сьюк неоднократно обращался к русскому правительству, просил о помощи против кокандцев и о принятии казахов Старшего жуза в русское подданство. В 1823 году султаны, бии и знатные казахи Старшего жуза приняли решение добровольно присоединиться к России.

Чокан с интересом слушал воспоминания бывалого ташкентца. Букаш присутствовал в 1846 году на празднествах неподалеку от Капала и слышал песни Орынбая, посвященные улаживанию спора между Средним и Старшим жузами. По рассказам Букаша тогда, в 1846 году, его просьбу о пастбищах рассматривал суд биев. Бии разрешили семипалатинским купцам кочевать со своими стадами в урочищах Аркат и Альджан (занимающих примерно шестьдесят квадратных верст), платя за это дань казахам.

Букаш рассказывал Чокану разные разности, а сидящие тут же его немолодые сыновья и взрослые внуки не вмешивались в беседу, лишь почтительно отвечали, когда к ним обращались с вопросами. Они тоже многое знали, потому что ездили с караванами и в Кульджу, и в Чугучак, и в Ташкент. Кроме сыновей и внуков, Букаш представил гостям своего компаньона Мусабая, который был тоже ташкентец. Чокан понял, что эти коммерсанты в тубетейках не какие-нибудь там мелкие торговцы нанкой и стеклянными бусами, а крупная международная фирма, у нее есть свои агенты во всех среднеазиатских городах, связанных с Семипалатинском торговыми сделками.

Из Семипалатинска губернаторское кочевье двинулось степью на Капал. Гасфорта приветствовал полковник С. М. Абакумов, командир 10-го казачьего полка, правитель казахов Алатавского округа. Капал оказался славным зеленым городком. Абакумов говорил о вверенном ему округе как о прекрасном наблюдательном пункте — отсюда видать все, что творится в Кульдже и Коканде, — и как о чуде природы — здесь находится озеро Алакуль, притягивающее к себе множество перелетных птиц, в го-

рах есть железная руда, запасы точильного камня и горячие источники, на которых уже построен курорт Арасан.

Лет двенадцать назад молодой казачий офицер Абакумов сопровождал в поездках по Семиречью путешественника Григория Силыча Карелина и сделался с тех пор страстным коллекционером орнитологических, энтомологических и ботанических материалов, начал переписываться с русскими и иностранными натуралистами. Теперь полковник с гордостью произносил латинские наименования, в которых значилось: «*abacumovi*». Лазутчики, прибывшие из-за гор, могли подолгу околачиваться в крепости, пока господин Абакумов возвратится с Алакуля, гордый тем, что добыл еще несколько редчайших экземпляров птиц, гадов и жуков.

Из Капала Гасфорт направился в укрепление Верное. По пути все чаще попадались пашни, в арыках струилась вода, полуголые люди, черные от солнца и грязи, заплескивали лопатами воду из арыков на свои посевы. Курьер, нагнавший губернаторское кочевье, привез два неприятнейших известия. В Чугучаке взбунтовавшаяся толпа сожгла русскую факторию. А на другом краю России пал Севастополь. Ощущалась какая-то тревожная связь между двумя неравными по значению событиями. По аулам киргизского рода бугу, недавно принявшего русское подданство, прокатился панический слух, будто рогатая мать-олениха покидает места, оскверненные приходом неверных. Испуг матери-оленихи выглядел довольно странным, если вспомнить, что легенда о происхождении бугинцев от рогатой матери не имела никакого отношения к мусульманской вере, исповедовавшей ненависть к неверным, совершенно несвойственную ни казахам, ни киргизам.

Чокан записал легенду о матери-оленихе. Два охотника — Карамурза и Асан — нашли в горах девушку с рогами и мальчика. Они убили мальчика, и тогда девушка сказала: «Да не будет у вас рода, вы лишили меня моего». Охотники привели рогатую девушку к родоправителю Мурзакулу, который отдал ее в жены своему внуку, и она родила двух сыновей. С тех пор род, пошедший от рогатой матери, стал называться бугу, что значит «олень». Бугинцы чтят память Муиз-ана — рогатой матери, — принося ежегодно жертвоприношения на Иссык-Куле, где, по поверьям, до сих пор живет ее дух.

Вот там-то, на святом месте, как рассказывали в аулах, один пастух недавно увидел белую женщину, сидящую на камне. Пастух хотел подойти к ней, но она тут

же скрылась в разверзшейся пещере. Камни вновь сомкнулись, и пастух тщетно пытался их отодвинуть. Он начал молиться и призывать Муиз-ана. Наконец из пещеры послышался голос. Рогатая мать стала жаловаться на приход русских и объявила, что покидает берега любимого Иссык-Куля. Утверждали, будто она указала точно, что направится в Коканд и Бухару.

Направление, избранное Муиз-ана, открыло Чокану, кто и зачем распространяет новый вариант старинной легенды.

— Намерен ли род бугу последовать за матерью-оленихой? — спросил он султана Старшего жуза полковника Тезека Нуралина, весьма заинтересованного в знакомстве с адъютантом генерал-губернатора.

Султан Тезек был примерно вдвое старше Чокана. Лицо типичного чингизида, колоссальное честолюбие, а оно, как знал Чокан, — великий двигатель казахского родоначальника.

— Бугу не собираются уходить, они хотят искать защиты у русских... — доверительно выкладывал Тезек. — У бугу война с сарыбагышами, у сарыбагышей с дулатами, у дулатов с нами, с албанами¹...

Приехав в гости к Тезеку, Валиханов переместился на полвека назад. В юрте султана висели на жердях кровавые куски баранины, и ничего не было из привычных для Чокана с детства предметов европейского комфорта. Картины прошлого являли для Чокана и тюленгуты Тезека. Не слуги, как у султанов Среднего жуза, а самые настоящие воины-дружинники. Старший жуз еще не вышел из эпохи межродовых распрей. Тезек не стеснялся посылать своих безотказных тюленгутов на старинный степной промысел — на барымту. А когда известный в Семиречье акын Суюмбай пришел к Тезеку и бросил ему в лицо гневную песню, клеймя за грабежи, султан албанов приказал связать акына и примерно наказать. Впрочем, вскоре Тезек и Суюмбай примирились. Ведь султан албанов тоже считался искусным импровизатором.

Чокан знал, что в последнее время русское начальство придерживается по отношению к Тезеку двойственной политики: одной рукой гладит, а другой грозит.

— Ненадежные султаны больше получают от русских, — посмеиваясь, говорил Тезек.

В беседах с Тезеком Чокану пригодился весь получен-

¹ Назват

и киргизских родов.

ный с детства опыт восточной дипломатии. И не исключено, что он ездил вместе с султаном албанов — по поручению Гасфорта или без одного — в аулы, кочующие по территории, издавна принадлежавшей Старшему жузу, по находившейся под властью Коканда. И возможно, отправляясь вместе с Тезеком, корнет Валиханов сменил мундир на одежду казахского султана. В кашгарских записях Чокана есть упоминание, что он опасался людей, видевших его в Коканде. Однако биографы Валихапова до сих пор еще не установили, когда именно он совершил свою первую поездку.

Во всяком случае, когда генерал-губернаторское кочевье тронулось из Верного в обратный путь, поднимая клубы пыли над пожелтевшей летней степью, Чокан в свите Гасфорта уже не видели. Он остался в Семиречье, ездил к Джунгарским воротам, на любимый Абакумовым Алакуль, а затем через Каркаралы и Баян-Аул, где во главе приказа стоял дядя Муса, прибыл в Кокчетав. Отыскал летнюю кочевку своего отца, отдохнул там и к осени воротился в Омск.

В один из дней начала декабря он распечатал привезенный фельдъегерем пакет из Петербурга, из военного министерства. В числе прочих бумаг там лежал приказ о производстве Достоевского в унтер-офицеры. Чокан позаботился, чтобы радостная весть как можно скорее достигла Семипалатинска.

В ту зиму он работал над капитальным трудом о родословии казахов, сопоставляя сведения из восточных писателей, из русских летописей с казахскими преданиями, а их у него накопилось немало. И джиры, что сказываются речитативом. И надгробные плачи — джилавы. И свадебные четверостишия, загадки, пересмешки, порою весьма непристойные. И песни в форме улен, вошедшей в моду полвека назад, — Чокан полагал, что ее занесли казанские и тобольские татары.

Степные предания говорили о стремлении казахов знать свое «народоначало», откуда они пошли и почему зовутся казахами. За сказками и легендами Чокану открывалась суть подлинных исторических событий: во времена не столь уж давние степь стала прибежищем разных племен, искавших воли. Отсюда и имя народа «казах», «казак» значит вольный человек. Чокан стал искать подтверждения своей гипотезы в письменных источ-

никах и нашел у восточных писателей упоминание о «казаках» как о свободных людях, своего рода рыцарях. Из «Собрания государственных грамот и договоров» Чокан выписал: «казаком кочует на поле», «будучи на поле и живучи казаком». Русские историки интересовались превращением скопища беглого люда в прочно организованное казачество. Гоголь называл казачество народом, сложившимся из разных наций, по вере православным, по образу жизни, обычаям, костюму совершенно азиатским. Чокана увлекла возможность исторического сопоставления кочевника-степняка и русского приграничного жителя. Он написал в черновом наброске: «Привольные и обширные степи киргизские, как Украина для Руси, сделались местом стечения удалцов и батыров, искавших свободу и богатство в добычах. Если русские казаки, запорожские и донские, очень скоро составили отдельную и характерную народность, более или менее различную от великорусского населения, то нет сомнения, что смутные времена междоусобий орды, выгоняя не отдельные личности, как на Руси, а целые племена, способствовали к образованию отдельной казачьей общины из разнородных племен...»

Валиханов подробно перечислил в своем труде наименования казахских родов. Каждый из них имел свою историю. И если о казахском народе восточные писатели упоминают начиная с более поздних времен, то наименования казахских родов — кипчаки, найманы, керей — известны авторам, описывающим историю Чингисхана, а по Абу-ль-гази каглы еще до Чингисхана жили по Исык-Кулю, по рекам Чу и Талас.

С большой тщательностью Валиханов восстапавливал в своем труде родословное древо казахских ханов и султанов, начиная от Барака — знаменитого предка ханов всех трех жузов. Все эти сведения надо было торопиться изложить на бумаге, пока еще живы белобородые и те, о ком говорят «кери кулак» — старые уши, то есть люди, слышавшие народные предания еще давным-давно, в прженем, самом верном исполнении.

Чокан изобразил и родословное древо хана Вали, включив туда своих братьев и себя — Мухаммеда-Ханафию.

Он сделал примечание, что у казахов ханы и султаны считаются потомками Чингисхана, ходжи — потомками пророка Мухаммеда, а простой народ в отличие от них называет себя кара, то есть черный.

Труд Валиханова о родословии казахов остался неза-

вершенным. Обычная его к себе чрезмерная требовательность. Он хотел еще многое туда вместить. Например, написать о развалинах, остатках древних городов. О надгробии Джубан-ана¹ в долине реки Сарысу, поставленном в X веке в память о матери легендарного батыра Джубана. О мавзолее Айтбулата там же, на Сарысу.

Занявшись переводом для Костылецкого пословиц и поговорок казахов Старшего жуза, собранных учеником Николая Федоровича переводчиком Андреем Ивановичем Бардашовым, Чокан подсознательно останавливал свое внимание на том, что отвечало его раздумьям. «И собака, возвратившаяся на родину, опередила соловья, оставшегося у врага», «В безводной местности камыш не растет, народ, пришедший в разлад, чести не имеет».

Народ, пришедший в разлад... Не один народ, а два: казахи Старшего жуза и киргизы. Что знают о них, об их страданиях в России, в Европе? Признанные авторитеты Гумбольдт и Риттер полагают, что Большая орда в отличие от двух киргиз-кайсацких орд состоит из бурутов, то есть из дикокаменных киргизов. Неправда. Большая орда — частица казахского народа.

В ту зиму он написал для Гасфорта проект управления казахами Большой орды, дав обстоятельный обзор положения на русской пограничной линии, краеугольными камнями которой теперь стали форт Перовский на Сырдарье (бывшая Ак-Мечеть²) и укрепление Верное в Заилийском крае.

Чокан упомянул в обзоре о поджигательных фирманах турецкого султана, об английском золоте, появившемся в Бухаре и других магометанских ханствах Средней Азии, о том, что на среднеазиатских базарах, где сейчас первенствуют русские товары, следует ожидать появления товаров английских, а также огнестрельного оружия...

Читая эту записку, невозможно поверить, что ее автор — молодой человек, всего лишь недавно вступивший на службу. За военными, политическими и экономическими соображениями, высказанными в ней, видится опытный штабист. Чокана подстегивала мысль, что пишет он не от собственного имени, а от имени «омского хана» и, следовательно, может высказать такие соображения, кото-

¹ Этот памятник женщине-матери сейчас восстановлен по рисунку, сделанному Ч. Валихановым.

² Ныне г. Кызыл-Орда.

рые никто бы и слушать не стал, если бы они принадлежали корнету армейской кавалерии.

«В отношении политическом, военном и торговом Заилийский край имеет чрезвычайно важное значение. Находясь в узле трех держав и главных путей, ведущих в Ташкент, Кульджу и Кашгарию, он служит опорой против вторжений со стороны кокандцев и китайцев, занятием его упрочивается порядок и спокойствие в Большой орде, приобретает большое влияние на дела с Кокандом и Ташкентом, обеспечиваются торговые пути в эти места, а сближением с дикокаменными киргизами представляются виды на открытие торгового пути с Кашгарию, Яркентом, Тибетом¹ и прочими местами Средней Азии».

Дальше в записке шла речь о беспокойстве, вызванном в Ташкенте ростом влияния России в Большой орде и у дикокаменных киргизов. О том, что Коканд усиливает оборону крепостей Пишпек², Мерке и Аулие-Ата³, и о необходимости принять меры для защиты мирных аулов от нападения с кокандской стороны.

Старший жуз должен наконец-то обрести мир и реальную возможность сближения со Средним жузом — объединения казахов в единый большой народ. Вот о чем еще думал Чокан, сочиняя записку об управлении Большой ордой. Одним из путей объединения казахов станет введение в Илийском крае вместо военного управления — военно-гражданского, такого же, как у сибирских киргизов, с выборными старшими султанами, с областным правлением, в котором есть представитель казахов.

Гасфорт остался доволен запиской Валиханова и отослал ее в Петербург в качестве обоснования необходимости усилить войска Сибирского корпуса и учредить должность правителя Илийского края. Чокан искренне огорчился, когда его капитальный труд положили под сукно, посчитав очередным прожектом Гасфорта.

Осенью 1855 года Чокану Валиханову исполнилось двадцать лет.

17 декабря Гасфорт подписал ходатайство перед военным министром о награждении за особенное усердие и не-

¹ Яркент (Яркент), Тибет — города, бывшие тогда крупными торговыми центрами.

² Пишпек — ныне г. Фрунзе.

³ Аулие-Ата — ныне г. Джембул.

угомимые труды штаб- и обер-офицеров Сибирского корпуса:

«В числе представляемых заключается между прочим и состоящий при мне по несостоянию комплектного числа адъютантов корнет султан Валиханов, который, хотя и состоит на службе не более 2 лет, но при совершенном знании оной и киргизского языка, а также и местных киргизских обычаев, он, сопровождая меня в киргизскую степь, принес большую пользу. Притом он, султан Валиханов, есть потомок последнего владетельного хана Аблая, поступившего в подданство России, и первый из детей киргизских султанов Сибирского ведомства, который получил основательное образование в Сибирском кадетском корпусе и поступил на военную службу, а потому и в видах поощрения такого полезного начала и развития в киргизах желанная к отдаче детей своих в нашу службу и чрез то большего сближения их с нами я нахожу необходимым поощрение Валиханова всемилостивейшею наградою, тем более что по происхождению своему он пользуется особым между киргизами уважением».

Упоминание о большой пользе, принесенной Валихановым, подтверждает догадку о возможных поездках Чокана с Тезеком и сборе ценных сведений. Корнету султану Валиханову еще не полагалось производство в следующий чин, но благодаря особому ходатайству Гасфорта он был пожалован чином поручика.

Поступающие в Омск газеты расписывали, как торжественно встречает белокаменная Москва доблестных защитников Севастополя. Но что же празднует Россия? Сдачу русской морской крепости? Уничтожение черноморского флота?

Очевидец Лев Толстой годы спустя вспоминал: «Состояние, два раза повторившееся для России в XIX столетии: в первый раз, когда в двенадцатом году мы отшлепали Наполеона I, и во второй раз, когда в пятьдесят шестом году нас отшлепал Наполеон III. Великое незабвенное время возрождения русского народа!!! Как тот француз, который говорил, что тот не жил вовсе, кто не жил в Великую французскую революцию, так и я смею сказать, что кто не жил в пятьдесят шестом году в России, тот не знает, что такое жизнь».

Другой очевидец, Александр Михайлович Горчаков, сменивший после Парижского конгресса Нессельроде на

посту канцлера, во всеуслышанье утверждал, что Россия сосредоточивается, что время теперь работает на Россию.

В Омске, в доме Капустиных, встречали и провожали декабристов, возвращавшихся из ссылки.

Мысли, давно владевшие Чоканом о необходимости объединиться казахам всех трех жузов, были во многом созвучны тому, чем жила в 1856 году Россия. Патриотизм другого народа поучителен. Чокан знал историю Руси, он следил за статьями восходящего светила исторической науки С. М. Соловьева, за выпускаемыми им томами. Русский народ тоже в прошлом страдал от раздробленности, от междоусобиц. Сильной Россия стала в результате объединения вокруг Москвы.

Для Чокана теперь окончательно перестали существовать какие-либо особые интересы Среднего жуза. А поездка в Илийский край открыла ему, что, пожалуй, он сейчас всего нужнее в Старшем жузе и у исык-кульских киргизов, где все еще царит неразбериха, где необходимо противостоять кокандскому влиянию, помочь родоначальникам покончить с распрями, найти пути к объединению, сплотиться.

Он делился своими планами с Гутковским. Карл Казимирович нашел их достойными общественного внимания. В газете «Русский инвалид» за 1857 год появилось первое выступление Чокана Валиханова в русской печати — письмо из Омска, датированное 10 марта 1857 года.

Письмо начинается с описания Баян-Аульского округа, упоминается старший султан войсковой старшина Муса Чорманов (можно себе представить, как были довольны отец и дядя Муса), затем следует экскурс в историю Средней орды. Заканчивается письмо ярким описанием богатств вновь учрежденного Алатавского округа. Автор явно хочет привлечь внимание общественности, предпринимателей к Семиречью, находящемуся на одной широте с Пизой и Флоренцией, к благодатной природе, к судоходной реке Или. «Ясно, что Алатавскому округу предстоит завидный жребий в торговом отношении России, а укреплению Верному предназначено быть ключом нашей торговли с Центральною Азией».

Сохранились переписанные чужой рукой наброски к капитальному труду о казахам Старшего жуза, начатому тогда же Чоканом. Он сделал подробное описание природы Зайлиньского края, родов, входящих в Старший жуз. Поведал, как казахи делают порох из сора (селитры), кукура (угля) и кукурта (серы). В отличие от Среднего

жуза в Старшем процветало хлебопашество. Выращивали пшеницу, просо, горох, чечевицу, ячмень, занимались огородничеством и садоводством. В записке о казахском хлебопашестве сказано о пахарях-игинчи, «классе киргизкайсаков», промышленяющих целое лето, трудящихся до кровавого пота, не знающих покоя ни днем ни ночью.

Начав с описания Старшего жуза, он затем перешел к изображению казахского быта вообще. Многие путешественники по-разному путали, рассказывая об устройстве жилья кочевника. Чокан Валиханов на нескольких страницах дотошно перечислил все части юрты и ее внутреннее убранство. Отдельный очерк он посвятил архитектуре казахских могил, которые должно разделить на два разряда: народные могилы в виде простых насыпей и могилы почетных казахов в виде палат.

Весной поручик Валиханов получил приказ отправиться в командировку за Или и там присоединиться к отряду подполковника Хоментовского, принять участие в разборе споров между родами Старшего жуза, встретиться с киргизскими родоначальниками.

Отправляясь в служебную командировку, Чокан рассчитывал осуществить и свои научные планы. Он займется в поездках по Старшему жузу и по кочевьям иссыккульских киргизов главным образом этнографией и историей, потому что все новейшие путешественники, побывавшие в тех местах, ограничивались предметами физической географии — и Карелин, и Влангали, и Шренк...

Илийская долина и бассейн озера Иссык-Куль сулили историку уйму ярких впечатлений. Судьба множества народов Средней Азии тесно связана с этими местами. Некогда здесь пролегал Великий шелковый путь... Процветали торговые города, оседлые жители собирали на поливных землях прекрасный урожай, в горах тюркские племена добывали руду, по дорогам тянулись караваны из разных стран, ехали разряженные в пух и прах послы, ехали путешественники. Через Семиречье добирался в ставку монголов русский князь Ярослав, отец Александра Невского. Его судьба волновала воображение Чокана и Потанина, когда еще в кадетском корпусе они вместе сидели над старинными пухлыми томами.

Семиречьем следовал в ставку монгольского хана монах-францисканец Плапо Карпини¹; посланец папы Ин-

¹ Миссия Карпини выехала из Лиона весной 1245 года и вернулась осенью 1247 года. Сочинение Карпини неоднократно издавалось на русском языке в XVIII и XIX веках.

нокентия IV. Римская курия отправила его разведать, не удастся ли обратить племя завоевателей в католическую веру. Надежды папы Иннокентия IV на обращение монголов оказались тщетными, но его посланец добыл ценнейшие сведения о военной силе и военных планах великого хана.

И Рубрук¹ проезжал Семиречьем. Этот посол французского короля Людовика IX единственный из европейцев посетил столицу монголов Каракорум.

Разбираясь в исторических источниках по Семиречью, Чокан чуть ли не первым из тогдашних ученых обратил внимание на так называемую Каталонскую карту. Она, подобно другим итальянским картам XIV—XV веков, была составлена человеком практическим и предназначалась для купцов, торговавших с Азией. По свидетельству Каталонской карты, на озере Иссык-Куль некогда находился яacobитский монастырь с мощами святого Матфея. Не удивительно ли, христианский монастырь в глубине мусульманской Азии? Но и другие источники говорили о существовании в Семиречье — и в Мерве, в Самарканде — христианских сект: несторианских, монофизитских, яacobитских...

Чокан надеялся отыскать на Иссык-Куле руины прославленного монастыря. И найти бы ставку главы древнеусуньского государства город Чигу, о котором упоминают китайские историки. Судя по всему, город надо искать на восточном берегу Иссык-Куля...

Иссык-Куль ему теперь снился по ночам, как снилось в корпусе легендарное озеро Кукунор.

¹ Гильом Рубрук совершил путешествие к монголам в 1253 — 1255 годах. В России его труд был полностью переведен только в 1911 году. Однако, как свидетельствовал уже упоминавшийся в этой книге Янушкевич, в Омске хорошо знали труды «Рубруги-за», вероятно, по французскому изданию.

ПУТЕШЕСТВИЕ НА ИССЫК-КУЛЬ И В КУЛЬДЖУ

В начале апреля 1856 года Чокан отправился почтовой дорогой на Семипалатинск. Перед ним лежала на сотни верст ужасавшая многих путешественников голая степь. Ни холма, по которому можно определить направление, ни приюта от бури, ни кустарника, ни ручья... Сколько раз Чокан встречал в книгах про казахскую степь такие сетования. А ему с детства казалось, что ничего нет на свете прекрасней, чем беспредельная, волнующаяся на ветру степь. В прошлую поездку за Или он впервые увидел горы с ущельями и водопадами. Они его ошеломили, ему в горах делалось не по себе. Возле горных вершин он испытывал беспокойство, горы словно требовали от человека: суетись, спешить, не зевай, а то пропадешь. То ли дело степь! Она ничего от тебя не требует, ничто свое насильно не навязывает. В степи ты свободен и мысли твои беспредельны.

На казахских пикетах, пока меняли лошадей и ставили самовар, Чокан доставал свой дорожный журнал.

Первые страницы первого путевого дневника Валиханова выдают его юношеское радостное волнение. Наконец-то! Наконец-то его предназначение исполняется, он едет намеченным маршрутом, ведет наблюдения, записит в дневник самое примечательное. Сколько читано-перечитано с кадетских лет записок путешественников, а теперь он сам заботливо ставит в тетради число и месяц, географический пункт и затем описывает весеннее цветение степи, строптивый характер малой речушки, уток, пролетевших над лугом...

В этих первых записях виден приглядчивый, все подмечающий и свободно владеющий пером человек, но еще чувствуется в них ученичество, стремление выказать себя настоящим, классическим путешественником, сведущим в географии, геологии, гидрографии, ботанике, зоологии, этнографии, лингвистике... И можно проследить по первому, иссык-кульскому дневнику Валиханова, как он стремительно определялся в своей собственной, валихановской манере путевых записок, как все увереннее вводил на второй план обязательные описания флоры и фауны, чтобы

уделить главное внимание человеку, жизни народов Азии, их прошлому и настоящему, их надеждам на будущее.

Друзья Валиханова — и прежде всего Потанин — видели в нем большой литературный талант. Потанин с грустью говорит в своих воспоминаниях, что если бы у Чокана была казахская читающая публика, то, может быть, в его лице народ имел бы писателя на родном языке в духе Лермонтова и Гейне.

В его дневниках (на русском, втором родном языке Валиханова) выразилась очень ярко личность путешественника — первого казаха, получившего европейское образование, воспринявшего передовые идеи своего времени. Он был лучше, чем многие другие — далекие от политики — русские и европейские путешественники по Азии, подготовлен для исследования народной жизни, политического устройства азиатских государств, социальных условий. Будучи уроженцем Азии, он свободно чувствовал себя там, куда русские и европейские путешественники вовсе не получили бы доступа. Знание многих восточных языков и полученное им до корпуса домашнее, султанское образование делали для него близким и понятным духовный мир человека Азии. К тому же он еще и художник. Рядом с бисерной вязью строк — более разборчивых в первом дневнике и с трудом поддающихся прочтению в последующих — он пером или карандашом набрасывал рисунок, словно бы небрежный, наспех, однако очень точный. В те времена многие путешественники специально приглашали в экспедицию художника, чтобы запечатлеть пейзажи, предметы быта, типы людей, национальные костюмы. Валиханову — куда бы он в будущем ни направился — художник в спутники не потребуется. Его зарисовки как бы продолжают записи, а записи уточняют изображения. И всегда рядом с пейзажем, с портретом, с фигуркой животного у Валиханова будет вычерчен изученный им маршрут — вычерчен твердой рукой военного топографа: маршрут, план города, река со всеми ее притоками, схема перевалов, торговые пути. Величайшая ценность эти его топографические работы, из них потом сложились карты — теперь уже точные, а не предположительные, какими тогда вынуждена была довольствоваться европейская наука в трудах по землеведению Азии.

В Семипалатинске он остановился у Демчинского и свиделся с Достоевским. Чокан явился опять кстати. Достоевский показал ему новую оду — на коронацию Александра II и заключение мира. Ода снова пошла в Пестер-

бург через Гасфорта, так что Валиханов имел к ее судьбе самое непосредственное касательство.

18 апреля Чокан простился с семипалатинскими друзьями и отправился почтовым трактом на Аягуз. По пути он заглянул в Аркат, где выпасались лошади и верблюды, принадлежащие Букашу. Богатый ташкентец принимал гостя в летней резиденции, рассказывал подробности прошлогоднего буйства в Чугучаке.

В тех местах жили ссыльные из Внутреннего Китая, шампанги. Они занимались добычей золота, проводывая ради своего промысла и российские пределы на изрядную глубину. Русские власти пытались запретить самовольный промысел, но безуспешно. В самом глухом месте казахской степи на золотоносной речушке можно было увидеть характерную скрюченную фигуру шампанга-золотоискателя с лотком в посиневшей руке.

Потом разговор перешел на Аркат. Чокан не смог порадовать гостеприимного хозяина. Просьба об отведении пастбищ не может быть удовлетворена. Купец не стал скрывать своего огорчения. Надо что-то предпринимать для закрепления Арката за собой.

20 апреля поздно ночью Чокан прибыл в Аягуз. Утром он записывал в журнал: «Из всех станиц киргизской степи Аягуз, кажется, самый невзрачный на вид, впрочем, говорят, Кокпекты не лучше. Маленькая крепость, форштадт, где несколько деревянных домов, мечеть в татарской слободке и землянки».

В Аягузе Чокана заинтересовали населявшие город чалаказаки, то есть полуказахи, выходцы из Средней Азии, переселившиеся в казахские степи и записанные в казахские волости на общих правах с коренными жителями. Кого только не было среди чалаказаков. Иные лица, выдубленные солнцем и степным ветром, подозрительно смахивали на русские, хотя в разговоре беглый с сибирской каторги или с солдатской службы обычно называл себя казанским татаринном. Среди чалаказаков Чокану встретился археолог-любитель Чубар-мулла, получивший свое имя Пестрый мулла, или Рябой мулла, благодаря следам вытравленных каторжных клейм на лице.

Из Аягуза дорога вела к броду через Тумурзу, приток Аягузки, и дальше по правому холмистому берегу реки к Старой Аягузке. В этих местах когда-то жили золотоволосый Козы-Корпеш и прекрасная Баян-слу. Здесь Баян воздвигла памятник своему возлюбленному...

Чокан собирался непременно побывать на могиле Ко-

зы-Корпеша. Старинную казахскую легенду он записал еще мальчиком в исполнении Джанака. Потом Чокану попался в руки напечатанный в Казани русский перевод башкирской повести «Куз-Курпачь». Он видел у Костылецкого ученое издание на персидском языке с комментариями, но не мог прочесть, потому что не знал персидского языка. Оказывается, поэтичное предание о двух влюбленных принадлежало не только казахам, оно существовало у многих народов Средней Азии.

Козы-Корпеш и прекрасная Баян-слу полюбили друг друга. Но отец девушки, жестокий и скупой Карабай, обещал ее в жены Кодару. Влюбленные встречались тайком. Узнав об этом, Кодар подкрался к спящему Козы-Корпешу, пронзил его стрелой и — уже у мертвого — отсек златокудрую голову, поскакал к Баян и бросил голову Козы к ее ногам. Прекрасная Баян нашла тело любимого, приставила голову, и Козы воскрес. Три дня длилось счастье влюбленных. На третий вечер Козы испустил дух, Баян похоронила его, а через год справила поминки, воздвигла над могилой высокое надгробие и вонзила кинжал себе в сердце.

...Но где бы, в каких краях ни рассказывалась печальная легенда о двух влюбленных, надгробие, воздвигнутое Баян-слу, находилось на казахской земле и казахами почиталось как святыня. Столетия пролетали над степью. Приходили завоеватели, уходили завоеватели. Возникали и исчезали города и государства. А легенда передавалась из уст в уста — она бессмертна. Народ, способный сложить и сохранить такую легенду, не может называться отсталым, диким или как там еще!.. Казахи имеют свою литературу, у казахов есть свои Ромео и Джульетта, есть самый поэтический памятник на земле. Рассказывают, что он прост с виду, окружен грубо вытесанными каменными изваяниями, однако прекрасно поклонение ему в степном кочевом народе.

Чокан тщательно обдумал встречу с памятником, рассчитал время, чтобы подъехать к могиле при восходе солнца, когда жаворонок поет свою первую песнь. Но все испортил начавшийся ночью дождь.

Запись в журнале: «Человек предполагает, но бог располагает. Всю ночь крупные капли дождя стучали по зонту тарантаса. Истомленные лошади, скользя по грязи, перебирались шагком. Только усиленное хлопанье бича и фырканье усталых коней и отчаянные крики ямщика нарушали однообразный бой дождя...

Скверная была ночь, и скверно было ехать. В тревожном сомнении, чтобы дождь не помешал задуманному плану, я несколько раз обращался к ямщику с вопросом: «Ну, что, не разъяснено?» Ямщик, промокший до костей, брюзгливо отвечал: «Нету», — и потом, в виде обращения к судьбе, прибавлял: «Эка погода! брр...» — и страхал набравшуюся на колени воду. Жаль мне было ямщика — если бы ехали скоро, он давно бы отдыхал на теплой печке. Жаль было и памяти прекрасной Баяны.

Так мы ехали час.

— Ваше благородие, — отнесся ямщик, — вот и могила!

Я высунул голову. Солнце тускло выходило из-за угрюмых туч, все небо было покрыто сплошной массой грязно-матовых облаков, дождь шел как прежде, замылившись лошади едва тащились по грязному солончаку, налево за рекой виднелся через верхи тополей острокопечный шпиль могилы; она казалась из красного кирпича. В такую погоду нечего было думать о чае и комфортабельном осмотре киргизского антика.

— Кажись, и река в разливе, ваше благородие: не переедете, — заметил ямщик, как бы угадав мою тайную мысль.

— Ну, поезжай вперед, посмотрим в обратный путь, — сказал я и, завернувшись в шубу, повернулся на правый бок и закрыл глаза, чтобы уснуть».

Чокан действительно приезжал сюда после (или воротился с полпути?). Его поразила высота памятника. Девять человек должны встать друг на друга, чтобы верхний дотянулся до купола. Чокан сделал наброски — карандашом и пером — с каменных изваяний, стоявших у восточной степи. По народной легенде, одна из женских фигур изображала героиню поэмы, другая — ее сестру Айгыз, третья — ее тетку, женге. Слева от фигуры, изображающей Баян, стоит мужская фигура — это Козы-Корпеш. По рисунку Чокана видно, что уже тогда, в 1856 году, головы у мужского изваяния не было. Кто и когда ее отрубил? ¹

¹ По мнению современных исследователей памятников Казахстана, 14-метровый мавзолей на Аягузе воздвигнут между V и X веками. В 50-х годах XIX века один из русских исследователей собирался ради сохранения в целостности древних фигур перевезти их в Московский Исторический музей, но не получил поддержки местных властей, которые затем охотно содействовали отправке двух изваяний в Германию. В 1917 году Потанин поручил одному из краеведов обследовать памятник Козы-Корпеша и Баян-слу, и тот с печалью известил друга Чокана об окончательном разорении народной святыни.

За Аягузом трактовая дорога, идущая берегом реки, скрылась под весенней взбухшей водой, ямщик повез его благородие объездом по ровной солонцевато-грязной степи, заросшей белыми кустами чия, колючим ченгелем, облепихой и джигидой. На широкой реке Лепсе казаки держали перевоз. Чокан увидел на зеленых берегах скопления глиняных мавзолеев. Это свидетельствовало, что по Лепсе издавна кочевали казахские аулы. Где наши зимовья и где прах наших предков — там наша земля, таков устав кочевых племен.

Поручику Валиханову уже не давали в упряжку объезженных лошадей. Вылавливали из табуна тройку, завязывали лошадям глаза, впрягали в троечную упряжь, снимали повязки и... Тройка мчалась, по бокам скакали казаки, не давая лошадям свернуть с дороги. Мало-помалу лошади утомлялись и переходили на неспешный бег. Он ехал теперь теми местами, где — пройдет всего два года! — он будет скитаться в азиатском халате, голодный и грязный.

На Аксу ему открылись снежные верхи Алатавских гор. Запись в журнале: «Дальняя синева этих гор пестрела высоко, соединяясь с облаками. Местами верхи выходили из-за туч; восходящее солнце разливало на них багрово-блестящий свет. Картина удивительная».

Кто, когда напишет горы такими, какими их увидел Чокан весной 1856 года? Это сделает Рерих — его русская кисть именно так передаст краски Азии.

Чокан продолжал свой путь от Аксу на Капал. «Направо и налево от дороги виднелись могилы в виде крепостцы с бастионами или сфероидального вида, большей частью были первой формы. Попадались по дороге табуны лошадей, баранов, и вдали белелись киргизские юрты. Увидевшие нас киргизы спешили скорее убраться, и когда мы остановили пастуха, чтобы узнать, где кочует султан, то бабы в ауле подняли шум. Аул зашумел. Из одной юрты в другую шныряли бабы, звали кого-то по имени, должно быть бия.

— Моего барана они взяли, — говорила одна крикливая марджа, должно быть, по предчувствию, — не моя ведь очередь, — визжала она.

Мы поехали дальше, и аул начал успокаиваться. Только далекое шавканье упомянутой бабы доходило до нас...»

Чокан не пишет, кого из султанов он искал. Навер-

ное, Тезека. Сценкой аульного переполоха заканчивается одна часть дневника и начинается другая.

В Чилике поручика Валиханова поджидал Михаил Михайлович Хоментовский, старый степной вояка, когда-то гонявшийся в этих местах за Кенесары, человек широкий и шумный, друг-приятель Достоевского.

Экспедиция Хоментовского состояла из отряда казаков, группы топографов и довольно большой, не слишком дружной группы казахских султанов и биев, представлявших роды албанов, джалаириков и дулатов. В этой компании Чокан увидел брата Тезека — Аблеса. Переводчиком при султанах состоял Андрей Иванович Бардашев.

Экспедиция Хоментовского шла на Иссык-Куль вести топографические съемки, но при этом считалось, что она организована по просьбе киргизского манапа Боромбая¹. Чокан знал, что Боромбай давно взывает к русскому начальству о помощи. В одном из посланий манап писал с патриархальным хитрословием: «Чтобы вы приехали к нам, видели своими глазами, научили нас, что мы не знаем, и, передавши нам умные советы вапи, помирили бы нас с сарыбагышами, успокоив нас, подобно албанам и дулатам».

Для передачи киргизам умных советов Гасфорта и был командирован на подмогу Хоментовскому поручик султан Валиханов, внук последнего хана Среднего жуза Вали, то есть персона, несмотря на молодость, почтенная — и для казахов Старшего жуза, и для иссык-кульских киргизов. Чокан прекрасно понимал, что, «успокоив» манапа Боромбая, можно встревожить кого-то другого. В Старшем жузе поводов для междоусобиц более чем достаточно.

Пять лет назад часть рода дулатов, потерпев поражение от русских, поддержанных другими родами Старшего жуза, ушла за Чу. На земли дулатов тотчас устремился киргизский манап Ормон. В свое время он оказал русским услугу, участвуя в поимке и казни Кенесары. Под его началом сарыбагыши подчинили себе другие киргизские племена и даже умудрялись собирать в свою пользу зякет, благо Коканд для укрепления своей власти раздавал влиятельным мананам звания датха и фарманчи². Ормон имел от Коканда звание фарманчи и знамя. Завла-

¹ У Валиханова — Буралбай. В этой книге везде дается современная транскрипция.

² Датха — один из высших титулов в Коканде. Фарманчи — правитель, губернатор.

дев пастбищами дулатов, он обратился к русскому царю — это было еще при Николае I — с просьбой закрепить их за сарыбагышами. Но из Петербурга Ормон получил категорический отказ: закрепление за ним земель могло спровоцировать войну между казаками и киргизами, а междоусобица откроет кокандцам дорогу в Семиречье. В 1854 году властолюбивый Ормон сложил голову в битве с бугинцами манапа Боромбая. Но, несмотря на гибель своего манапа, трехтысячное войско сарыбагышей одержало победу и завладело кочевками рода бугу. Преемником Ормона стал Уметалы, он не имел того влияния, какое было у Ормона, поэтому кокандцы начали притеснять воинственных сарыбагышей.

В беседах с Хоментовским, с Бардашевым, с братом Тезека Аблесом Чокан уточнял положение дел в Старшем жузе и у дикокаменных киргизов.

15 мая Чокан записывал в журнал сведения о реке Чилик, берущей начало из центральной возвышенности Алатау.

Отметил, что в верховьях Чилика прежде зимовали сарыбагыши, а теперь зимуют албаны рода кызылборк. Это было очень важно знать для решения споров, чья земля.

Меж записей он продолжал рисовать маршрут. Весенние дожди размыли вьючную тропу, но отряд двигался быстро.

Дорога вывела на хребет. Становилось все холоднее, ночью шел снег, в походных юртах развели огонь, и все равно пришлось сидеть в шубах. Утром Чокан выглянул из юрты и увидел, что в горах бело, как зимой. Духа на озябшие пальцы, он записывал, откуда взялось название горы Торайгыр. «Туры айгыр» — значит «гнедой жеребец». Когда казахи изгнали отсюда джунгар, на этой горе нашли гнедого жеребца.

Отряд пробился через снег на юго-восточную сторону Торайгыра. Впереди открылась долина, промчалось легконогое стадо джейранов.

В густой траве Чокан увидел рыженького, недавно появившегося на свет детеныша. Ему сказали, что эти места славятся у казахов и киргизов обилием дичи. Чего тут только нет! Маралы, архары, джейраны. Из птиц — галки, дикие голуби, горные скворцы, рябчики, арчовые дубоносы, сорокопуть, а также хищные — коршун и особая порода ягнятников, птицы белые как зунь, только концы крыльев черные. Делая записи в дневнике, Чокан

с благодарностью вспоминал Абакумова, преподавшего ему уроки орнитологии.

19 мая Чокан увидел с высоты Первую Мерке, приток Чарына.

«С высоты течение реки было живописно: по зеленому и ровному логу синелась речка, берега ее были окаймлены с обеих сторон в виде аллеи ивами. Мерки (их три) впадают в Чарын, берут свое начало из Алатауских гор и текут по всей длине перешейка, образуя глубочайшие ущелья, и впадают в Чарын, который, проламывая только по ширине этот же перешеек, огибает Куулук и далее, повернув на север, впадает в Или».

Отряд Хоментовского направился на Каркару, тоже приток Чарына, где, по сведениям, кочевал род бугу. Чокан зарисовал в журнале круглую долину, посередке которой протекает Каркара. Здесь отряд остановился на ночевку, и здесь Чокан впервые услышал о каком-то Манасе. Речь сначала шла о названиях окрестных гор и сопок. Одна из сопок называлась Манасней-Бозтобе.

— Манас устроил на ней свой лагерь, когда воевал с каугирасами¹, — пояснили Чокану с той простотой, которая лучше, чем что-либо, свидетельствовала о полной достоверности существования Манаса.

Еще раньше Чокан, беседуя со спутниками, имел возможность убедиться, что многие легенды казахов рассказываются и у дикокаменных киргизов. Но кто же такой Манас, о котором не слыхивали казахи? Чокану пояснили, что у киргизов есть легенда о древнем богатыре Манасе. Она так велика, что ее можно рассказывать три дня и три ночи. Чокан решил, что это обычное восточное преувеличение.

На Каркаре в отряд Хоментовского прибыли представители рода бугу во главе с манапом Боромбаем, недавно получившим чин подполковника.

Чокан почтительно приветствовал правителя бугу и передал ему поклон от Гасфорта, а также все умные советы его превосходительства, внеся в них, разумеется, свои поправки. Чокан старательно показывал бугинцам, приехавшим с Боромбаем, что их манап большой человек, о нем известно в Омске и Петербурге. Лучший способ сразу добиться симпатии главы рода.

Боромбай просил передать Гасфорту, что сарыбагыши

¹ Каугирасы (кангирасы) — древнее племя, жившее в Семиречье.

ограбили бугу до нитки, вытеснили из исконных владений и, главное, отняли дорогу на Кашгар, а значит, и хороший доход, который давали торговые караваны, платившие бугинцам положенную мзду. История вражды этих родов, как рассказали Чокану, уходила в далекое прошлое.

На другой день суд биев приступил к разбору взаимных претензий бугу и албанов. Для тех и для других урочище Каркара служило летним кочевьем. Выступали с речами представители бугу, выступали албаны. За главного судью восседал русский начальник — Михаил Михайлович Хоментовский. Чокана восхищала гласность патриархального разбирательства. Все решается в открытом споре, приговор тут же делается известным множеству людей, а то, что объявлено народу, тем самым приобретает незыблемость закона.

С Каркары суд биев перекочевал на реку Тюп, там решали свой спор дулаты и бугу. Бий Чон-Карач, могучего сложения¹, в белой остроконечной шляпе, в полосатом халате, в красных сапогах на высоченных деревянных каблуках, затмил всех своим красноречием. Добродушный Хоментовский старался рассудить спорщиков по справедливости. Дело шло к празднеству, которым по традиции закреплялось дружественное согласие.

За полночь в колеблющемся свете костра появился певец в войлочном колпаке. Раскачиваясь из стороны в сторону, он сказывал напевно, и руки его, не занятые никаким музыкальным инструментом, застывали. Чокана. Вот воин опоясывается мечом, вот девушка, глядясь в зеркало, надевает праздничный убор. Киргиз-манасчи не только пел, он играл все роли — и мужские и женские, как целая труппа драматических актеров.

Прошел час, другой, третий. Манасчи продолжал мерно покачиваться, а руки его то седлали железопытного и медноногого коня, то омывали кого-то кумысом, и вдруг Чокану послышалось знакомое имя — Еркокче... От рождения не казавший врагам спину батыр Еркокче, сын Айдар-хана... Конечно, про богатыря-казаха манасчи сказывал в честь гостя-казаха.

На другой день манасчи пришел к Чокану в юрту и сказывал для единственного слушателя.

«То была лука золотого седла, то был отец многих на-

¹ Чон — большой.

родов, то был лукой серебряного седла — был отцом густого, как темная ночь, ногайского народа. Кукотай-хан собирался оставить наш свет.

Сын сары-ногаев, густочупринный Яш-Айдар Чора! Садись на Манекеря-коня и от начала до конца пройди густой и черный улус ногайский; скажи уйсунскому Амату, Аматкулу, Яйсангу, скажи биям с отвислыми животами и толстобрюхим богачам, скажи рыжебородым и густоусым, скажи молодцам с раздвоенными бородами и малыми усами, скажи всем и всем. Скажи также мурзам, пьющим мед из чашек весом в батман, мурзам, шатающимся на ногах от много и много выпитого меду, скажи темному, как ночь, ногайскому народу, что Кукотаю стало дурно, что Кукотаю пришел конец»¹.

Голос сказителя дрожал, по лицу текли слезы. Чокан записывал. Язык старинной поэмы оказался ему, казаху, гораздо понятней современного киргизского языка. Значит, некогда оба народа жили в более тесном общении. Значит, где-то в глубине веков их корни переплетаются.

Чокан записал в тот день большой отрывок великого киргизского эпоса, повествующий о смерти Кукотай-хана и пышных поминках. Это был, следовательно, исторический день. 26 мая 1856 года появилась первая запись «Манаса».

Чокан тогда не мог представить себе, что придет время и записи «Манаса» составят многие тома. Он догадывался — по открывавшимся ему частям чего-то огромного, — что у киргизской поэмы богатырский размах крыльев. Киргизы и казахи изображались в ней как два разных народа, но дружественных, даже родственных.

Дальнейший путь лежал через горный проход Санташ. В числе сопровождающих появились киргизы. Чокан увидел издали курган высотой сажени в три. Это и был Санташ, счетный камень. Киргизы рассказали, что некогда здесь проходил с войском Темир-Курген, то есть Тамерлан. Великий полководец направлялся в Китай, чтобы вытребовать себе в гарем дочь китайского императора. По приказу Темир-Кургена каждый из его воинов принес свой камень и положил в общую кучу, а на обратном пути через проход каждый взял по камню. И тогда

¹ Перевод на русский язык Чокана Валихапова.

по величине оставшейся горы камней Темир-Курген определил, скольких воинов он потерял.

Выслушав легенду, Чокан скептически подумал, что она не в ладах с историей. Тамерлан действительно шел на Китай, но скончался, не дойдя до страны киргизов, в городе Отраре. Более вероятно, что курган был насыпан воинами казахского хана Ишима, который одержал в этих местах победу над джунгарами.

28 мая Чокан записал в журнале: «С долины Тобулготы открылся нам так ожидаемый Иссык-Куль, предмет нашего риска».

На Иссык-Куле Хоментовский дал отряду передышку. Бородатые казаки, раздевшись до исподнего, бродили по заливу с неводом и вывалили на берег богатый улов. Киргизы в камышах рублили рыбу кривыми саблями. Чокан на берегу, смеясь, набрасывал карандашом картинку дружной русско-казахско-киргизской рыбной ловли.

Чокан успел подружиться кое с кем из киргизов, сопровождавших отряд. С ними он и отправился искать кочевку Боромбая, договорившись с Хоментовским о месте, куда следует явиться, скажем, через месяц. Впрочем, Михаил Михайлович не намеревался уйти за это время уж очень далеко.

Выехали 1 июня. К полудню всадникам открылась долина Джиргалана. Здесь, по предположениям, кочевал аул Боромбая. Яркая зелень травы, блеск горной речушки, повсюду видны юрты и отары овец. Чокан подмечал все, он обратил внимание, что киргизы рода бугу разводят тонкорунную породу и преобладающий цвет овец белый. Вот почему и юрты на склонах Джиргалана белее, чем в казахской степи. Коровы у бугу монгольской породы, по вымени видно, что они дают больше молока, чем казахские коровенки. Верблюды у бугу более светлого цвета, и шерсть у них нежнее, чем у казахских. Хороши были у киргизов козы с длинной шерстью. Козий пух отсюда шел издавна в Россию, где из него ткались тончайшие шали.

Солнце поднималось все выше. Во встречных аилах почему-то никто не знал, где кочует Боромбай.

Для своих спутников — казахов и киргизов — поручик султан Валиханов уже сделался добрым приятелем, но в аилах от него все бросались наутек с криком: «Урус! Урус!» Не пора ли ему расстаться с русской одеждой и нарядиться киргизским салом?¹ Спутники в один голос

¹ Сал — щеголь.

согласились, что пора. А ведь сделай он такое превращение по выезде из лагеря, они бы наверняка отнеслись иначе. Переодевание всегда подозрительно. По одежде должно быть видно, что ты за человек и откуда родом.

Веселая компания могла сразу же убедиться, насколько удачно превращение поручика Валиханова в киргизского франта. В первом же айле женщины выбежали навстречу всадникам.

Конечно, потом его выдал язык. Стоило заговорить — и сала разоблачили. Э, да ты не киргиз, а казах, знаешь все наши слова, а выговариваешь по-другому.

Что ж... Чокан охотно признался, кто он и откуда. Известие, что в аил приехал казахский султан, вызвало всеобщую радость. Чокан убедился, что казах для киргиза — близкий человек. На него теперь глядели дружелюбно, а женщины постарше — с материнским участием, жалеючи вслух, что он так худ и бледен, наверное, ему плохо в дальней стороне без материнской заботы.

Весть о прибытии казахского султана летела впереди странствующей в поисках Боромбая компании. В айлах Чокана встречали с почестями. Но по-прежнему никто не брался указать точно, где кочует Боромбай. Все это было неспроста. Наконец они встретили пастуха, который привел их поздно ночью в ущелье и указал на огоньки неподалеку от ледника. Вот куда загнал Боромбая страх перед сарыбагышами!

В ауле Боромбая гостям проворно поставили юрты, принесли чаю, во тьме раздался крик барана, затрещал огонь под казаном. По прошествии времени, определенного киргизским этикетом, появился и сам Боромбай, крепкий для своих восьмидесяти лет, с властно опущенными углами рта, всемудрый и всевидящий старший манап бугу. Хозяин и гость обменялись положенными приветствиями и приступили к беседе — долгой и извилистой, со множеством ответвлений и потайных ходов. Впрочем, на все официальные расспросы Чокана — посла Гасфорта — манап отвечал с большим усердием, полагая, что сведения собираются по просьбе русского царя и с целью выдачи манапам наград.

Заверяя посла Гасфорта в своей верности, Боромбай неустанно жаловался на сарыбагышей. Они разорили у него прекрасный сад, где росли яблоки, груши, персики,

виноград и другие фрукты. Так Чокан узнал, что киргизы живут не только скотоводством, хотя и произносят при встрече традиционное приветствие: «Здоров ли твой скот и твое семейство?» Почва в долинах вокруг Иссык-Куля весьма плодородна, поля орошаются арыками, так что один мешок пшеницы дает 10 мешков урожая. Кроме пшеницы, киргизы сеют ячмень и просо, на речках у них построены мельницы, есть у киргизов и винокуренная промышленность, водку гонят из проса, и веселие тут не обходится без пьянствования.

Гора жирной баранины дымилась перед Чоканом. Он находился в обществе отличных едоков. Сотрапезники заверили его, что четыре фунта жирной баранины или конины можно съесть в охотку и без всякого вреда для желудка.

Еда с удовольствием — беседе не помеха. Напротив, красноречие воспламеняется. Тут тебе и пересказ старинного предания, и дотошный разбор причин недавних междоусобиц, и сравнение, чья власть крепче — казахского султана или киргизского манапа.

Чокан еще до поездки к киргизам знал, что этот родственный народ — в отличие от казахов — не делится на два сословия — на белую и черную кость. Киргизы составляют один неделимый народ, они все — простые смертные, потому казахи и зовут их кара, то есть черные. Вообще все кочевые народы тюркского корня имели и имеют более патриархальные начала, чем народы монгольские или орды, бывшие под властью монголов, у которых родоначальникам приписывают сверхъестественное происхождение от солнечного света.

Но реальные формы киргизской патриархальности разрушили надежды Чокана на демократизм манапов. То, что казалось издали патриархальным равенством, на деле обернулось гнуснейшим рабством. Манапы пользовались неограниченной деспотической властью над простым народом, над кара-бухара — вплоть до права продавать и убивать! — тогда как у казахов султанам все же приходилось считаться с советом старейшин, с представителями черной кости.

...Сидя в киргизской юрте за тысячу верст от Омска, Чокан вспомнил Сергея Федоровича Дурова, его согбенную фигуру, лихорадочно блестящие черные глаза, воодушевленную речь, ненависть, с которой бросались слова «тиран», «самовластье», «деспотизм»... Где тиранство, там и рабство. Где рабство, там и тиранство...

Но все-таки, когда появились у киргизов манапы и откуда взялось само это слово? Собеседники пояснили Чокану, что первым у киргизов, кто стал править деспотично, был бий сарыбагышей по имени Манап, его имя и превратилось в титул. Чокан решил, что, судя по свежести предания, манапы у киргизов появились сравнительно недавно¹, а до этого существовала власть отца семейства, власть родоначальника — бия.

Назавтра при свете дня Чокан увидел, что аил Боромбая расположился в лощине отнюдь не вольно. Юрты стояли в обдуманном боевом порядке, на одинаковой дистанции, образуя круг, этакую войлочную крепость, внутри которой пасся скот, лошади, коровы и бараны, причем жеребят держали на привязи. И над всем аилом нависла противоестественная, немислимая на летней кочевке тишина. Ни лая собак, ни детского визга, ни женских на весь свет новостей. Несколько жещиц доят кобылиц, варят курт — остальные обитатели аила попрятались.

Вопреки обычаям гостеприимства старый Боромбай не хотел приглашать высокого гостя в свою юрту. Говорил, что живет в нищете, лишился всего имущества, да и юрта мала, невозможно принять в ней приближенного самого генерал-губернатора. Что-то за этим крылось. Но Чокан не мог уехать, не побывав в юрте манапа. Мало ли как это истолкуют в аилах... Он настоял, и Боромбай испросил несколько минут на приготовление. Выждав условленное время, Чокан и его спутники направились в юрту Боромбая.

— Встать разом! — крикнул Боромбай, когда они вошли, и несколько киргизов, сидевших в юрте, встали.

Чокан прошел на почетное место и обратился с приветственными словами к пожилой женщине в пестром халате, восседавшей на бараньей шкуре. Она отвечала кивками, прикрывая рукавом халата оскал зубов, на редкость длинных. Чокан заметил, что руки у нее грязные и что, судя по валяющимся возле нее остаткам конского волоса и шерсти, жена Боромбая только что кончила плести аркан.

Общий вид юрты действительно являл крайнюю для манапа бедность. Ни сундуков, ни ковров, только груда кошм да несколько подушек. Впрочем, один приличный ковер все же нашелся — на него посадили Чокана.

¹ Современные историки считают, что происхождение титула манап древнее, чем предполагал Валиханов.

Madame, как мысленно называл ее Чокан, достала из кожаной сумы две китайские чашки, налила в них кумысу. Киргиз-прислужник согласно древнему обычаю отпил из чашки и, продемонстрировав таким образом, что напиток не отравлен, поднес кумыс Чокану. Другая чашка назначалась самому Боромбаю. Остальным досталось наблюдать, как пьют кумыс хозяин и почетный гость.

Чокан решил, что с него достаточно. Воротившись к себе в юрту, он приказал спутникам собраться в дорогу. Манап предложил послу Гасфорта в подарок лошадь и шелковую материю, но Чокан сказал, что пребывание у бугу оставило у него в сердце нечто более драгоценное, чем самый лучший скакун и самый дорогой шелк. И это была чистейшая правда. Если попытаться собрать Чоканом во время поездки сведения, его записи и рисунки, его размышления и смелые гипотезы, то они составляли ценность неизмеримую и непреходящую.

Особенно он дорожил своими записями «Манаса» и других киргизских преданий — о красной собаке, которую киргизы считают своим родоначальником, о сорока девушках, кырк кыз, потомство которых стало называть себя киргизами, о юном хане Джучи, которого отец послал править киргизами, а он по дороге встретил стадо куланов, погнался за ним и разбился насмерть. В основе этой легенды, несомненно, лежал подлинный факт покорения киргизов сыном Чингисхана Джучи. Истинные события породили и легенду о происхождении озера Иссык-Куль, записанную Чоканом. Будто аллах покарал некий город за разврат и безбожие, затопив его водой. На берегах озера, как рассказали Чокану, до сих пор люди находят выброшенные в бурю осколки сосудов. Абу-ль-гази считал Иссык-Куль колыбелью тюрков. По всей Средней Азии немного сыщется мест, столь соответствующих вкусу кочевника, а также вкусам всевозможных завоевателей. Но что знают русские и европейские востоковеды о происхождении плыне живущего здесь киргизского народа, о его прошлом? Чокан понимал, какой огромный труд уже проделан, чтобы согласовать между собой показания древних авторов и установить последовательность событий. Однако еще никто не соотносил сведения из точных и китайских письменных источников с преданиями киргизов...

Молодая компания всюду в аилах встречала радушный прием. И у киргизов, как убедился Чокан, летняя

колевка — сплошной праздник, пора свадеб и поминальных пиров.

Среди рисунков, привезенных Чоканом из путешествия на Иссык-Куль, немало женских фигур. Киргизские красавицы не боялись позировать художнику, они пользовались неслыханными на мусульманском Востоке свободами. Женщины работали мало, и мужья прислушивались к их слову. К сыновьям отца были более строги, чем к дочерям, которым разрешалось ничего не делать по хозяйству.

Едучи весело через сплошной летний праздник, молодая компания встречала на своем пути купеческие караваны и видела в айлах оживленный торг. Кашгарцы предлагали в обмен на баранов бумажные ткани, а также халаты для мужчин, причем за халат брали четыре барана, наживая — при кашгарских ценах на скот — несусветные проценты. Хорошо шли русские чугунные котлы и очаги, а также топоры и красная кожа русской выделки, которую киргизы явно предпочитали любой другой. Женщины охотно покупали миткаль русских фабрик, потому что не носят других рубах, кроме белых.

На меновом языке баран принимался за рубль серебром, барашек за полтинник. Топор стоил барана, чугунный очаг — барана. Если торговец осенью отдал вещь за барашка, но барашка не взял, то пройдет зима, и отдавай уже не барашка, а барана. Киргизы не имели никакого понятия о выгодах торговли скотом, ни в какие соседние государства караванов не снаряжали, не вывозили ни драгоценных оленьих рогов (молодых с кровью, за каждый в Кульдже дают 300 и 500 рублей серебром), ни пушнины, ни красивых киргизских кошм, хотя аршин белой кошмы стоил в России до 1 рубля 80 копеек.

Киргизы произвели на Чокана впечатление народа более воинственного, чем казахи, но менее приобщенного к промышленности и торговле. Множеству рабочих рук здесь было нечем заняться — разве только барымтой. Однако уже появился новый род деятельности. Бывалые барымтовщики, знающие в горах каждый проход, стали подражаться в вожаки караванов, идущих в Кашгар и Коканд. Чокан понимал, насколько участие киргизов в торговых делах важно для России. Понимал это и Боромбай. Караванщики докладывали ему по возвращении обо всем, что видели и слышали в Кашгаре и Коканде, а Боромбай умел с выгодой обменять у русских свой политический товар.

Рассказывая о кашгарских смутах, Боромбай то и дело напоминал, что род бугу в них не участвует. Но если понадобится что-то разузнать, он готов оказать русским такую услугу.

...Дождавшись Чокана, отряд Хоментовского снялся со стоянки на реке Кудурге и двинулся дальше. Гряды гор, отделяющих долину Джиргалана от долины Тюна, называлась Тасма. Здесь Чокан увидел следы некогда цветущего поселения — арыки, валы и рвы. Затем отряд вступил в каменистую местность, где встретилось мертвое воинство — повсюду виднелись глубоко вросшие в землю камни с изображением лиц монгольского типа с длинными усами¹.

За рекой Курметы начались богатейшие пастбища. Отряд Хоментовского провел здесь два дня. Казаки отпраздновали троицу. Хоментовский распорядился выдать всем по чарке, и пошли разговоры про турку и про француза. Чего только не навидался на своем веку старослужащий сибирский казак. Молодые слушали разинув рты. Погрустнев, казаки затянули песню:

Ой, да лети ты, калена стрела,
Мимо буйной головушки,
Ой, да лиха беда запесла
До чужой до сторонушки.

Чокан лежал у себя в палатке, закинув руки за голову. Не лиха беда его сюда занесла, и не в чужую для него сторонушку. Семиречью не видать мира и покоя, пока не прекратятся интриги кокандцев. Их крепость Пишпек в Чуйской долине имеет и стратегическое и политическое значение. Оттуда идут поджигательные прокламации, оттуда опытной рукой направляются опустошительные набеги киргизов на казахские степи. Военная сила кокандцев незначительна, но Худояр-хан силен тем, что умеет льстить самолюбию киргизских биев и казахских султанов. А русские... Вот только что один из них — не урядник даже, простой казак — свысока хлопал по плечу Аблеса, брата Тезека: «Ну что, соскучился по своей бабе?» А у Аблеса тысячные отары. Он тебя, казак, может купить со всеми потрохами...

¹ Валиханов не установил, к какому времени принадлежат каменные изваяния и что они означают. Это сделалось известным науке много позже, в 90-х годах XIX века. Каменные изваяния ставились древнетюркскими народами в VI—IX веках в память умерших.

Чокан заворочался, сел. Нет, из палатки ему выбираться нельзя. Хоментовский сразу окликнет, приглашит к себе... Неловко... Чокан с Хоментовским, а казахские султаны в сторонке? Подсесть к ним? Это будет выглядеть словно бы он афиширует свое кайсацкое происхождение. Умный Хоментовский обычно не допускал деления отряда на две группы, зазывал султанов к себе, сам ходил к ним в гости, но сегодня такой день — троица, один из главнейших православных праздников.

Весь троицын день Чокан рисовал, приводил в порядок свои записи.

На другой день отряд двинулся дальше, через три речушки, три Урукты, и стал лагерем на Третьей Урукты, возле развалин древней крепости. Когда-то здесь кипела жизнь, Чокан увидел остатки стен, нашел в реке чугунный котелок.

Затем Чокан покинул отряд, вернулся на Первую Урукты и пробыл там, как отмечено в дневнике, семь дней. К нему на переговоры — весьма конфиденциальные, о них в дневнике ни слова — явилась депутация от сарыбагышей во главе с манапами Алчи и Сартаем, заклятыми врагами Боромбая. Политика есть политика. Как бы ни был нужен России Боромбай, послу Гасфорта не следовало забывать и о сарыбагышах. После встречи с ними Чокан записал в дневник, что теперь-то может покинуть отряд Хоментовского: «Все, что нужно было мне видеть и знать, уже было кончено. Дело же сарыбагышей пошло в долгий ящик».

Какое дело? Об этом в дневнике ни слова.

Среди рисунков Чокана есть портрет Сартая и портрет мальчика, сына Алчи. Портреты свидетельствуют о долгом и внешне спокойном общении. Они позируют, он рисует. Но у Сартая недоверчивый взгляд, зло раздвинутые губы, в правой руке — слегка изогнутый нож, впрочем, этим ножом он строгает палочку. А на лице мальчика улыбка удивления, мальчик таращит глаза, он ни капельки не боится человека с карандашом.

Чокан решил пуститься в обратный путь не старой дорогой, а через хребет Кунгей-Алатау, через самый опасный из проходов — Чаты. Степняк задумал помериться силой с горами. Хоментовский дал поручику Валиханову конвой из казаков и отпустил с ним нескольких казахских султанов.

Небольшой отряд углубился в ущелье Чаты. Подъем становился все круче. На перевале их встретила зима,

Чокану пришлось надеть тулун. Лошади осторожно ступали по затверделому снегу, но кое-где земля обнажилась, меж камней пробивались цветы. С верхней точки открылось лежащее в каменной чаше озеро.

Чокан приказал разбить бивак, ему хотелось запечатлеть эту красоту. Казаки с любопытством наблюдали, как его благородие достал ящичек с красками и принялся малевать. Закончив акварель, Чокан раскрыл дневник. «Озеро, сияя чистейшим кобальтом, сливалось с сиянием неба и дальним рельефом снежных гор, жаркое зноящее солнце бросало на долину круглообразные от облаков тени».

Кинув прощальный взгляд на озеро, Чокан приказал начать спуск. Дорогу пришлось пробивать в глубоком снегу. Ниже копыта лошадей заскользили по мокрой земле. Полтора часа продолжался опасный спуск. Наконец отряд выбрался на караванную тропу, лепившуюся по круче над скачущей по камням Чаты. Ущелье было таким узким, что отряду часто приходилось спускаться по реке, в ледяной воде. Бывалые казаки предупредили Чокана, что скоро тропа поведет круто вверх и там будет страховито — придется идти по краешку обрыва глубиной в сорок саженей.

Опасность подстерегла Чокана еще до страшного места. Тропу перегородила унавшая с кручи старая ель. Чокан прищпорил лошадь, она перемахнула через препятствие, но в последний момент задела ель копытом и рухнула. Всадника выбросило из седла. Он вскочил на ноги и увидел, как лошадь катится вниз по склону, увлекая за собою каменную лавину. Казахи поздравили его со счастливым избавлением от опасности. Казаки-бородачи похвалили его благородие за ловкость.

По краешку обрыва отряд прошел спешившись, ведя лошадей в поводу. Внизу, на головокружительной глубине, пенилась Чаты, меж камней валялись скелеты лошадей и верблюдов, разбитые вьюки. Все облегченно вздохнули, выбравшись без потерь в урочище Тогайлы.

Здесь отряд переночевал. Назавтра Чокану кусок не шел в рот. Сказалось вчерашнее напряжение. Но он знал вернейшее степное средство и вскочил в седло. Казаки и казахи помчались следом за лихим поручиком. В тот день отряд проделал по гладкой дороге 80 верст, после чего Чокан поужинал с аппетитом, напился чаю и заснул.

По течению реки Иссык отряд спустился в долину, покрытую густой сетью арыков, и заночевал у казахов-землепашцев. Наутро поскакали наезженной пыльной дорогой мимо летних казахских кочевий, мимо казачьих станиц в укрепление Верное.

За год, что прошел с первого посещения Чоканом самого южного русского укрепления в Средней Азии, Верное выросло и обещало перегнать в будущем Капал. Отовсюду слышался стук топоров, пахло смолистой еловой щепой, веселили глаз новехонькие красноватые срубы. Чокан после долгого бивачного житья всласть попарился в бане, выстроенной на берегу горной речки, пообедал за столом, застланном крахмальной скатертью.

В Верном были обеспокоены вестями с Иссык-Куля. Манап сарыбагышей Уметалы попал в плен к кокандцам. За выкуп они требуют его дочь, причем с этим требованием явился отряд в триста сабель, от которого в испуге бежала часть сарыбагышских айлов. Беглецы сейчас на Козубаши, от Верного два дня езды. «...2 дня езды», — записал Чокан в своем дорожном журнале. Дни езды — принятая тогда мера расстояния. Однако не исключено, что Чокан намеревался съездить к сарыбагышам. Или ездил на Козубаши. Или дождался людей оттуда. Но если Чокан что-то и предпринял тогда, в июле 1856 года, то без особых успехов. Сарыбагыши продолжали барымту, сея среди казахов Старшего жуза сомнения в надежности русской защиты.

Дорога от Верного на Капал шла выгоревшей степью. На Илийской переправе Чокан задержался лишний день, ездил в Капчагайское ущелье, осматривал и срисовывал хорошо сохранившиеся письма и наскальные рисунки, изображавшие будд. В Чингильды он отыскал остатки древнего водопровода и присоединил к своим небогатым археологическим находкам кусок водопроводной трубы. Возле Карачока Чокану показали месторождение камня калыпташ, который употребляется для отливки пуль. Возле Алтын-Эмеля Чокана поджидал Тезек.

Отдохнув пять дней у Тезека, Чокан прибыл в Капал, готовый принять участие в новой экспедиции. Ехать предстояло в Кульджу на переговоры с китайскими властями относительно предметов, «требующих взаимных соображений», как было написано в отношении из министерства иностранных дел генерал-губернатору Западной Сибири Гасфорту. Речь шла о налаживании торговли между Россией и Китаем, прерванной после известных событий в

Чугучаке. Инструкция министерства предписывала: «Главная цель наша добиться решения дела с Китаем дружжелюбным путем и скорее восстановить прерванные торговые отношения». Возглавлял миссию первооснователь укрепления Верного полковник Перемышльский, образованный офицер, однокашник Лермонтова по Московскому университету. Он взял с собой горного инженера Влангали, ездившего в Кульджу пять лет назад с Ковалевским. Перемышльский надеялся, что китайцы оценят как добрый знак участие в миссии знакомого им человека. Чокан читал основательные очерки Влангали о восточной части Киргизской степи. Общество Перемышльского обещало воспоминания о Лермонтове где-нибудь на привале, за поздним ужином.

До отъезда в Кульджу Чокан не терял времени даром. В Капале он познакомился со старым обедневшим купцом Исаевым, много лет проведшим в странствованиях по Восточному Туркестану, побывавшим и в Кульдже, и в Уш-Турфане, и в Яркенде, и в Кашгаре. По поручению Чокана писарь под разговор записывал всю историю странствий Исаева.

Потом приехал из Семипалатинска горный инженер Иван Иванович Ковригин, друг Достоевского. Ковригин направлялся в сопровождении казачьего конвоя на золотые прииски по реке Тентек. Чокан поехал с ним. Заночевали на курорте Арасан, где русские и казахи лечились теплыми ваннами, Абакумов построил здесь гостиницу, лазарет для нижних чинов, насадил парк и соорудил возле источника бассейн на две половины — для благородных лиц и для простолюдинов. Зная, как ревниво относится Абакумов к своему курорту, Чокан и Ковригин не отказались от купания и выпили целебной воды.

Наутро двинулись в путь. Им встречалось много аулов, пришло время кочевки, казахи спускались с гор в долины к своим пашням, чтобы убрать урожай и двигаться в конце августа на Балхаш, на зимние пастбища. Завидев конвой, аулы ударялись в панику, девушек прятали или переодевали в драные халаты, мазали лица грязью. «Так запугали бедных кочевников казаки и заседатели», — записал Чокан в дневнике. Но стоило одному из султанов, прибывших на поклон, обнаружить, что эти чиновники не берут взятку, как он тут же продал им втридорога того самого барана, которого прежде предлагал даром. Казаки открыто смеялись над господами:

— Смирного Миколу телята лижут...

Тарантас, запряженный тройкой лошадей, выловленных в табуне, мчался под гиканье и свист скакавших по бокам конвойных. Так добрались до станицы Чубарагач, где раньше стояла сотня 10-го казачьего полка, а теперь строили дома триста крестьянских семейств, пришедших из Тобольской губернии. Здесь Чокан расстался с Ковригиным и поспешил в Капал.

1 августа полковник Перемышльский, Чокан Валиханов и их товарищи по путешествию в сопровождении казачьего конвоя прибыли на пограничный китайский пикет.

Завидев русских, часовой на пригорке заорал во все горло. Из-за глиняной стены выглянули несколько физиономий и тут же исчезли. По китайским правилам приличия встреча требовала немалой подготовки. Сначала русским показали место на берегу, где следовало поставить юрту для приема начальства. Когда русские разбили свой стан, из-за стены выехал верхом самым тихим аллюром мандарин. Он вошел в юрту и учтиво спросил прибывших, пообедали ли они, затем осведомился о здоровье, о дороге. На шапке у него красовался белый шарик, указывавший на обер-офицерский чин.

Через некоторое время на помощь мандарину прибыл офицер и предложил дары от китайского наместника, цзянь-цзюня. В дары входили два барана, 10 фунтов муки и столько же риса. Перемышльский заявил, что в провизии не нуждается. Бог ты мой, как перепугались оба китайца! Офицеру грозило наказание за то, что он не сумел поднести дары должным образом. Перемышльский сжалился и принял съестные припасы.

Отряд двинулся дальше в сопровождении китайских офицеров, сменивших конические соломенные шляпы с красным волосом на черные колпаки с хвостом соболя и шариком. Чокану пояснили, что коническая шляпа надевается при несении местной службы и в ближних поездках, а черный колпак означает, что офицер находится в дальней командировке.

Все больше стало встречаться ухоженных полей, селений, обсаженных пирамидальными тополями, городов, окруженных садами. Крестьяне в легкой одежде и широкополых шляпах молотили хлеб, косили траву, тащили на себе камыш для циновок. Внимание Чокана привлекли отдохавшие под деревом крестьяне с черными лицами. Ему пояснили, что это уйгуры, которых китайцы называют таранчи. Чокан читал про уйгуров у отца Иакинфа, у Казем-Бека, Клапрота и Абеля Ремюза. Уйгуры рань-

ше других тюркских народов перешли к оседлости и занялись земледелием, они раньше создали письменность, но дальнейшая судьба их сложилась печально. Глядя на крестьян, жевавших свою скудную лепешку, он отметил на лицах печать угрюмой и печальной безнадежности. «Народ этот никогда не пользовался совершенно свободой», — записано у Чокана в кульджинском дневнике.

Он вел этот дневник более подробно, чем предыдущий, посвященный поездке на Иссык-Куль. Словно бы между двумя дневниками прошло немало времени и их автор где-то, в каких-то других путешествиях набрался опыта. Но на самом деле все еще длился очень важный в жизни Валиханова 1856 год, и ему все еще только двадцать лет.

Верстах в десяти от Кульджи в китайской деревне, грязной и задымленной, пропахшей луком и перцем, их провели в дом. На циновках сидел человек в русском мундире, с китайской улыбкой на желтом лице, с узкими, вприщур глазами. Чокан узнал Ивана Ильича Захарова, известного востоковеда, не раз навещавшего Николая Федоровича Костылецкого проездом через Омск в Кульджу, где Захаров служил консулом.

Консул, выехавший встретить экспедицию, тоже узнал Чокана и никак не удивился его появлению.

— А... Это ты, кадет... Уже поручик?.. Быстро! А что же ко мне не торопился? Приятель твой Потанин тебя опередил, был у меня три года назад, жалованье наше привозил серебряными слитками... Не хотел уезжать. Когда же вы с ним вдвоем на Кукунор? — Захаров сверкал китайской улыбкой, а глаза глядели испытующе. Коренной русак сибирского закала. Однако годы, прожитые в Китае, отложили свой отпечаток. И внешность и манера держаться. Его переодеть — сойдет за местного жителя. Тем более что лица в Кульдже встречаются самые разные. По наблюдениям Чокана, только ссыльные из Центрального Китая походили на настоящих китайцев.

Захаров привез их в факторию, построенную на участке, отведенном китайскими властями согласно Кульджинскому договору. Все здесь выглядело солидно, богато, блистало чистотой. Двухэтажный каменный дом консула, дома для секретаря и прислуги, гостиный ряд, торговые номера, баня, складские помещения, казармы для казаков.

— Политика, — посмеивался Иван Ильич. — Все политика. Китайцы ездят смотреть наши печи, складывают потом такие же точно у себя — политика. Между

прочим, у этих печек прелюбопытная история. Нанял я тут, в Кульдже, одного чалаказака и стал ему толковать на узбекском языке, что мне требуется. Он слушал, слушал и взмолился на чистейшем русском: «Да какую печку, ваше благородие, класть — русскую або голландскую?»

С Чоканом Захаров охотно беседовал о прошлом, настоящем и будущем Восточного Туркестана, западной колонии Китая, о сложностях русско-китайской торговли, о караванных путях, о причинах уменьшения привоза товаров из Внутреннего Китая. С большим удовольствием рассказывал Захаров любознательному поручику о русских синологах, получивших образование в Пекине, в русской духовной миссии — об архимандрите Каменском, об отце Иакинфе и о Василии Павловиче Васильеве, который ныне стал профессором Петербургского университета. С помощью Ивана Ильича Чокан пытался обучиться китайской грамоте. А главное — консул помог ему больше увидеть в Кульдже собственными глазами. Переговоры тянулись долго, со всяческими китайскими церемониями и откладыванием дел, так что свободного времени у Чокана оказалось предостаточно.

Он увидел, как живет простой люд, как китаец с утра до вечера бьется на базаре, там же обедает на последний ярмак¹ и там же спит.

«Если бы не эта дешевизна и не эта доступность, то нет никакого сомнения, что все оборванцы и бедняки, которыми так обилён Китай, вымерли бы давно от голода. Народу тысячи, и все это народ рабочий, дельный, трудолюбивый, но что же делать? Нет работы. Сколько рабочих рук пропадает даром! Сколько полезного народа. Труд здесь ставится в ничто. Китаец за 100 рублей складывает каменный дом, который бы стоил у нас 300 рублей. Вот до чего не ценят они труд и время».

Таких базаров, как в Кульдже, Чокан еще не видел. Не площадь, а улица с лавками по обеим сторонам, и посередине во всю длину улицы приподнят над землей и огорожен перилами проезд лишь для одной телеги. Над лавками развеваются огромные флаги, пестрят вывески, на одной из них нарисован чудовищной величины сапог. У лавчонок — толчея, галдеж, азарт мелочного торгова. Звенят ярмаки, нанизанные на нитку, как барапки на русской ярмарке. Под навесами сидят купцы — ки-

¹ Китайская монета.

тайский в синей курме¹ и сером длинном халате, ташкентец в чалме, угрюмый кашгарец в белой рубашке и тюбетейке. На столах разложен товар. Трубки, кисеты, веера. Перец, бобы, арбузы и длинные китайские огурцы. Оборванный уйгур купил арбуз и тут же ест, размазывая сок по лицу. Посасывает трубочку, прикрыв глаза, маньчжур. Калмык перепоясался туго-натуго и щеголяет меховой рысей шапкой. А там и казахский чапан мелькнул в толпе, и киргизский белый войлочный колпак...

Куда бы Чокан ни пошел, всюду слышалось: «Улус! Улус!»² — и толки о том, как странно одеваются варвары. Но потом к нему пригляделись и стали называть «хорошенький лоя»³, уверяя Чокана, что он ни капельки не похож на русского или казаха. Китайки выказывали к нему чрезвычайное расположение, но Чокан с опаской отнесся к обычаю милых дам вынимать изо рта трубочку и совать в рот поправившемуся гостю.

В Кульдже он узнал, что уйгуры специально переселены сюда, чтобы выращивать хлеб и снабжать войско. Он видел, как работают преступники, сосланные из южных губерний Китая, и как их обирают местные власти. Он выяснил, что китайцы при молотье вымачивают зерно водой, поэтому мука у них белее, чем русская, но испеченный хлеб быстрее черствеет. Он видел на улицах Кульджи колымаги с разукрашенными и набеленными красотками, которых называют разрушительницами городов и без которых не обходится ни один званый обед.

Он отыскал в Кульдже старика сказителя и слушал джунгарские песни о далеком прошлом. Они поразили Чокана. Время, оставившее в казахском эпосе унылые и мрачные предания, помнилось у джунгар как славное, полное блистательных побед над ногаями и казахами.

На кульджинском базаре Чокан многое услышал о жизни в других торговых городах — Яркенде, Хотане, Коканде, Кашгаре... Кашгар и Яркенд считались первыми по торговле городами. Среднеазиатские купцы называли Кашгарией весь Восточный Туркестан, а китайцы — при всей своей нетерпимости к чужеземцам — исключили Кашгар из-под общего закона империи и разрешили приезжать туда всем «западным народам».

Судя по записям в дневнике, Чокана все больше интересовал Кашгар, где Россия при заключении Кульджин-

¹ Курма — верхняя одежда.

² Улус — русский.

³ Лоя — господин.

ского договора предлагала учредить факторию, но получила отказ. Он узнал, что это город чрезвычайно многолюдный. Большую часть населения там составляют мусульмане. Китайцы держатся особняком, и у них есть в городе цитадель, где они укрываются во время мятежей. Торгуют с Кашгаром главным образом купцы из Коканда, Андижана, Намангана и Ташкента, но много есть и других — бухарцы, персы, индийцы, кашмирцы, афганцы и тибетцы.

— На русские товары в Кашгаре сейчас хороший спрос, — сказал Чокану ташкентец, привезший в Кульджу кашгарскую мату¹. — Я возьму здесь только русские товары.

Необычными для мусульманского города оказались, по рассказам, кашгарские нравы. Побывавшие там купцы сладко щурили глаза. Пей вино, бузу сколько хочешь. А кашгарки!.. Самые красивые женщины в Азии! По кашгарским законам чужеземец может купить себе чаукен — временную жену. Покупателя приводят в дом, где живет красавица. На кровати возвышается гора шапок. Чем их больше, тем, значит, больше мужей было у чаукен и тем она дороже стоит. Вы платите деньги и забираете красавицу. После вашего отъезда она будет еще на шапку дороже. Но увезти ее с собой, увы, нельзя...

Слушая эти рассказы, Чокан вспоминал, что о временных женах он читал в записках Марко Поло. Живучий обычай. Кашгар — один из самых древних торговых городов Азии. Вольные нравы на пользу развитию торговли. Да и городским властям удобно. Конечно, прекрасные чаукен не состоят на шпионской службе, но в случае необходимости женщина выведает то, что не выведать лучшему из соглядатаев.

Меж тем торговые переговоры шли своим чередом. Мандарины позволяли себе подремывать и похрапывать. Чокан, чтобы не заснуть, рисовал сидящих за столом русских и китайцев. 8 октября наконец-то Перемышльскому вручили с китайскими церемониями документ, написанный на листе длиной в 11 аршин и заверенный 23 печатями. Дельного в столь длинном документе оказалось крайне мало, но опытный Захаров сказал:

— Все идет правильно, даже успешно. У китайцев своя манера переписки, с этим надо считаться. Они не любят торопиться. Они говорят: «При быстрой ходьбе не бывает хороших шагов, только при медленной еде можно понять вкус».

¹ Хлопчатобумажная ткань.

У Чокана от переговоров осталось впечатление, что Поднебесная империя чрезвычайно одряхла и ее внутренние силы слабы, а политика уклончива. Знакомство с жизнью простых людей приоткрыло ему социальное устройство Китая. В своем дневнике он написал: «Здесь цзянь-цзюнь — это совершенный трехбунчужный паша. Он пьет, ест на счет народа. Мясники доставляют каждый день мясо, портные шьют платье, каменщики поправляют дом. Поборы и злоупотребления превосходят границы. Что же касается до взяточничества, то китайцы не уступают в этом и самому персидскому шаху».

И все же, сравнивая обычаи и законы Китая с теми, что существуют в казахских жузах, в России, в просвещенной Европе, Чокан нашел, что в Китае есть что перенять: «Трудолюбие, народная гордость, прямолинейность — суть вещи, зависящие от обстоятельств и характера народа; по постановлениям китайским, например, после каждой династии учреждается комитет для составления ее истории, заимствуя все из официальных источников. Государственный стряпчий есть лицо, которое заменяет все, и суд уголовный, где судится преступник до тех пор, пока сам не изъявит согласие на справедливость приговора. У нас с идеей китайского богдыхана связана мысль, что это — азиат деспот, властный над головами своих подданных и, выражаясь, как Ходжи-Баба, злейший враг всех людских пят¹. Ничуть не бывало. Он ограничен в своем управлении. Он не имеет своего имущества или, как у нас, уделов. У тебя все есть, говорит народ, что нужно — все достанем, к твоим услугам 10 000 вещей, зачем же тебе имущество, когда ты обеспечен вполне. Ты не торгаш, чтобы записаться своим имуществом и пускаться в обороты, ты должен думать о подданных, которые составляют для [тебя] имущество, а не о своем добре. Да, посмотрите, вникните в китайскую систему поземельной собственности: она основана на идеях, до которых Европа дошла только в наш просвещенный век».

Эти строки, идеализирующие Поднебесную империю, классический русский путешественник, несомненно, обращал к русскому читателю. Не худо бы нам знать, что китайский богдыхан правит не столь своевластно, как правил прозванный богдыханом Николай I. А насчет уделов — это уж и само слово в дневнике Чокана чисто рос-

¹ Намек на способ наказания — битье по пяткам.

сийское. Царь был самым крупным земельным собственником в России. Только в Сибири так называемые кабинетские и удельные земли составляли 67,8 миллиона гектаров. Русский царь был и самый богатый помещик, и золотопромышленник, и лесоторговец, и горнозаводчик... Адъютант Гасфорта поручик Валиханов знал, и неплохо, в какие торговые обороты пускаются кабинет и министерство двора и уделов.

На обратном пути отряду Перемышльского пришлось преодолевать занесенные снегом перевалы. Была уже середина октября.

В конце октября или в первых числах ноября Чокан прибыл в Семипалатинск и остановился у Демчинского. Примерно в это же время там, у Демчинского, появился еще один путешественник — Петр Петрович Семенов, давний знакомый Достоевского по Петербургу, по «пятницам» Петрашевского.

Когда арестовывали петрашевцев, Петра Петровича в Петербурге не оказалось, он путешествовал по русской черноземной полосе. В его квартире учинили обыск, но ничего предосудительного не нашли. Он и на «пятницах» всегда сидел молча. Пытался понять первых русских социалистов и не смог. Сергей Федорович Дуров произвел на него впечатление безнравственного человека, готового использовать революцию для достижения личных корыстных целей. Поэтому, проезжая Омск по пути на Тянь-Шань, Семенов встречи с Дуровым не искал. Зато был счастлив увидеться с Достоевским в Семипалатинске. Первая их встреча, устроенная все тем же Демчинским, произошла весной. Достоевский приходил в солдатской шинели. Теперь, в ноябре, он уже узнал — или будет извещен вскоре — о производстве в прапорщики. Достоевскому помог, похотатайствовал за него перед Александром II севастопольский герой Тотлебен, с братом которого он вместе учился в Инженерном училище.

Петр Петрович и Чокан живут у Демчинского. Вечерами туда приходит Достоевский.

Петр Петрович Семенов тогда стоял у начала своего великого дела. В русской науке он — фигура ломоносовского масштаба. Создатель первого коллектива ученых, знаменитой школы русских путешественников — исследователей Азии. Его трудами Русское географическое общество превратилось в феномен общественной жизни России, сыграло выдающуюся роль в истории нашей куль-

туры и общественной мысли, оставило потомкам бесценное научное и литературное наследие. Петр Петрович Семенов-Тянь-Шанский, когда мы оглядываемся на прошлое, никогда не видится нам в одиночестве, он в окружении учеников и сподвижников, рядом с ним Пржевальский, Потанин, Мушкетов, Краснов, Берг, Козлов... И Валиханов.

Первый в истории русской науки ученый-организатор смог совершить только единственное — и блистательное по научным результатам! — путешествие в Азию. Это было путешествие 1856/57 года на Тянь-Шань, за него Семенов и получил — полвека спустя — почетную приставку к фамилии.

В Семипалатинске Петр Петрович и Чокан встретились после того, как оба путешествовали по одному примерно маршруту (Капал — Верное — Иссык-Куль — Кульджа) и общались с теми же людьми (Абакумов, Хоментовский, Перемышльский, Захаров), но Валиханов находился, например, в Кульдже три месяца, а Семенов — всего несколько дней.

Во многих биографиях Валиханова его встреча с Петром Петровичем Семеновым изображена как встреча юнца с маститым ученым. Это не совсем так. В 1856 году Семенову еще только 29 лет, он любитель опасных приключений, носит острые, как пики, кавалерийские усы, одевается то в казачий мундир, то в казахский костюм, затыкая за пояс пистолет и геологический молоток.

Правнуку хапа Аблая, с младенчества посвященному в хитросплетения степной политики, Семенов показался кое в чем наивным, излишне доверчивым, простодушным и прекраснородушным. Семенов и был таким. Эти черты проявятся, когда он будет участвовать в подготовке проекта крестьянской реформы. А в 1856 году, приехав в Западную Сибирь, Семенов принял за чистую монету рассказы Гасфорта, как тот с киркой и топором прокладывал путь через перевал, названный впоследствии Гасфортовым. И о Тянь-Шане Семенов, по его собственным воспоминаниям, составил в поездках 1856 года лишь общее впечатление. Самое главное ему еще предстояло увидеть, изучить и описать в следующем, 1857 году. К тому же Семенов — блистательный географ — не мог обладать теми сведениями по этнографии и истории казахов Старшего жуза и иссык-кульских киргизов, какими располагал тогда Валиханов.

Петр Петрович возил с собой перевод «Землеведения Азии» Риттера. Он намеревался издать Риттера в России с дополнениями, для чего и отправился исследовать Тянь-Шань, который был известен европейской науке только по скудным восточным источникам. На основании этих источников Гумбольдт выдвинул теорию вулканизма Тянь-Шаня. Семенов поделился с Валихановым своими первыми доказательствами, что теория Гумбольдта ошибочна. Для Чокана это был урок географии и геологии. Прочитав данный ему Петром Петровичем перевод Риттера, он указал еще на одну ошибку.

— И Риттер и Гумбольдт, бывавший в этих местах, полагают, что Большая орда состоит из бурутов и ее надо отличать от Малой и Средней киргиз-кайсацких орд. На самом же деле все три орды — Малая, Средняя и Большая — составляют единый народ, отличный от дикокаменных киргизов, именуемых в китайских источниках бурутами. Казахи, как мы себя называем, и киргизы — два разных народа. А лицом казах и киргиз кажутся схожими только европейцу, ни один азиатец не ошибется. Оденьте одинаково, поставьте рядом, и я вам сразу скажу, который казах, а который киргиз. Вот приглядитесь, когда поедете в будущем году в Заилийский край к султану албанов Тезеку и к манану бугу Боромбаю... — Чокан раскрыл свою папку с рисунками и акварелями.

В ту встречу в Семипалатинске Чокан говорил Семенову и о том, как нелеп — да просто смешон! — опубликованный в «Записках» Географического общества рассказ некоего азиатского купца о путешествии в Западный Китай.

— Какой-то мелкий чиновник назвался купцу генералом, амбанем, и купец поверил, а «Записки» напечатали, что амбань носит на шапке белый шарик, — говорил Чокан. — Меж тем белый шарик носят не генералы, а чиновники во втором чине. И нет у китайцев такого звания — колохай. Есть звание — коголдай. И носит коголдай не желтый шарик, как сказано в «Записках», а синий... Но эти неточности еще куда ни шло... Почтеннейший Абдурахман, как все восточные рассказчики, считает необходимым приврать и приукрасить, причем превосходно улавливает запросы слушателей. Он врёт и наслаждается изумленными возгласами. Словом, он не Гумбольдт... Он Шехерезада... А петербургские господа собиратели ничтоже сумняшеся печатают вранье неграмотного татарша.

— Но что прикажете делать господам собирателям, если интерес к Азии у нас в России и в Европе растет, а в ее глубины имеют доступ лишь необразованные купцы? Если связанная с Россией давними торговыми отношениями Центральная Азия исследована географами не более внутренней Африки? — отвечал Чокану Петр Петрович и затем стал увлеченно излагать свои планы исследования Азии, рассказывал о поездке в Европу, о встречах с Риттером, Гумбольдтом... — О, Гумбольдт помнит, как гостеприимно его принимали в Семипалатинске!

Петр Петрович рассказал Чокану и о докторях Мюнхенского университета братьях Шлагинтвейт.

— Они тоже строят планы путешествия в Тянь-Шань, но с юга, через Индию. Адольф Шлагинтвейт, как сообщают, уже в пути. Ему охотно оказали помощь английские власти в Индии.

«Еще бы не охотно», — отметил про себя Чокан.

Демчинский меж тем успел сгонять денщика в винный погреб.

— Господа, шампанского! За вас, Петр Петрович! Вы еще переплюнете и Гумбольдта и Риттера! За Чокана Чингисовича, за твои, Чокан, будущие труды о киргизах! За тебя, Федя! За надежду русской литературы! Федя, придет время, тебя узнает каждый русский! И фини, и друг степей калмык...

Демчинский находился «в своем обычном юморе», но выражению Достоевского. Понимал ли он, какая историческая встреча происходит в его доме? Достоевский, Семенов-Тянь-Шанский, Валиханов. И встречу их никоим образом нельзя посчитать случайной. Упрямая закономерность свела их там на исходе памятного в истории России 1856 года.

Настрой души — высочайший. Он выльется потом в знаменитом письме Достоевского Чокану Валиханову. А Валиханов... Да ведь он именно тогда, в ту их встречу втроем, — больше такое не повторится! — предложил на их суд свой заветный план. Если в Центральную Азию могут проникать пока только купцы мусульманского вероисповедания, то он, Чокан, с его безупречной азиатской внешностью — «В Кульдже меня даже принимали за китайца!» — готов отправиться с караваном под именем купца в какой-нибудь крупный азиатский торговый город. «Не в Кашгар ли мне отправиться для начала? Туда ходят караваны отсюда, из Семипалатинска...»

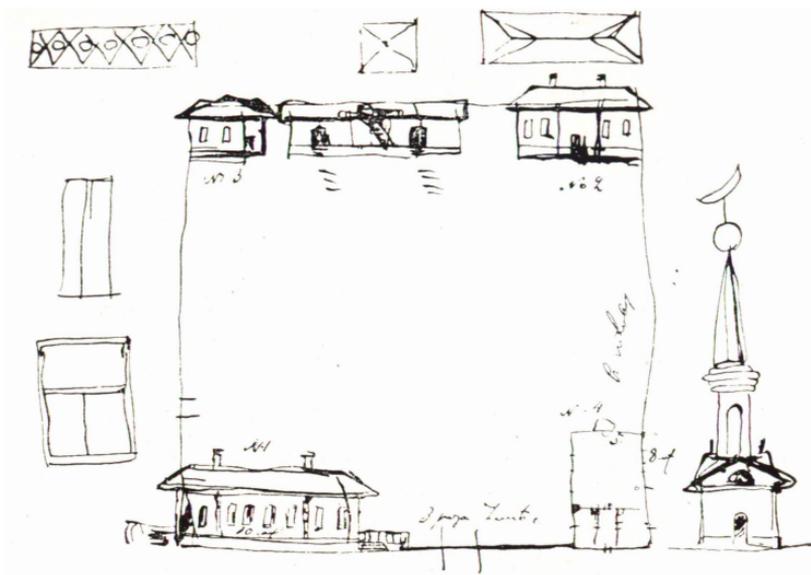
Только сам Чокан Валиханов мог предложить это пе-

Отец Чокана Чингис
Валиханов.

Групповой портрет
братьев Чокана.
Карандаш, тушь,
1855 г. Здесь
и далее рисунки
Чокана Валиханова.

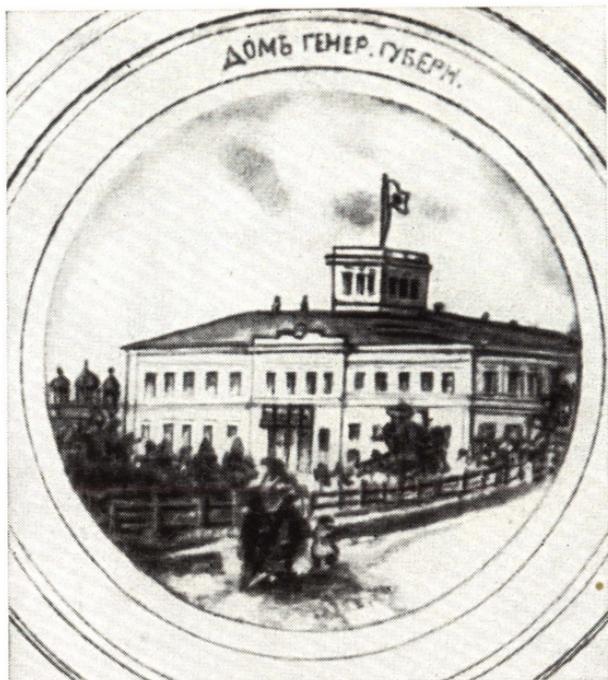

Часть усадьбы бабушки Айганым. Перо, 1853 г.

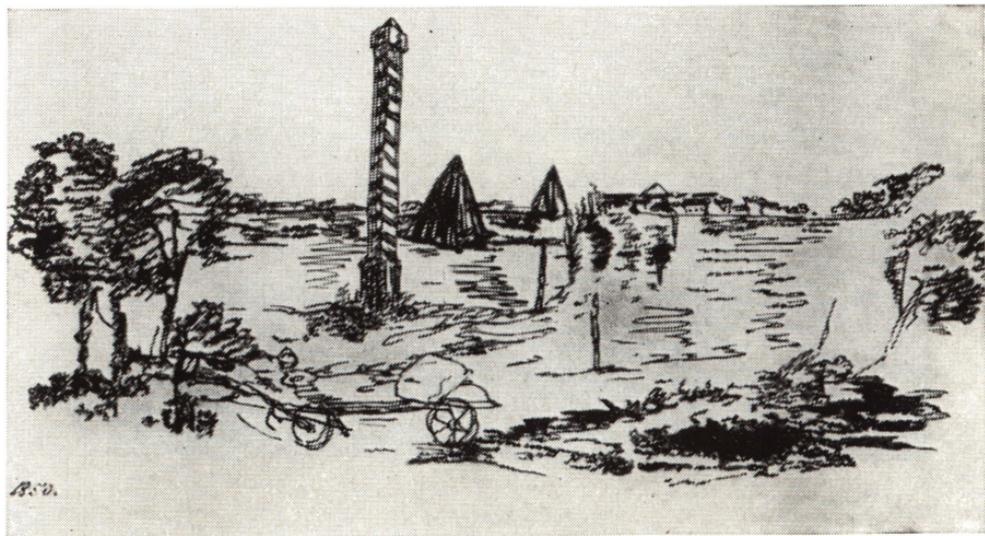
Усадьба Айганым в Сырымбете. Карандаш, 1853 г.

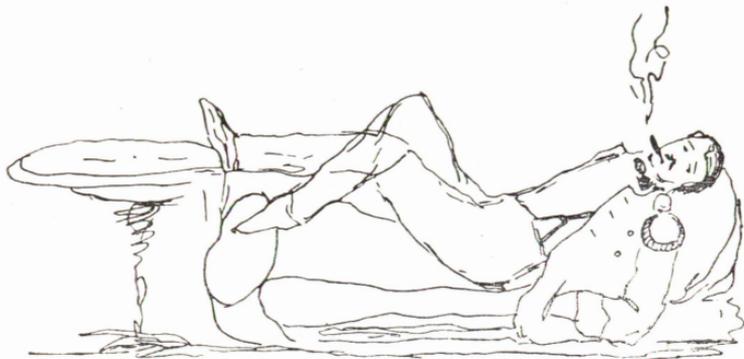

Дом генерал-губернатора в Омске. Акварель, 1848 г.

У верстового столба. Перо, 1858 г.

Автопортрет.

Схематическая карта Тургайской степи и Кушмурунского округа.
Перо, 1852 г.

Чокан Валиханов.

над 6 вост. пом. а наискр. заимавше е. 180 вост.
 или 180 вост. 50 и 60 вост. вост. в 10 вост. вост.
 180 вост. вост. вост. вост. вост.

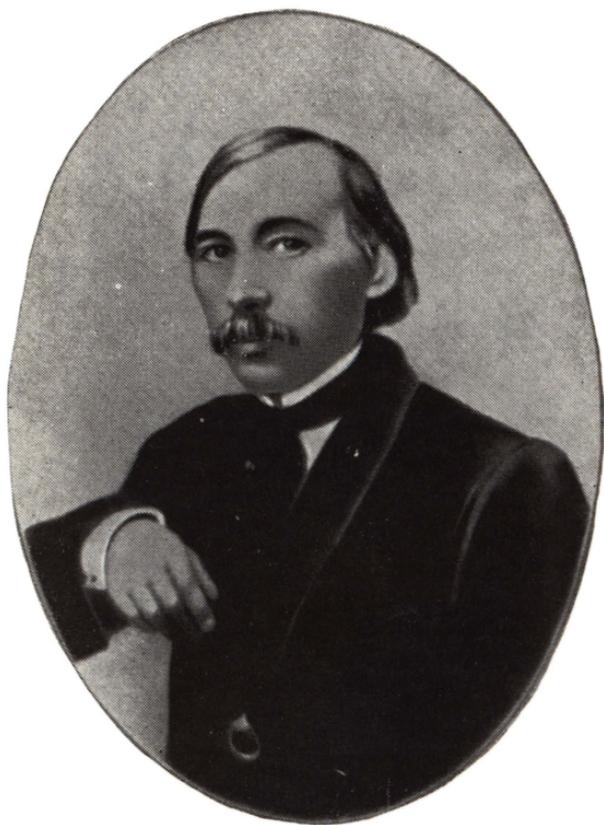

Маршрут пути Ч. Валиханова через Алтын-Эмель до г. Кульджи.
 Перо, 1856 г.

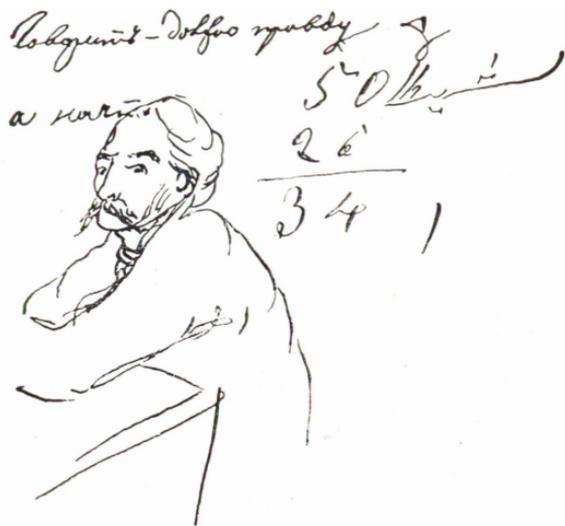
Лагерь около р. Или в Западном Китае. Перо, 1856 г.

Портрет Г. Н. Потанина.
Перо, 1864 г.

С. Ф. Дуров.

Портрет неизвестного
 (Гасфорт?).
 Перо, 1858 г.

После бала.
 Карикатурное
 изображение
 супружеской пары
 и дежурных офицеров.
 Перо, тушь, 1855 г.

Джейраны. Карандаш, 1856 г.

Изображение трех будд на скалах Тамгалытас.
Перо, 1856 г.

Прием у китайского сановника в Кульдже.
Карандаш, 1856 г.

П. П. Семенов перед
путешествием на Тянь-
Шань.

◀ Тип казахского купца.
Перо, 1856 г.

П. П. Семенов во время
путешествия на Тянь-
Шань. Карандаш, 1856 г.
Художник П. Кошаров.

Рыбная ловля отряда на р. Туп.

Стоянка отряда на р. Туп. Палатка Ч. Валиханова.
Карандаш, 1856 г.

Боромбай —
верховный манап
киргизов племени
бугу. Карандаш,
1856 г.

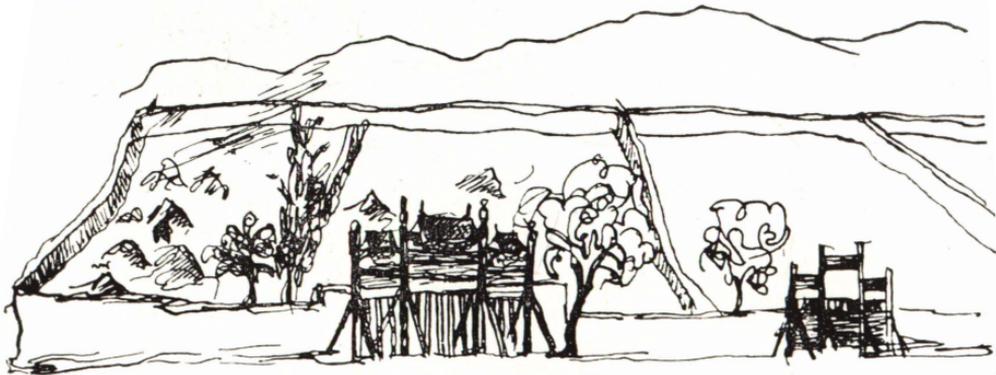

Портрет молодого
казаха. Карандаш,
1856 г.

Профили каменных изваяний
на р. Аягуз. Перо, 1856 г.

Городские ворота в Западном Китае.
Перо, 1856 г.

Городские ворота в Западном Китае. Перо, 1856 г.

Киргизский манап
племени сартай.
Карандаш, 1856 г.

Портрет сына манапа
Алчи из рода
сарыбагыш. Карандаш,
1856 г.

Султан Большой орды
Мамырхан Рустамов.
Карандаш, 1856 г.

Портрет казаха.
Карандаш, 1856 г.

реодевание, этот риск. И предложить не Гасфурту, а русской науке, Семенову!.. В своих воспоминаниях, написанных полвека спустя, Петр Петрович не забыл указать, что именно он дал совет Гасфурту послать поручика Валиханова в Кашгар. Великого Семенова-Тян-Шанского не заподозришь в желании примазаться к чужой славе. Но странный был бы совет отправить кого-то к черту в зубы, если бы за этим не стояло желание самого поручика Валиханова. И к тому времени поручик Валиханов уже стал действительным членом Русского географического общества — принят на общем собрании 21 февраля 1857 года по рекомендации Семенова, написанной после встречи в Семипалатинске. Диплом с изображением земного полушария свидетельствует потомкам, что казак Валиханов был первым среди русских путешественников, кого благословил на подвиг Семенов-Тян-Шанский.

Тогда же, на исходе 1856 года, Чокан и Петр Петрович договорились обо всем с Букашем. Очевидно, Букаш сразу поставил свое условие: я вам — место в караване, вы мне — пастбища в Аркате. Чокану условие показалось вполне подходящим. Оно свидетельствовало о желании Букаша прочно осесть в России и, значит, в большей степени обещало со стороны купца усердие и верность, чем, скажем, требование определенной суммы.

И тогда же Букаш — ему придется рисковать не только капиталом, по условию он ставил во главе кошей¹ своих внуков — обещал позаботиться о безопасности экспедиции... Для этого надо было заранее найти в Кашгаре старуху, сын которой уехал лет тридцать назад в Россию. Надо было удостовериться, что этот кашкарлык давно умер. Только тогда Букаш получит возможность распространить слухи, будто бы у купца-кашкарлыка остался сын сирота Алимбай, мечтающий вернуться на родину. И очевидно, затем потребовалось заручиться согласием кашгарской бабушки на приезд внука. Все это фирма Букаша проделала неторопливо, чтобы не возбудить подозрений. И если к весне 1858 года легенда об Алимбае уже могла быть использована, то, надо полагать, фирма занялась ее разработкой сразу же, в зиму 1856/57 года, не упуская горячей поры с декабря по март, когда приходят в казахскую степь караваны с крупнейших ярмарок России.

¹ Кош — походная юрта. Слово употребляется и как обозначение части каравана.

В конце ноября Чокан простился с друзьями. Достоевский отправился в Кузнецк, к Марии Дмитриевне Исаевой. В начале следующего года она наконец-то станет его женой. Семенов ехал в Барнаул по своим делам. Демчинский увязался с ними обоими за компанию.

5 декабря Чокан писал Достоевскому из Омска:
«Многоуважаемый Федор Михайлович!

Спешу воспользоваться случаем, чтобы написать Вам это письмо. После Вашего отъезда я только ночевал в Вашем граде и утром на другой день отправился в путь. Вечер этот был для [меня] ужасно скучен. Расстаться с людьми, которых я так полюбил и которые тоже были ко мне благорасположены, было очень и очень тяжело.

Мне так приятны эти немногие дни, проведенные с Вами в Семипалатинске, что теперь только о том и думаю, как бы еще побывать у Вас. Я не мастер писать о чувствах и расположении, но думаю, что это ни к чему. Вы, конечно, знаете, как я к Вам привязан и как я Вас люблю».

Письмо повез в Семипалатинск друг Чокана, Александр Николаевич Цуриков, назначенный на ту же должность, которую занимал Врангель. Чокан писал: «Рекомендую Вам, добрейший Федор Михайлович, этого доброго человека, Вы его должны полюбить и чем больше будете видеть, тем более». Чокан хотел подчеркнуть надежность Цурикова. А о своей близости к декабристу Батенькову Цуриков расскажет Достоевскому сам. Дружба с декабристом, по сибирским понятиям, наилучшим образом рекомендовала человека.

Заканчивается письмо Чокана на весьма вольной ноте: «В последний вечер я занят был любовью по вашему совету с С. Расспросите ее, кажется, мы провели вечер приятно».

Ответ Достоевского — продолжение семипалатинских бесед. Написан в доме Демчинского, за тем же столом, где велись беседы. Рядом сидит и тоже пишет Чокану Цуриков. И день не такой уж будничным — памятный для России день, 14 декабря. Он тоже освещает это письмо, как и счастье, наконец-то улыбнувшееся Достоевскому: он вернулся из Кузнецка с согласием Марии Дмитриевны на свадьбу.

«Вы пишете мне, что меня любите. А я вам объявляю без церемоний, что я в вас влюбился. Я никогда и ни к кому, даже не исключая родного брата, не чувствовал та-

кого влечения как к вам, и бог знает, как это сделалось. Тут бы можно много сказать в объяснение, но чего вас хвалить! А вы, верно, и без доказательства верите моей искренности, дорогой мой Вали-хан, да если б на эту тему написать 10 книг — ничего не напишешь: чувство и влечение — дело необъяснимое...»

Достоевский сообщает, что много рассказывал о Чокане: «...одной даме, женщине умной, милой, с душою и сердцем, которая лучший друг мой. Я говорил о вас так много, что она полюбила вас никогда не видя, с моих слов, объясняя мне, что я изобразил вас самыми яркими красками». Это о Марии Дмитриевне. И дальше: «...теперь, когда я совершенно один, (а действовать надо) — теперь я раскаиваюсь, что не открыл вам главнейших забот моих, и целей моих и всего, что уже слишком два года томит мое сердце до смерти!... Я был бы счастлив!» Достоевский называет Чокана «Дорогой мой друг, милый Чекач-Чолкановичь» и напоминает ему о планах приехать весной в Семипалатинск. «...А уже в Апреле непременно. Не переменяйте своего намерения». В письме есть уточнение: «Съедетесь ли вы с Семеновым и будете ли вместе в Семиполатинске». (СемипОлатинск — так во всех письмах Достоевского. — И. С.). Вот оно что. Значит, при Достоевском Семенов и Валиханов строили планы совместного путешествия. Они ведь отлично дополняют друг друга: Петр Петрович с его знанием ботаники, географии, геологии и «Чекач-Чолкановичь» — востоковед, историк, этнограф, сын этой земли, этого народа, для кого Семиречье все равно что для Семенова Черноземье... Русский и киргиз едут вдвоем по степи, разговаривают с умудренными жизнью стариками, с женщинами, хлопочущими у очагов. Из этой нарисованной воображением картины и рождается в письме Достоевского страстная проповедь: «Вы спрашиваете совета: как поступить Вам с вашей службой и вообще с обстоятельствами. По моему вот что: не бросайте заниматься. У вас есть много материалов. Напишите статью о Степи. Ее напечатают (помните мы об этом говорили). Всего лучше, еслиб вам удалось написать нечто вроде своих Записок о степном быте, о вашем возрасте там и т. д. Это была бы новость, которая заинтересовала-бы всех. Так было-бы ново, а вы, конечно, знали-бы что писать (в. прим. вроде Джона Тиннера в переводе Пушкина, если помните). На вас обратили бы внимание и в Омске, и в Петербурге. Материалами, которые у вас есть, вы-бы заинтересовали собою Географиче-

ское общество. Одним словом и в Омске на вас смотрели бы иначе. Тогда-бы вы могли заинтересовать даже родных ваших *возможностью новой дороги для вас*. Если хотите будущее лето пробить в степи, то ждать еще можно долго. Но с 1-го сентября будущего года вы бы могли выпроситься в *годовой отпуск* в Россию. Год прожив там, вы бы знали, что делать. На год у вас были бы средства. Поверьте, что их нужно не так много. Главное с неким расчетом жить и новый взгляд иметь на это дело. Все относительно и условно. В этот год вы бы могли решиться на дальнейший шаг в вашей жизни. Вы бы сами *выяснили* себе результат, т. е. решили бы, что делать далее. Воротясь в Сибирь, вы бы могли представить такие выгоды, или такие соображения (мало-ли что можно изобразить и представить!) родным своим, что они, пожалуй, выпустили-бы вас и за границу, т. е. года на два в путешествие по Европе. Лет через 7, 8 вы бы могли так устроить судьбу свою, что были-бы необыкновенно полезны своей Родине. Н. прим.: не великая-ли цель, не святое-ли дело, быть чуть ли не первым из своих, который бы растолковал России, что такое Степь, ее значение и ваш народ относительно России, и в то же время служить своей родине *просвещенным* ходатайством за нее у Русских. Вспомните, что вы первый Киргиз — образованный по Европейски вполне. Судьба же вас сделала в добавок превосходнейшим человеком, дав вам и душу и сердце. Нельзя, нельзя отставать; настаивайте, старайтесь и даже хитрите, если можно. А ведь возможно все, будьте уверены. Не смейтесь над моими утопическими соображениями и гаданиями о судьбе Вашей, мой дорогой Вали-хан. Я так вас люблю, так мечтал о вас и о судьбе вашей по целым дням. Конечно в мечтах я устраивал и лелеял судьбу вашу. Но среди мечтаний была одна действительность, это то, что вы *первый* из вашего племени, достигший образования Европейского. Уж один этот случай поразителен и сознание о нем невольно налагает на вас и обязанности. Трудно решить: какой сделать вам первый шаг. Но вот еще один совет (вообще) менее загадывайте и мечтайте и больше делайте: хоть с чего-нибудь да начните, хоть что-нибудь да сделайте для расширения карьеры своей. Что-нибудь всетаки лучше, чем ничего. Дай вам бог счастья».

В письме есть поклон Чокану от Демчинского, поклон Сергею Федоровичу Дурову: «...и пожелайте ему от меня всего лучшего. Уверьте его, что я люблю его и искренне предан ему». Не забыта и некая С. «С. вам кланяется,

рассказывала, как вы ее сманивали в Омск». Словом, есть все, что составляет общую картину дружеской мужской переписки. Тем значительнее звучит пророчество Достоевского, который сам в ту пору словно бы начинал жизнь заново и преотлично знал, что делать, какая у него цель.

Что делать? — главный русский вопрос середины XIX века. Достоевский отвечает Чокану на этот главный русский вопрос, и по ответам ясно, что Валиханов с ним делился самым сокровенным.

Написать о казахах «вроде Джона Тиннера». Но ведь на что обращал внимание русского читателя Пушкин, публикуя в 1836 году в «Современнике» записки Джона Теннера. На изнанку американской демократии. На эгоизм и страсть к комфорту. На рабство негров среди образованности и свободы. На нестерпимое тиранство, цинизм, алчность и зависть. На истребление древних обитателей Америки «чрез меч и огонь, или от рома и ябеды». Сочувственное отношение передовой России к американским индейцам имело те же корни, что и обращение русской литературы к жизни народов Кавказа, Сибири, Средней Азии.

Потому-то Достоевский и советует Чокану стать ходатаем за свою степь у русских. У русских!.. Автор оды к вдовствующей императрице тут и не упомянул о возможности стать ходатаем за свою степь перед престолом.

Говоря о необходимости пожить год в Петербурге и поехать года на два в Европу, Достоевский выказывает осведомленность относительно лежащего на Чокане тяжкого бремени султанского рода. Достоевский знает, что родные Чокана делают ставку на его карьеру в Омске. Отсюда и совет заинтересовать родных возможностями новой дороги. И настойчивое повторение того, о чем говорено-переговорено в Семипалатинске: на год достало бы средств, есть дешевые квартиры, есть возможность найти заработок.

Хоть с чего-нибудь начните, хоть что-нибудь да сделайте... В письме Достоевского нет и намек на путешествие, которое Чокан предпримет через полтора года. Достоевский советует Чокану ехать в Петербург, в Европу. Наверное, он говорил ему в Семипалатинске — в присутствии Семенова, — что открыть неведомые уголки Азии для европейской географии — прекрасная цель, но еще прекрасней — открыть другим народам жизнь своего степного народа. Если Чокан читал Достоевскому и Семенову свои дорожные записки — а он наверняка читал! — то Достоевский мог без единой капли снисходительности

к человеку другого племени сказать Чокану столь же лестные слова, что и Пушкин написал о прозе кабардица Казы-Гирея: «свободно, сильно и живописно». И Достоевский, конечно, охотнее говорил о литературном, а не научном призвании Чокана.

Но если не получится с поездкой в Петербург... Тогда что-нибудь все-таки лучше, чем ничего. Надо что-то делать для расширения карьеры — так выразился Достоевский, имея в виду огнюдь не продвижение вверх.

Достоевский не прибег к гиперболе, когда писал дорогому Вали-хану, что мечтает о нем целыми днями. По письму видно, что Достоевский вживался в судьбу Чокана, в его характер, в его образ, рисовал портрет молодого Валиханова, сына кочевого народа, но при этом самого благородного семейства, аристократа духа, начиненного европейскими идеями. И в письме, конечно, присутствует не только реальный Чокан Валиханов, но и созданный художественным воображением сын иного племени, «образованный по-Европейски вполне».

Это единственное из писем Достоевского Валиханову, дошедшее до нас. Остальные утеряны. А это письмо в 1908 году один из братьев Чокана, отставной поручик Махмуд Валиханов (он тоже обучался в Сибирском кадетском корпусе), передал Н. Г. Павловой¹, а от нее оно поступило в Петербург, в публичную библиотеку имени Салтыкова-Щедрина.

...В феврале 1857 года Достоевский и Мария Дмитриевна обвенчались в Кузнецке. Для начала новой жизни Достоевского ссудили деньгами Ковригин и Хоментовский. Чокан отправил в Кузнецк большую посылку.

Он работал в ту зиму над материалами, привезенными из экспедиции на Иссык-Куль, перевел отрывок из «Манаса» про смерть Кукотай-хана и поминки, начал очерки о киргизах: об истории народа-брата, о его географическом положении, которым многое в истории определено, о делении на роды, о нравах и обычаях киргизов, о преданиях, легендах, песнях и сказках, передаваемых из поколения в поколение без изменений: «Как ни странна кажется подобная невероятная точность изустных источников кочевой, безграмотной орды, тем не менее это действительный факт, не подлежащий сомнению».

В своем труде Валиханов не оспаривал принятого многими тогдашними авторитетами деления народов на «ис-

¹ По предположению исследователей, Н. Г. Павлова заведовала киргизским иштерпатом в Семипалатинске.

торические» и «исторические». По Гегелю, и русские пребывали в разряде «историческом», хотя и защитили Европу от нашествия монголов, и вызволили ее же из наполеоновского плена.

Валиханов в очерке о киргизах стремился опрокинуть ложное понятие о кочевых племенах вообще как об ордах свирепых дикарей. Повествуя о поэзии киргизов, он, как и в своих записках о казахах, утверждал существование у кочевников древней культуры, которую народы сумели уберечь даже в самую тяжкую пору своей истории. И, будучи воспитанником русского XIX века, Валиханов выводил из литературы представление об уме и нравственности степняка-ордынца и дикокаменного киргиза.

Этот свой труд он намеревался отправить в Русское географическое общество — «действиям которого по изучению Азии я, как азиатец, не могу не сочувствовать...». Отсюда и обращение к читателям: «Нам, русским, особенно непростительно пренебрежение к изучению Средней Азии, нашей соседки». И, будучи учеником Дурова, автор очерков о киргизах с гневом писал: «...М а н а п был первый т и р а н... Жестокость называют они великодушием и ставят как первую добродетель всякого управителя».

Сравнивая предания киргизской и казахской старины со сведениями из Абу-ль-гази, отца Иакинфа, Рубрука, из трудов русских исследователей Сибири и Средней Азии Г. И. Спасского, П. А. Чихачева, из европейских авторов, Чокан Валиханов снова и снова пытался разобраться в поразившей его еще в юности путанице маршрутов, какими двигались сквозь века народы и племена, затаптывая следы друг друга на земле. И рука сама чертила на полях строки Лермонтова: «Когда листы твои сплетали Солима бедные сыны...» К перемещениям племен имел самое прямое отношение и его прадед, великий Аблай, сделавший в 1770 году набег на киргизов. По условиям мира казахам отвели земли от гор до Или, а киргизам от озера до Чу. Из пленных киргизов Аблай составил две волости.

Но вот судьба целого народа, целого государства Джунгарии. Еще в памяти казахов нашествие джунгар, вражда Аблая с Галдан-Цереном, а теперь где они, джунгары?

О киргизах Клапрот пишет со ссылками на китайские источники как о пришельцах с севера, с Енисея. Но в «Манасе» нет упоминаний ни о каком переселении. Киргизы считают себя старожилами гор. В этом с ними со-

гласен и Абу-ль-гази. Однако отчего же в Южной Сибири и посейчас живут племена, называющие себя бурутами, киргизами, керейтами? Очень может быть, что еще до Чингисхана часть сибирских кочевников двинулась на юг... Высказав все свои предположения, Чокан подвел итог: «Разъяснение этого, пока темного, предмета мы оставляем времени и новым изысканиям».

Рукопись¹ носит следы кропотливой многолетней работы, как и большинство других незаконченных трудов Чокана Валиханова. Сколько вставок, поправок, помет на полях, сделанных в разное время чернилами и карандашом! И какая яркая самобытность мыслей, блистательная система доказательств, какая смелость выводов и гипотез! При нынешнем чтении почти не ощущаешь незавершенности научных трудов Чокана Валиханова. Им недостает лишь окончательной шлифовки, которую автор производит, уже решившись выпустить свое творение в свет. И все вместе дошедшие до нас работы Валиханова дают основание предположить, что значительная часть его бумаг бесследно пропала. Его научный поиск заставлял его вести колоссальную предварительную работу — делать выписки из архивных документов, из переводов восточных писателей, из трудов европейских ориенталистов, географов, историков, не говоря уже о глубоком изучении общественных теорий и международных отношений.

В Омске он не имел возможности познакомиться со всеми источниками, без сверки с которыми уважающий себя автор не может посчитать свое исследование законченным.

— Придется отложить. В Петербурге завершу...

— Да, в Петербурге! — подхватывал Потанин. — Ты поступишь на восточный факультет, я — на естественное отделение.

Григорий, голубая душа, наконец-то вырвался из глуши в Омск.

Он вышел из корпуса годом раньше Чокана, в 1852 году, и начал службу в 8-м казачьем полку, в Семипалатинске. Весной 1853-го Потанина назначили в отряд, отправлявшийся за Или, — в тот самый отряд, который основал в предгорьях Заилийского Алатау, на берегу реки Большая Алмаатинка, укрепление Верное. Потом Потанину посчастливилось побывать в Кульдже — тремя годами

¹ Опубликована впервые полностью в собрании сочинений Ч. Валиханова как «Записки о киргизах».

раньше Чокана. Он прожил в Кульдже неделю, близко сошелся с консулом Захаровым и вновь загорелся мечтами о путешествиях в глубины Азии. Но казаку пришлось, вспоминая судьбу Костылецкого, вернуться к месту службы в Семипалатинск. Там Потанин не поладил с полковым командиром, и его перевели в другой полк, на Бийскую линию. Сотня Потанина стояла в станице Чарышской. Ни книг, ни газет, ни журналов, ни образованных собеседников. Но терпеливый, работающий, как пчела, Потанин собирал гербарий и прилежно вел наблюдения, что дало ему впоследствии возможность написать и напечатать в журнале «Русское слово» очерк об Алтае.

Жил Потанин в доме простого казака, в патриархальной семье. Несмотря на свой офицерский чин, он говорил главе семьи «вы», а старик казак говорил ему «ты». Бийские казаки заметно отличались от иртышских. Они не владели огромными отарами и табунами, не торговали, не промышляли контрабандой, а жили по-крестьянски: пахали землю, держали в горах пасеки. Из станицы Чарышской Потанин вынес и сохранил на всю жизнь веру в патриархальную сельскую общину.

Встретившись с Чоканом, Потанин наконец-то получил возможность горячо излить другу юности свою печаль по безвременно ушедшему государю императору Николаю I, свои горькие мысли о поражении России под Севастополем. На Чокана он произвел впечатление человека безнадежно отсталого. А Григорий, опростившийся в станице, осудил светский лоск и общество столичных франтов, с которым знался Чокан. Очевидно, поэтому попытки Чокана распропагандировать друга юности оказывались безуспешными. Отчаявшись переубедить Потанина, Чокан повез его в Мокрое, к Сергею Федоровичу Дурову, и тотчас уехал, оставив их вдвоем. Дуров был занят сборами, ему разрешили покинуть Омск, и он дождался первого тепла, чтобы отправиться в Одессу, к другу-петрашевцу Пальму. Это была его первая и последняя беседа с Потаниным, и Дуров — за один вечер — обратил сибирского казака в убежденнейшего социалиста и непримиримого врага царизма. Впоследствии Потанин вспоминал деталь беседы, которая произвела на него сильнейшее впечатление. Дуров показал ему глубокую отметину в општукатуренной стене. Отметину оставил гостивший у Дурова петрашевец Григорьев, помешавшийся после того, как над ним и его товарищами разыграли сцену смертной казни и милостивого прощения. Дуров рассказал Потанину,

что Григорьев был одержим особой манией. Он брал в руки какой-нибудь острый предмет, упирал в стену и сверлил, сверлил, сверлил, приговаривая, что сверлит каменное сердце императора Николая.

Той же зимой в Омске Чокан представил Григория Потанина Петру Петровичу Семенову. Петр Петрович заинтересовался гербарием, собранным Потаниным на Алтае, и прочел друзьям лекцию по систематике растений. Потанин признался, что мечтает выйти со службы и поехать в Петербург, в университет, но для него, сибирского казака, это, увы, недостижимо. Петр Петрович обещал ему помочь и действительно убедил Гасфорта дать возможность хорунжему Потанину остаться в Омске и совершенствовать свое образование. Так что когда прямое начальство Потанина пожелало увести слишком умного хорунжего опять на Алтай, за Потанина заступился Гасфорт, и слишком умный хорунжий был отправлен не на Алтай, а в омский архив — разбирать старые дела. Славно им там работалось вдвоем, Григорию и Чокану, над путевыми записками азиатских купцов и журналами казачьих походов. Потанин переписал для Чокана маршруты своего отца и маршрут Улутауского отряда Шульца.

С точки зрения Петра Петровича Семенова, будущего активного деятеля реформ, собравшего в ту зиму в Барнауле огромный обвинительный материал о положении горнозаводских рабочих, о грабеже, творимом чиновниками Алтайского горного округа, тогдашний Омск был сонным захолустьем, где вовсе не интересовались вопросами освобождения крестьян от крепостного рабства. Семенов не совсем прав. В Сибири предреформенные годы носили сибирский отпечаток. Тут нет крепостных и нет крепостников, отстаивающих прелести старого уклада. Нет остроты схватки. Но вековая тишина во глубине России издавна обманчива. А уж тем более в Сибири с ее ссыльным населением¹. В Омске читали столичные журналы. Получаемый Гасфортом «Колокол» — не без посредства Чокана — регулярно попадал в руки омичей. А русский хабар тогда вообще переживал пору расцвета.

По России прокатилась новая волна крестьянских бунтов. В Степи отозвалось, как при Пугачеве, — вспыхнули

¹ В 1856 году было заведено дело о Сибирском кадетском корпусе, куда проникли в качестве воспитателей политические ссыльные.

мятежи казахских родов. В Омске знали — из казахского хабара, — что в Оренбургской губернии поднялись сырдарьинские казахи во главе с Есетом Котибаровым. Губернатор Перовский послал на подавление сырдарьинцев султана-правителя Арслана Джантюрина. Есет разгромил войско Джантюрина, а самого Арслана изрубил в куски. Несколько экспедиций карателей прошли по сырдарьинской степи, жестоко расправляясь с мятежными аулами. О Есете заговорил «Колокол», клеймя свирепый набег полковника Кузмина и майора Дерышева. Можно не сомневаться, что и в Омске люди прогрессивные сочувствовали Есету. Но в записях Чокана Валиханова о нем, увы, нет ни слова ¹.

Новый, 1857 год звал всех мыслящих людей России к общественной деятельности. И оказалось, что прекраснодушный друг Чокана, Григорий Потанин, по натуре вожак и организатор. У него на дому стал собираться кружок молодых казачьих офицеров. К бывшим ученикам заглядывал на огонек Николай Федорович Костылецкий. И Чокан там бывал, участвовал в жарких спорах о судьбе Сибири. Доколе ее будут держать на положении колонии?

Апрельским днем Чокан дежурил в приемной генерал-губернатора и выслушивал посетителей. По оттаявшей мостовой прогремели колеса, в дом ввели человека, в котором Чокан безошибочно узнал ссыльного, политического. Однако кого же везут сюда, в Сибирь, когда совсем недавно проехали в противоположную сторону последние декабристы, когда уехал Дуров и надеется вскоре отправиться в Россию Достоевский?

Ссыльного провели к Гасфурту, Чокан вошел следом. Здесь он услышал фамилию ссыльного и вспомнил все, что о нем писали и о чем сообщал русский хабар. Участ-

¹ Возможно, Валиханов с его знанием политической ситуации в Средней Азии с самого начала предвидел, что Хива постарается использовать бунтовщика в своих целях. Ничего полезного для казахов в таком случае ожидать не приходилось. И действительно, Есет вскоре остался без сподвижников, метался по степи с небольшим отрядом, вступил в переговоры с Хивой. А в 1858 году он явился с повинной к Николаю Павловичу Игнатьеву, ехавшему через Оренбургскую губернию с русским посольством в Бухару. По ходатайству Игнатьева, восходящего светила русской дипломатии, Есета простили, год спустя он появился в Петербурге, представлялся ко двору, впоследствии получал разные награды: золотые часы, серебряную чашу, кафтан.

ника европейских событий 1848 года Михаила Бакунина возли из Шлиссельбурга в Томск. Об этом человеке в России ходили легенды. Рассказывали, будто в Германии он увидел однажды, как крестьяне штурмуют чей-то замок. Бакунин стал во главе штурмующих и захватил замок. Арестовали его австрийцы, приговорили к смертной казни, а затем выдали Николаю I, который засадил бунтаря в Шлиссельбург.

Чокан рассказывал в городе, как ссыльный беседовал с его превосходительством. Гасфорт ударился в воспоминания, стал хвастать своей военной мудростью, проявленной под Германштадтом, и тут Бакунин перебил: «Под которым русские были разбиты».

Встреча Чокана с Бакуниным совпадает во времени с первыми, долетевшими в Омск вестями о Кашгарском восстании против китайского владычества.

ХОЖДЕНИЕ В КАШГАР

15 июля 1857 года в Омск пришло донесение из Кульджи от Ивана Ильича Захарова. Он сообщал, что китайцы в Кульдже и Урумчи напуганы восстанием в Кашгаре, отправляют туда отряды. О том, что же происходит в самом Кашгаре, Захаров мог сообщить немного: по слухам, в Кашгар двинулся из Коканда всякий сброд во главе с ходжами и будто бы несколько англичан появилось в Туркестане для возбуждения жителей против власти маньчжурской династии.

Известие о восстании в Кашгаре было срочно отправлено в Петербург. Директор Азиатского департамента Егор Петрович Ковалевский оценил сообщение Захарова как весьма важное. И уж если опытный Захаров до сих пор не выведал никаких подробностей, значит, Кашгар наглухо закрыт и там сейчас такая смута, что небу жарко.

Ковалевский был обеспокоен тем, что англичане стараются использовать смуту в Кашгаре, чтобы глубже влезть в среднеазиатские дела. Вот и Захаров пишет о появлении в Туркестане нескольких англичан. А ведь где-то там находится Адольф Шлагинтвейт, отважный немецкий географ, которому уж очень покровительствуют английские власти в Индии.

Егор Петрович Ковалевский оказался на ответственном посту директора Азиатского департамента не в результате традиционной карьеры дипломата. Литератор и путешественник, Ковалевский служил в Алтайском горном округе, а затем на Урале. В 1837 году Ковалевский путешествовал по Черногории и по просьбе черногорцев принял командование отрядом, сильно потрепав австрийцев. Австрия, союзница России, подняла шум. «Я русский, — писал Ковалевский в своем объяснении правительству, — и я был связан моим именем русского. Что бы ни последовало, я не раскаиваюсь в том, что сделал, я иначе был бы изменником, а не русским». В Петербурге прочитали и... Ковалевского лишили русского подданства. Но вскоре Николай I его простил и послал в Бухару по просьбе эмира бухарского — искать золото. Затем Ковалевский участвовал в Хивинском походе Перовского, попал в плен к хи-

вицам и бежал. В последующие годы он ходил с караваном в Ташкент, путешествовал по киргиз-кайсацкой степи, ездил с миссией в Кульджу. Его очерки получили высокую оценку Белинского. Ковалевский объездил полмира: Афганистан и Кашмир, Карпаты и Балканы, Египет и внутреннюю Африку. Когда шло следствие по делу Петрашевского, Егора Петровича не привлекли к ответу потому, что он находился в Пекине, строил там геомагнитную обсерваторию. С марта по май 1855 года он принимал участие в Севастопольской обороне. За свою жизнь он написал, кроме книг о путешествиях, девять романов и повестей, драму в стихах и выпустил сборник стихов.

Будучи во главе Азиатского департамента с 1856 по 1861 год, Егор Петрович с увлечением занимался делами России в Азии.

К концу октября Петр Петрович Семенов прибыл в Омск после своей второй экспедиции на Тянь-Шань и привез новые, ценнейшие сведения о событиях в Кашгаре. В разгар этих событий Семенов путешествовал по Тянь-Шаню и занимался не только географией. Он убедил манапа сарыбагышей Уметалы возвратить манапу Боромбаю четырех пленниц. И старый Боромбай не хотел остаться в долгу. У Семенова слухи о кашгарской смуте вызвали тревогу за Адольфа Шлагинтвейта, Петр Петрович попросил Боромбая послать своих людей в Кашгар и разузнать, не появлялся ли там путешественник-европеец.

Посланные Боромбаем верные люди вернулись с неприятными сведениями: Кашгаром правит ходжа Валихан-тюря, по его приказу в городе каждый день происходят казни. Один знатный и ученый фрянг¹ прибыл в Кашгар еще зимой. Фрянг понравился Валихану-тюря, и ходжа приказал отыскать для него надежного проводника из киргизов. Но вдруг по неизвестной причине Валихан-тюря отобрал у фрянга весь товар, а самого посадил в тюрьму. Потом фрянгу принародно отрубили голову. Это видели и об этом рассказывали бугинцам многие горожане. Петр Петрович искренне оплакивал отважного немецкого географа Адольфа Шлагинтвейта². Но когда Семенов с большой печалью рассказывал в Омске Вали-

¹ Фрянг — европеец.

² Впоследствии на месте казни Шлагинтвейта хлопотами П. П. Семенова-Тян-Шанского Русское географическое общество поставило памятник.

ханову и Гутковскому о гибели немецкого географа, они то могли видеть за путешествием географа определенные цели покровительствовавших ему английских властей в Индии. Не случайно, значит, пришел хабар из тех мест, что англичане возбуждают жителей Восточного Туркестана против маньчжурской династии.

Сведения, привезенные Петром Петровичем Семеновым, во многом определили план действий, разработанный в дальнейшем Валихановым и Гутковским с помощью прибывшего из Кульджи Захарова. Все, что было подготовлено Чоканом прежде, потребовало пересмотра. Ведь он намеревался отправиться с караваном под видом купца в мирный торговый Кашгар и с целями прежде всего научными. А теперь речь шла о проникновении в край, охваченный смутой.

И вот 30 октября Гасфорт пишет военному министру: «В выборе чиновника для сего поручения я остановился на состоящем при мне для особых поручений поручике Валиханове. Офицер этот сын достойнейшего киргизского султана, полковника Чингиса Валиханова, ныне старшего султана Кокчетавского округа, воспитывался в Сибирском кадетском корпусе, несомненной преданности правительству, с очень хорошими дарованиями, и на расторопность его вполне можно положиться. Сверх того, он хорошо ознакомился с историею и нынешним состоянием среднеазиатских владений и, будучи сам мусульманин, скорее русского чиновника может снискать доверие своих единоверцев».

Далее Гасфорт докладывает, что вместе с Валихановым отправится к дикокаменным киргизам касимовский татарин Файзулла Ногаев, человек бывалый в дальних азиатских странах и имеющий влияние на киргизских родоначальников. Файзулла Ногаев в 1819 году ездил в Бухару с будущим декабристом В. Д. Вольховским. В 1824 году он сопровождал туда же миссию Е. К. Мейендорфа и А. Ф. Негри. В 1825 году Ногаев показывал плато Усть-Урт экспедиции Ф. Ф. Берга.

Судя по рапорту Гасфорта, были подготовлены — самим Чоканом, Гутковским и Захаровым — два варианта экспедиции в Кашгар. Первый был рассчитан на благоприятный случай, который даст возможность поручику Валиханову отправиться в Кашгар, не дожидаясь каравана. Второй вариант вступал в силу, если сорвется первый. Чокан оставался на зиму в горах Киргизии для сбора поступающих из Кашгара сведений, а весной присое-

динялся к каравану, снаряженному семипалатинскими купцами.

В начале декабря Гутковский поехал в Семипалатинск. Букаш назвал ему срок выхода каравана — не раньше апреля 1858 года. Требовалось время, чтобы купить товар на Ирбитской ярмарке. С пустяками в Кашгар не отправишься — любой дурак понимает, что в опасные времена купцы рискуют только ради огромного барыша.

В конце декабря покинул Омск Чокан. По пути в Верное он заехал в Семипалатинск и окончательно условился с Букашем о караване, оставил ему свои дорожные вещи, в том числе и складную железную кровать, из-за которой потом будет столько разговоров.

В Семипалатинске Чокан пробыл несколько дней. Встречался ли он с Достоевским? Никакие источники на это не указывают. Но мог ли Чокан проехать, не повидавшись после такого письма? Он, конечно, повидался с Достоевским и был представлен той превосходной женщине, которая, как писал Чокану Федор Михайлович год назад, «...полюбила вас, никогда не видя, с моих слов». По отзыву встречавшегося с ней в ту пору Петра Петровича Семенова, Мария Дмитриевна «была «хороший человек» в самом высоком значении этого слова». Наверное, такое же впечатление она произвела на Чокана. И Достоевский, наверное, поверял Чокану свои цели и планы. Ему возвращены дворянские права, он получил наконец-то право печататься, «Маленький герой» (правда, за подписью М-ий) появился в «Отечественных записках». У него множество литературных замыслов, он вынашивает идею издания своего журнала, который, если повести дело с умом, сделает переворот в литературе.

Служа в Семипалатинской крепости, прапорщик Достоевский знал о боевых приготовлениях, вызванных смутой в Кашгаре: обновляются запасы пороха, снарядов и оружия, усилены отряды в Заилийском крае, им предписано в случае вторжения дать отпор. Ну и, конечно, Федор Михайлович слышал от проезжавшего Семипалатинск Семенова о казни европейца, не ко времени заявившегося в Кашгар. И Семенов называл Достоевскому имя ходжи, учредившего массовые казни. Ходжу зовут Вали-хан... Какое фатальное совпадение имен!

О чем могли говорить Достоевский и Валиханов в эту встречу (хочется верить, что она все-таки состоялась)? Очевидно, они оба втайне думали, что встреча может быть последней. При подобных обстоятельствах возникает от-

кровенность кристальной чистоты. Откровенность Чокана должна была быть тем более отчаянной, что ему предстояло надолго замкнуться, вползти, как улитка в витушку, в обличье азиатского негоцианта Алимбая. Свое новое имя Чокан уже знал точно, вдальбивал в сознание, засыпал с ним и просыпался. И, прощаясь с именем, данным матерью, с мундиром русского офицера, он хотел ответить себе самому, а возможно, и Достоевскому на вопрос: если придется на плаху, если голова с плеч, то во имя чего?

Да, у него был честнейший ответ: во имя науки, во имя знания Европы об Азии, Азии о Европе, во имя единства казахского народа, у которого он первый получил русское образование и первый открыл величайшую истину, что общественное развитие казахов есть часть все-русского прогресса.

К дому Демчинского подкатил ящик из казаков, вынесли и бросили в сани овчинную шубу. Чокан вышел во франтовской шинели с бобрами, сел, укутался в тулуп и... трогай! Сани умчали по зимней гладкой дороге, скрылись в снежном облаке.

Чокан направлялся через Капал на укрепление Верное и дальше к Боромбаю, не зная, что манапа уже нет в живых. Он вез правителю бугинцев, обещавшему помощь в организации экспедиции, подарки и 200 рублей серебром.

Файзулла Ногаев тоже отправился в горы к киргизам, но поехал отдельно от Валиханова. Второй помощник поджидал Валиханова в Капале. Мухаммед-Якуб Джанкулов — коканец по происхождению, кульджишский по бумагам купец. В 1847 году он привозил сведения о Кашгаре Гутковскому в Аягуз, за что получил в награду серебряную медаль и почетный халат. Затем Якуб ездил по своим торговым делам в города Восточного Туркестана, побывал в Коканде, Аксу и Кашгаре. Кокандцы уже давно поглядывали на него с подозрением, и однажды Якуб был схвачен в Коканде по доносу одного из беглых русских, но вывернулся с помощью почтенного ишана Сахиб-заде, который долгое время служил кокандским послом в Омске и Петербурге.

— В Коканде мне появляться нельзя, говорил Якуб поручику Валиханову. — Вам тоже не советую, в Коканде вас схватят, там опять видели сыпоев Кенесары. Из Кульджи через Аксу русский караван не пустят, через

Аксу ходят китайские казенные караваны. Лучше всего идти на Кашгар через Иссык-Куль и Зауку. Я согласен снарядить караван, но средств не имею, разорился. Возьмите, господин Валиханов, у казны полторы или две тысячи серебром, на маленький караван хватит...

Чокану показались подозрительными жалобы Якуба на бедность, но Абакумов подтвердил, что финансы Джанкулова в критическом состоянии, потому-то он и пойдет на любое опасное дело. Переговоры с Якубом продолжались. Чокан интересовался, можно ли проникнуть в Кашгар каким-нибудь другим образом, не с караваном, который будет двигаться уж очень медленно.

В ответ Якуб провел пальцем по горлу.

Абакумов тоже считал, что в такие смутные времена любой путник под любым обличем — и фрянг и мусульманин — рискует головой. Меньше всего подозрений вызывает солидный торговый караван. Купца стригут, как овцу, чиновники, купца грабят разбойники, но купца не убивают. Торговля на Востоке священна...

1857 год завершался в Заилийском крае обильными снегопадами, все горные перевалы оказались закрытыми наглухо. Первый вариант сорвался. И, значит, незачем Якубу покупать товары в Капале, снаряжать свой маленький караван. К весне будет готов караван Букаша. Якуб изъявил согласие пойти с Букашем.

— Господин полковник, — говорил Якуб Абакумову. — Зачем господину Валиханову рисковать головой? Я пойду в Кашгар, а господин Валиханов будет ждать меня в горах.

Абакумов нашел предложение вполне разумным. И Гутковский говорил в Омске, что, проникнув ближе к Кашгару и оценив опасность, Чокан может послать вместо себя Якуба.

— Однако следует иметь в виду, что этот помощник не затруднится доставить сведения чисто вымысленные, — предупредил Гутковский.

Зиму Чокан провел в разъездах. Он побывал у бугу и раздал старшинам подарки, назначенные Боромбау. Старый знакомый Чон-Карач обещал ему помощь и поддержку.

Чокан встретился с бежавшим из Кашгара Сарымсаком и с помощником коменданта кокандской крепости Пишпек Алиширом-датхой, дед которого был родом из Кашгара. Эти встречи устроил Файзулла Ногаев, которого знала вся Средняя Азия.

Сарымсак уныло рассказывал о зверствах ходжи Валихана-тюря. В Кашгаре ежедневно отрубали не меньше двух сотен голов. Народ озлобился, и однажды ходжа, вернувшись с загородной прогулки, нашел ворота Кашгара запертыми. Свирепая расправа превзошла все, что испытывали кашгарцы до сих пор. Но это оказалось последним злодеянием Валихана-тюря.

Алишир-датха подтвердил, что Кашгар взят китайскими войсками, Валихан-тюря содержится под сильным караулом в Коканде. Худояр-хан намеревался убить Валихана-тюря, но вынул доводам почтенного ишана Сахиб-заде. Убийство ходжи — великий грех!

Слушая Алишира-датху, Чокан отметил про себя любопытное совпадение. Один и тот же почтенный ишан Сахиб-заде, бывший кокандский посол в Петербурге, выручает русского агента Джанкулова и мятежного ходжу.

Политическая обстановка переменялась круто. Чокан больше всего боялся, что его экспедицию теперь отменят или отложат. Столько готовился — и на тебе. Он должен, непременно должен побывать в Кашгаре!

В марте Чокан получил письмо от Гутковского, запечатанное, разумеется, тремя печатями. Срывая нетерпеливо сургуч, Чокан вспомнил себя маленьким кадетиком и учителя геодезии в обсыпанном мелом мундире. Развернув письмо, он прежде всего заглянул в постскрипту. Там стояло: «Письмо это... возвратить назад, отправив в особом конверте на имя г. начальника корпусного штаба через посредство полковника Перемышльского». Предосторожность означала, что Чокан все-таки отправляется в Кашгар.

В Заилийский край пришла весна. Расцвели алые тюльпаны на горных прилавках. Стаи птиц летели из жарких стран к Абакумову на благословенный Алакуль. Сотня казаков двинулась из Верного в кочевья рода бугу, где ей надлежало находиться для безопасности каравана. А в Верное пришло послание Гасфорта поручику Валиханову. Почему до сих пор поручиком не представлены соображения по предмету возложенного на него поручения?

Но какие могут быть еще соображения? Все придется решать по ходу дела. Чокан, получив письмо, понял, что Гасфорт намерен прибыть в Заилийский край, чтобы потом доложить Петербургу о своем личном участии в отправке поручика Валиханова. И всем станет ясно, что

у русских что-то затевается, ибо генерал-губернаторы не таскаются в такую даль из пустыков.

Довольно часто бывает, что при выполнении сложной задачи, причем в самый напряженный момент, в центре внимания оказывается непредвиденная мелочь. Валиханов и приехавший в Верное Гутковский приняли все возможные меры, чтобы назначенная Гасфортом встреча сорвалась. Для этого надо было рассчитать движение каравана так, чтобы он ушел за пределы Илийского края до появления там генерал-губернатора. Однако вовсе не легко перехитрить Гасфорта, если дело касается его карьеры. Не исключено, что именно он задержал караван в Семипалатинске.

Как свидетельствует рапорт Гасфорта министру иностранных дел, на Каратале в день прихода туда каравана он все-таки встретил поручика Валиханова, уже переодетого в киргизское платье.

Надо полагать, поручик Валиханов не стал делиться с Гасфортом всем пережитым и передуманным за долгий срок скитания близ караванного пути. Он ничего об этом скитании впоследствии не писал и, судя по воспоминаниям людей, его близко знавших, никогда никому не рассказывал, что же было с ним тогда в степи, о чем он размышлял, с кем встречался, о чем беседовал.

28 июня 1858 года Чокан присоединился к семипалатинскому каравану, который остановился для торгова в урочище Карамула в тридцати верстах от Капала. По приказу караванбаши Мусабая проворные работники поставили кош для Алимбая-мурзы, владельца части каравана. Мусабай пожаловал к компаньону с торговыми книгами, списками приказчиков и работников. В бумагах значился и Алимбай Абдиллабаев, кокандский подданный, сын маргеланского выходца. Караван состоял из шести кошей, каждый из которых имел своего владельца и торговал самостоятельно. Всего по списку числилось 42 человека — ташкентцы, бухарцы, казахи. На многих листах шел перечень товаров. Ткани, зеркала, умывальники, подзорные трубы, кожа русской выделки, меха, мыло... По обложению в таможне числилось товару на 18 300 рублей 32 копейки, и еще на 400 рублей везли мелочного товара. Чокан заглянул в список припасов. Мусабай прихватил в дорогу чай, белые сухари, сорочинское пшено¹...

¹ То есть рис.

Верблюдов 101, лошадей 65. Мусабай со вздохом сказал, что это очень мало, потому как половина по пути подохнет.

— Долгая дорога, опасная, но аллах милостив.

— Аллах велик, мудр! — Чокан прочел по-арабски из Корана на память суру 76 «Человек»: — «...Вводит он, кого пожелает в свою милость, а обидчикам приготовил он наказание мучительное». — Чокан увидел по сосредоточенному лицу своего компаньона, что ученость Алимбая выше всяких похвал.

Опытный караванбаши перешел к делу:

— Добрые вести. В Кашгаре цены на скот поднялись вдвое, а по некоторым слухам — и втрое. Скот, слава аллаху, всегда дорожает во время войн и восстаний...

Чокан понял, что его компаньон говорит не о барышах. Снимаются подозрения с каравана, рискнувшего идти в охваченный смутой Кашгар. Все караваны меняют по пути у казахов и киргизов свои товары на баранов. По нынешним временам риск оправданный. Глядишь, и встретятся по пути другие купцы, прослышавшие о высоких ценах в Кашгаре на скот...

Два дня в Карамуле шел оживленный торг. Купцы разложили на траве чугунные котлы, кованые треножники, заступы. Караваны, идущие через Степь, всегда норовят сбить казахам самый тяжелый товар и облегчить вьюки. Мена шла, разумеется, на баранов.

1 июля караван отправился в дальнейший путь. Он двигался древней караванной тропой с той же скоростью, с какой здесь проходили караваны сто, двести, триста лет назад. К такой медлительности Чокану труднее оказалось привыкнуть, чем к обязанностям владельца коша, чем к пятикратным в день молитвам и омовениям. Караван останавливался в урочищах и дожидался, пока казахи со всей округи пригонят баранов для мены. Или коши по уговору разбредались в разные стороны, чтобы встретиться в условленном месте недели через две.

6 августа — наконец-то! — караван остановился возле айла Чон-Карача. Род бугу собрался на пышные поминки — исполнилась годовщина после смерти старого маанапа Боромбая. Прослышав о многолюдных торжествах, прибыли на Кегень и купцы. Три коша, принадлежащих татарам из Петропавловска, несколько мелких кашгарских караванов, потом появились и купцы-ташкентцы из Кульджи. Мусабай стал уговариваться с кашгарцами и петропавловскими татарами вместе идти в Кашгар. И тут вдруг

среди бугинцев, собравшихся на поминальные торжества, понолз слух, что в семипалатинском караване прячется русский офицер, он спит на железной кровати. Эта подробность — насчет кровати — почему-то особенно заинтериговала бугинцев.

Чокан вез с собой железное складное ложе не только из привычки к комфорту. Он уже тогда знал, что страдает грудной болезнью, по-русски именуемой чахоткой. Простуда для него означала срыв всего тщательно подготовленного дела. По просьбе Чокана Чон-Карач дознался, кем пущен слух. Оказалось, что его распространяют ташкентцы, прибывшие из Кульджи.

Мусабай торговал с бугинцами почти месяц. У Чокана было время вызвать на Кегень Якуба Джанкулова, но Чокан этого не сделал. 2 сентября Алимбай скромно помалкивал на совещании, где Мусабай и другие караванбаши уговаривались, каким путем идти в Кашгар. Он знал, что, учтиво выслушав все мнения, Мусабай отдаст предпочтение Аксайской дороге — именно там стоит казачий отряд, загодя вышедший для охраны семипалатинского каравана.

Петропавловские купцы и несколько кашгарских кошей присоединились к семипалатинскому каравану: вместе будем отбиваться от разбойников.

Казачи могли незаметно следовать за караваном только до Зауки. Отсюда начинались кокандские владения. Насчет дальнейшей охраны Мусабай условился — за плату — с биями кыдыков. Приехали уже знакомые Чокану Борсук, Самсалы и Джанет. Чокан с любопытством приглядывался к Джанету. Год назад у бугу ему рассказывали, что Боромбай изгнал этого знаменитого разбойника к Тянь-шаньским киргизам. Но теперь, после смерти старого мацапа, Джанету разрешили вернуться к кыдыкам.

9 сентября караван вступил в Заукинское ущелье. На первой же ночевке пропала одна из вьючных лошадей. Работники пошли по следу и в горах обнаружили костер, возле которого спали воры. Нескольких схватили, остальным удалось бежать, причем один изловчился ускакать на краденой лошади. Среди пойманных оказался брат Джанета. Бывший разбойник отругал брата и поклялся, что сам приведет украденную лошадь. Брат остался в караване заложником. Это не помешало Джанету нагрянуть на караван через два дня с вооруженной шайкой в семьдесят человек. Приказчики и работники взялись за ружья

и при поддержке кыдыков бия Борсука отбились от разбойников, захватив троих в плен. А разбойники захватили двух татар. Джанет преспокойно явился в караван для обмена. Он отдавал двух пленных и краденую лошадь за трех своих джигитов. Чокан понял, что такие размены для купцов дело привычное. Честный бий Борсук до того огорчился, что уехал, не попросив обещанных Мусабаем подарков. Впоследствии Чокан узнал, что Борсук по-родственному отомстил Джанету набегом на его аил.

14 сентября Чокан начал новый дневник: «Сегодня мы перешли Зауку и вступаем в страны неведомые и неизвестные. Неизвестность эта заставляет меня вести более подробный и правильный дневник. Караван наш только что успел разбить коши и шатры на небольшой болотистой полянке, покрытой местами снегом. Кругом видны белые верхи гор, внизу чернеет ущелье, в глубине которого виднеется небольшое озеро. Идет снег и холодно. Я пишу эти строки в коше и при свете походного костра: материалом для поддержания его служат серые ветки *Juniperus sibirica*, *Saragana jubatae*, взятые в запас, ибо на этом пути почти до границы Китая нет другого топлива, кроме кизяка. Кашевар мой Кочкар готовит ужин и возится с чайником; для препровождения времени, частью чтобы согреться, я привык пить чай по-купечески: сколько может поместить желудок. Кругом слышно бляение овец и говор работников, сидящих вскруг огней в ожидании ужина. Речь, кажется, идет у них о трудностях сегодняшнего подъема. Слышу, Бекмурза, киргиз из соседнего коша, рассказывает с большим жаром, как его верблюд с вьюком упал с косогора и как он спас свое животное; другой киргиз Акджол, известный в караване особенным красноречием, повествует, как он два года тому назад, зимой, после дождя, переходил Хабарасу в Тарбагатае и что путь был так скользок, что они целый день рубили ступени и потом клали в покатых местах под ноги верблюдов войлок. Кто-то из них сравнивает Зауку с Кендыр-даваном на пути из Ташкента в Кокан и находит, что Кендыр круче и выше Зауку. Разговор их интересен и поучителен. Это все народ бывалый, и многие из них всю жизнь свою служат при караванах и отлично знают географию пройденных ими стран. Чу, шум: стада бегут на гору. Вот слышен голос караванбаши. Рассказчики бегут к стадам. Слышны крики: «Айт! Айт!» Узнаю нашего краснобая, спешащего, без сомнения, к костру, чтобы докончить рассказ о хабарасуйском случае.

— Волк, что ли? — спрашиваю я нашего красная, спешащего к огню, чтобы продолжить разговор, до которого киргизы большие охотники.

— Он сам, — отвечает Акджол, вслед за тем входит мой пастух, приняв грустный вид, и говорит плачевным голосом, что волк «порвал» одну из наших овец, и эгоистически замечает: «Что бы подлецу порвать бы у других. Нет, все у нас».

— А сильно порвал?

— Оторвал весь курдюк.

Порванная овца отдается рабочим».

По схематической карте на одной из страниц дневника видно, что дальнейший путь от Зауки шел по высокогорью. Хотя Чокан собирался вести более подробный дневник, его записи делались все короче. Было очень холодно, однако из страха перед разбойниками даже на ночлегах не зажигали костров.

Но никто не вздохнул с облегчением, когда караван спустился в долину реки Аксай. Предстояло пройти длинным узким ущельем Теректы, где на караваны нападали киргизы из рода чонбагыш. Опытный Мусабай отправил двух работников в Кашгар к тамошнему аксакалу¹, давнему своему приятелю, с просьбой выслать солдат для охраны.

26 сентября, сидя у себя в коше, Чокан торопливо дописывал в дорожную тетрадь:

«Южный склон, где мы теперь стоим, заметно потеплел, есть полынь и чий. От высоты Теректы до Ислыка² 60, до Кашгара 135 верст.

Тороплюсь: дневник сейчас зарывается в землю, и если бог возвратит нас живыми и здоровыми, не испортит сырость, опять покажем белому свету. Поручаю тебя аллаху, до свидания.

Дневник писан крайне беспорядочно, для памяти. Нужно все привести в систему. Обширного понятия о пройденной местности по нему, конечно, никто не получит.

Завтра, может быть, дойдем до караула и, без сомнения, подвергнемся тщательному обыску. Через два дня будем в Кашгаре, что далее — в воле божьей, на него же возлагаем наше упование. Аминь».

Чокан завернул тетрадь в кусок коленкора и упрягал в деревянный сундук.

¹ Подробно о функциях аксакала см. дальше.

² Ислык — ближайший китайский пикет.

Зарыв свой клад в землю, Чокан показал место Мусабаю.

— Если со мной что случится, знаешь, кому отвезти тетрадь.

— Воля аллаха да будет, без его воли и волос не выпадет из бороды, — произнес торжественно Мусабай над земляным холмиком, помеченным плоским камнем. Уж он-то знал, что без поручика Валиханова обратный путь — предприятие сомнительное.

Утром по обыкновению на рассвете поднялись работники и ушли вперед с тридцатью оставшимися верблюдами и тремя тысячами баранов. Купцы не спеша попили чай, прикладывались по очереди к кальяну. Потом Мусабай, не говоря ни слова, сел на лошадь, и все последовали его примеру. Только купцы нагнали медленно плетущийся караван, как из кустов вышли киргизы и перегородили дорогу. Тут были и чонбагыши и черики. Запросили грабители почему-то немного — тогуз красных кож русской выделки. Мусабай отсчитал со скорбным лицом девять кож и занес расход в книжку с пометой: «взято с насиллием».

После выяснилось, что грабители потребовали так мало потому, что прошел слух, будто русские татары везут в сундуках оружие, а позади следует отряд казаков. Установив, что никакой охраны нет, чонбагыши вновь подкараулили караван на выходе из ущелья. Работники Мусабая привычно сгрудили верблюдов и взялись за ружья. Но силы оказались неравными — к чонбагышам отовсюду спешило подкрепление. Мусабай дал знак, что готов вступить в переговоры. На этот раз чонбагыши заломили десять тогузов — красным сукном, кожами, плисом, ситцем, бязью, коленкором и так далее.

И тут в самую последнюю минуту подоспела выручка: появился отряд кокандских сипаев. Шайка позорно бежала. Седой токсаба¹ в шапке с белым шариком, в рваном грязном мундире надел на Мусабая и на Чокана халаты, присланные кашгарским аксакалом, и вручил письмо, в котором аксакал выражал свое благорасположение.

Чокан понял, что кашгарский аксакал многоопытен и многомудр. И халаты прислал, и письмо. И сипаи подоспели вовремя. Уж не прятались ли они за кустами, выжидая наиболее эффектного момента для появления в роли спасителей?

¹ Токсаба — военный чин у кокандцев.

Спасителям полагается награда. Мусабай аккуратно занес в памятную книжку: сукна — 20 аршин, люстрину — 15, ситцу — 48, платков — 6 штук. И пометил: «добровольно, за оказанное содействие против киргиз, покзанных в 3 пункте сей ведомости».

В сопровождении сипаев караван двинулся дальше. Показалась глиняная крепостца с башнями, первый китайский пикет Ислык-караул. Токсаба хвастливо заявил, что китайцы боятся кокандцев. Увидят при караване сипаев и не станут задерживать, сразу же выдадут свидетельство на пропуск.

— А если неверные вздумают вас задержать, я проведу вас в Кашгар без свидетельства, — пыжился токсаба.

Караван остановился в 50 саженьях от пикета. Китайские солдаты, сидевшие у стены, в тени тутовых деревьев, шмыгнули в ворота и заперлись. Токсаба ничуть не смутился.

— Неверные вас приняли за ходжу. У труса в глазах двойтся.

Громкие голоса за воротами долго о чем-то перекорялись. Чокан пожалел, что не знает китайского языка. Наконец ворота растворились, показался китайский офицер — в шапке с золотым шариком. Изможденное лицо выдавало в нем прилежного курильщика опиума, в зубах цвета ляпис-лазури торчала дымящаяся трубка. Бошко сунул трубку токсабе, как старому знакомому. Токсаба пососал трубку и начал втолковывать бошко по-тюркски, что надо пропустить караван в Кашгар.

Переговоры завершились только на следующий день. Бошко получил от Мусабая трех баранов и выдал свидетельство, в котором и семипалатинские ташкентцы, и петропавловские татары были названы анджанцами¹. Толмач-кашгарец, пряча глаза, пояснил, что бумага дается для формы, никто ее не читает. Но после выяснилось, что толмач нарочно внес в свидетельство неправильные сведения — сразу же по уходе каравана он отправил в Кашгар донос на подозрительных людей, выдающих себя за купцов.

Неподалеку от китайского пикета караван уже поджидал кокандский чиновник — караулбеги, в обязанности которого входила запись проходящих и отходящих кара-

¹ Анджанцами называли в Восточном Туркестане представителей всех народностей Средней Азии. В Кашгаре анджанцы составляли верхушку купечества.

ванов. Этот действовал без китайских церемоний, взял с каждого «огня» по барану — и можете следовать своим путем.

Караван медленно плелся меж невысоких глинистых холмов. Почва показалась Чокану бесплодной — галька, солонцы. Но первое же селение удивило его пышной зеленью. Кашгарцы принесли купцам для меня дыни, морковь, просо.

Еще день пути, и караван подошел к Кашгару. Но не так-то просто оказалось туда попасть. Теперь уже кашгарские чиновники жаждали получить свою долю. Один изобличал семипалатинских купцов в том, что они дали на пикете ложные сведения, другой требовал, чтобы они тут же, на дороге, развязали свои вьюки — он осматривает товары и возьмет зякет, неподалеку многозначительно развезжал кашгарский полицейский... Опытный Мусабай не спешил купить благосклонность чиновников-кашгарцев. Выждали, пока определится самый влиятельный, ему-то и преподнесли подарок.

Наконец-то Чокан увидел вблизи глинобитные стены и башни по углам, похожие на легкие китайские беседки. Копыта лошадей простучали по деревянному настилу моста, и открылась прямая дорога к воротам. По обеим ее сторонам стояли жерди, на жердях покачивались клетки с отрубленными головами. Хотелось скорее проехать мимо, но чиновники велели остановиться как раз под зловонными клетками, пока не доложат хакимбеку. Пришлось стоять и ждать. Собравшиеся у ворот кашгарцы разглядывали приезжих.

— Вон тот похож на русского, — донеслось до Чокана.

— Да ты русских никогда не видал.

— Не видал, но вон тот — русский.

Что за интерес к русским? От проклятых клеток несло трупным запахом. Несчастный кашгарский народ. Ходжи или китайцы — не все ли равно. И те и другие держатся на крови, на страхе. Когда же это кончится? Когда люди смогут жить по-человечески? Чокан уже ехал по городу, мимо лавок, домов, а в глазах еще стояли проклятые клетки и преследовал трупный запах.

Зякетхана, здешняя таможня, помещалась в огромном здании, похожем на сарай. Верблюдов ставили на колени, отвязывали вьюки, сундуки. Вдруг все кокандские и кашгарские чиновники засуетились — пришел аксакал Насреддин-датха и с ним его сын, молодой веселый Хусамеддин. Аксакал милостиво — всем напоказ — поговорил со

старым другом Мусабая, с другими купцами и важно удалился. Чиновники приступили к описи. Хусамеддин болтал с мнимым Алимбаем. Чокан постарался расположить к себе сына аксакала, с чувством декламировал Гафиза и Навои, расспрашивал, какие развлечения можно найти в Кашгаре. Чиновники закончили опись, получили подарки и разошлись. Один из них унес с собой железный заступ.

— Хочу показать образчик амбаню¹.

На другое утро Мусабай повел Чокана в мечеть. По случаю дня джумы² в мечети собралось множество правоверных, все недружелюбно поглядывали на прибывших. Мусабай шепотом сказал Чокану:

— Нельзя ходить в шапках, как русские татары. Навернем на головы чалму.

Вернулись в отведенный для них дом, а там уже поджидает посланный от правителя города, хакимбека. Он привел Мусабая и Чокана в канцелярию. Писцы сидели, поджав ноги, на кирпичных нарах, покрытых войлоком, задавали вопросы, записывали ответы.

— Откуда вы приехали?

— Из Семипалатинска.

— Кто вы?

— Анджанцы.

— Какие анджанцы?

— Из Маргелана и Ташкента.

— Когда выехали из Анджана?

— Двенадцать месяцев были в России, купили товары и приехали к вам в Кашгар, узнав, что здесь хорошая торговля: купец едет туда, где может иметь выгоду.

Писцы объявили, что спрос будет отправлен амбаню.

Назавтра другой спрос — у доргабека, чиновника при хакимбеке, в чистых и богатых покоях с решетчатой стеной, сквозь которую виден сад. Доргабек вышел к ним в китайском мандаринском костюме, в шапке с красным шариком — чин первого класса.

— Когда выехали из отечества?

— Двенадцать месяцев.

— С какой целью приехали?

— С торговой.

— Что вас заставило приехать в страну незнакомую,

¹ Амбань — один из высших титулов в Восточном Туркестане, правитель округа, генерал.

² День джумы — пятница, день соборного богослужения.

отдаленную, подвергаться опасности как от киргиз, так и от суровой природы?

— Хотели открыть дорогу. По этой дороге сейчас никто не ездит, а наши отцы ездили.

— Как смели вторгнуться в пределы империи, не объявив о себе в пикет? — Этот вопрос доргабек задал, держа перед собой донос толмача.

— Если офицер отлучается с поста, а толмач не умеет писать — не наша вина.

— Если вы анджанцы, отчего не пришли по пути, открытому для вашей нации? Если вы русские, отчего нет видов от вашего правительства, тогда бы мы поверили.

— Здесь русской торговли нет.

— Сколько пути от Семипалатинска?

— Шестьдесят пять дней.

— Кто есть на Иссык-Куле? Бывают ли русские? Строят ли дома?

— Нет.

— Зачем так близко идут к нам?

— Как близко? Русские имеют города и поселения в четырех днях пути от китайской границы.

— Где же это?

— В Илийском округе.

— Есть между вами русские?

— Нет.

— Зачем привезли так много оружия?

— Какого оружия?

Оказалось, что оружием посчитали железные заступы. Вот, значит, почему взяли образчик для амбая. Пришлось объяснять, что делают заступом.

Вечером пошли за советом к Насреддину-датхе. Он ругательски ругал китайцев и обещал, что волос не упадет с головы его старого друга Мусабая. Пришел Хусамеддиш и стал звать Алимбая на пирушку. Чокан делал вид, что тает от восторга. Ему было не до пирушек. Что-то сулит завтрашний день?

Назавтра Мусабай приказал начинать торговлю. Иностранные купцы в Кашгаре нанимали лавки в особых сараях. Семипалатинский караван вывез свои товары в одиннадцать лавок сарая «Кувак». Торговля сразу пошла бойко, потому что после восстания Валихана-тюря караваны из Кокашда в Кашгар не ходили, семипалатинский был первым, привезшим товары в столь большом количестве, причем такие пользующиеся большим спросом русские товары, как ситец ивановских фабрик, рижский бархат,

тульские самовары... Торговля скотом велась в Кашгаре на особом базаре. Слухи о высокой цене на скот полностью подтвердились, бараны шли по ползолотого за голову.

Мусабай вел оптовую торговлю и набивал цену, расписывая трудности пути и утраивая число погибших в горах верблюдов и лошадей. Кашгарские маргеланцы и ташкентцы, давние знакомые Мусабая и его родичи, удивлялись и цокали языками: вай-вай. Но тут опять нагрянули чиновники с шариками на шапках: приезжих требует к себе амбань.

Чокан видел, что его сотоварищи впали в уныние. Ехать пришлось под конвоем чиновников. Летняя резиденция амбана находилась за городом. Там стояли нарядные палатки и еще какие-то странные сооружения.

— Виселицы. — Едущий рядом с Чоканом ташкентец Мухаммедразык обмяк и покачнулся в седле.

— Если нас и повесят, то не китайцы, — утешил Чокан. — Они нас отдадут кокандцам...

Их ввели в самую большую палатку. В четырех креслах сидели четыре мандарина. Два с красными шариками, два с синими. Купцы поклонились, сложив руки на груди. Главный мандарин — с красным шариком — что-то быстро сказал по-китайски. Это и был амбань. Чокан услышал рядом вздох облегчения. Понимавший по-китайски Мухаммедразык перестал дрожать и потихоньку шепнул Чокану:

— Амбань сказал: «Это не русские и не татары, а анджанцы».

Благодарить за спасение следовало аксакала Насредина-датху. Он дал амбаню письменное поручительство за всех, кто пришел с его старым другом Мусабаям.

Переводчик амбана, тощий кашгарец, путался, переводя Мусабая вопросы старого мандарина. Караванбаши сказал, что много раз ездил в Кульджу и умеет говорить по-китайски. Амбань долго расспрашивал Мусабая, какой дорогой ехали, какие товары привезли, и велел принести все товары сегодня же во дворец хакимбека.

Вышли, не помня себя от счастья, поскакали на свое подворье, впервые за все дни в Кашгаре поели с аппетитом и поспешили с товарами во дворец хакимбека.

Хакимбек и беки жили в особом городке за высокой стеной. Въехав в большие ворота, увидели направо мечеть, а налево башню, где помещались музыканты с длинными медными трубами и китайскими флейтами. Они

услаждали слух хакимбека и беков — было время обеда. Вторые ворота оказались поменьше, возле них стояла караульная будка, в ней сидели солдаты, на стене будки висели ружья, сабли и дубины. Во втором дворе под присмотром двух писарей томились люди, пришедшие с просьбами к хакимбеку. Третьи ворота оказались совсем маленькими, ярко раскрашенными. За ними открылся дворик с дворцом посередке, выстроенным в китайском вкусе, с небольшой мечетью и домами беков.

Купцов ввели во дворец, в темную большую комнату без окон, освещенную только через двери, ведущие в другие покои.

— Ждите, пока не позовут.

Сидевший в зале молодой чиновник усердно читал книгу, не обращая на них никакого внимания. Мимо провели хихикающих красоток, где-то внутри заиграла музыка, зазвенели бубны.

— Нас скоро позовут? — спросил Чокан молодого чиновника.

Тот засмеялся. Глупый вопрос. Князь имеет обыкновенные веселиться до утра.

— А нам что делать?

— Вам? Ждать, пока не позовут!

Из покоев стали появляться вдрызг пьяные шишконосцы. Во дворе один мандарин свалился с лошади, слуги его подняли и положили в колымагу. Все это, видимо, было в порядке вещей.

Когда купцов выгнали из дворца, так и не посмотрев товар, они пошли напрямиком к аксакалу.

— Мы совершенно сошли с ума! — жаловался Мусабай. — В Кашгаре беков больше, чем у меня волос на голове.

— С сегодняшнего дня не ходите ни к одной из этих свиней! — вскинул Насреддин-датха. — А если кто-нибудь осмелится вам что-нибудь сказать, я при помощи аллаха оскверню дочь его и сделаю смятение не хуже Валихана-тюря! — Датха говорил не столько для купцов, сколько для сопровождавшего их соглядатая.

Очень уверенно и даже нагло держался Насреддин-датха. У Чокана потом не раз будет возможность убедиться, что аксакалы, назначаемые кокандским ханом в Кашгар, Яркенд, Хотан и другие торговые города Восточного Туркестана, обладают большой властью. Аксакалу подчинялись все иностранцы, проживающие в городе. Все купцы — индусы, персы, афганцы, армяне, бухарские евреи, татары, а также живущий в Кашгаре русский купец —

беглый сибирский казак, никаких подробностей о котором Чокан в своих записках не сообщает.

Аксакалы собирали подать с товаров, привозимых иностранцами (по кокандским правилам: $\frac{1}{40}$ часть с мусульман, $\frac{1}{20}$ с христиан). Собирали подать с хлебных полей и хлопковых плантаций. От киргизов брали по 1 барану с 40 голов. Главный аксакал сидел в Кашгаре и имел свою полицию, своего сборщика зякета, маклера, казначея, своих судей, приставов и сипаев. В сущности, он находился на положении отдельного губернатора. Местному правителю — хакимбеку — аксакал не подчинялся. Хакимбек правил только кашгарцами.

...Поблагодарив аллаха за счастливое избавление, Мусабай записал в памятную книжку длинный счет товарам, данным в городе Кашгаре 7 октября 1858 года главному начальнику Насреддину-датхе на сумму 130 рублей. И сделал помету: «добровольно в подарок».

Чокан вынес из этой жуткой шестидневной канители самые яркие впечатления о политическом устройстве Восточного Туркестана. Простому кашгарцу — земледельцу и ремесленнику — система управления западным краем Поднебесной империи представлялась в образе двухголового чудовища. Одна пасть — китайские правители, другая — местное чиновничество. Поднебесная империя держала в каждом значительном городе свой гарнизон, а в приграничных крепостях стояли китайские пикеты, однако делами внутреннего управления китайские власти во главе с хебе-амбанем не занимались — только раздавали должности туземным бекам, превратив это в неиссякаемый источник доходов. Хакимбеки — правители городов, ишкаги — их помощники и другие местные чины имели шарики различных степеней, смотрели в рот китайскому начальству и в день нового года по китайскому календарю являлись совершать обязательные для них поклоны изображению богдыхана. Главной заботой туземных беков был сбор податей, отправляемых богдыхану, а также податей в пользу местной власти. К этим непомерным налогам прибавлялись незаконные поборы, которыми беки делились с китайскими мандаринами.

Получив возможность обосноваться в Кашгаре, Алимбай вступил в полагающийся купцу временный брак. В его кашгарском дневнике об этом сказано крайне скупо: «Чтобы не выходить из общего порядка и по настоя-

нию наших знакомых, мы должны были также подчиниться этому обычаю». Существует литературная легенда, будто от чаукен Валиханов узнал все подробности гибели Шлагинтвейта. Но это вряд ли соответствует истине. В Кашгаре Чокан вскоре получил возможность сблизиться с самим Нормухаммедом-датхой, участником мятежа Валихана-тюря. Вот уж кто мог порассказать о казни белокурого фрянга!..

Еще одна нерасшифрованная подробность кашгарской жизни Валиханова — встреча мнимого Алимбая с тамошними родственниками. О них в дневнике сказано мимоходом.

Уяснив себе, что в Кашгаре относительное спокойствие бывает редко и кратковременно, а новое восстание вот-вот, по слухам, вспыхнет, Чокан решил воспользоваться мирной обстановкой и съездить в Яркенд. Семипалатинский купец бухарец Мурзамухсин Мурсагитов согласился повезти на продажу в Яркенд немного юфти, выделанной по русскому способу на чистом дегте. Мурзамухсин знал, кто такой Чокан.

Они взяли у аксакала Насреддина-датхи билеты и отправились в путь. С ними ехали четверо кашгарских бухарцев, не раз бывавших в Яркенде.

— Там каждый день собирается вечерний базар на главной площади, — рассказывали Чокану спутники. — Сам город куда больше Кашгара, а крепостные стены в три раза выше кашгарских. В крепости четверо ворот. В квартале Сокакуль ткнут шелка, в квартале Насходжакули торгуют рисом и мясом. В квартале Курколь живут кашмирцы, их в Яркенде много, и они имеют своего аксакала. Бадахшанцев тоже много, и у них свой старшина. На базаре есть китайские харчевни и индусские лавки...

На другой день к полудню путники добрались до Янысара. Здесь Чокан провел несколько дней в обществе анджанских купцов, с которыми познакомился в Кашгаре, когда задавал всему купечеству пышные пиры. Теперь они устраивали ему обеды, угощали янысарским гашишем, который считается лучшим во всей Средней Азии.

За Янысаром дорога бежала цветущим оазисом, мимо селений, рощ, полей, изрезанных арыками. Спутники рассказывали Чокану, что дальше начнется каменистая степь и что там, на восток от станции Кызыл, находится священное для всех мусульман место — Кумшайдан, где, по преданию, происходило сражение за веру и где на могиле предводителя правоверных Арсланхана-гази стоит модель-

ня, ее посещает каждый едущий из Кашгара в Яркенд и из Яркенда в Кашгар.

Но ни станции Кызыл, ни священной могилы Чокану в тот раз не привелось достичь. На первой ночевке за Янысаром их нагнал нарочный от Мусабая с письмом. Мусабай сообщал, что в Кашгар поступили известия о перевороте в Коканде. Худояр-хан свергнут с престола своим братом Малля-беком с помощью киргизов и кипчаков. Ожидается ханталау¹, и не исключено, что опять взбунтуется Валихан-тюря.

Чокан и бухарцы тотчас повернули коней в Кашгар².

В Кашгаре Чокан застал смятение. К аксакалу Насреддин-датхе явились одновременно посланцы и от Худояр-хана, и от Малля-бека. И тот и другой требовали немедленно выслать весь собранный зякет. Кому же послать? Как ни был опытен аксакал, но тут растерялся.

В день, когда пришло официальное сообщение о водворении на ханство Малля-бека, Насреддин-датха был конченный человек. Никто из кокандцев его знать не знал. Приехали доверенные нового аксакала Нормухаммеда-датхи, взяли Насреддина-датху под стражу, конфисковали все его имущество, а у Мусабая затребовали список подарков, преподнесенных им своему спасителю. Список Мусабай составил, утаив две вещицы — часы и пистолет, подаренные Хусамеддину. Пожалел несчастного молодого человека. Вчера каждый старался угостить сына аксакала, а сегодня он ходил голодный, без единого пула в кармане. Зато все угощали и улещивали незаметного прежде человечка, который оказался родственником нового аксакала. Этого человечка звали Сулейманкул. Чокан, по счастью, близко сошелся с ним до его неожиданного возвышения, несколько раз устраивал пирушки специально для Сулейманкула. Чокана интересовали подробности мятежа Валихана-тюря, а Сулейманкул был ярким приверженцем ходжи и даже отсидел за это в темнице. Теперь у Чокана вроде бы имелась заручка перед новым аксакалом, но надежная ли?

Из-за кокандского дворцового переворота Чокан и его спутники вновь очутились на краю пропасти. Их судьба

¹ Ханталау — ханский грабеж. Так назывались вспышки грабежей, которыми сопровождалось каждое междуцарствие.

² В «Очерках Джунгарии» Валиханов написал, что ему не удалось побывать в Яркенде. Однако им вычерчен подробный план Яркенда и в «Расчете денежным суммам» указана поездка в этот город. Значит, он все-таки съездил туда.

целиком зависела от Нормухаммеда-датхи, который полтора года назад, будучи кашгарским аксакалом, приветствовал в Кашгаре ходжу Валихана-тюря, получил от ходжи звание минбаши, затем попал в немилость, сидел в тюрьме, был приговорен ходжой к смертной казни, но остался в живых. Личность, как видно, незаурядная. Уже успел переметнуться к Малля-беку и вновь едет в Кашгар. Не для того ли, чтобы опять приветствовать здесь ходжу?

25 ноября Чокан и его компаньоны вместе со всеми иностранцами числом более шести тысяч встречали нового аксакала. Впереди процессии ехал сипай, за ним мальчики вели аргамаков в золотой и серебряной сбруе. Да, к новому аксакалу с дешевыми подарками лучше не соваться.

25 ноября Мусабай внес в памятную книжку реестр товаров, врученных вновь прибывшему г-ну Нормухаммед-датхе, на колоссальную по тогдашним временам сумму 225 рублей. И пометил: «добровольно в подарок». В этом реестре между сукном — 26 аршин и люстрином — 16 аршин записана злосчастная железная кровать. Чокан в дневнике нигде не уточняет, сами ли они решили сделать такой подарок, или Нормухаммед-датха уже что-то слышал про кровать и, значит, про русского офицера. Нелишне отметить, что датха занимался казахскими делами еще во времена Кенесары и мог сохранить свои связи со Степью, а также с находящимися в Коканде сыновьями Кенесары. Но если Нормухаммед-датха и подозревал в чем-то молодого образованного купца Алимбая, то какой выгоды он мог ожидать от его разоблачения? Для себя лично? Будучи истинным кокандским вельможей, Нормухаммед-датха менее всего пекся об интересах государства и правящей династии, а заботился лишь о собственном благополучии.

С новым кокандским резидентом в Кашгаре у Алимбая сложились на удивление хорошие, а потом даже приятельские отношения. Во многом этому способствовал не забывший былых угощений Сулейманкул. Нормухаммед-датха охотно посещал пирушки, устраиваемые для него Чоканом, и приглашал молодого купца к себе, беспрестанно делал ему подарки и — что уж вовсе удивительно! — дал ему разрешение ходить по городу ночью, тогда как все остальные иностранцы наравне с кашгарцами с 1857 года обязаны были после 9 часов вечера сидеть дома.

В кашгарском отчете Валиханова сказано, что собранные им сведения получены от лиц, достойных доверия, в

том числе и от кокандцев, занимающих значительные должности и принимавших участие в восстаниях ходжей. Это прямое указание на Нормухаммеда-датху.

От Нормухаммеда-датхи Чокан узнал и подробности кокандских дворцовых переворотов. Худояр-хан пришел к власти в 1845 году, когда ему было всего 13 лет. Он отличался чрезвычайной кротостью и религиозностью. Но в зрелом возрасте он умудрялся совмещать крайний мистицизм со страстью к диким забавам. Никто не смел при нем курить, всех обязали являться к общей молитве. Худояр читал своим придворным лекции о нравах и обрядах, а после лекций шел смотреть свирепые бои животных, завел огромный зверинец, где держал бойцовых верблюдов, баранов, собак и куропаatok.

О Малля-хане, новом властелине Коканда, Нормухаммед-датха порассказал немало интересного для Чокана. В борьбе против своего брата Худояр-хана Малля-бек сначала искал поддержки в Бухаре, а потом ему удалось привлечь на свою сторону киргизскую и казахскую верхушку. Теперь киргиз рода адгене Алимбек пользуется при Малля-хане правами верховного визиря.

Как опытный политик, Малля-хан начал с демонстрации справедливости. Он уплатил личные долги Худояр-хана, возвратил присвоенное в казну частное имущество и отменил ряд податей.

Вторым важным делом было для Малля-хана раздать должности своим сторонникам. Чокан вывез из Кашгара длинный список назначений, чем, конечно, очень обрадовал министерство иностранных дел, как и сведениями о предполагаемой внешней политике Малля-хана.

Положение нового властелина Коканда оказалось весьма затруднительным. В случае новой борьбы за власть с Худояр-ханом, бежавшим в Бухару, Малля-хан мог надеяться только на киргизов и казахов.

У Чокана в кашгарском отчете отмечено, что ходят слухи о желании Малля-хана установить сношения с Россией и будто бы уже готовится посольство.

Что же касается происков Англии, то благодаря Нормухаммеду-датхе Чокан разузнал следующее. В 1855 году (или в 1856-м) англичане приходили в Яркенд и были возвращены обратно. А во время пребывания Чокана в Кашгаре английский агент приезжал в Хотан, чтобы узнать о судьбе убитого европейца. Этим европейцем мог быть только прусский географ Шлагинтвейт. Китайцы, к которым обратился английский агент, по своему обыкно-

венно отговорились, что убийство совершено восставшим ходжой и никакие подробности китайским властям неизвестны. Зато Нормухаммеду-датхе они были хорошо известны!

Весной 1857 года Валихан-тюря и семеро преданных ему кашгарцев покинули Коканд в первый день праздника рамазан.

Весть о бегстве Валихана-тюря достигла Кашгара. Китайцы отправили на разведку нескольких кашгарских беков. Приверженцы ходжи поймали беков, Валихан-тюря без лишнего разговора сам отрубил им головы. После этого он поспешил выступить на Кашгар. К первому китайскому пикету Валихан-тюря подошел ночью. Его тут никто не ждал, китайцы бесечно предавались курению опиума. Один из приверженцев ходжи перелез через стену и открыл ворота. Отряд Валихана-тюря ворвался в казарму, перерубил китайцев и заодно бывших на пикете кашгарцев. На рассвете ходжа был у юго-западных ворот Кашгара. Здесь лежали привезенные для продажи дрова. Их быстро перекидали к воротам и подожгли. Весь запас пороха, захваченный на китайском пикете, пошел в дело. Ворота взлетели на воздух, и путь в город был открыт. Гонец ходжи промчался по улицам Кашгара, призывая жителей к восстанию. Кашгарцы откликнулись немедленно. Взяли оружие в руки и кинулись убивать неверных, грабить китайские дома и лавки. Пострадал главным образом ремесленный люд. Чиновники и офицеры укрылись в цитадели, туда же успел удрать и хакимбек.

Валихан-тюря торжественно въехал в Кашгар и занял дворец хакимбека. Беки, не успевшие удрать, были казнены вместе с детьми, а жены достались солдатам. Валихан-тюря самолично участвовал в казнях, блистая умением рубить головы одним махом.

Городских жителей стали выгонять каждый день на реку Кызыл строить запруду, чтобы река повернула на китайскую цитадель и подмыла глиняные стены. Туда же обязали являться иноземных купцов, им раздали для земляных работ короткие копья. Со стен цитадели стреляли по мирным жителям из ружей и осыпали их градом стрел.

Валихан-тюря начал формировать войско, намереваясь вооружить его лучше, чем было вооружено войско бухарского эмира, считавшееся первым в Средней Азии. Более семидесяти тысяч сипаев и сарбазов получили одинаковую одежду и оружие за счет ходжи. Кроме того, образо-

валось пестрое ополчение из дервишей, курильщиков гашиша, игроков и прочего отребья. Всех кашгарских ремесленников заставили изготавливать оружие.

Тирания Валихана-тюря принимала все более жестокие и извращенные формы. Он приказал воздвигнуть на берегу Кызыла пирамиду из отрубленных голов. Когда кашгарский мастер-оружейник принес ему новые сабли, Валихан-тюря подозвал сына оружейника, одним взмахом отрубил мальчику голову и с удовлетворением произнес: «Да, отличная сабля». В другой раз, устроив у себя пир для почетнейших кашгарцев, Валихан-тюря вдруг вызвал палача. Гости замерли от страха: чья же голова полетит сейчас с плеч? Ходжа указал палачу на одного из музыкантов. Тот, оказывается, позволил себе зевнуть при ходьбе.

Возможно, Валихан-тюря был психически ненормален. Но он мог быть и вполне нормальным, обыкновенным ходжой, все предки его были ходжами, обладали и теократической и политической властью, ни один простой смертный не смел поднять против них оружие, а они делали с простыми смертными все, что им заблагорассудится.

Веселый торговый город Кашгар оцепенел от ужаса. По требованию ходжи все горожане обязаны были посещать мечети — раньше здесь такие строгости не соблюдались. Женщин заставили закрыть лицо по мусульманскому обычаю. Страх охватил и приближенных Валихана-тюря. Каждый час любой из них мог лишиться головы.

Такова была жизнь в знаменитом торговом городе Кашгаре, когда летним днем туда явился европеец в азиатской одежде, голубоглазый и светловолосый немецкий географ Адольф Шлагинтвейт. Он вез с собой много дорогих тканей, оружие, часы, зрительные трубы. Путешественника сопровождал опытный проводник-индус, который предупредил, что в Кашгар идти опасно. Но Шлагинтвейт не внял советам своего проводника. В Кашгаре Шлагинтвейт приобрел несколько дорогих кашмирских шалей, чтобы преподнести их Валихану-тюря, который формировал не только огромную армию, но и огромный гарем. На беду европейца, Валихан-тюря в тот день до одури накурился гашиша.

— Откуда идешь? — спросил ходжа. — Куда идешь и зачем?

Европеец отвечал, что идет из Бомбея в Коканд с письмом от англичан к Худояр-хану. Ходжа требовательно протянул руку:

— Давай бумаги.

Шлагинтвейт с достоинством заявил, что может отдать письма только тому, кому они посланы. В тот же день беловолосая голова взлетела на вершину жуткой пирамиды.

Чокан дорого бы дал, чтобы узнать, о чем писали англичане Худояр-хану, но Нормухаммед-датха или не видел писем, или не хотел сказать. Он только сообщил Чокану, что индус остался жив и до сих пор живет в Яркенде. Нет смысла, однако, обращаться к нему в поисках имущества казненного Шлагинтвейта. Вещи, а значит, и все инструменты, коллекции, записи попали в руки Валиханатюря или палача и сгинули¹. Получив такие сведения из первых рук, Чокан понял, что вопреки надеждам Петра Петровича Семенова не привезет из Кашгара научное наследие Адольфа Шлагинтвейта, а только сможет подтвердить достоверность добытых бугинцами известий. Если, конечно, сам уберется отсюда подобру-поздорову в начале весны. Примерно в середине марта, но никак не раньше. Караваны, прибывающие в торговый город осенью, отправляют вьючный скот, измученный в пути, на поправку, для чего требуется изрядное время. Поэтому караван, который скоропалительно, до традиционного срока вздумает собираться в дорогу, неминуемо подпадет под подозрение.

В Кашгар пришла южная зима. Лавка, где сидел Чокан, обогревалась камином, в придачу ставили жаровню с раскаленными угольями, от них шел угар, и Чокан уходил, говоря, что у него разболелась голова.

Иностранный гостиный ряд занимал крытую легким навесом улицу, одним концом она упиралась в базарную площадь старого города, другим в базарную площадь нового города, где стояла соборная мечеть. На иностранной улице у Чокана завелось много знакомых, и он заходил поговорить с ними о ценах, о караванных дорогах, о житье-бытье в разных городах. Затем он шел обедать. После обеда возвращался в лавку, отмеривал деревянным аршином матерью покупателям в высоких меховых шапках из выдры, в шелковых плащах с золотыми лентами на груди, в вышитых сапогах из красного сукна. Потом снова уходил из лавки, бродил по узким улочкам старого го-

¹ В 1887 году русский консул Н. Ф. Петровский купил в Кашгаре термометр, принадлежавший Шлагинтвейту. Неизвестно, через сколько рук прошла эта непопятная тамошним жителям вещь.

рода, тесно уставленным глинобитными домами без единого оконца в выходящей на улицу стене. Заглядывал к ремесленникам, прицениваясь по-купечески к товарам, заходил в мечети и медресе, знакомился с учеными ахунами, и они охотно делились своей мудростью с любознательным единоверцем, а кашгарские ахуны знали не только Коран, они многое знали из истории Средней Азии.

Ахуны могли только одобрить почтительный интерес молодого образованного купца к жизни святого Аппакходжи. Гробница святого находилась в шести верстах от города. Чокан любовался зданием, украшенным цветными изразцами. У входа в склеп пестрели знамена и бунчуки, но карнизам теснились рога баранов, коз, оленей, принесенных в жертву. Возле гробницы стояла большая мечеть с восхищавшим Чокана сфероидальным куполом.

Ему пришлось по душе отсутствие у кашгарцев религиозного фанатизма. Популярные здесь самобытные руководства по закону божьему отличались ненавистью к обрядовой скуке. Согласно кашгарским нравам благочестивому мусульманину не возбранялось посещать развеселые пирушки, где вино лилось рекой. Чокан слушал игру на дутарах, ситарах, гыджаках¹ и маленьких бубнах, пение и чтение стихов, главным образом переводных с персидского, потому что своих поэтов Восточный Туркестан не имел. Единственное самобытное, что он услышал, были народные песни, составленные из четверостиший, они поразили его унынием: «Трудно содержать в кашгарском городе лошадь, потому что связка сена стоит 12 пулов; но еще труднее сохранить голову, потому что... вай! вай!»

Чем больше узнавал Чокан кашгарцев, тем больше ему нравились их общительность, радушие, утонченная вежливость. Женщины в Кашгаре пользовались большими правами, чем у других мусульманских народов, у себя дома они принимали гостей как хозяйки. Чокану они разрешали зарисовывать их прически и головные уборы.

Наверное, купцу Алимбаю, носившему теперь чалму и бухарский халат, нелегко было сходитьсь с кашгарцами, ненавидевшими кокандцев и иноземцев не меньше, чем китайцев. Но он преодолел все барьеры — национальные, политические, социальные.

До нас дошел составленный им словарь уйгурского языка. Чокан установил, что коренные жители Восточного

¹ Струнные инструменты.

Туркестана говорят на одном языке, составляют одно племя. Однако он не смог при тогдашней разобщенности жителей разных местностей сделать вывод о существовании многочисленного уйгурского народа, который и ныне живет частью в Синьцзяне¹ и частью в Советском Союзе. Тем не менее Валиханов сделал в свое время очень много для изучения уйгурского народа.

Еще один народ, о котором до сих пор было мало известно, привлек его внимание. Народ, потерявшийся в веках, рассеянный по всему Восточному Туркестану, — дунгане. Чокан их встречал в деревнях вокруг Кульджи, там они выращивали хлеб, кормили китайское войско. В Кашгаре дунгане занимались и ремеслами, трудились с утра до ночи, не разгибая спины. Они носили китайскую одежду, говорили по-китайски, но Чокан видел, что они молятся в мечетях — правда, отдельных, где читают молитвы на арабском языке с китайскими комментариями, — и что эти ремесленники соблюдают мусульманские обычаи, не едят свинины, не курят табак и не пьют вина. Китайцы называли их «хой-хой», что значит мусульмане, а ходжи во время восстаний расправлялись с ними как с неверными, с китайцами. Брак с китаянками дунганам разрешался, и дети от смешанного брака воспитывались в дунганском законе. В Кашгаре, где вообще воровство в редкость, дунгане славилась особенной честностью, и китайские власти давали им полицейские должности.

Чокана интересовало все — промышленность, торговля, земледелие. Главным богатством Восточного Туркестана было хлебопашество и разведение хлопка, этими продуктами платили подать китайцам, а в прежние времена давали дань монголам. Чокан убедился, сравнивая со своими кульджинскими наблюдениями, что приемы земледелия во всей Средней Азии одни и те же, заведенные издревле: почву удобряют навозом, поля меняют через три года, перед распашкой пускают на поля воду из арыков и еще раз проводят полив после посева. Почва здесь большей частью неблагоприятная, но среднеазиатские крестьяне отличаются трудолюбием — и кашгарские тоже, однако почему-то здесь земледелец не производил многого из того, что прекрасно росло и вызревало в других областях Средней Азии, где такие же природные условия.

¹ Синьцзян — в переводе с китайского «новая граница». Сейчас Синьцзян-Уйгурский автономный район занимает шестую часть территории Китая.

Размышляя над этим, Чокан сделал вывод, противоположный выдвинутой европейскими географами теории «усыхания Центральной и Средней Азии». Он определил, что причина упадка земледелия в некогда цветущих оазисах Восточного Туркестана не в ухудшении климата, а в политической неустойчивости и социальной несправедливости.

В своем кашгарском отчете Чокан с болью написал о страданиях крестьян и ремесленников Восточного Туркестана: «Народ живет бедно, терпит нужду и трудится вечно. Если бы туркестанцы могли пользоваться плодами своих трудов, то они были бы одним из богатых восточных народов, каким они были прежде. Непомерные налоги, система клиентизма и насилие беков отнимают у них почти все достояние».

Алван-каш — так назывался в Кашгаре низший, податной класс. Он состоял из земледельцев, вносивших подати хлебом (десятую часть урожая), и горожан — с них брали деньгами. И горожанин и земледelec кланялись при встрече с китайскими чиновниками, кашгарскими беками и всеми азиатскими иностранцами. Каждый чиновник, бек и даже китайский солдат имел клиентов из алван-каш. Они поставляли мясо и прочие продукты, а в деревнях пахали землю своего господина и исполняли домашние работы. Таким образом, высший класс все получал бесплатно. Китайцы давали кашгарским дворянам чины и должности за огромные взятки, но поборами с народа затраченный капитал возвращался за год. Валиханов видел, что дворянство в Кашгаре «отчуждено от народа интересами, привилегиями и происхождением». «Следуя китайским церемониям, оно избегает связи с народом, который хотя встречает его поклонами и унижением, но не навидит бесконечно».

Размышляя над тем, какая бездна лежит между высшим сословием Кашгара и простым народом, Чокан вспоминал слова Достоевского о том, что в России европеизированные верхи оторвались от народа. Федор Михайлович говорил Чокану, что от разрыва страдают и те и другие. И образованные люди, и народ, погруженный в невежество и темноту. Надо вернуться к своему народу, усвоить его духовные начала, принять народную правду. Иначе высшему классу грозит утрата национального лица, превращение в бесплодный пустоцвет.

Такую же утрату национального лица обнаружил Чокан у кашгарского высшего класса. Дворянство пристра-

стилось ко всему китайскому. Китайские земные поклоны, китайские приседания. И почти ничего из великой китайской культуры. Только самые темные стороны — пьянство и разврат.

Все, что Чокан узнал из экономики, политической жизни, истории, географии, этнографии Кашгара — а собрал он там удивительный по полноте и глубине материал, — далось ему напряженнейшим трудом. Он составлял цельную картину жизни Кашгара по кусочкам, по обрывкам разговоров, по воспоминаниям об исторических событиях, по семейным преданиям. Работа, которой он занимался в Кашгаре, напоминала Чокану, как ему доводилось в Омске сопоставлять и собирать воедино факты из трудов европейских и русских ученых с документами, хранящимися в Омском архиве, с ханскими ярлыками, с повествованиями восточных писателей, с казахскими преданиями и казахской литературой. Не овладей он до поездки в Кашгар опытом исследования истории казахов и не имей он опыта постижения русской изустной истории и русского политического хабара, Валиханов никогда не смог бы написать свой всеобъемлющий труд о Кашгаре, который Егор Петрович Ковалевский назвал гениальным. А гениальность научного отчета Чокана Валиханова о поездке в Кашгар заключалась еще и в том, что, собирая и сопоставляя клочки сведений, он не везде и не всегда мог вести подробные записи. Сколько материалов, причем наиболее ценных, он хранил в памяти — в своей блистательной памяти сына кочевого, поэтического, памятливого народа!

Географический обзор. Исторический очерк. Народонаселение. Правительственная система и политическое состояние края. Промышленность и торговля. И все это о крае, про который до поездки Валиханова европейской науке не было известно почти ничего.

Еще до поездки в Кашгар Чокан встречал в трудах ориенталистов ссылки на «Тарихи-Рашиди» и небольшие отрывки из этого удивительного исторического труда, написанного в середине XVI века Мухаммедом Хайдаром и излагающего события с XIV по XVI век, происходившие в Восточном Туркестане и прилегающих к нему землях, в узбекском и казахском ханствах, у киргизов и уйгуров. Купленное Чоканом в Кашгаре сочинение уйгура Мухаммеда-Садька Кашгарского «Тазкира-и-ходжагап» («Исто-

рия династии ходжей в Восточном Туркестане») продолжало повествование Мухаммеда Хайдара.

Кроме того, Чокан приобрел с помощью своих ученых друзей в Кашгаре еще четыре ценнейшие книги «Тазкира-и Султан Сутук Бугра-хан» неизвестного автора, содержащие жизнеописание султана Сутук Бугра-хана, гробница которого находилась неподалеку от Кашгара и служила местом паломничества. «Тазкира-и Туглук-Тимура-хан» — жизнеописание Туглук-Тимура, потомка Джагатая. «Рашахат айнель хаят» («Капли, просачивающиеся из источника жизни») — сочинение, содержащее жизнеописания и поучения шейхов и поэтов Средней Азии эпохи средневековья. «Абу-Муслим Марузи» — героический роман, в который вошли многие предания, запечатлевшие подлинные исторические события, происходившие в Хорасане и Мерве.

Изучение истории Кашгара дало Чокану полную картину деятельности ходжей.

То, что он узнал, было до путешествия Валиханова в Кашгар вовсе не известно русским и европейским востоковедам или малоизвестно. Поэтому необходимо здесь изложить вкратце добытые им — сенсационные в его время — исторические сведения.

Историю Восточного Туркестана Валиханов проследил начиная со второго века до рождения Христова. Она состояла из великого множества нашествий и междоусобиц. Оставалось только удивляться живучести и долготерпению здешнего коренного жителя, не покинувшего эту многострадальную землю. И кто бы ни подчинял себе Восточный Туркестан, крестьяне продолжали выращивать хлеб и хлопок, ремесленники — производить ткани и ковры, купцы — торговать с ближними и дальними странами. Впрочем, надо отдать должное и хитроумию завоевателей. И джунгары и китайцы оставляли в неприкосновенности древнюю систему внутреннего управления, всю иерархию местного чиновничества, чтобы было кому выколачивать из народа любую непомерную дань.

Завоеватели неизменно являлись с востока. Горы защищали Восточный Туркестан с севера, запада и юга, оказав решающее влияние на судьбу страны. Даже знаменитому завоевателю Тимуру не удалось подчинить Восточный Туркестан своему владычеству. Однако шедший с запада и юга ислам сумел перешагнуть через горы и одержать победу над распространенным среди местного населения буддизмом. Обстоятельства победоносного продви-

жения религии, ее пути и методы Валиханов проанализировал с большим знанием вопроса. Ислам насаждался в Восточном Туркестане с мечом в руках, ислам пользовался покровительством одного из потомков Чингисхана — хана Туглук-Тимура, жившего в конце XIV века. Шло с запада и сильнейшее духовное влияние. В XIV и XV веках Бухара и Самарканд стали центрами религиозной учености Востока. Один из бухарских чудотворцев, потомок Магомета ходжа Махтуми А'зям, переехал в середине XVI века из Бухары в Кашгар, получил от кашгарских ханов богатые поместья. От этого святого и пошли кашгарские ходжи, составляющие особый привилегированный класс и добившиеся со временем светской власти.

Валиханову стоило немалых трудов воссоздать всю генеалогию кашгарских ходжей и всю неприглядную историю этого теократического правления. Уже после смерти Махтуми А'зяма распри между двумя его сыновьями поделили все население Восточного Туркестана на две враждующие партии, на так называемых белогорцев и черногорцев. Обе партии еще существовали, когда Валиханов приехал в Кашгар. Беседуя и с теми и с другими, он не обнаружил противоречий в толковании учения Магомета, причиной распри была только борьба отдельных лиц за политическое преобладание. Но Кашгар дорого заплатил за противоборство белогорцев с черногорцами, за грызню между ходжами — претендентами на престол. Междоусобицы способствовали захвату Восточного Туркестана сначала джунгарами — тем самым Галдан-Цереном, врагом Аблая, а потом, к середине XVIII века, Поднебесной империей.

Однако ходжи, укрывшиеся у кокандского хана, сохранили огромное влияние на мусульман Восточного Туркестана. Этим не преминул воспользоваться Коканд, чтобы утвердить свое особое влияние в далекой от Пекина китайской провинции. В 1822 году с необычайной легкостью Джангиру-ходже удалось бежать из Коканда в горы к киргизам. В 1825-м он поднял в Кашгаре восстание против китайского владычества.

Гутковский и Боромбай многое знали о восстании Джангира-ходжи и рассказывали Чокану. Но только в Кашгаре он смог составить полную картину всех тех испытаний, которые выпали на долю кашгарцев. И в Кашгаре он узнал, что Джангира поддерживал не только хан Коканда, при ходже видели английских советников. Многие тысячи кашгарцев храбро сражались под знамена-

ми ходжи, ему удалось одержать несколько крупных побед над китайскими войсками, но в конце концов восставшие были разбиты, а ходжа, выданный киргизами из рода чоубагыш, отвезен в Пекин и там казнен. Победители жесточайшим образом расправились с мирным населением Восточного Туркестана. И народ вновь стал ожидать прихода своих освободителей. В 1830 году брат Джангираходжи — Мад-Юсуф-ходжа при поддержке кокандских войск двинулся на Кашгар, захватил город, возвел себя в правители, затем покорил Янысар, Яркенд, Хотан. Но тут хан Коканда, обеспокоенный враждебными действиями Бухары, отозвал свое войско, ходжа тоже поспешил удалиться в Коканд, бросив повстанцев на произвол судьбы. Кашгарцы знали, что их ждет от китайцев. Семьдесят тысяч человек бежали вслед за ходжой в Коканд. А хан Коканда в обмен на обещание удерживать ходжей от борьбы за престол предков выторговал у Пекина особые права в Кашгаре.

В 1847 году произошел «бунт семи ходжей», подавленный с обычной для китайских властей жестокостью. Спасаясь от расправы, 20 тысяч кашгарцев бежали из города и почти все погибли в горах Теректы от сильных морозов.

Обо всем этом Чокану рассказывали очевидцы событий. Но в их горестных повествованиях он не услышал ни единой нотки осуждения ходжей.

— Кто убьет ходжу, будет навеки проклят, — говорили Чокану и ученые ахуны, и простые ремесленники, приводя в пример Бадахшан. Владелец этой небольшой страны Султан-шах некогда убил ходжу, и с тех пор над Бадахшаном тяготеют несчастья.

В 1855 и в 1856 годах Кичикхан-тюря и Валихан-тюря предприняли несколько походов на Кашгар, но неудачно, им ни разу не удалось прорваться через китайские пикеты. А в 1857 году Валихан-тюря был с восторгом встречен кашгарцами. И все повторилось неотвратимо и закономерно, как уже было много раз. Поборы, бесчинства. И все равно 15 тысяч кашгарцев добровольно ушли за Валиханом-тюря в эмиграцию. Китайцы, захватив Кашгар, начали рубить головы участникам восстания, воздвигли аллею из отрубленных голов, подвергли разорению деревни, осквернили святыне для мусульман гробницы, отрубили голову почитаемому в народе шейху... Словом, делали все для того, чтобы Кашгар радостно отворил ворота следующему претенденту на престол предков.

Беседуя с кашгарцами о живущих в Коканде ходжах,

Чокан пытался определить, кто же может возглавить следующее восстание. Ему называли несколько имен, но с наибольшим почтением кашгарцы произносили имя Бузрукхана-тюря, сына Джангира-ходжи. От ахунов Чокан узнал, что Бузрукхан ученый человек. По мнению Нормухаммеда-датхи, этот ходжа был слишком мягок и слабоволен.

Сведения, собранные Чоканом, давали исчерпывающий ответ на вопрос, сочувствует ли народ прежней магометанской династии. Да, Восточный Туркестан пойдет и завтра за любым ходжой. Но восстания ходжей в Кашгаре «не имеют достоинств национально-освободительного движения». Ходжи действуют по указке Коканда, и, таким образом, кашгарские мусульмане жертвуют достоинством и жизнью ради укрепления власти чужеземного хана.

Так он и написал по возвращении в своем отчете, где главное место заняли выношенные им в Кашгаре предложения по развитию русской торговли в Восточном Туркестане.

«Важность Кашгара и других городов Восточного Туркестана в торговом отношении основана на вывозе чая. Но чай покупается... на золото и серебро, которые приобретаются главнейшим образом через продажу русских товаров. Запрос на наши товары значителен, и требования на них постоянны».

«Опасность пути при современном ходе дел не существует в наибольшем расстоянии. В прежнее время караваны сопровождалась отрядами из Семипалатинска до озера Иссык-Куля, а теперь караван может безопасно дойти до Иссык-Куля и только за Заукинским проходом может нуждаться в конвое».

«Со временем киргизы Большой орды и дикокаменные могут, подобно ордынцам области сибирских киргизов, заняться извозом...»

Валиханов считал необходимым особо выделить вопрос о достоинствах российских товаров. Главный тогда знаток торговли со Средней Азией П. И. Небольсин утверждал, что тамошние народы по своей бедности и безвкусию падки на плохие товары самых низших сортов. Однако Чокан еще в первое свое путешествие на Иссык-Куль обратил внимание, что у бугу и сарыбагышей стали предметами первой необходимости русские ситцы, красная юфта, а также железная и чугунная посуда.

В Кашгаре он составил таблицы с ценами на русские товары при покупке их на Ирбитской ярмарке и при про-

даже в Кашгаре и сделал вывод, что русские товары продаются лучше английских и азиатских. Английские ситцы не могут соперничать с русскими, а что касается тканей азиатского производства, то они делаются из шелка и очень дороги, их покупают только богатые люди. Напротив того, русские ситцы, саржа и нанки доступны для всех. Однако в Москве и в Иваново-Вознесенске еще, видимо, не знают, какой узор в моде у красавиц Востока. «Если бы наши фабриканты более применялись ко вкусу азиатцев, то, конечно, английские товары были бы совершенно вытеснены. Доказательством этому служит то, что несколько лет тому назад в Бухаре и Коканде носили чалму из белого муслина, привозимого из Индии; но теперь, когда подобные муслины делаются в России, вывоз их из Индии остановился.

Сукно наше, как известно, вытеснило английское не только в Средней Азии, но и во всем Китае. Нанки фабрики Медницовых... в большом ходу в Кашгаре и заходят в Кабул и Тибет».

Особое место Валиханов отвел в своем отчете возможности для России покупать в Кашгаре и вообще в Средней Азии хлопок. Кашгарский стоил от 1 рубля 60 копеек до 2 рублей 40 копеек за русский пуд и был, по мнению Валиханова, качеством выше, чем в Коканде, где его снимают недозрелым. Он написал в своем отчете, что производство хлопка в Средней Азии пока еще развито слабо, но в случае укрепления торговли с Россией может принять более обширные размеры.

Копии кашгарского отчета Валиханова, хранящиеся в архивах, испещрены пометами. Отчету придавалось большое политическое значение, его читали многие государственные деятели России. Пройдет несколько лет, и 20 ноября 1864 года министр иностранных дел А. М. Горчаков и военный министр Д. А. Милютин положат на стол Александра II записку о политике России в Средней Азии, где будет сказано, что новые завоевания не принесут выгоды и что надо приобретать влияние в среднеазиатских ханствах, не вмешиваясь в их внутренние дела, развивая торговлю...

Оба автора записки в свое время держали в руках отчет Чокана Валиханова.

...А над ним в январе 1859 года опять нависла смертельная угроза.

В Кашгар прибыли из Кульджи несколько купцов-кашгарцев и семипалатинские ташкентцы, караван кото-

рых отправился из Семипалатинска в Кашгар вскоре после каравана Мусабая, но через Кульджу. Они привезли все тот же слух, что при караване Мусабая есть какой-то русский.

Нормухаммед-датха смеясь сказал своему молодому другу Алимбаю-мурзе, что считает китайские слухи в высшей степени неправдоподобными. Но, кроме кокандского резидента, в Кашгаре есть амбань и хакимбек. Что предпримут они?

На пирушке один из анджанских купцов назойливо приставал к Алимбаю-мирзе с расспросами.

— Правда ли, что на урочище, где вы держите верблюдов, прячется русский офицер, который спит на железной кровати?

Чокан, конечно, не стал говорить, что на железной кровати теперь спит Нормухаммед-датха. А с урочища приехали казахи, оставленные присматривать за верблюдами, и рассказали, что к ним наведалься чиновник из Коканда. Он осмотрел все юрты в поисках русского офицера, потом приказал вывести к нему всех рабочих каравана, убедился, что русских среди них нет, и уехал.

6 февраля кашгарцы праздновали свой мусульманский праздник аям. Но настроение в городе было подавленное. До кашгарцев дошел слух, что Валихан-тюря опять бежал из Коканда и находится у киргизов.

Кашгарские власти выставили на городских стенах караулы. По городу разъезжали патрули. У городских ворот усилили стражу, там постоянно стоял бек, проверяя каждого приезжающего и уезжающего кокандца. Чокан понимал, что его и Мусабая взяли на особое подозрение — как друзей аксакала, бывшего сподвижника Валиханта-тюря.

Меж тем приближался следующий праздник — большой аям, или барат. В этот день правоверные творят общественное моление об отпущении грехов, собираются огромными толпами у мечетей, где варится пища для всех молящихся. В Кашгаре барат всегда праздновали очень весело. Весь город переселялся в сады, окружавшие гробницу Аппака, и стоявшую рядом мечеть. Сюда же стекались жители окрестных деревень. В садах шла бойкая торговля фруктами, сахаром, пирожками, содержатели ресторанов приезжали со своей кухней. Ночью на зданиях гробницы и мечети вспыхивала иллюминация, и до другого дня продолжалось гулянье.

Китайские власти всегда боялись этого народного праздника, собиравшего тысячные толпы. Из-за слухов о Валихане-тюря решили вообще запретить общественное моление. 5 марта кашгарцам прочли приказ хакимбека: у гробницы Анпака собираться нельзя, на улицах города собираться толпами и разговаривать нельзя, за неисполнение приказа мужчинам грозит телесное наказание, женщинам — лишение нарядов, в которые они будут одеты.

Обстановка в Кашгаре все больше накалялась.

9 марта Чокан сидел в саду Нормухаммеда-датхи, любуясь деревцами урюка, вот-вот готовыми расцвести.

— В Коканде урюк расцвел пятнадцать дней назад, — обронил Нормухаммед-датха.

Чокан понял, что к аксакалу опять приехали из Коканда. Путь занимал как раз пятнадцать дней.

— Хорошие новости, — продолжал Нормухаммед-датха. — Валихан-тюря пойман. Малля-хан отобрал у него бунчук и знамя и передал Каттахану-тюря. Отныне все ходки каждый день три раза будут приходиться к Каттахану-тюря на салям. Если кто не явится, тотчас донесут Малля-хану.

— Валихан-тюря обязан являться на салям? — поинтересовался Чокан.

— Нет... — Нормухаммед-датха помолчал и добавил: — Он сослан в Туркестан.

Что ж, хорошая новость! Но, увы, в тот же день Чокан узнал, что насчет ссылки Валихана-тюря аксакал распустил ложный слух, чтобы подготовить почву для приезда кокандского посланника в Кашгар на переговоры с китайцами. Хитрым и, конечно, коварным человеком был Нормухаммед-датха. Однако 9 марта, когда Чокан сидел у него в саду, караван Мусабая уже находился в двух днях пути от Кашгара. Чокан должен был его догнать с билетом от китайского правительства на выезд — ради билета он и оставался в Кашгаре, веселясь на прощание в доме Нормухаммеда-датхи.

11 марта Чокан вышел из дома аксакала вместе с хозяином. Их поджидала огромная толпа провожающих. Со всех сторон слышались пожелания благополучного путешествия. Нормухаммед-датха, не доверяя ни китайцам, ни кашгарским властям, самолично проводил своего молодого друга за ворота Кашгара. И мало того, он посылал с караваном своего доверенного человека есаула Тохтара. Почему-то выбор Нормухаммеда-датхи остано-

вился именно на этой чрезвычайно любопытной фигуре. Тохтар отличался фанатической преданностью делу ходжей, участвовал во всех восстаниях, начиная с восстания Джангира-ходжи, служил начальником дворцовой стражи у Валихана-тюря и, надо полагать, отрубил немало голов. А происходил он из казахов Среднего жуза, так что вполне мог догадываться, что купец Алимбай с ним одного роду-племени...

Караван в ожидании билета от китайских властей стоял недалеко от пикета Ислык.

Отсюда караван двинулся не тем путем, которым пришел в Кашгар, а новым — по течению реки Тоин. Чокану пришлось тайно отлучиться, чтобы на южном склоне Теректы выкопать свой дневник, зарытый 26 сентября.

Три дня караван поднимался по ущелью реки Тоин. Наверху путников встретил холодный, пронизывающий ветер. Возможно, что именно тогда Чокан простудился. Он нигде в своих записках не говорит о болезни, но возвращался он больным, часть дневника написана чужой рукой, под его диктовку.

18 марта караван вышел в долину озера Чадыркуль. С трудом преодолевая глубокий снег, добрались до озера, перешли по льду на другую сторону. Здесь начинался проход Ташрабат, довольно опасный, потому что на спуске караванная тропа лепится по краю высокой скалы. Но морозы сослужили путникам добрую службу. Река замерзла, и удалось пройти дном ущелья.

На выходе из ущелья Чокан увидел длинное здание, сложенное из сланцевых плит, — Ташрабат. По нему и получил свое название проход. Ташрабат вызвал у Чокана чувство горечи, какое вызывает гибель прекрасных творений. Он переступил порог, залитый кровью жертвенных баранов, и вошел внутрь. Длинный коридор заканчивался залом с круглым куполом. На оштукатуренных стенах кое-где уцелели фрески. Из коридора множество низких дверей вело в узкие комнаты длиной аршина в два. Сопровождавший Чокана киргиз сказал, что Ташрабат заколдован. Еще никому не удалось сосчитать, сколько здесь комнат. В одну сторону пройдешь — 39. В другую — 40.

«Суеверному человеку кажется сверхъестественным все, что требует большого труда и искусства», — размышлял Чокан, вычерчивая план Ташрабата.

Здание оказалось в 12 сажен длины и около 4 ширины. На эскизе Чокана 40 комнат. Когда-то они служили

складами для товаров. Рабаты строились в Азии на больших дорогах для приюта путешественников. Это мог быть караван-сарай, училище, фонтан в оазисе, колодец в сухой степи, мост... Все, что построено, — рабат, свидетельство уважения к дорогам, соединяющим меж собой города, народы, государства. Чокан узнал от своих спутников, что киргизы приписывают сооружение Ташрабата Абдулле-хану, правившему Бухарой во второй половине XVI века. Вполне правдоподобно. Восточные историки отмечали, что Абдулла-хан любил возводить рабаты на дорогах, соединявших подвластные ему Бухару, Бадахшан, Фергану и Ташкент. При Абдулле-хане велась оживленная торговля с Индией, с Ближним Востоком, с Россией. Процветали народные ремесла, искусство, литература. В сегодняшнем Кашгаре не умеют строить такие прекрасные здания, какие были воздвигнуты при Абдулле-хане в Бухаре и Самарканде.

Двое сипаев, присланных для наблюдения за караваном из кокандской крепости Курткй, не сводили глаз с купца в черной казинетовой шубе, в черных сафьяновых ичигах с калошами. Что он там ищет, в заколдованном месте? Сколько ни считай, мурза, все равно не считаешь комнат!

А Чокан, глядя на развалины Ташрабата, вспоминал, как однажды в Семиречье, в пустынном Чингельды, нашел глиняную трубу. Там существовал когда-то водопровод, жил большой город... Чокан перебирал в памяти утраты, понесенные Средней Азией. Уничтожена обсерватория в Самарканде. Разорены библиотеки Хивы, Бухары, Ташкента, Ферганы. Нет у народов своих поэтов, летописцев, астрономов...

Он написал впоследствии в «Очерках Джунгарии»:

«Средняя Азия в настоящем своем общественном устройстве представляет явление крайне печальное, какой-то патологический кризис развития. Вся страна, насколько не преувеличивая, есть не более не менее, как одна громадная пустыня с заброшенными водопроводами, каналами и колодцами, усеянная развалинами; пустыня, занесенная песком, заросшая уродливыми кустами колючего саксаула и обитаемая только стадами диких ослов и пугливых сайгаков. Среди этой сахары разбросаны по берегам рек небольшие оазисы, осененные тополевыми, тузовыми деревьями и вязами, там и сям попадаются рисовые поля, дурно возделанные, плантации травянистого хлопчатника, который снимают недозрелым, виноградники

и фруктовые сады, предоставленные ленивым человеком исключительно попечению аллаха. На этих оазисах, на развалинах многовратных городов стоят жалкие мазанки, и в них живет дикое, невежественное племя, разращенное исламом и забитое до идиотизма религиозным и монархическим деспотизмом туземных владельцев, с одной стороны, и полицейской властью китайцев — с другой».

Караван намеревался направиться из Ташрабата вниз по реке Атбаш. Там, по рассказам киргизов, находились развалины большого города. Но два сипая из Куртки объяснили, что идти долиной Атбаша нельзя. Сипаи боялись нападения киргизов племени черик. Черики отказались подчиняться коменданту Куртки Мамразыку-датхе и поехали в Коканд просить, чтобы их сделали независимыми от Мамразыка-датхи и чтобы построили на Атбаше укрепление, которому они будут подчиняться.

Сипаи провели караван в долину реки Нарын кружной и неудобной дорогой. На высоком правом берегу Нарына Чокан увидел несколько мазанок и скопище юрт, окруженных дувалами. Позади аршина на два возвышалась глинобитная стена. Куртка имела лишь видимость укрепления, здесь у купцов осматривали вьюки и брали зякет.

В кибитке коменданта на небольшом возвышении из глины сидел белобородый Мамразык-датха в старом бумажном халате, в красных сапогах. У него был вид победителя. Строптивные черики возвратились из Коканда ни с чем, а ему хан прислал милостивое письмо и парчовый халат.

Для сбора зякета комендант направил в караван своего сына. В Куртке предполагали, что караван везет много товаров, и рассчитывали взять большой зякет. Списку, предъявленному Мусабаем, не поверили, приказали развязать вьюки и убедились, что караванбаши их не обманывает. Мусабай заплатил зякет — две большие и две малые ямбы и записал в памятную книжку, сколько чего дано Мамразыку-датхе: «добровольно в подарок». Комендант Куртки получил не так уж много, всего на 31 рубль. Мусабай благодаря присутствию Тохтара не очень-то боялся Мамразыка-датху.

В Куртке Чокан распрощался с провожатым и отправил с ним благодарственное письмо Нормухаммеду-датхе. Начиная самый опасный участок пути — от Куртки до русских владений. Мамразык-датха дал в сопровождающие бугища Наймана.

— Воля аллаха да будет, — произнес Мусабай, усаживаясь в седло. — Мы от бога и возвратимся к богу.

Чокан позавидовал фаталистическому спокойствию караванбашни. Сам он чувствовал себя больным и разбитым, физические и нравственные силы были на исходе.

Караван шел долиной Нарына мимо аулов и пашен. Киргизы-земледельцы из рода саяков пахали землю среднеазиатскими сохами с деревянными сошниками. По полям разъезжал и делил участки какой-то родоначальник. Чокану сказали, что это датха Осман. Хотели пройти мимо, но родоначальник саяков послал вдогонку каравану своего раба с приглашением заехать в гости. Это означало, что Осман зарежет двух тощих баранов на ужин, а путники щедро одарят хозяина за гостеприимство. Кокандцы запретили киргизам брать с караванов зякет, но с таким замаскированным побором вынуждены были мириться.

Мусабай от приглашения отказался. Оскорбленный Осман приказал своим подданным привести гостей силой. Пьяные вдрызг всадники бранью и угрозами повернули караван в аул. Мусабай записал в памятную книжку, что Осману «дано через вымогательство» товару на 25 рублей.

Следующий гостеприимный хозяин, тридцатилетний бугинец Тобулды, потребовал самую малость. Он слыл храбрым батыром и намеревался взять в свои руки власть над всеми бугу. Тобулды дотошно расспрашивал Мусабая и Чокана об условиях русского подданства и говорил, что уже собирался однажды ехать в Верное, просить защиты от кокандцев.

На другой день Найман привел их в свой аил и продержал дорогих гостей три дня, превзойдя в требованиях обоих предыдущих родоначальников. Мусабай записал в книжку, что Найману «дано через вымогательство» сукно, парча, мех, даже верблюдица с верблюжонком, всего на 120 рублей.

Содрав с купцов дары, Найман как ни в чем не бывало отправился с караваном в качестве защитника.

Но, как только начались владения сарыбагышей, он струсил и объявил, что на этом его обязанности по охране заканчиваются.

Сарыбагыши встретили караван у выхода из Зауки. Они откуда-то прознали, что в семипалатинском караване возвращается из Капигара поручик Валиханов.

Караван окружили и погнали под конвоем в аил родоначальника сарыбагышей Турегельды. Мусабай клялся, что человека по имени Валиханов в караване нет, и показывал бумаги. Турегельды кивнул одному из своих. Тот вышел вперед, указал на Чокана.

— Он Валиханов. Я его видел в русской крепости, в Алматы.

Турегельды держался нагло.

— Эй, снимай халат, давай нам.

Чокан, не говоря ни слова, снял халат, отдал Турегельды.

— Ты русский шпион, я тебя отвезу в Коканд, — издевался Турегельды. — Тебе отрубят голову, а мне дадут звание датхи.

Мусабай пытался склонить его к переговорам о выкупе.

— Какой выкуп? — нагло ухмылялся Турегельды. — Караван целиком будет мой... В Коканде разгадали ваш обман. В погоню за русским шпионом выслан отряд, он скоро будет здесь...

Спутник Чокана, деливший с ним палатку Мухаммедразык впоследствии рассказывал¹, что кашгарский аксакал Нормухаммед-датха действительно получил предписание хана изловить и убить человека, выдававшего себя за купца, но медлил. Кокандские сипаи гнались за караваном, но не догнали².

Караван провел в плену у Турегельды несколько дней. Неизвестно, кто смог за это время отыскать стоянку казачьего отряда и сообщить, что семипалатинский караван задержан сарыбагышами. Но кто-то сообщил... Не зря Чокан прожил в горах зиму 1857/58 года. И не зря туда ездил с подарками многоопытный Файзулла Ногаев.

Весть о приближении русского отряда сделала Турегельды стоворчивее. Он уже ничего не требовал в придачу к тем товарам, которые получил от Мусабая «через вымогательство» на сумму 356 рублей, самую большую в памятной книжке караванбаши, причем в списке стоят 20 халатов — не снятых ли прямо с плеч?

¹ Воспоминания двух спутников Валиханова, Мухаммедразыка и казаха Жулая Матаева, приведены в книге «Тарихи-Хамсэ-и-Шарки», написанной Курбанали Халидовым, уроженцем Аягуза, жившим затем в Чугучаке, Кульдже и других торговых городах Восточного Туркестана. Как мы должны быть благодарны человеку, понимавшему, что такое надо записывать.

² Впоследствии появился и другой слух. Будто бы Нормухаммеда-датху, давшего уйти русскому офицеру, казнили.

Турегельды настолько перепугался, что на прощание подарил по лошади Чокану и Мусабаю.

12 апреля они увидели, что в окрестностях Верного только-только начинает расцветать урюк. Выехавший навстречу каравану майор с простоватым солдатским лицом сказал усталому и больному человеку в халате и арачине:

— С благополучным возвращением, Чокан Чингисович! А мы уж все глаза проглядели.

Это был новый начальник Алатавского округа и казахов Большой орды Герасим Алексеевич Колпаковский, переведенный в Верное из Березова, умный и честный человек, начавший службу с низших чинов.

«Книга для записи прошедших караванов, частных лиц и других через укрепление Верное» свидетельствует, что поручик Валиханов, несмотря на болезнь, оставался там всего 13 дней и поспешил в Семипалатинск, один, на телеге, намного опередив медленно передвигавшийся караван.

ГОД ПРОЖИВ ТАМ...

В Семипалатинске, в домишке на Крепостной улице,— беспорядок и суматоха сборов. Во дворе стоит купленный для дальнего путешествия тараптас. Достоевскому разрешили наконец-то выйти в отставку. Правда, в Петербурге ему жить не дозволили, он поселится в Твери.

Мария Дмитриевна откладывает вещи, которые невозможно взять с собой в дорогу. Кресло и стол, а также столовый сервиз Достоевские оставляют ротному командиру Артемию Ивановичу Гейбовичу. Ему же мундир Федора Михайловича, эполеты и саблю. Достоевский разбирает свою археологическую коллекцию — часть древностей он оставит тому же Артемию Ивановичу¹.

Чокан появился здесь в первых числах мая.

В Семипалатинске он пробыл довольно долго, дождался каравана, произвел расчеты с Букашем, получил от Мусабая листы, исписанные мелкой арабской вязью, — маршрут от урочища Карамула до Кашгара и обратно, составленный собственноручно Мусабаям Тохтабай-оглы Касымовым. Вместе с Букашем и караванбаши Чокан обсудил, кого из спутников представить к наградам за участие в трудах и опасностях. В список вошли лица, бывшие при караване в качестве хозяев, а также рабочие, раненные при стычках с разбойниками. Сюда же Чокан вписал маапа Чон-Карача, пометив на полях чин, затем касимовского татарина Гирея Давлет Гильдеева, того самого, который прятал Чокана на Аксу, — ему медаль, а также Джексенбе, казаха из рода албан, заслуги которого не объяснены, — ему тоже медаль (не он ли успел вызвать казаков, когда караван попал в руки маапа Турегельды?).

Почему-то поручик Валиханов не торопился в Омск докладывать Гасфорту об успешном исполнении возложенного на него поручения.

¹ Гейбович, вскоре переведенный в Аягуз, свято сберегал вещи, подаренные ему Достоевским, и показывал путешественникам, проезжавшим через Аягуз (переименованный в 1860 году в Сергиополь), свой домашний — первый в России — музей Достоевского.

В один из майских дней Достоевский и Валиханов сфотографировались вдвоем. На карточке Достоевский в мундире, пока еще не отданном Гейбовичу, потому что не готово штатское платье. Валиханов в плаще, наверное, его знобило, он нездоров. Волосы, которые он брил наголо в бытность Алимбаем, еще не успели отрасти. И виден на карточке — да что там: выставлен напоказ! — кинжалик из восточной коллекции Достоевского, подаренный на память, хотя есть примета, что острое дарить — к ссоре. У Чокана на фотографии погасшие глаза, набрякшие веки, замкнутое лицо, заострившиеся скулы, свисшие впиз усы. Он еще не отошел от пережитого, не сбросил маску Алимбая, у него что-то запеклось внутри — навсегда. В свои 23 года недавний денди выглядит ровесником прошедшего каторгу и солдатчину Достоевского.

Сборы Достоевских в дорогу подсказали Чокану, что подарить другу на память. Он принес в дом на Крепостной дорожный палисандровый ящик для бумаг. По свидетельству второй жены Федора Михайловича, А. Г. Достоевской, он очень дорожил шкатулкой, подаренной ему Валихановым. Держал в ней бумаги и вещи, дорогие по воспоминаниям. Чокан эту шкатулку не мог купить в Кашгаре. Деревянные сундуки и шкатулки вывозились в Азию из России. Палисандровая шкатулка могла совершить с Чоканом путешествие из Семипалатинска в Кашгар и обратно. Он ее подарил Достоевскому, наверное, как талисман, — отсюда и особое отношение Федора Михайловича к палисандровой шкатулке.

Чокан, конечно, спрашивал у Достоевского совета, как писать о Кашгаре. Работа ему предстояла сложнейшая, ведь он многое вывез в памяти, а труд воспоминания требует такого же напряжения, как и труд запоминания.

Сидеть за столом, пока все не припомнишь, не перенесешь на бумагу. Причем сидеть запершись, наедине с собой, избегая расспросов. Ни в коем случае не пускаться в рассказы. Молчание и молчание, пока все не будет записано, вот что мог советовать Достоевский, от которого «Записки из мертвого дома» потребовали такого труда воспоминания, что хоть привязывай себя к столу.

13 июля 1859 года Гасфорт отправил рапорт министру иностранных дел князю А. М. Горчакову, в котором сообщалось о благополучном возвращении поручика султана Валиханова. Поручик Валиханов, несмотря на опас-

ное положение, успел собрать многие полезные сведения. Как только записка им будет составлена и он поправится в здоровье, расстроенном от многих лишений, Валиханову необходимо самому поехать в Петербург, чтобы сделать поспешения в Азиатском департаменте.

Гасфорт, таким образом, сдержал слово, данное Семёнову, что Валиханов после возвращения из Кашгара поедет в Петербург для разработки собранных им материалов по истории и этнографии Степи.

Но идут дни, недели, месяцы, а Валиханов все еще в Омске.

26 сентября 1859 года Омск шлет рапорт директору Азиатского департамента Ковалевскому. Поездка Валиханова отложена впредь до выздоровления.

16 декабря. Гасфорт — Ковалевскому. Здоровье поручика Валиханова начало поправляться, и он теперь усиленно занимается окончанием своих заметок.

24 января 1860 года. Гасфорт — князю А. М. Горчакову. «Возвратившийся с караваном... поручик Валиханов, вследствие испытанных в течение продолжительного путешествия лишений, физических трудов, неудобств и нравственных потрясений от опасностей, которым подвергался, рискуя жизнью, если бы настоящее звание его сделалось известным, о чем уже высказывалось некоторое подозрение, прибыв в Омск, сильно занемог, так что по его природной слабой организации нельзя было определить исход болезни, долго продолжавшейся».

Эти официальные сведения не совпадают с теми, которые содержатся в переписке Достоевского. Федор Михайлович, выехавший из Семипалатинска 2 июля, пробыл в Омске несколько дней. Здесь Достоевские взяли из корпуса сына Марии Дмитриевны от первого брака, Павла Исаева. Тогда же состоялось знакомство Федора Михайловича с Екатериной Ивановной Капустинной, доброе участие которой он ощущал и в осторожные годы, и после, в Семипалатинске. Светлую память о Екатерине Ивановне он сохранил на всю жизнь, посылал ей через Валиханова свои книги. Возможно, что и дружба с Дмитрием Ивановичем Менделеевым овеяна воспоминаниями Достоевского о Сибири, о Екатерине Ивановне.

Несколько дней в Омске — это встречи с Валихановым. Федор Михайлович в письме Гейбовичу, рассказывая об омских впечатлениях, сообщает: «...Валиханов объявил мне, что его требуют в Петербург и что через месяц он туда едет». О болезни ни слова. Почему? Не исклю-

чено, что Чокан так долго — более полугода — задержался в Омске не только из-за болезни. В этой задержке есть и что-то намеренное. Потанин в своих воспоминаниях о Валиханове ворчит, что Чокан сидел в Омске и старался убедить Чингиса Валиевича дать ему содержание на время петербургской жизни, а Чингис Валиевич, имея большое семейство на руках и зная мотовство сына, хотел ограничить его небольшой суммой. Потанин есть Потанин. Он ничего не выдумывает, он вспоминает со всей достоверностью... то, о чем ему, посмеиваясь, рассказывал Чокан. Но ведь сам же Потанин написал в своих воспоминаниях, что Чоканом владела такая блажь — нагать на себя, он даже дразнил своих друзей, рассказывая о себе небыллицы и приписывая себе гнусные поступки, которых не совершал... Не получилось ли и на этот раз так?

Но что за причины могли быть у Чокана для оттягивания своей — триумфальной! — поездки в столицу?

Прежде всего та требовательность к себе, которую он выработал с юности. Валиханов представлял себе огромное значение привезенных им сведений. Поэтому он отказался от стиля официальных бумаг, писал свой отчет свободно, вдохновенно, в манере, свойственной тогдашней публицистике.

И Чокан понимал: пока он все не вспомнит, не запишет наедине с собой, ему нельзя ни с кем делиться своими наблюдениями, впечатлениями, размышлениями, выводами. Нельзя ничего разбрасывать — потом не соберешь. Но как в Омске отмолчаться? У него там столько добрых друзей, за него так волновались и Капустины и Гутковские. К тому же все знают, что он блестящий, остроумный рассказчик. Как тут быть? Его первое стремление — не выходить из дома, не показываться на людях. И Гутковский охотно идет навстречу Чокану, поддерживает слухи, что Валиханов все еще нездоров.

Еще одна причина, по которой Валиханов не собирался ехать в Петербург, пока не закончит полностью работу над отчетом, — известная ему судьба Виткевича, исчезновение собранных Виткевичем материалов, смерть Ивана Кирилова, кража из арзамасской гостиницы семи тетрадей дневников Карелина.

Человек, столь много разузнавший о Кашгаре, имел основания опасаться за свою жизнь. Валиханов принял необходимые меры предосторожности. Он не повез в Петербург ничего незавершенного, ничего лишь в памяти, для бесед в Азиатском департаменте. Он все сведе-

ния, все выводы, все предложения касательно русской политики в Восточном Туркестане изложил письменно. В Омске его отчет перебелил писарь. Отчет Валиханова, таким образом, существовал уже не в единственном экземпляре. И поехал с запечатанным пакетом не сам Валиханов. Как явствует из письма Гасфорта Ковалевскому, отчет Валиханова был отправлен с фельдъегерем 27 января 1860 года, а только вслед за ним выехал из Омска поручик султан Валиханов.

В Петербург, в Петербург... «Год прожив там, вы бы знали, что делать!»

Тюмень — Екатеринбург — Пермь — Казань — Владимир — Москва. Все ближе расстояния меж городами и деревнями, все населеннее, плотнее Россия. Из Москвы в Петербург Чокан ехал по железной дороге, уже вошедшей в казахские сказки о чужестранных чудесах.

Петербург предстал перед Чоканом, как и перед любым русским образованным провинциалом того времени, — восторженное узнавание всего, что с отрочества знакомо, что прочувствовано и пережито над страницами Пушкина, Гоголя, Некрасова, Достоевского, над каждой новой книжкой столичного литературного журнала.

Валиханову хотелось прежде всего повидаться с младшим братом, с Маку, увезенным из дому пять лет назад в Петербургское училище для глухонемых. Встретиться с другом юности Потаниным, побывать у Петра Петровича Семенова, у Достоевского... Но он прибыл по делам службы и, следовательно, сразу отправился в Азиатский департамент. Егор Петрович Ковалевский только что получил с почтой кашгарский отчет Валиханова — по его оценке гениальный. Можно себе представить, как он встретил вошедшего в кабинет поручика армейской кавалерии с монгольскими чертами лица, какой тут же начался оживленный разговор. Ведь Ковалевский немало постранствовал по Степи, встречался с казахским поэтом-бунтарем Махабетом Утемисовым, подавал правительству записку о нуждах казахов, советуя не считать их «людьми низшего свойства». К тому же Егора Петровича, как и Валиханова, особо интересовал сейчас Алатавский округ — что делается в Старшей орде и у иссык-кульских киргизов.

Два года назад Егор Петрович с таким же увлечением выспрашивал Петра Петровича Семенова о путешествии на Тянь-Шань и затем напечатал в «Библиотеке для чтения» очерк «Встреча с Н. Н. (Из воспоминаний странст-

вователя по суше и морям)», где изрядно разбавил фантазией свои собственные впечатления семилетней давности о странствиях по Семиречью и то, что ему рассказывал Петр Петрович Семенов о султанах Тезеке и киргизских междоусобицах. Чокан успел прочесть очерк Ковалевского и, конечно, при встрече поинтересовался, кто же послужил прототипом Н. Н., русского дворянина, бежавшего, как пушкинский Алеко, от суеты света к живущим естественной жизнью кыдыкам. Самому Чокану встречались и в Семиречье, и в Кульдже, и в Кашгаре беглые русские, но иного склада.

Да, можно себе представить, о чем говорили при первой встрече Ковалевский и Валиханов, но очень много «белых пятен» в петербургском житие Валиханова с февраля 1860 года по май 1861-го. Сохранилось два письма Чокана домой родителям. А писал больше — утеряти! В архивах министерства иностранных дел и военного министерства отыскались приказы, указы и распоряжения, касающиеся Валиханова. Из его научного наследия известно, над чем он работал в Петербурге. Но петербургского дневника, увы, нет. Или не вел, или опять же утеряти! Не обнаружено пока ничего в жандармских архивах, ныне ставших справочником по русской истории. А могли там найтись сообщения приставленного к Валиханову соглядатая, его денщика Мухаммедзяна Сейфулмулюкова. Что денщик за ним шпионит, был уверен сам Чокан, а он после Кашгара, надо полагать, в таких вещах не ошибался.

О петербургском периоде жизни Валиханова рассказывают обстоятельно воспоминания сибиряков — Потанина и Ядринцева, но от них ускользнуло многое, не относившееся к ним непосредственно.

В Петербурге перед Валихановым открылась карьера. «Воздаяние отлично-усердной и ревностной службы состоящего по армейской кавалерии поручика султана Чокана Валиханова, оказанной им при исполнении возложенного на него осмотра некоторых из пограничных среднеазиатских владений, сопряженного с усиленными трудами, лишениями и опасностями...» он был произведен в штабс-ротмистры и награжден орденом Святого Владимира — разумеется, особого образца, специально изготовляемого для нехристиан.

Александр II с самого начала проявил большой интерес к экспедиции Валиханова, к личности офицера из инородцев, столь блестяще аттестованного Гасфортом. Получив от Гасфорта представление Валиханова к ордену Святой Анны, Александр II счел награду недостаточной и написал карандашом на полях: «Валиханову Вл...» По случаю получения ордена Чокан был во дворце. Письмо Чокана домой, где он описывал свой триумф, утрачено, его, очевидно, исчитали до дыр. Зато сохранился ответ отца:

«27 мая, когда получили твое ошастливливающее письмо от 14 апреля, радовались всей семьей. Пусть и впредь аллах благодетельствует нам. До получения письма мы про вас знали от Карла Казимировича, он писал нам два письма о тебе, чем очень обрадовал нас. Еще о тебе знали из петербургских писем одного генерала и одного сенатора, которые были адресованы Густаву Иваповичу.

...Приехал к нам военный губернатор, произвел ревизию, устроил перевыборы мне, Гафару, Табееву Тастеню¹. Народ единогласно избрал нас всех троих на прежние должности без перемещения...

На наше торжество приехал в окружной приказ полковник Майдель². Он искренне радуется твоим успехам так, как, пожалуй, не радовался бы успехам родного сына. К тебе он очень расположен, шлет сердечный привет, говорит: «Я всегда желаю ему долгой и счастливой жизни!»

...Генерал-губернатор по случаю нашего приезда, т. е. моего, Мусы и Шалгынбая³, дал обед в Благородном собрании. Собралось все высшее начальство, играл оркестр...

По возможности, если позволит тебе здоровье, постарайся исхлопотать нам титул потомственных дворян, т. е. титул князей. Не упускай благоприятного времени, добивайся этого блага, оно полезно для тебя и твоего потомства...

Пиши чаще, сообщай о своем здоровье.

Чем больше и чаще будешь писать нам о своем благополучии, тем больше и мы будем переводить денег, чем меньше будешь писать, тем меньше мы будем тебе переводить».

¹ Гафар Мандаев, Тастень Табеев — чиновники Кокчетавского окружного приказа, подчиненные старшего султана Чингиса Валиханова.

² Барон Майдель — один из омских чиновников.

³ Шалгынбай — старший султан Каркаралийского округа.

Из ответа Чокана отцу — 9 августа 1860 года:

«За время пребывания в Петербурге я стал чувствовать себя лучше прежнего. Видимо, его климат мне не так уж вреден. Об этом знают хорошо все мои приятели, знакомые и большие начальники, с которыми я познакомился здесь, в частности, военный министр Милютин, барон Ливен, граф Толстой, сенатор Любимов¹ и многие другие. Бываю я у них в гостях».

Тон письма несколько хлестаковский. Чокан писал эти строки, иронически улыбаясь. Эка ловко я ввернул про высокие знакомства! Но чем больше и чаще я буду писать, тем больше мне будут переводить денег...

Из письма Чингиса сыну — 19 сентября:

«...Дай бог и впредь всегда получать нам такие же письма о твоём благополучии и здоровье».

...Далее мой тебе совет: не мотай попусту деньги в Петербурге из-за тщеславия, учти и наше положение. При наших средствах могу ссудить тебя на год только тысячью рублями. Теперь буду высылать через каждые четыре месяца. Однако эти триста рублей не ставлю в счет, а шлю тебе в награду за то, что ты займел много знакомых среди высокопоставленных лиц и возвращаешься в их круг».

Круг высокопоставленных лиц, весьма интересовавшихся правнуком Аблая, штабс-ротмистром султаном Валихановым, на самом деле куда шире, чем пишет Чокан отцу. И Чокан, несомненно, стремился по мере возможности через свое знакомство с ними что-то полезное узнать и что-то сделать для Степи.

Назовем прежде всего министра иностранных дел князя Александра Михайловича Горчакова. Горчаков проводил новый курс русской дипломатии в Европе. Он укреплял союз с Францией. Россия сохранила нейтралитет во время войны Франции и Италии против Австрии, Россия поддерживала движение за объединение Италии. Европейские дела становились и делами Азии. В 1860 году Англия и Франция организовали совместную карательную экспедицию в Китае. Попытка вооруженного восстания китайского народа против колонизаторов была

¹ Д. А. Милютин был тогда еще не военный министр, а товарищ министра. Барон Ливен — генерал-квартирмейстер Генерального штаба. Толстой — обер-прокурор Святейшего синода. Любимов — предшественник Ковалевского на посту директора Азиатского департамента.

жестоко подавлена, англо-французские каратели прошли через Тяньцзинь к Пекину.

Естественно, Горчакова очень интересовал кашгарский отчет Валиханова, где убедительно говорилось об ослаблении позиций маньчжурской династии в китайских западных колониях, о ненависти народа Восточного Туркестана к колонизаторам, об успешном проникновении русских товаров на рынки Азии, о возможности получать из Восточного Туркестана хлопок. Сведения о хлопке, доставленные Валихановым, вскоре приобретут еще большую ценность, потому что гражданская война в Северной Америке вызовет сокращение ввоза американского хлопка в Европу.

По ходатайству Горчакова перед Александром II штабс-ротмистр Валиханов был причислен к Азиатскому департаменту с назначением ему жалованья как драгоману. Исследователи научного наследия Валиханова полагают, что рукой Горчакова сделана помета на полях краткого извлечения из кашгарского отчета: «Я был бы Вам весьма благодарен, если б Вы сообщили Географическому обществу то, что Вы из этого почтете возможным»¹.

Незадолго до приезда Валиханова в Петербург туда явился и был представлен ко двору бунтовщик Есет Котибаров, слава о котором успела дойти до «Колокола». Ходатай за Котибарова, граф Николай Павлович Игнатьев, после Бухары побывал в Китае, где выступал посредником в переговорах англичан и французов с китайцами. Игнатьев, получивший в 27 лет генерала, метил сменить Ковалевского на посту директора Азиатского департамента. Он, конечно, понимал, какого ценного сотрудника обретает в лице Валиханова. Меж ними установились самые дружеские отношения. Составляя по поручению военного министра Сухозанета записку об устройстве фактории в Кашгаре, Чокан советовался с Игнатьевым, причем Игнатьев поддержал предложение об устройстве фактории.

Живя в Петербурге, Чокан знал обо всем, что делается в Степи. В этом ему помогал казахский хабар, до-

¹ Полностью труд Валиханова «О состоянии Алтышара, или Шести восточных городов китайской провинции Нан-лу (Малой Бухарии) в 1858—1859 годах» появился в свет только в 1904 году в томе сочинений Ч. Ч. Валиханова, изданном Русским географическим обществом.

стающий теперь и до столиц, а также письма отца. Сообщая в письмах степные новости, Чингис рассчитывал, что Чокан ими не без выгоды воспользуется, вращаясь в кругу высокопоставленных особ.

Так, например, Чингис отписывал в Петербург про некоего Кошек-султана, сына Касыма, который пожелал принять русское подданство. Чингис покровительствовал Кошек-султану, представлял его в Омске военному губернатору и, очевидно, хотел, чтобы и Чокан в Петербурге поддержал этого полезного Валихановым нового русского подданного. В том же письме есть сообщение, что племянник Кенесары Кошкарбай побывал у оренбургского губернатора и поехал в Петербург с султаном Муқаном Джантюрином добиваться приема у царя, а тем временем сыновья Кенесары участвовали в набеге кокандцев на окрестности форта Перовского. Чингис явно предупреждал Чокана, что Кошкарбай человек не очень-то заслуживающий доверия русского правительства.

Из ответа Чокана известно, что он виделся с депутацией оренбургских султанов, что они представлялись императору, но Чокан не пишет, входил ли в депутацию племянник Кенесары. В письме назван штабс-ротмистр Альмухаммед Сейдалин. Он привез Чокану привет от Башкен-ханум, жены Ахмета Джантюрина, и, возможно, ее напоминание о дочери, еще в детстве просватанной за Чокана. В Младшем жузе Сейдалины выделялись как культурное семейство. Тлеумухаммед Сейдалин выступал со статьями о развитии у казахов хлебопашества, собирал казахские песни, он впоследствии стал одним из организаторов Оренбургского отдела Русского географического общества, в котором сотрудничал и путешественник Г. С. Карелин.

В письме Чокана отцу назван и приехавший с депутацией пристав оренбургских киргизов Лев Николаевич Плотников, человек примерно такого же типа, как Гутковский, тонкий знаток казахских дел. Он рассказывал Чокану об экспедиции на Сырдарью зоолога Н. А. Северцова. Охраняя экспедицию, Плотников одновременно имел поручение изловить бунтовщика Есета Котибарова. Встреча с Валихановым произвела на Плотникова огромное впечатление. Они проговорили несколько вечеров. И вскоре Плотникову представился случай излить свои впечатления об этой встрече. В «Русском вестнике» появилась статья П. Небольсина «Путешествующие киргизы». Автор позволил себе ради красного словца приврать

и приукрасить. Плотников ответил ему в следующем номере «Русского вестника»¹, дав самые уважительные характеристики членам депутации, а в особенности ходже Бабаджанову². И здесь же Плотников с восхищением написал о Валиханове, что под мерку его способностей и знаний не только не придется другие образованные киргизы, «...по, пожалуй, и мы с г. Небольсиным. Чокан Чингисович — покуда единственный феномен между киргизами, и в наших оренбургских степях, может быть, долго еще ждать такого явления».

Способности и знания Валиханова, несомненно, привлекли внимание упоминаемого Чоканом в письме к отцу товарища военного министра Дмитрия Алексеевича Милютина, а также и второго Милютина, Николая Алексеевича, занимающего пост товарища министра внутренних дел. Милютины еще с 40-х годов принадлежали к петербургским либеральным кругам, куда входил и Петр Петрович Семенов. В предреформенные годы либеральное столичное чиновничество и либеральные профессора обрели покровителей в царской семье — великого князя Константина Константиновича³ и великую княгиню Елену Павловну, которая за несколько лет до реформы освободила своих крепостных. Елена Павловна была ученицей Кювье, а Чокан в юности под влиянием Гутковского, страстного поклонника Кювье, проштудировал теорию катастроф, извлекая из нее по привычке русского читателя больше революционного смысла, чем в ней имелось на самом деле. Для великой княгини, жаждущей покровительствовать наукам, он мог оказаться приятным собеседником. Позже, уехав на родину, он счел возможным в трудную минуту обратиться к ней за помощью.

Валиханова могло многое привлекать в обоих Милютиных, да и в других либеральных деятелях предреформенных лет. К 1860 году, когда он слышал программные речи Николая Алексеевича Милютина, у этого многоликого человека сложилась репутация Марата и Робеспьера,

¹ «Русский вестник», 1860, тт. XXIX и XXX.

² Ходжа Мухамед Салих Караулович Бабаджанов закончил в Оренбурге кадетский корпус, корреспондировал в петербургские газеты, печатался в «Записках Русского географического общества».

³ Воспитанник мореплавателя Федора Петровича Литке, президент Русского географического общества великий князь Константин позднее, в 1861 году, писал Александру II по поводу ареста Чернышевского и Серно-Соловьевича: «Давно пора с ними разделаться».

в него, по выражению Герцена, летели не камни, а целая мостовая. Александр II совершенно всерьез рекомендовал Николаю Алексеевичу исправить репутацию «красного», «революционера». А десять лет спустя Чернышевский изобразил этого деятеля в романе «Пролог» под именем Савелова — политического авантюриста и карьериста.

Бывая у Милютиных, Чокан узнавал из первых рук о жестокостях, творимых крепостниками, о крестьянских бунтах, о небывалом размахе крестьянского трезвенного движения¹. Либеральную бюрократию, понимавшую необходимость отменить крепостное право, беспокоила медлительность в подготовке крестьянской реформы. Они роптали потихоньку на Александра II, говорили, что он-то мечтал сохранить все порядки, существовавшие при его обожаемом родителе.

Чокана, представителя Степи в Петербурге, интересовали обсуждавшиеся в кругах либеральной бюрократии проекты переустройства управления огромной империей. Именно там он узнал, что вслед за крестьянской реформой возникнет потребность в целом ряде реформ, в том числе и в реформе управления Степью.

Послушав в обществе либералов разговоры о завтрашнем дне России, Чокан выходил на крыльцо, швейцар выкликал его экипаж, и штабс-ротмистр Валиханов мчал на своих лошадях в день вчерашний, к 80-летнему графу Блудову.

Граф Дмитрий Николаевич Блудов, министр внутренних дел при Николае I, ныне оказался президентом Академии наук. Маркиз Блудов, как называл его Пушкин. Друг многих декабристов, Блудов вечером 14 декабря был вызван во дворец и по просьбе Николая I написал правительственную реляцию, изобразив в ней восстание как бунт горстки безумцев, которых поддержали немногие пьяные солдаты и пьяные люди из черщи. Николай прочитал, обнял Блудова: «Теперь ты мой!» — и назна-

¹ Это был организованный протест против системы откупов, благодаря которой к 1860 году в России насчитывалось 77 386 кабаков, откупная сумма составляла 46 процентов «обыкновенных государственных доходов», а откупщики, внося в 1859 году на четыре года вперед 366 миллионов рублей серебром, наживали ежегодно по 220 миллионов. Начав с составления обществ трезвости и с массовых отказов от вина, крестьяне перешли к разгрому питейных заведений, и Александр II лично разослал по губерниям своих генералов и флигель-адъютантов для военного подавления трезвенных бунтов.

чил делопроизводителем Верховной следственной комиссии по делу декабристов.

К Блудову Чокана ввел Егор Петрович Ковалевский. «Словом сказать, Валиханову вначале очень повезло в Петербурге» — так оценивает внимание Блудова к молодому киргизу сослуживец Валиханова по Омску И. Ф. Бабков — тот самый, что возмущался засильем немцев в управлении губернией. Но Блудов — не только высшие сферы Петербурга, Блудов — историограф, считающий себя продолжателем Карамзина. Чокан мог услышать от Блудова немало интересного из истории взаимоотношения России с киргиз-кайсацкими ордами, из времен Екатерины, когда султан Малой орды Ширгазы служил в адъютантах при фаворите графе Зубове.

Бывал у графа Блудова в одно время с Чоканом и московский профессор истории Сергей Михайлович Соловьев, приглашенный в Петербург для занятий с наследником цесаревичем Николаем. Чокан уже давно следил за томами «Истории России». В опубликованных Соловьевым русских документах он нашел сведения о хане Бараке, про которого писал и Абу-ль-гази в «Родословной тюрков». Валиханов, как и Соловьев, был последователем Риттера в толковании роли географического фактора в истории народов. Чокану, соединявшему в себе и историка и географа, с особой ясностью рисовалось значение природы Степи в жизни кочевника-казаха и значение внешних обстоятельств, воздействия других народов.

Но вот о чем беседовал мусульманин Валиханов с обер-прокурором Святейшего синода? К графу Александру Петровичу Толстому его повез востоковед В. В. Григорьев.

Тут любопытно посредничество Григорьева, образованнейшего востоковеда, много лет прожившего в Оренбурге и отменно знающего казахские дела. Это был, так сказать, дважды ориенталист. То есть не только востоковед, но и славянофил (тогда славянофилов в противопоставление западникам именовали ориенталистами). Василий Васильевич имел репутацию отъявленного ретрограда. Он в свое время напечатал статью против Грановского, вызвавшую бурю возмущения. Дурная репутация Григорьева в передовых кругах дала повод Герцену упрекнуть «биографа-ориенталиста» в жестоком отношении к казахам. Но вот в этом-то Василий Васильевич как раз и не повинен. Известно, какую роль сыграл Григорьев в жизни выдающегося казахского просветителя Ибрая Алтынсарина (1841—1889). Помог ему получить русское

образование, устроил переводчиком в Оренбургскую пограничную комиссию, снабжал книгами из своей великолепной библиотеки. В 1860 году, когда Григорьев встречался с Валихановым в Петербурге, девятнадцатилетний Алтынсарин работал под его началом в качестве младшего переводчика, и Григорьев с гордостью рассказывал Валиханову о многообещающем юноше. И рассказывал о своем друге молодости, буряте Доржи Банзарове, немало сделавшем для российского востоковедения.

Впоследствии в архиве Григорьева окажется часть научного наследия Валиханова. В науке их многое сближало. Валиханов подхватил мысль Григорьева, что у восточных писателей надо искать достоверные сведения по истории Руси, и применил метод Григорьева к изучению казахских преданий. Можно себе представить, с каким неослабным вниманием слушал Василий Васильевич Чокана, рассказывающего, что в казахских легендах Ивана Калиту называли Калталы Иман, а Михаила Тверского — Карт Михайл, то есть Старый Михаил. Работая в Петербурге над переводом «Тарихи-Рашиди», Чокан не обошелся без помощи Григорьева. А Василия Васильевича увлекла загадка Ташрабата, обнаруженного Чоканом на обратном пути из Кашгара. Пройдут годы, и Василий Васильевич на основании «Географии» Птолемея и указаний, содержащихся в записках китайского путешественника Сюань-Цзана, выскажет предположение, что у обоих древних авторов описан один и тот же караван-сарай, находящийся в Восточном Туркестане.

Кроме Григорьева, Чокан общался в Петербурге с известными востоковедами Галсаном Гомбоевым, Александром Касимовичем Казем-Бекем, Владимиром Владимировичем Вельяминовым-Зерновым.

У обер-прокурора Святейшего синода графа Толстого, человека светского, собиралось не одно лишь духовенство, а самое пестрое общество. В этом обществе Валиханов, конечно, рассказывал о Гасфортовом проекте обращения казахов в иудейскую веру. Обер-прокурора Синода не волновала идея крещения Степи. Мусульманское духовенство служило надежной опорой власти на окраинах России и среди народов Поволжья. Не распространяя в Степи православие, правительство поддерживало деятельность мулл по омусульманиванию язычников. И все же нет-нет да и крестился кто-нибудь из казахов, но, поскольку степные законы отдавали имущество того, кто перешел в православие, на всеобщее безнаказанное раз-

грабление, крещеных казахов сразу же переводили в мещанское сословие, они поселялись в городах, теряли всякую связь с сородичами и быстро русели. Только фамилия могла впоследствии напоминать потомкам, откуда пошла сибирская русская семья.

Но, сколько бы высоких знакомств ни завел в Петербурге правнук Аблая, штабс-ротмистр султан Валиханов, превосходно рассказывающий о своих кашгарских приключениях, о восточном деспотизме и все лучше ориентирующийся в петербургских сферах, он и пальцем не шевельнул ради своей карьеры.

Свои связи в Петербурге Валиханов, однако, вполне использовал, чтобы выхлопотать награды Букашу и Мусабаю. Оба они уже получили золотые медали на шею, а Букаш еще и чин хорунжего. Но насчет этого похода тайствовал Гасфорт. Долг же Валиханова был похлопотать об Аркате. Уговор дороже денег. Мусабаю Чокан обязан и жизнью, и успехом задуманной экспедиции в Кашгар. Ковалевскому, Горчакову, Игнатьеву — это явствует из архивных документов — Валиханов повторял, что вся европейская наука обязана этим халатникам бесценными сведениями о неведомом ей Кашгаре, что Букаш ничего не нажил тем караваном, что Мусабай, имея семейство в кокандских владениях, не может возвратиться туда, не подвергаясь опасности и преследованиям за свою службу России.

Результатом его хлопот явилось письмо из министерства иностранных дел новому губернатору Западной Сибири Дюгамелю о предоставлении ташкентцу Букашу пастбищ близ Семипалатинска¹ и награда — 600 рублей серебром, которые Валиханов собственноручно получил из Провиантского департамента и передал прибывшему в Петербург караванбаше Мусабаю. Впоследствии казахский хабар превратил 600 рублей в 6 тысяч, о чем Чокану писал с неудовольствием отец. Удесятирили награду, конечно, сами купцы, чтобы показать, в какой они чести у русского начальства.

Многие биографы Валиханова считают, что разлад между ним и отцом начался по возвращении Чокана из Петербурга на родину. Однако это случилось раньше и началось с того, что Чокан в столице упрямо игнориро-

¹ В этих местах сейчас находится совхоз «Валихановский».

вал интересы рода Валихановых — не добивался ни титула князей, ни просто дворянства, ничего не просил ни для себя, ни для отца, ни для родни, никаких особых преимуществ, чинов, наград... А ведь на него надеялись, он вроде бы начал прокладывать дорогу валиханидам. Вслед за Чоканом уже поступил в Сибирский кадетский корпус его брат Махмуд, поступили отпрыски дядюшек Собалака и Каягожи. А Гази Валиханова, шустрого внука Губайдуллы, за фамильное сходство с Чоканом приблизил к себе Гасфорт, который, впрочем, скоро разочаровался в Валиханове-втором и услав куда-то на Черный Иртыш...

4 мая 1860 года в квартире Русского географического общества близ Певческого моста действительный член общества Чокан Чингисович Валиханов сделал сообщение о своем путешествии в Кашгар.

Он не жалел, что между его возвращением из путешествия и докладом прошло больше года. За это время поутих шум вокруг подробностей гибели немецкого географа Шлагинтвейта. Этот шум был Чокану неприятен. Ведь получалось, будто он только затем и ездил под чужим именем в охваченную смутой страну, чтобы им восторгались, связывая непременно со Шлагинтвейтом: «Тот самый Валиханов, который узнал про Шлагинтвейта». Научная ценность путешествия ставилась словно бы на второй план, о Валиханове как исследователе истории, географии и этнографии Степи вообще не говорилось.

И вот теперь, когда миновал год, он поднялся на кафедру в Географическом обществе не с сенсационными новостями, а со своим взглядом на сегодняшнюю Среднюю Азию. Чокан Валиханов поднялся на кафедру, чтобы рассказать о незнакомом Европе человеке Средней Азии, о его трудах, о его духовном мире, о трагической судьбе народов, подвергающихся нещадной эксплуатации, живущих в темноте и невежестве. И он понимал, как важно именно сейчас начинать оспаривать теории развития человеческого общества и мировой культуры, сконцентрированные только на Европе и полностью игнорирующие Восток. Ведь эти теории становятся оправданием европейских колонизаторов.

Его слушал петербургский ученый мир. Географы, этнографы, естественники, историки, востоковеды... Пришел Федор Михайлович Достоевский, пришли сибиряки Потанин и Ядринцев, с кафедры Чокан отыскал глазами Александра Федоровича Голубева и Михаила

Ивановича Венюкова, побывавшего в Семиречье и на Иссык-Куле вскоре после него. И профессор николаевской Академии Генштаба Макшеев здесь, Аскер-хан, друг Дурова, крупнейший знаток Средней Азии.

Сообщение, сделанное Валихановым на собрании 4 мая 1860 года, легло в основу его «Очерков Джунгарии», опубликованных в «Записках Русского географического общества» в начале 1861 года в книгах 1-й и 2-й. Там же были помещены два рисунка автора — портреты манапов Боромбая и Сартая, а также подготовленная им карта Семипалатинского и Заилийского края Семипалатинской области и части Илийской провинции Китая. Это, по тогдашним понятиям, и была Джунгария.

Автор очерков рисует современную обстановку в Кашгаре и лишь вскользь упоминает об опасностях, которым подвергался. Он предупреждает, что ни время, ни место не позволяют ему долго распространяться о допросах и судах. На этот раз он намерен изложить только основные результаты своего путешествия и пребывания в Дикокаменной орде.

Первое впечатление при чтении «Очерков Джунгарии» — что автор, солидно начав, стал затем отвлекаться, разбрасываться, мешать все в кучу. Он, оказывается, повествует не о последнем своем кашгарском путешествии. Он предупреждает, что в очерках объединены материалы всех его путешествий по Джунгарии, то есть по Семиречью, Заилийскому краю и озеру Иссык-Куль, начиная с 1856 года. Причем автор не намерен повторять то, что уже замечено предшествующими исследователями гг. Шренком, Влангали, Семеновым, Голубевым, Татариновым, Ковалевским, Карелиным. Он будет говорить только о том, что оказалось ими пропущено.

Дальше в очерках идут кратчайшие сведения о фауне и флоре, об истории Русской Джунгарии. Коснувшись археологии, автор сообщает, что намерен подробно и обстоятельно изложить этот предмет в особой статье. Ему хочется только рассказать, что найденные им следы чудских копей дают повод думать, что тюркам было известно горное дело. Затем он сообщает интереснейшие сведения из этнографии и опять обещает в дальнейшем рассказать о киргизах более подробно.

Свобода повествования в «Очерках Джунгарии» свидетельствует, что автор находился и под влиянием «Записок из мертвого дома», отрывки из которых слышал еще в Семипалатинске. Разбросанность, повторы, пере-

скоки помогают создать впечатление эмоционального и очень достоверного рассказа. Причем фактического материала удастся вложить не меньше, а даже больше, чем при гладком, последовательном изложении. Валиханов смог сказать в своей первой научной публикации все, что считал необходимым.

Он сказал в очерках о древней высокой культуре народов Средней Азии. Он сообщил о значении народных преданий для постижения истории кочевых народов и о близости киргизских сказок, мифов, эпических песен и легенд к мотивам произведений такого рода у народов Европы и особенно у славян. Например, в сказках, собранных Афанасьевым, он обнаружил только шесть неизвестных ему по «киргизской редакции».

Из «Очерков Джунгарии» востоковеды России впервые узнали о существовании у неграмотных киргизов своего рода энциклопедии — собрания мифов, сказок, преданий, географических сведений, нравственных понятий, где все сгруппировано около одного лица — богатыря Манаса, и о том, что у эпоса «Манас» есть продолжение «Семетей» — киргизская «Одиссея».

В отличие от географо-романтических очерков Егора Петровича Ковалевского и Петра Петровича Семенова в «Джунгарии» Валиханова читатель не обнаружил увлекательных приключений. Чокан, как и советовал ему в своем пророческом письме Достоевский, выступил в «Записках» Географического общества прежде всего как ходатай за свой народ перед русскими. И в том, как у него критика современной действительности ловко помещена меж историей и этнографией, чувствуется, что начинающий литератор Чокан Валиханов владел приемами русской подцензурной печати. Да и опытный советчик у него был рядом — тот, которому Чокан подражал в форме «Записок Джунгарии», в манере изложения.

Чокан красочно описывает правителя джалаириков султана Джангазы. «Раз караван удостоился видеть султана Джангазы, правителя джалаирского племени, с помощником, который дан ему ради его скудоумия алатавским окружным начальством и потому называется киргизами заседателем. Султан поразил нас эксцентричностью. Он вошел в палатку походкой жирного гуся, которая у киргиз употребляется в крайне официальных случаях, сел на почетное место и принял созерцательный вид; все молчали. Султан вдруг поднял голову, обвел всех быстро глазами и произнес двустиише: «У джалаириков много

баранов, у Джангазы много дум», — сказал и опять углубился в буддистическую недвижимость. Между тем заседатель и другие киргизы разговорились, они рассказывали, как приезжал губернатор в укрепление Верное, с мельчайшей подробностью передавали его слова, обращения к киргизскому народу, и жесты, которые генерал употреблял при этом. Киргизы все просили нас научить «закону»: «А то-де у нас берут на кордонные работы быков, лошадей и редко отдают назад. Вот казаки знают закон, ну и притесняют, воруют свободно, тягаться с ними, — говорили они, — не приходится: «царский человек» на счету состоит, за него как раз пойдешь через «сверленные горы» (так киргизы называют каторжную работу), у нас уже была кутерьма из-за трех казаков, которые погибли без вести: всю зиму помончик (помощник окружного) и Банушка (Ванюшка-толмач) пролежали на Каратале: «сознайтесь», говорят, «вы убили казаков». «Сохрани боже — не видали вовсе!» Нынче губернатор говорит: «Найдите вы мне виноватых, а то я всех вас в бараний рог согну; я, — говорит, — гром и молния». Султан в это время как-то странно поводил глазами и изредка выстреливал двустипшиями». Султан — это для цензора. Султанов представлять в карикатурном виде не возбраняется. Русский читатель преотлично знал приемы подцензурной публицистики и извлек все, что спрятано за глупым султаном: бесправие не знающего «закона» казаха, которого грабит «царский человек», произвол приехавших для разбора дела чиновников, угрозы губернатора согнуть всех в бараний рог.

Но почему в «Очерках Джунгарии» так сгущены краски в описании кыдыков? Тех самых детей природы — кыдыков, к которым бежал от суетного света Н. Н. — романтический герой Егора Петровича Ковалевского.

Дырявая и до черноты закопченная кибитка. На полу валяются куски войлока, шерсть и обглоданные кости. В чашках остатки пищи, хозяйка и ее дочери вытирают чашки пальцами, кладя в рот то, что пристало к руке, и затем наливают гостю кумыс. «У киргизов неопрятность введена в обычай и освящена преданием... Мужчины у них не имеют обыкновения мечь белье и носят его до тех пор, пока оно не разорвется... Траур киргизский заключается в том, что целый год жена не моет лица, не чешет волос, не снимает и не перемениет платья, хотя бы оно было совершенно негодно к употреблению».

Если сравнить, что сказано о киргизах в «Иссык-куль-

ском дневнике» Валиханова и в «Записках о киргизах», с описанием кыдыков в «Очерках Джунгарии» — разница немалая. Во время своей первой поездки на Иссык-Куль он тепло писал о доброте киргизских женщин, о красоте нарядов, о чистоплотности.

В «Записках о киргизах», над которыми он работал по возвращении в Омск, уважительно описываются обычаи, говорится о духовном родстве двух народов — казахского и киргизского. В чем же причина, что так изменился взгляд Валиханова? Не проникся ли он неприязнью к киргизам после путешествия в Кашгар, когда на всем пути караван подвергался нападениям разбойников и поборам со стороны «гостеприимных» киргизских родоначальников?

Нет, другие причины есть у Валиханова, когда он живописует, как ему подавали кумыс в грязных чашках и как он пил чай, заваренный в чугунном рукомойнике. Валиханов видел жизнь бедных кыдыков глазами литератора 60-х годов, воспитанного на традициях русского критического реализма и русской публицистики. Упрекать Валиханова за злую карикатуру на кыдыков все равно, что упрекать Лермонтова за «немытую Россию», Герцена за его горькие слова о русских, Салтыкова-Щедрина за дядю Софрона, опохмелившегося керосином...

Народ не повинен в том, что он раб, что он невежествен и дик. Так утверждала русская публицистика 60-х годов. Чокан потом напишет еще резче, что казаху можно внушить европейские преобразовательные (читай — революционные) идеи, только если «предварительно путем образования развить его череп и нервную систему». И когда он писал эти слова, он не меньше любил свой народ, чем в ранней юности, защищая от Левшина древние добрые обычаи казахов. Он любил свой народ сильнее, умудренней и потому говорил горькую правду о его жизни. И чем ярче проявляется Чокан Валиханов как русский литератор-шестидесятник, тем он ближе к действительным нуждам своего народа, тем он больше казах.

В той же мере Чокан — сын своего народа и классический русский путешественник — чувствовал себя обязанным говорить правду и о родственном киргизском народе.

«Очерки Джунгарии» принесли Валиханову научную и литературную известность, на них обратили внимание

европейские ученые, откликнулась иностранная печать, прежде всего немецкая.

Вслед за «Очерками» в 3-й книге «Записок Русского географического общества» за 1861 год появились географический обзор и исторический очерк из кашгарского отчета Валиханова¹. Корифеи Географического общества, конечно, знали, что это лишь часть большого труда.

За штабс-ротмистром Валихановым упрочилась слава отважного путешественника, открывшего европейской науке тайны Средней Азии. Он вошел в круг помощников Петра Петровича Семенова, вычитывал и сверял издававшиеся на русском языке труды Риттера. В военно-ученом комитете он руководил подготовкой карт Средней Азии и Туркестана. При участии Валиханова были выполнены «Карта пространства между озером Балхашом и хребтом Алатау», «Рекогносцировка западной части Заилийского края», «План города Кульджи», «Карта к отчету о результатах экспедиции на Иссык-Куль», «Карта Западного края Китайской империи».

В Петербурге он продолжал работу над очерками по истории, географии и этнографии киргизов, начатыми в Омске. Он погрузился в труды восточных и европейских авторов, знакомые прежде лишь по цитациям у Березипа, Риттера, Бичурина... Некоторые книги ему давали на дом, и Чокан однажды страшно перепугался, обнаружив их исчезновение. Впрочем, вскоре выяснилось, кто упес уникальные издания. Младший брат Маки осуществил эту барымту — для Степи совершенно законную, — чтобы наказать Чокана за то, что он забыл дорогу на Гороховую, в училище для глухонемых. Маки и в письмах домой жаловался на Чокана. Но Чокану действительно в Петербурге не хватало времени.

Ширились знакомства в ученом мире. Зоолог Николай Алексеевич Северцов недавно вернулся из нового путешествия по Средней Азии. На Сырдарье увлекшийся наблюдениями зоолог был захвачен кокандцами, долгое время пробыл в плену. Северцов славился своей неразговорчивостью, однако Чокан все-таки узнал, что шрамы на его лице — следы кокандских сабель. Николай Алексеевич постоянно бывал у Федора Петровича Тол-

¹ Подготовленное Валихановым тогда же в Петербурге для «Записок Русского географического общества» описание пути в Кашгар и обратно, в Алатавский округ, появилось в свет много позже, в 1868 году.

стого, президента Академии художеств. Очевидно, он ввел к Толстому и своего друга-степняка Чокана Валиханова, первого художника среди казахов. Такое предположение подтверждается тем, что в ту пору младший брат Чокана, Мақы, обучавшийся в училище для глухонемых, обнаружил незаурядное художественное дарование и не без участия Ф. П. Толстого поступил вольнослушателем в Академию художеств.

Еще один новый друг — ботаник Андрей Николаевич Бекетов, который когда-то начинал учиться на восточном факультете Петербургского университета, оставил его, пошел на военную службу, а затем увлекся естествознанием и здесь нашел свое призвание. Бекетов редактировал опубликованные в «Записках Русского географического общества» отрывки из кашгарского отчета Валиханова. Бывая у него дома, Чокан познакомился с женой Андрея Николаевича, Елизаветой Григорьевной, и она охотно слушала его рассказы о местах, где когда-то побывал ее отец, знаменитый путешественник Григорий Силыч Карелин, в то время живший в Оренбургской губернии. Дружба Чокана с Бекетовым упрочилась, когда в Петербург вернулся из Гейдельберга Менделеев.

И здесь мы опять открываем для себя удивительное явление русской жизни XIX века — узы близкого и дальнего родства лучших людей России.

Сибиряки Бекетовы дали России сотника Петра Бекетова. В 1629 году сотник с отрядом казаков поднялся по Ангаре за Падунский порог и достиг «брацкой землицы». В XVIII веке стал широко известен Никита Афанасьевич Бекетов — автор трагедий и талантливый актер, его игрой восхищался родоначальник русского театра Федор Волков. Никита Афанасьевич на склоне лет служил астраханским губернатором. Правя приграничной с Малым жузом губернией, он вел дела с кайсаками. Бекетовы — целый куст в русской истории. Родство с Н. М. Карамзиным, с поэтом И. И. Дмитриевым (он племянник Никиты Афанасьевича), с Аксаковыми, Тургеневыми... Платон Бекетов издавал запрещенного Радищева. Дмитрий Бекетов партизанил вместе с Денисом Давыдовым. Его брат Николай женился на племяннице декабриста Якушкина, у них были сыновья Николай, Алексей и Андрей — друзья молодости Достоевского. Алексей затем хозяйничал у себя в поместье, Николай стал известным химиком, академиком. Андрей — ботаником, ректором

Петербургского университета, неустанно хлопочущим за бунтарей вместе с Менделеевым¹.

В 1880 году 16 ноября Александра Николаевна Карелина — вдова путешественника, современница декабристов, близкая подруга жены поэта Дельвига — находилась в квартире ректора Петербургского университета Андрея Николаевича Бекетова, когда появился на свет ее правнук, внук Андрея Николаевича, будущий поэт Александр Блок. Александра Николаевна Карелина учила его читать. Блок мог слышать в детстве, в юности рассказы о друге деда, блистательном киргиз-кайсаке Валихапове, мог держать в руках письмо Чокана Андрею Николаевичу, сохранившееся в архиве М. А. Бекетовой... Пройдут годы, Александр Блок женится на Любви Менделеевой, племяннице Екатерины Ивановны Капустиной. К этому времени сыновья Екатерины Ивановны, М. Я. Капустин и Ф. Я. Капустин, станут один профессором медицины, другой профессором физики. И физик Капустин женится на сестре своего друга, изобретателя радио А. С. Попова, приедет вместе с ним в подмосковное имение Менделеева Боблово, и они проведут здесь сеанс радиосвязи...

Но вернемся в 60-годы, в годы первой революционной ситуации в России.

Шестидесятые годы и для исследователя, имеющего доступ к документам, воспоминаниям, секретной переписке, жандармским архивам, дневникам Александра II и т. д., — время чрезвычайно многослойное, пестрое, с поразительными перепадами биографий. Победоносцев — враг крепостничества, корреспондент Герцена, а затем... Победоносцев. Утин — сподвижник Чернышевского, деятель «Земли и воли», организатор русской секции I Интернационала, а затем... возвращение в Россию к наследственным капиталам. Из двоих руководителей петербургского студенчества, один — Михаэлис — будет сослан в Западную Сибирь, к казахам, и станет другом поэта Абая, а второй делает карьеру — и не где-нибудь, а в департаменте полиции.

¹ В 1882 году ректор Петербургского университета А. Н. Бекетов принял участие в судьбе студента-казаха Б. Кулманова, оставленного без стипендии.

Чокан писал отцу, что чувствует себя в Петербурге лучше. Но в архивах министерства иностранных дел сыскалось письмо, датированное 14 марта 1860 года. Некий чиновник просит доктора Ивана Ивановича Лилиенберга навестить заболевшего поручика Валиханова, который лично известен г-ну министру как полезный по службе офицер.

В письмах Чокана домой повторяются просьбы прислать денег. 4 ноября 1860 года он пишет: «Бог даст через месяц выеду из Петербурга в Париж, для чего занял деньги у одного человека, боюсь, что Ваш перевод не застанет меня в Петербурге. Теперь по получении настоящего письма переведите мне тысячу рублей, предназначенную Вами мне на годовое содержание. Говорят, за границей несостоятельного должника, будь он хотя бы архизнаменитостью, даже генералиссимусом, сажают в долговую тюрьму».

За границу Валиханов — при двух его службах! — мог поехать только по болезни. До сих пор исследователи надеются найти документы, свидетельствующие о его поездке. А. Е. Врангель пишет, что встречал Валиханова в Париже. Но доподлинно известно, что в Лондоне у Герцена Валиханов не появлялся. А в ту пору каждый свободомыслящий русский, попавший за границу, считал своим долгом навестить издателя «Колокола».

В этот год, напророченный Достоевским, произошел перелом в судьбе Чокана Валиханова. Как все произошло? Что случилось? Все ответы — в будущих поступках Валиханова, в будущих его трудах — во всем том, что он сделает по возвращении из Петербурга в Степь, к родному народу.

Прожив год в Петербурге, Валиханов отказался от первоначального плана поступить на восточный факультет университета. Ему там незачем терять время — все, чему учили на факультете, он либо успел постичь самостоятельно, либо знал, как это можно постичь, не высиживая на студенческой скамье. Чокан предпочел записаться лишь на некоторые университетские лекции. Ходил слушать популярного профессора Николая Ивановича Костомарова. Русских историков наконец-то пустили в запретные года русской истории, и Костомаров занялся бунтом Стеньки Разина. Имя это издавна знал в России и стар и млад, поскольку уже без малого двести лет «вора и душегубца» Разина проклинали по установлению во всех церквах. Но за что проклинали? Чья невинная кровь

пролилась в Астрахани? О преступлениях Разина в официальном курсе истории говорилось весьма глухо. Статья Костомарова прорвала завесу над прошлым, и оттуда упал яркий свет на недавние крестьянские волнения.

Вскоре после опубликования статьи Костомарова о Разине Валиханов стоял в публике на Марсовом поле, где проходил традиционный майский парад. Рядом с ним молодого барина толкнул простолюдин в сером кафтане.

— Что это не почистят публику? — возмутился барин.

— А вы читали, как Разин чистил публику? — язвительно бросил Чокан.

Конечно, Марсово поле не очень-то подходящее место для смелых революционных высказываний. Не студенческая сходка. На Марсовом поле собирается не народ, а публика, дамы демонстрируют весенние туалеты... Но в тот год, словно бы и нет больше в России всевидящего глаза и всеслышащих ушей, все говорили о бунте открыто и повсюду. В тот год и Чернышевский открыто говорил речи о крестьянском топоре — только топором все в России и разрешится! — в доме у хлебосольного Егора Петровича Ковалевского, где собиралось самое пестрое общество. Возможно, что Чокан именно там познакомился с признанным главой революционной партии. В книге Н. М. Чернышевской¹ есть утверждение, что они встречались. Валиханова мог познакомить с Чернышевским и сотрудник «Современника» Григорий Захарович Елисеев — сибиряк, частый посетитель собраний студенческого сибирского землячества.

Молодые люди, приезжавшие учиться в Петербург со всех концов России, поддерживали связи со своими земляками, старались селиться по соседству. Малоросс тянулся к малороссу, сибиряк к сибиряку. Слишком неохватной была Россия, слишком разнохарактерной, разноземной, разнопародной. В студенческих землячествах собирались и просто так — пообщаться, поговорить, поцеть. Но в сердцевине каждого землячества оказывались люди сильные, незаурядные, будущие общественные деятели, будущие крупные ученые. Из студенческой среды тех лет вышел на Русь разночинец-демократ, революционер-профессионал. Там вырабатывался типичный уклад

¹ Чернышевская Н. М. Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского. М., 1953.

жизни, даже какой-то общий тип, общий портрет русского шестидесятника. И в схожести не обнаружишь ни грани безликости. Люди равнялись перед общим великим делом.

Сибирское землячество перед приездом Потанина почти распалось. Потанина тут встретили как нового апостола. Ученик Дурова начал с того, что основал сибирскую студенческую коммуну. Потанин и несколько его друзей сняли квартиру, но не стали обзаводиться лишней мебелью и утварью. Потанин даже тюфяка не стал себе покупать. Застилал простыней голые доски — и достаточно. На завтрак и на ужин в потанинской коммуне пили чай с сухарями. На обед ели вареный картофель, ситный хлеб, дешевый сыр и запивали квасом. А когда Григорий и его приятель Куклин решили купить книгу «Русская флора» Ледебура, они отказались и от картофеля, брали на обед только ситный и квас.

Глядя на нищенский образ жизни молодого сибиряка, доброхоты предлагали ему то выгодный урок, то какой-нибудь другой заработок, дающий возможность жить мало-мальски приличней, но Потанин отказывался:

— Мне надо заниматься. Я и так потерял лучшие молодые годы.

С университетских лекций он спешил в вечерние классы Академии художеств.

— Путешественник должен уметь рисовать.

Хотя в кадетском корпусе никто не замечал художественного дарования юного Потанина, он в Петербурге выучился рисовать довольно недурно, подружился с многообещающим гейзажистом Иваном Ивановичем Шишкиным, летом 1860 года ездил с ним на натуру, на остров Валаам.

Иван Иванович Шишкин и художник-сибиряк Михаил Михайлович Песков ввели в потанинский кружок своего приятеля — художника Павла Петровича Джогина. Его квартира стала местом собраний кружка. Там висел портрет Гарибальди, как когда-то у Петрашевского портрет Фурье. После приезда Валиханова сибиряки стали собираться и у него, причем Чокан, знавший, что у большинства сибиряков ветер свистит в кармане, принимал по-казахски, кормил на славу.

Любопытно, что сибирякам, в том числе и другу детства Григорию Потанину, Чокан в Петербурге стал казаться в большей степени европейцем, нежели они. То есть себя они ощущали провинциалами, азиатами, а Чокан — с его, вспоминает Ядринцев, изящной внешне-

стью образованного китайца — представлялся им человеком столичным и западного склада. «Он понимал окружающую русскую среду и готов был сродниться с ней на почве европейской цивилизации. Это был новый коран его жизни», — пишет в воспоминаниях Ядринцев. И тут — согласно принятым тогда иносказаниям — слова «европейская цивилизация» ясно обозначают приверженность Валиханова прогрессивным идеям своего времени.

Патриоты Сибири всем сердцем восприняли возникшую в ту пору идею, что российские окраины более революционны, чем центральные губернии. Они свято верили, что надо свергать централизацию. Но ведь и Герцен тоже тогда писал: «Казенные патриоты кричат с ужасом о сепаратизме, они боятся за русскую империю, они чувствуют освобождение частей от старой связи и в федеральном их соединении конец самодержавия». Вера в особую революционность окраин империи опиралась на освободительное движение в Польше и на Украине. Бунт окраин воспринимался как часть общероссийской революции, в результате которой возникнут новые связи частей России¹.

Со своими особливими сибирскими вопросами Григорий Потанин ходил за советом к Чернышевскому, горячо доказывал, что Сибири нужно держаться за крестьянскую общину, не дать развиться крупной земельной собственности. И в этом Чернышевский был, несомненно, готов его понять. К тому же Чернышевский еще до встречи с Потаниным слышал от Елисеева о коммуне сибиряков, где не держат ничего лишнего и спят на голых досках. В романе «Что делать?» говорится, что автор знал во-

¹ Само слово «централизация» в 60-е годы означало самодержавно-бюрократическое управление Россией. Н. Г. Чернышевский в разборе труда Чичерина «Областные учреждения в России в XVII веке» писал, возражая автору, что создание Российского государства не заслуга царей, к объединению стремился сам русский народ. И дальше, желая пояснить, что царям Россия обязана лишь созданием самодержавного правления, Чернышевский говорил о «централизации», о том, что «в Англии, в Северной Америке централизации нет, а государства эти сильны и благоустроены».

В. И. Ленин писал о смешении понятия «централизм» с произволом и бюрократией. «История России, естественно, должна была породить такое смешение, но оно остается все же безусловно непозволительным для марксиста» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 144).

семь человек типа Рахметова. Не исключено, что один из этих восьми был Григорий Потанин.

Заветнейшей мечтой Потанина стало возвращение всех членов кружка в Сибирь. Там они вступят в борьбу, победят и поведут Сибирь путем просвещения и прогресса. Пять вопросов считались у сибиряков заглавными: 1) Борьба против использования Сибири как места ссылки социальных отбросов Европейской России. 2) Ликвидация подчиненности сибирской экономики интересам центрального мануфактурного района. 3) Забота о просвещении Сибири, создании местной интеллигенции, организации учебных заведений. 4) Улучшение положения сибирских инородцев. 5) Переселенческий вопрос — в 1860 году он еще только возникал и не был четко определен.

Разноязыкая, разноземная Россия в Петербурге — столице колоссальной империи — опробовала новые связи, связи демократические и революционные. И каждое студенческое землячество — сибирское, украинское, кавказское, польское — ощущало себя одновременно кусочком родного края в столице и частицей вынужденного бурлящего Петербурга, ручьем, вливающимся в общий могучий поток. Все землячества студентов стали принимать в свои ряды не только земляков. Чокан ввел в сибирский кружок известных путешественников А. Ф. Голубева и М. И. Венюкова. Сибиряки посещали польский кружок Сераковского и украинское землячество, поддерживали постоянную связь с казанской студенческой революционной организацией, которую возглавлял сибиряк А. Щапов, наполовину инородец, его мать была буряткой. Ну и, разумеется, в сибирском землячестве выступали те же любимые ораторы, что и в других революционных студенческих кружках. Поэт-петрашевец А. Плещеев прочел сибирякам лекции на темы «Все люди — братья» и «Всем трудящимся на благо», Достоевский читал в кружке отрывок из «Записок из мертвого дома».

Третье отделение, следившее за студенческими кружками, полагало, что никаких сходов или кружков с политической целью между сибиряками не было. Однако впоследствии многие из сибирского землячества вошли в тайную организацию «Земля и воля», одним из руководителей которой стал сибиряк Григорий Захарович Елисеев. К революционному народничеству примыкал сибиряк Николай Анненский, его труды Ленин считал наиболее достоверными в русской статистике. Семен Капу-

стин стал видным деятелем по крестьянскому вопросу. Иван Худяков, сотоварищ Потанина по коммуне, впоследствии сблизился с Каракозовым, пытался организовать побег Чернышевского из ссылки.

Вышли из сибиряков и ученые, и писатели, и общественные деятели, посвятившие всю жизнь Сибири. Роман «Сила соломой ломит» Николая Наумова, члена «Земли и воли», пользовался большим успехом у революционно настроенной молодежи, народники пропагандировали эту книгу среди крестьян. Иннокентий Пирожков устроил у себя на родине школу для бурятских детей. Николай Михайлович Ядринцев — крупнейшая фигура в истории русской науки и общественной мысли, на него ссылается Чехов в своих очерках о Сахалине, фамилия Ядринцева встречается в любой работе о жизни декабристов в Сибири, ему принадлежит честь открытия «орхон-енисейского письма» на каменных стелах в Северной Монголии на реке Орхон, им обнаружены развалины Каракорума. Он писал про сибирскую ссылку, про угнетение малых народов Сибири, про сибиряков-шестидесятников. О смерти Чокана он узнал в тюрьме и оттуда сумел переслать некролог в газету «Сибирский вестник».

С царской тюрьмой довелось познакомиться многим из сибирского землячества. Поэт И. В. Оммулевский-Федоров попал в Петропавловскую крепость за «недозволенные отзывы» о правительстве. За «призыв к мятежу» был арестован в Сибири С. С. Шашков. Потанин первый раз в 1862 году отсидел два месяца, а во второй — провел в тюрьме, на каторге и в ссылке девять лет — с 1865 года по 1874-й.

Бывая на собраниях кружка или принимая сибиряков у себя, Чокан участвовал в обсуждении экономического положения Сибири. Он лучше многих сибиряков изучил этот вопрос и в своих работах, написанных еще до приезда в Петербург, следовал экономическим взглядам Чернышевского. Благоговейное отношение Потанина и других сибиряков к крестьянской общине и вера Чернышевского в то, что русская крестьянская община должна быть сохранена как средство перехода от современной общественной формы к новой ступени развития, находили отклик в душе Чокана. И в казахской патриархальной родовой общине ему виделись уцелевшие демократические основы. Однако то, что станет называться

«сибирским сепаратизмом», он принять не мог. Чокан, говоря нынешними словами, разбирался в международном положении лучше своих товарищей по кружку. Он понимал, что народы Средней Азии, войдя в число подданных России, получают надежды на мирное развитие, а в противном случае им грозит все то, что Чокан видел своими глазами в Кашгаре. Мирный труд, мирная торговля — вот чем двинется вперед просвещение всех народов с помощью русского — читай, светского — образования. Сын Степи, Чокан предчувствовал, предугадывал будущее народов России. Этим объясняется его отрицательное отношение, например, к Шамилю как к деятелю вчерашнего дня, не оценившему «истинного знания», которое Россия может дать кавказцам. Говоря в своей статье «О мусульманстве в Степи» про «истинное знание», Валиханов имел в виду прогрессивные идеи. Его оценка Шамиля не совпадает с отношением к имаму Дагестана в русском обществе. Шамиль, приехавший в Петербург незадолго до Валиханова, осенью 1859 года, пользовался шумным успехом как фигура романтическая, можно даже сказать — вошел в моду.

В кружок сибирских патриотов Чокан вынес на обсуждение вопрос о положении казахского народа — самого первого по многочисленности инородческого племени России и самого, по убеждению Чокана, первого по надеждам на развитие в будущем. Его сообщение ушло в «Колокол» и было опубликовано уже после отъезда Чокана из Петербурга. При внимательном чтении отрывка из письма к издателю «Колокола» (№ 131 за 1862 год) и «Очерков Джунгарии» обнаруживаются примечательные совпадения. В «Колоколе» названы бывший помощник начальника Большой орды Тургенев и переводчик Бардашев, которые отсидели целую зиму на Каратале, где утаили убийство. Это и есть «помощник» и «Банушка» из «Очерков Джунгарии», где рассказывалось, что они пытались обвинить казахов в убийстве трех казаков. Судя по обнаруженному в архиве документу¹, на Каратале один из чиновников убил ни в чем не повинного человека. Чтобы замазать убийство, затеяли встречное дело о пропавших трех казаках. Обычный прием степной администрации. Русский читатель «Колокола» имел возможность

¹ «Доклады и рапорты начальников казачьих отрядов о происшествиях в Алатавском округе». ЦГА Каз. ССР, ф. 3, оп. 1, д. 395.

разобраться в том, что произошло на Каратале, потому что издатель «Колокола» сослался на статью г. Валиханова, помещенную в «Записках» Географического общества.

Валиханов вынес в вольную печать важнейшие для Степи вопросы, назвал во всеуслышание причины разорения казахских аулов. Одной из причин он считал злоупотребления чиновничества при переписи скота, когда степняку заранее вписывают огромное количество голов и принуждают откупаться, чтобы снизить сумму ясак¹. «Из этого составляют себе состояние не только члены приказов, но и первоприсутствующие лица областных правлений, особенно омского...»

«Можно было бы сказать, что за счет киргизов живет все сибирское войско». Здесь с Валихановым был полностью согласен и казак Потанин, переправивший эту заметку в «Колокол». Однако в письме к издателю особо отмечено, что на Кавказе и в Забайкалье, где казачье войско сформировано из крестьян, порядки совершенно иные.

Появление в «Колоколе» материалов о Степи, которые мог сообщить лишь Валиханов, не только свидетельство связей сибирского кружка и самого Чокана тайными путями с Лондоном или с друзьями Герцена в Европе. По тем временам, когда за «Колоколом» следила и вся демократическая, и либеральная общественность, и вся правительствующая Россия — вплоть до «первоприсутствующих лиц» омского областного правления, упомянутых в письме к издателю, — Валиханов, выступив в «Колоколе», по сути, открыто, во всеуслышание заявил о своей позиции.

В Петербурге он имел возможность приобщиться к литературным страстям предреформенного времени. По рекомендации Ковалевского его избрали членом Общества помощи нуждающимся литераторам и ученым, и, следовательно, Валиханов принимал участие в вечерах, которые устраивал Литературный фонд и на которых выступали известнейшие писатели. Потанин сообщает в своих воспоминаниях, что Чокан, кажется, был представлен Тургеневу — они могли встретиться и у Бскетова, близкого друга Тургенева.

¹ Приписки тех лет ставят под сомнение официальные данные о тогдашнем состоянии животноводства во всех трех жузах.

Но всех ближе Чокану в Петербурге — Достоевский. И для него молодой киргиз — частица той Сибири, что осталась в памяти как время счастливое, давшее все те идеи, которые Достоевский, по его уверению, впоследствии только развивал.

Под влиянием мифа о реакционности Достоевского биографы Валиханова взяли за правило трактовать их дружбу с оговорками. И кому-то казалось непреложной истиной, что, поскольку мировоззрение Дурова было лучше, революционней, чем мировоззрение Достоевского, то, следовательно, Дуров повлиял на формирование прогрессивных взглядов Чокана Валиханова гораздо сильнее. Но все это от лукавого.

Чокан по приезде в Петербург узнал о неуспехе «Села Степанчикова», читанного ему Достоевским в Семипалатинске. Некрасов не принял «Степанчиково» в «Современник», и тут, на взгляд Чокана, могли сыграть свою роль верноподданнические стихи, пересланные когда-то в Петербург при его участии. Неужели в «Современнике» не способны понять, каковы были обстоятельства? Литературный хабар вскоре вынес в толпу фразу, будто бы сказанную Некрасовым: «Достоевский вышел весь». Это сейчас литературоведы могут ставить под сомнение, сказал ли Некрасов на самом деле такие беспощадные слова. Сейчас исследователи могут объективно разобраться — да и то объективно ли? — в странных, по определению самого Достоевского, отношениях между ним и Некрасовым, а также в прочих литературных битвах того времени, в страстях и пристрастиях 60-х годов, когда — а это уж извечная русская черта — с наибольшей яростью схватывались не исторические противники, а те, кто для нас, потомков, стоит рядом — и в нашем чувствовании себя наследниками прошлого, и вполне реально, зримо, на книжных полках.

Достоевский вместе с братом, с Михаилом Михайловичем, решил издавать свой журнал. У Некрасова — «Современник», у Достоевских — «Время». Чокану понятен вызов. В собственном журнале, начавшем выходить в 1861 году, Достоевский печатает роман «Униженные и оскорбленные», а затем «Записки из мертвого дома», главы которых первоначально появились в еженедельной газете «Русский мир».

Бывая у Достоевских, Чокан познакомился с программой журнала «Время», с идеей примирения западников и славянофилов. Достоевский верил в возможность для

России иного пути, чем изведанный русской мыслью западный путь развития. Для той поры идея вполне конкретная, земная. Семенов сражался в редакционной комиссии за то, чтобы Россия не встала на западный путь капиталистического развития, ведущий к обращению всех земель в частную собственность, а шла своим путем неотчуждаемого земледелия. Идея иного пути для России владела и Чернышевским, верившим свято в крестьянскую общину.

В литературе Достоевский готовился начать борьбу за независимость от авторитетов, сразиться со всеми — и с «Русским вестником», и с «Современником», и с презрительными «Отечественными записками». По Достоевскому, все идеи, все мнения должны иметь право на существование. Лишь бы они не сделались орудием в руках золотой посредственности, претендующей на первенство. Главный враг Достоевского — высокомерная ординарность, паразитирующая на литературных противоречиях и недоразумениях. В сущности, он первый в русской литературе объявил войну посредственности, и ему первому она отомстила, его преследовала всю жизнь упорно, изобретательно и притом нередко с самых передовых позиций.

Достоевский вернулся в литературу «Записками из мертвого дома». Вот оно, писательское предвидение! Сидя в богом забытом Семипалатинске, отказаться от всякой мысли о романе про каторгу и дать читателю записки, дать наивысшую правду, дать книгу, которая, по определению Герцена, всегда будет красоваться над выходом из мрачного царствования Николая, как надпись над входом в ад.

Все трещины в русской жизни проходили через сердце Достоевского. Он первый почувствовал и сказал, что мир колется не аккуратненько пополам, а в разных направлениях — и колется неровно, с зазубринами. Он болел душой за судьбу молодого поколения, заставившего общество прислушиваться к нему, внушившего одним великие надежды, а другим жутчайший страх. Кружок студентов-сибиряков благодаря Чокану больше раскрылся Достоевскому, чем другие тогдашние землячества. В программе сибиряков для Достоевского сразу стало абсолютно неприемлемым утверждение, что преступники, которых заковывают в кандалы и гонят под конвоем через всю Россию на восток, за Урал, в Азию, — это отбросы общества. Нет, никоим образом не отбросы, не мразь. Поверим народу, который зовет острожника несчастненьким.

Поверим девочке, которая, сама нуждаясь, подала арестантику полкопеечки. У вас в Сибири за стенами острогов гибнут даром могучие силы, гибнут ненормально, незаконно, безвозвратно! Достоевский читал в сибирском кружке именно эти страницы «Записок из мертвого дома»: «...ведь этот народ необыкновенный был народ. Ведь это, может быть, и есть самый даровитый, самый сильный из всего народа нашего. Но погибли даром могучие силы, погибли ненормально, незаконно, безвозвратно. А кто виноват?

То-то, кто виноват?»

Этот — второй главный — вопрос отзывался в сердце Чокана глубоким чувством вины перед своим народом, перед Степью, где тоже гибнут даром могучие силы, где в «сверленные горы» попадают самые смелые, самые даровитые...

Бывая у Достоевского — а они уже на «ты» по праву старых друзей, — Чокан сблизился с кружком журнала «Время». Трудно сказать, как отнесся Михаил Михайлович, ревниво оберегающий своего гениального брата, к молодому казаку, к его нежной дружбе с Федором Михайловичем. Зато с Майковым, с Полонским, с Аполлоном Григорьевым, с Крестовским Чокан сошелся близко. Он это умел — правнук Аблая с манерами денди, с ленивыми движениями сибарита, остроумный, неизменно оставляющий самое лучшее впечатление у свежего человека. Достоевскому представилась возможность понаблюдать за тем, как действует валихановское обаяние в гостиной Майкова, на «пятницах» Полонского. Как молодой султан, затянутый в мундир, гуляет по Невскому — непременно с портфелем в руке. Как произносит любимое присловье: «Тысяча китайских церемоний!» Как роняет словно бы в шутку: «Перед вечностью все это ничтожно», но не шутит, нет, — напротив, говорит о самом сокровенном, о смысле бытия.

За тесную дружбу с Всеволодом Крестовским на Чокана ворчат в своих воспоминаниях и Потанин и Ядринцев. Но в ту пору Крестовскому было всего лишь двадцать лет. Достоевский считал его талантливым поэтом. Никаких антиингилистических романов Крестовский тогда еще не сочинил. Они написаны позже. А тогда в духе времени он писал стихи о тяжкой крестьянской доле. Впрочем, Крестовский баловался еще и фривольными стишками, за что его печатно отчитал Добролюбов. Вот тогда-то Чокан и объявил друзьям-сибирякам, что сюжет

стишка, обруганного Добролюбовым, дан им и сочинен стихок у него на квартире. Чокан с его острым языком и с его запасом кашгарских анекдотов действительно давал начинающему стихотворцу сюжеты и сюжетцы. Но с Крестовским его связывало не только это. Чокан, как истинный путешественник, интересовался в Петербурге не одним лишь парадным Невским, но и всеми слоями городской жизни. Вот тут-то ему и пригодился Всеволод Крестовский, будущий автор романа «Петербургские трущобы». Крестовский и Федору Михайловичу Достоевскому показывал в 60-е годы знаменитые значные места: «Малинник» на Сенной площади с лабазом, питейным и прочими увеселительными заведениями; «Вяземскую лавру», где были бани, рынок подержанных вещей, лабиринт лачуг, опасный для посещения и среди бела дня, Таиров переулочок со множеством притонов и т. д. и т. п. Впечатления Достоевского от прогулок с Крестовским по трущобному Петербургу впоследствии возникли на страницах романа «Преступление и наказание» — там, где описывается прогулка Раскольникова. Возможно, что именно этим путем однажды вместе с Достоевским и Крестовским прошел Чокан Валиханов. И что сидели они в том самом трактире, куда Версиров привел Подростка...¹

С Аполлоном Николаевичем Майковым Чокан сблизился на почве общего увлечения преданиями глубокой старины. Он бывал у Майкова дома, привязался к его детям. Как заинтересовался Майков, когда узнал от Чокана, что легенда о хане Отроке, имеющаяся в «Волынской летописи», известна и казахам. Много лет спустя эта легенда вдохновила Майкова на стихотворение «Емшан».

Прожив год в Петербурге, Валиханов, будучи больше европейцем, чем его друзья-сибиряки, в то же время ощущал себя посланцем азиатского кочевого племени. И, значит, он особенно остро воспринимал, как поворачивалось с участием Достоевского во второй половине XIX века русское понимание Азии к XX веку, к «Скифам» Бло-

¹ В подготовительных материалах к «Подростку» есть такая запись о Версирове: «...все рассказывает, как загалывался (страшное простодушие, Валиханов, обаяние)...» На этом основании исследователи Достоевского пишут о «позднем Валиханове» с «темными страстями». Но не вспомнилась ли другу Чокана склонность его приписывать себе гнусные поступки, которых и не было в помине? Скорее всего было именно так.

ка, к борьбе Николая Рериха за преодоление европоцентризма в науке о человеке и обществе¹.

С Курочкиными — Василием и Николаем — Чокана могли познакомить и Достоевский, и Елисеев, и Ядринцев, входящий в «Искру». Но имелась у Чокана и своя, из Степи, ниточка к Курочкиным. Ведь при первой же встрече с Николаем Степановичем он мог поведать об омском житье Сергея Федоровича Дурова, а с Дуровым Николай Степанович был в свои молодые годы близко знаком.

Чокан с его мнимым легкомыслием как нельзя лучше пришелся веселым Курочкиным. Тогда многие принимали их за беспечных кутил и пустых зубоскалов. Бывая на редакционных утрах «Искры», Чокан участвовал в сочинении острых шуток и карикатур. Наверное, он слышал там и дельные разговоры, о которых со значением написали в своих воспоминаниях и Ядринцев и Щапов. О каком деле уговаривались? На этот вопрос отвечает участие обоих Курочкиных в создании тайной «Земли и воли».

Дружа с Николаем Курочкиным и бывая в редакции «Искры», Чокан познакомился с самым широким кругом прогрессивных литераторов и журналистов. Очевидно, он встречался и с поэтом М. Л. Михайловым. Впрочем, с Михайловым его мог познакомить и Полонский, хранивший у себя кое-что из опасных бумаг старого друга. А Михайлову, уроженцу Оренбурга, Чокан, конечно, был интересен. Михайлов тогда собирался писать о казахской степи. Его дедом по матери был генерал-лейтенант Ураков, а род Ураковых, очевидно, пошел от легендарного батыра Урака — героя казахского эпоса, весьма интересовавшего Чокана.

Курочкины должны были познакомить Чокана и с Тарасом Шевченко. Николай Степанович переводил на русский язык стихи из «Кобзаря», а Шевченко перевел на украинский стихи Василия Степановича. Валихановеды не отыскали пока никаких определенных свидетельств, что в Петербурге Чокан встречался с Тарасом Шевченко. Но об интересе Валиханова к Шевченко свидетельствует такая деталь. В «Очерках Джунгарии», говоря о дикокаменных киргизах, он употребил вместо сло-

¹ «Необходимо учесть теоретическую мысль Востока во всех областях науки о человеке. — писал Н. К. Рерих, — памятуя, что именно эти области разработаны на Востоке в масштабах и подробностях исключительных».

ва «певец» слово «кобзарь», которым прежде никогда не пользовался.

Разминуться в Петербурге они вряд ли могли при таком-то количестве общих друзей! Начать хотя бы с Небольсина — этнографа, исследователя быта казахов. Шевченко был тоже с ним знаком. Ковалевский выкупил из неволи родных Шевченко. Путешественник Северцов — близкий друг Шевченко. Они оба бывали в доме президента Академии художеств Федора Толстого. И наконец, Маки, младший брат Чокана, — вольнослушатель Академии художеств. Неужели Тарас Шевченко с его любовью к детишкам, с его благодарной памятью о степняках — казахи на его картинах изображены с такой симпатией? И особенно детишки! — не обратил внимания на столь необычного вольнослушателя?!

Но даже если бы у Тараса Шевченко и Чокана Валиханова — допустим невозможное для тогдашнего Петербурга — не нашлось общих друзей, их должна была свести сама общественная атмосфера 60-х годов, когда в русло общерусского демократического движения влились национально-освободительные, украинское и польское, когда стихи Тараса Шевченко обрели общерусское революционное звучание, когда русское студенчество и русская вольная печать поддержали освободительное движение в Польше, а «Колокол» и «Искра» выступали в защиту угнетенных инородцев.

Шевченко и Валиханов должны были встретиться. Нет документов, засвидетельствовавших эту встречу, но все же она состоялась...

И Чокан Валиханов непременно должен был прийти вместе со всеми проводить Шевченко в последний путь.

Вскоре после того скорбного дня Чокан узнал от Петра Петровича Семенова, что манифест об освобождении крестьян наконец-то подписан. Чокан, как и все, с нетерпением ждал манифеста. Ждал разрешения всех надежд, ждал поворота в собственной судьбе, хотя он не русский барин и не русский мужик.

5 марта объявили манифест. В ответ сразу по всей России запылали крестьянские бунты. Началось с села Бездна Казанской губернии. Крестьянин Антон Петров после чтения манифеста объявил мужикам, что им привезли поддельный манифест, а есть настоящий — там сказано, что всю землю надо раздать крестьянам. Возбужденное село потребовало, чтобы привезли доподлинную бумагу. Прибыла военная команда во главе с гене-

рал-майором графом Апраксиным. Перестреляв, как доносил Апраксин, полсотни бунтовщиков, Антона Петрова арестовали. Казанские студенты собрались в церкви и отслужили панихиду по убиенным. Щапов произнес на панихиде зажигательную речь. Казанские власти, несмотря на протест студенчества, расстреляли Антона Петрова, Щапов был арестован.

Все подробности из Казани становились быстро известными в кружке Потанина. Читали речь Щапова: «Мир праху вашему, и вечная историческая память вашему самоотверженному подвигу! Да здравствует демократическая конституция».

Историки потом напишут, что панихида по жертвам Бездны — это антиправительственная политическая демонстрация, первый за всю историю России публичный политический акт сочувствия и поддержки крестьянского движения со стороны демократической интеллигенции.

Весной 1861 года Чокан засобирался домой в Степь. Официальной причиной считалась необходимость поправить чистым воздухом и кумысом расстроенное петербургским климатом здоровье. Но, пожалуй, не только чухотка заставила Чокана отправиться на родину вскоре после объявления манифеста. Многие его друзья устремились в ту весну дело делать — работать мировыми посредниками, открывать школы для крестьянских детей, вести революционную пропаганду. Будь Чокан в очень тяжелом состоянии, он не поехал бы (и доктора бы не пустили) в такую даль, в тысячеверстный путь по российских ухабам. Он бы отплыл с Кронштадтского рейда парохомом и покатил бы дальше по европейским дорогам, с европейским комфортом куда-нибудь на лечение.

Перед отъездом он делал прощальные визиты. Петра Петровича Семенова он увидел счастливым, строящим грандиозные планы. Главное дело сделано, оковы рабства пали. Петр Петрович чувствовал себя вправе вернуться к научной деятельности. Надо лучше изучить Сибирь, проникнуть на Черный Иртыш. А Центральная Россия? Разве она полностью изучена? Русские должны открыть себя Россию!

Яков Петрович Полонский рассказывал литературные новости. Аполлон Григорьев собирается в Оренбург. Молодой граф Толстой намерен стать мировым посредником,

занимается в школе с крестьянскими детьми. Вот она, истинная любовь к народу, и понимание его нужд!

У Милютиных смущение. Лопнула государственная карьера «красного» Николая Алексеевича, на пасху ему предложили уйти в отставку. Зато Дмитрий Алексеевич продолжает осуществлять в русской армии свою военную реформу. Россия может и должна идти к прогрессу мирным путем реформ. А что, если действительно мирным путем?

Когда пытаешься понять, о чем могли говорить на прощание Достоевский и Валиханов, то делается жаль, что так мало осталось написанного рукой Марии Дмитриевны, первой жены Достоевского, ведь она в своем роде человек незаурядный и особо чувствительный. «...Души самой возвышенной и восторженной», — сказал о ней Достоевский уже в 70-е годы одной девушке, служившей корректором в типографии. Для Марии Дмитриевны, полюбившей Чокана по рассказам Федора Михайловича и принявшей его со всей сердечностью, когда он явился к ней в дом в Семипалатинске с едва отросшими на бритой голове, как после тифа, волосами и вообще весь как из больницы или — хуже — с каторги, этот сибирский друг ее мужа был ближе, чем другие, столичные. И Мария Дмитриевна со свойственной ей восторженностью опекала Чокана, когда он явился в холодный Петербург. К тому же они оба больны чахоткой — это сближает, как всякое несчастье. Возможно, когда Мария Дмитриевна узнала, что Чокан отправляется на родину, у нее возникло чувство, что с отъездом Чокана обрывается одна из связующих нитей с той порой, когда несчастная любовь спасала Достоевского и спасала ее самое. И не с кем теперь будет вспоминать Семипалатинск, общих знакомых, мелочи тамошней жизни, вспоминать, и торжествовать, и прощать обидчиков...

Перед отъездом он побывал и у Николая Павловича Игнатьева, заручился письмом к новому генерал-губернатору Западной Сибири Александру Осиповичу Дюгамелю. Игнатьев писал, что штабс-ротмистр султан Валиханов командирован в Область сибирских киргизов «...собственно для того, чтобы предоставить ему возможность лечения кумысом, поправить на родине его расстроенное здоровье. Вследствие сего, рекомендуя вашему превосходительству сего молодого офицера, в котором я принимаю живое участие по его способностям и пользе, какую от его сведений можно ожидать для службы, я

убедительно прошу вас, в личное мое одолжение, оказать ему ваше благосклонное внимание и в случае надобности покровительство ваше».

С такой бумагой не лечиться едут, а что-то делать.

В училище для глухонемых на Гороховой Чокан попросил позвать Маки. Младший брат вышел, сердито супясь. Чокан не очень-то его баловал и часто пилил за лень. Особенно крепко Маки влетело, когда он уволок к себе в училище ценные книги, взятые братом в библиотеке. И сколько Маки ни кланчил, Чокан так и не купил ему поясок с серебряным набором. Мода на такие пояса пошла у русских от Шамиля, а Чокан к Шамилю симпатии не испытывал.

Он вышел из ворот, Маки остался за оградой. Не ревел — Маки уже исполнилось 16 лет. Но такая тоска была в глазах младшего брата, что хоть возвращайся и начинай просить, чтобы Маки отпустили повидаться с родителями.

Чокан отвернулся и подозвал извозчика. Маки не нужно отсюда уезжать. Через несколько лет закончит училище, получит специальность рисовальщика и вернется в Степь полезным человеком.

В один из дней конца мая сибиряки приехали на вокзал проводить Чокана. Проводили с напутственными речами.

С отъездом Чокана совпадал у многих сибиряков перелом в их собственной судьбе, и казалось, он увозит с собой самый яркий и счастливый год их общей молодости. Впрочем, уезжающий твердил, что осенью вернется в Петербург и тогда... Тогда-то поглядим, что делать!

В Москве у Чокана появился попутчик до самого Сырымбета — больной чахоткой молодой человек из Москвы.

Имя его установить не удалось.

Из Москвы Чокан и его подопечный выехали по знаменитой Владимирке. Путь лежал через бунтующую Россию. На почтовых станциях рассказывали, что мужики отказываются выходить на полевые работы, бегут со строительства Московско-Нижегородской железной дороги. То и дело встречались на шоссе военные команды.

Казань произвела впечатление осажденного города. Словно ждали подхода нового Пугачева во главе несметного многоплеменного войска. Здесь вновь объявился при Чокане соглядатай Мухаммедзян Сейфулмулюков, от которого он смог зимой отделаться в Петербурге. Штабс-ротмистр Валиханов тщетно пытался убедить казанское

Ч. Валиханов и Ф. М. Достоевский. 1859 г.
Семипалатинск.

Каменная мечеть. Перо, 1856 г.

Ночевка русского отряда на р. Мерке.
Карандаш, перо, 1856 г.

Портрет Е. П. Ковалевского. Перо, 1860 г.

Кочевка иссык-кульских киргизов. Перо, 1856 г.

Прически и головные
уборы уйгурских женщин
Восточного Туркестана.
Перо, тушь, 1858 г.

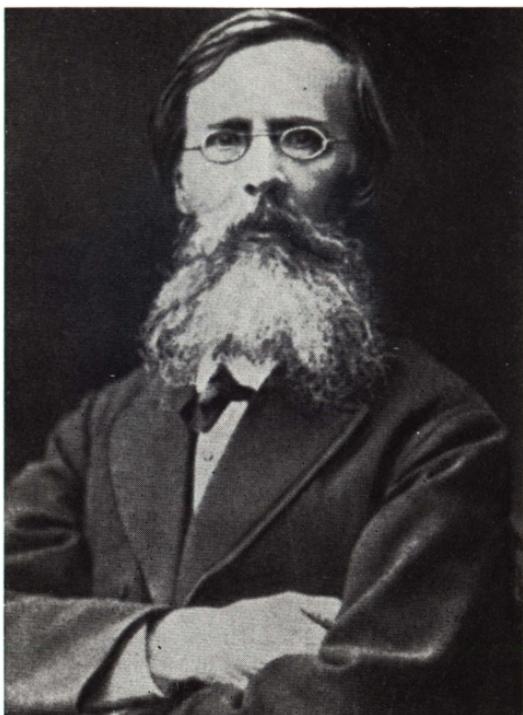

Кашгарка. Карандаш, 1859 г.

Чокан Валиханов.

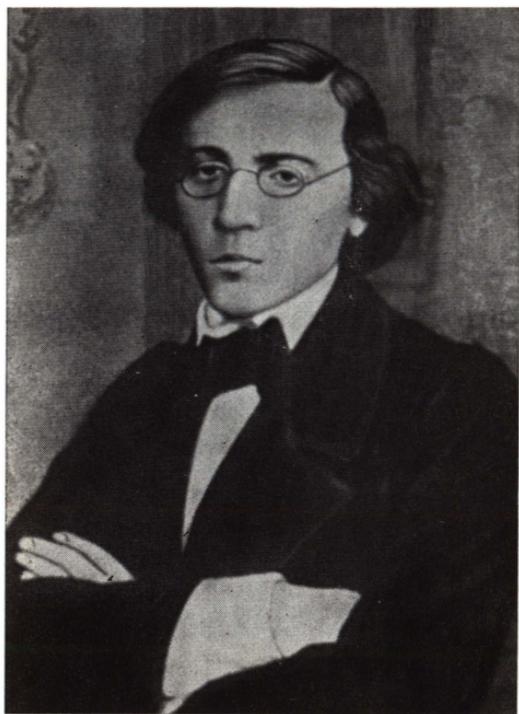
А. Н. Майков.

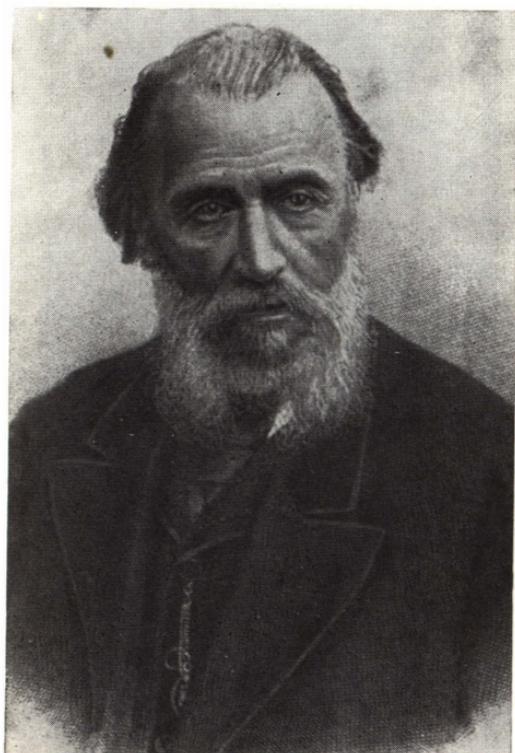
В. В. Крестовский.

Н. Г. Чернышевский.

Я. П. Полонский.

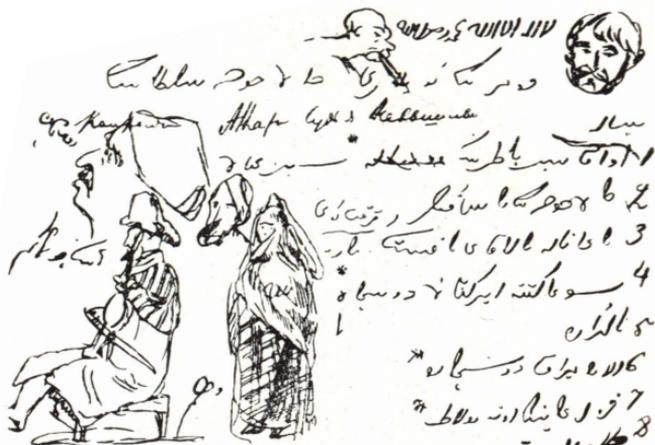

Н. М. Ядринцев.

Г. Н. Потанин.

Казахские музыканты.
Баксы — певец
с кобызом.

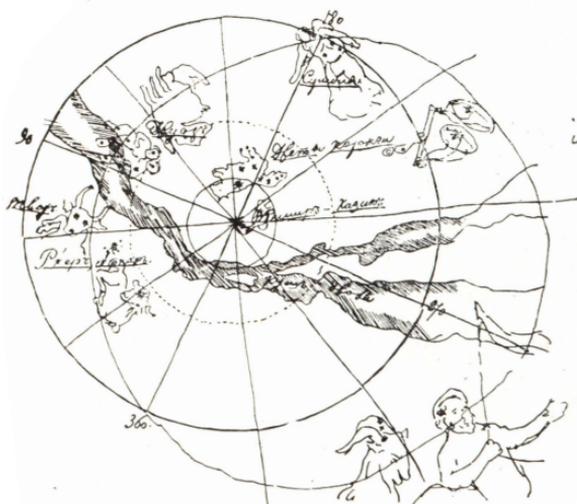

Айрықтардың аты

1. Ақсақал
2. Қарақал
3. Қызылқал
4. Қызылқал
5. Қызылқал
6. Қызылқал
7. Қызылқал
8. Қызылқал
9. Қызылқал
10. Қызылқал
11. Қызылқал
12. Қызылқал
13. Қызылқал
14. Қызылқал

Қызылқал

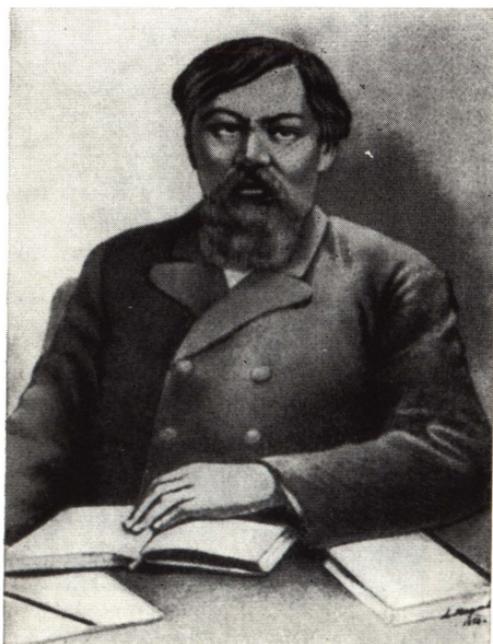

- 1. Мәңгілік ел
- 2. Мәңгілік ел
- 3. Мәңгілік ел
- 4. Мәңгілік ел
- 5. Мәңгілік ел
- 6. Мәңгілік ел
- 7. Мәңгілік ел
- 8. Мәңгілік ел
- 9. Мәңгілік ел
- 10. Мәңгілік ел
- 11. Мәңгілік ел
- 12. Мәңгілік ел
- 13. Мәңгілік ел
- 14. Мәңгілік ел

Контур звездного неба
по астрономическим
представлениям
казахов и казахские
календарные годы.
Перо, 1862 г.

Абай (Ибрагим)
Кунанбаев.

Ибрагим Алтынсарин.
С портрета
худ. А. М. Мартовой.

Алиханов, Чокан

Дорогой Михаил Николаевич

Спасибо тебе за письмо. Ты
всегда знаешь, как мне тяжело
и одиноко. Недавно я узнал, что
ты уезжаешь из России и я
очень жалею об этом. Ты
знаешь, как мне тяжело и
одиноко. Недавно я узнал,
что ты уезжаешь из России
и я очень жалею об этом.
Ты знаешь, как мне тяжело
и одиноко. Недавно я узнал,
что ты уезжаешь из России
и я очень жалею об этом.
Ты знаешь, как мне тяжело
и одиноко. Недавно я узнал,
что ты уезжаешь из России
и я очень жалею об этом.

Портрет Тезека. Карандаш,
1865 г.

Титульный лист
английского
издания
«Русские в Центральной
Азии». Лондон, 1865, ▶
составленного
из произведений
русских авторов,
куда включены
и произведения
Ч. Валиханова.

Дом под сенью туранги.
Акварель, 1865 г.

THE RUSSIANS IN CENTRAL ASIA:

THEIR OCCUPATION OF
THE KIRGHIZ STEPPE
AND
THE LINE OF THE SYR-DARIA

THEIR POLITICAL RELATIONS WITH
KHIVA, BOKHARA, AND KOKAN:

ALSO DESCRIPTIONS OF
CHINESE TURKESTAN AND DZUNGARIA.

BY CAPT. VALIKHANOË, M. VENIUKOF,
AND OTHER RUSSIAN TRAVELLERS.

Translated from the Russian

BY JOHN AND ROBERT MICHELL.

LONDON
EDWARD STANFORD, 6 CHARING CROSS.

1865.

ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
ПО ОТДѢЛЕНІЮ ЭТНОГРАФІИ.
ТОМЪ XXIX.

СОЧИНЕНІЯ
ЧОКАНА ЧИНГИСОВИЧА ВАЛИХАНОВА.

ИЗДАНЫ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

д. ч. Н. И. Веселовекаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ. Моховая, 40.
1904.

Титульный лист первого издания сочинений
Ч. Валиханова.

Памятник Чокану Валиханову в Кокчетаве.

начальство, что не нуждается в Мухаммедзяне Сейфулмулюкове. Начальство дало понять, что Казань не Петербург и Валиханов для Казани не знаменитый путешественник, не гордость русской науки, он всего лишь иностранец.

Из Петропавловска он писал 18 июня Федору Михайловичу Достоевскому:

«Я теперь расстроен нравственно и телесно и много писать не могу, а расстроен оттого, что взял себе в Казани попутчика, и этот господин надоел мне смертельно, а отвязаться от него никак не могу: куда я — и он туда же. Одно его присутствие меня терзает и приводит в бешенство... Вот, любезный друг, сам себе сотворил муку, и поделом — не бери впредь попутчиков с собой...»

В этом письме все в духе тогдашней российской переписки: на вид безобидно и передано с предельной точностью. Господин, который смертельно надоел, куда я — и он туда же, а отвязаться нельзя. Такого «попутчика» с собой не берут, такого да ют...

В Петербурге и Достоевский, и Майков с Полонским поняли, в каком положении оказался Чокан по возвращении в Орду.

СТЕПЬ

Наконец-то он увидел летнюю степь, синий блеск озер, прозрачные березовые рощи. У одинокой юрты он вышел из тарантаса. Женщина в белом кимешке с жалостью глянула на исхудалого путника, подала ему чашку с кумысом. О том он и мечтал всю долгую дорогу. Чтобы первую чашку спасительного кумыса ему поднесла простая степнячка от чистой доброты своей и святого милосердия.

— Спасибо. — Он окунул сухие, потрескавшиеся губы в белый густой кумыс. Выпил чашку до дна, оглянулся и наново увидел все: небо, землю, траву, степную речушку, черную от копоти юрту, разыгравшихся жеребят.

Если отломить ветвь дерева — ветвь никогда больше не прирастет на прежнее место и не придут к ней соки от ушедших глубоко в землю корней. А человек может долго пробыть вдалеке от родины, но однажды он возвратится, и живая жизнь родины примет его, даст ему соки, и он услышит в себе новые силы.

К Кокчетаву вела знакомая дорога, первый объект его детских упражнений в топографической съемке, — теперь езжалая, укатанная, и прибавилось по сторонам полосок, засеянных просом и пшеницей.

В Кокчетаве Чокана почтительно приветствовал его однокашник по кадетскому корпусу, письмоводитель окружного приказа Ишмурат Ибрагимов.

— Ага-султан извещен о вашем прибытии, он передвинул аул на лучшее пастбище и ждет вас там. Проводить вас до аула ага-султана имею честь я... — Ибрагимов подчеркивал свое двойное подчинение: во-первых, Чокан обскакал его в производстве и уже штабс-ротмистр, а во-вторых, он сын непосредственного начальника. Но при этом бывший однокашник сразу дал понять, что служит не Валихановым, а царю и отечеству и что сейчас он письмоводитель, а там посмотрим, кто кого обгонит. В Ибрагимове уже тогда проглядывал будущий адъютант туркестанского губернатора Кауфмана и будущий русский консул в Саудовской Аравии.

Отец ждал Чокана, но Чокан, к удивлению Ибрагимо-

ва, не торопился. Ездил с визитами по Кокчетаву, рассказывал о Петербурге. Не так должен вести себя сып-казах по отношению к отцу. Меж тем все больше наезжало в Кокчетав посланных от Чингиса, от Зейнеп, от Жакупа. Наконец прискакал Мукал — веселый джигит, постоянный помощник Чокана в сборе степных песен и сказок. Чокан распорядился выезжать.

Из Кокчетав двинулись на трех тарантасах в сопровождении доброй сотни джигитов. На всем пути Чокана приветствовали праздничные толпы. Степной хабар созвал под Кокчетав казахов из самых дальних кочевков. Чокан то и дело просил остановить тарантас, выходил побеседовать со встречающими. Хлынул ливень, Чокан промок до нитки, у него начался озноб, но он опять просил остановиться, ласково говорил с молодым расфранченным жолоучи, с джатачкой, прискакавшей на тощем быке.

— Все хотят видеть счастливого, побывавшего у белого царя! — повторял Ишмурат Ибрагимов.

Да, это было так. Степь встречала любимца русского царя, а не первого своего ученого. Но чего спрашивать с кочевника, если грамотный русский крестьянин в Бездние верил, что царь заботится о своем народе и что есть правильный манифест о земле и воле.

Да, Степь невежественна и слепа, народу выдают ложь за истину и вред за пользу, он пассивен и не всегда понимает, что ему нужно. И все-таки!.. Казахам, как и любому другому народу, присуще стремление к лучшей жизни. Об этой лучшей жизни поется в песнях и сказывается в сказках.

Он велел остановить тарантас возле полоски пашни. Что и говорить, тощи казахские нивы. Но дайте казаху время поучиться, дайте ему земледельческие орудия, и он сможет сам прокормить себя хлебом. Однако ни при каком старании казах не сможет выращивать в условиях степного климата виноград и персики, которые великолепно растут не только в Италии, но и у дикокаменных киргизов. У каждого народа свои условия развития. В сельском хозяйстве при культивировании растений учитывают все нужды самого растения — какая ему нужна почва, сколько тепла и сколько влаги. Так и в науках общественных надо исходить из условий жизни народа.

Солнце садилось, Чокан почувствовал, что у него начинается жар. Ишмурат Ибрагимов уверял, что до аула Валихановых рукой подать, ага-султан ждет... Но Чокан распорядился започевать в казачьей станице. Он надеял-

ся за ночь согнать жар. Отлежится и встанет утром здоровехонек, появится перед родными честь честью.

Бородатый станичник в мундире и при медалях провёл Чокана в чистую горницу.

— Долгонько изволили гостевать в столице, ваше благородие.

— Водка у тебя есть? — спросил Чокан.

Станичник и глазом не моргнул — принес графинчик и рюмку.

— Спасибо, — сказал Чокан. — Только мне рюмка ни к чему. Обтереться надо... Простудился...

Из окна он видел, что на улице перед домом собираются джатаки. Много их теперь стало в каждой станице. Почти у каждого казака на дворе стоит юрта. Джатак и пашет, и косит, и пасет скот казака, а жена джатака и полы моет, и стирает — прислуга за все.

Вошел Сейфулмулюков, заметил графин, отвернулся.

— Ступай, достань чистое белье, — приказал Чокан. Совсем плохо ему стало, зубы выстукивали дробь. Скорее бы растереться докрасна и в постель. Куда он провалился, чертов денщик?!

Вместо денщика явился встревоженный Мукап.

— Что за солдат с вами приехал? Люди его спросили: «Что наш торе делает?» Он в ответ стал вас ругать. «Я, — говорит, правоверный мусульманин, а торе меня заставляет мазать его с ног до головы проклятой водкой».

— И что же сказали ему люди?

— Плохо про вас сказали. «Пить, значит, недостаточно, а надо еще и себя мазать, вот так торе». Старик один очень рассердился и стал плевать: «Научился всему хорошему, нечего сказать!»

— Да-а... — иронически протянул Чокан. — Мой денщик свою службу знает.

Нечестивое лечение все же оказалось на пользу. Утром он почувствовал себя лучше.

Гладкая дорога за станицей кончилась. Тарантасы двинулись напрямик по степи под крик множества усердных погопщиков. Гонцы летали туда и сюда, оповещая ага-султана, что сын едет, что он уже близко.

За пригорком открылся многолюдный табор. Отдельно стояли две белые десятиканатные юрты. Одна — Чингиса, другая — Жакупа. Чего бы проще — подъехать к юртам, обнять отца и брата. Ведь так давно не видались! Но нет, в ауле султана Валиханова все должно свершиться-

ся строго по обычаю. Тарантасы остановились, не доехав до табора. Чокан отправил Мукана просить у отца приема. Мукан вернулся и объявил, что отец приглашает пожаловать к нему. Но идти одному тоже не полагается. Из аула пришел Жакуп, с ним несколько двоюродных братьев — чтобы сопровождать Чокана. Жакуп заметно робел перед блестящими эполетами штабс-ротмистра и орденом. Когда приблизились к отцовской юрте, Жакуп забежал вперед и поднял перед Чоканом войлочную дверь. Это была оплошка младшего брата. Но почему-то знатоки этикета осудили Чокана:

— Не хочет и двери сам поднимать... Да уж испорчен, испорчен, видно уж по всему...

В юрте так же, как всегда: на богатом ковре сидел Чингис, и поодаль от него расплывшаяся Зейнеп. Чокан понял по ее взгляду, что мать вот-вот разрыдается, но исполнил обычай — подошел сначала к отцу, опустился перед ним на колени. Отец обнял его и коснулся губами лба. И тут раздался вскрик матери:

— Чоканым, сын мой, иди ко мне!

Он поднялся с коленей, сделал шаг и склонился к матери. Она целовала его и омывала слезами.

— Чоканым, радость моя, что с тобой? Ты весь исхудал, косточки видны... — По ее приказу служанки проворно расстелили скатерть, принесли кумыс. — Пей кумыс, сынок... Каждый день пей с утра кумыс — и здоровье твое вернется.

Чокан сел по правую руку от отца и принял поданную ему служанкой фарфоровую чашку. Отец начал задавать вопросы — Чокан отвечал. О здоровье, о дороге, о житье в Петербурге. Все у него в порядке, все в самом лучшем виде. Служит, приехал отдохнуть. Шел церемонный, не настоящий, не деловой разговор — деловой будет потом, один на один, а сейчас они исполнили ритуал встречи.

Отпущенный из отцовской юрты, он увидел, что, словно в сказке, откуда ни возмись появилась в ауле третья десятиканатная юрта, сделанная искуснейшими мастерами, белая, как крыло лебедя. Рядом стояли белые юрты поменьше — для его друзей, а поодаль серые юрты — для его слуг. Словом, возник целый аул — аул старшего сына Чингиса. И туда стекались многочисленные гости. Не замедлил явиться и знаменитый сладкоголосый Орынбай, степной Фаддей Булгарин, блистательно облакающий в форму улен советы и указания русского начальства. С чем же он примчался сегодня?

— Входите, Ореке. Все входите! — позвал Чокан, и тотчас юрта наполнилась гостями.

Орынбай ударил по струнам и запел высоким голосом хвалу Чокану, достойному правнуку великого хана Аблая. Белый царь пригласил Чокана в свой дворец, и дал ему свое целование, и сказал: «Возвращайся в Степь и служи мне верой и правдой, как служили русским царям все твои предки, начиная с великого Аблая. И пусть народ воздаст тебе почести, а ты расскажешь народу, как я люблю моих преданных казахов, как я забочусь об их благополучии...»

«Скажи-ка на милость!.. — удивлялся про себя Чокан. — Какие прекрасные советы мне давал белый царь!»

Меж тем Орынбай уже расписывал радость ага-султана по случаю возвращения любимого сына, а потом принялся воспевать будующие деяния Чокана, которому суждено еще выше вознести славу своего рода. Певец восхвалял во всю глотку благочестие молодого султана, а также красоту и ум его невесты из почтенного рода...

Чокан стал слушать с особым вниманием. Тут было главное, ради чего приехал Орынбай. И если перевести четверостишия Орынбая на язык омского начальства, то это выглядело примерно так. «Мы вам от души советуем, господин Валиханов, спрятать подальше свое столичное свободомыслие. И вообще — поменьше этакого европейского поведения. Мы здесь не любим слишком ученых киргизов. Пейте кумыс, предавайтесь золотой лени — и все будет прекрасно...»

Орынбай закончил на высокой ноте и остро глянул на Чокана.

— Спасибо, Ореке... — задумчиво произнес Чокан, и тотчас проворный Мукан подскочил к нему с дорогим халатом. — Спасибо за ваши добрые советы. — Он взял у Мукана халат и швырнул к ногам Орынбая. Корыстолюбивый певец просиял и проворно закинул халат под себя. — Но не обижайтесь, Ореке, я хочу вам сделать небольшое замечание. Стоило ли портить казахскую песню чужими словами?

— Какими? — Орынбай смутился.

— Чужими. — Чокан забавлялся растерянностью Орынбая и не спешил разъяснить свое замечание. Пускай повертится, чертов лизоблюд, Видок Фиглярин! — Неужели не понятно? — Чокан оглядел собравшихся, и все закричали, что тоже ничего не поняли. — Сейчас объясню. Я помню, что раньше Ореке пел песни на ка-

захском языке, а теперь он стал вместо казахских слов употреблять татарские.

Стоило Чокану перечислить несколько чужеродных слов, как все в юрте подхватили новую игру и принялись разбирать пропетые Орынбаем четверостишия. Вот еще одно татарское слово. Вот еще... А по-казахски надо бы так... Чокан дал аульным лингвистам наговориться властью и только тогда остановил игру.

— Не сердитесь на нас, Ореке. Спойте еще. Только не надо нам сегодня скучных песен. Спойте про златокудрого Козы-Корпеша и прекрасную Баян-слу...

Орынбай преотлично разобрался, какой урок ему хотел преподать Чокан. Что ж... Так он и доложит тем, кто его послал. Орынбай улыбнулся льстиво, выпил чашку кумыса, огладил вислые черные усы и запел чистым высоким голосом о прекрасной Баян-слу. И так он пел — чертов лизоблюд! — что Чокан подарил ему коня.

Назавтра отец позвал Чокана к себе, расспрашивал о Петербурге, о крестьянской реформе, о перемещениях в правительстве и рассказывал о своих заботах. Чингиса тревожило падение престижа султанских родов. Черная кость наглеет, начались разговоры, что султаны должны наравне со всеми простыми казахами нести подводную повинность и квартирную повинность. По «Уставу» Сперанского султанов обязали нести обе эти повинности еще сорок лет назад, но они сумели уклониться, а черная кость все сорок лет ничего не ведала и помалкивала, зато теперь наконец-то разобралась в «законе», заговорила.

С возмущением рассказывал Чокану отец о махинациях с выборами старших султанов. Все чаще попадают в правители люди без роду и племени, зато с тугой мощной. Покупают голоса старшин, покупают присланных на выборы чиновников. А дорвавшись до власти, за год нахапают вдесятеро больше, чем раздали на выборах.

Зашел разговор и о джатаках. Все больше народу уходит из аулов, селится в казачьих станицах. Скоро некому будет пасти овец. Цифра, которую назвал Чингис, поразила Чокана. Оказалось, что из Кокчетавского округа ушли на заработки почти три тысячи человек. Конечно, не все оседают в станицах. Аульная голь уходит на прииски, на соляные промыслы.

Чингис считал, что начальство должно заставить джатаков вернуться в свои аулы. Об этом говорил и приехавший повидаться с любимым племянником дядя Муса. Чокан объяснял им, что теперь, когда в центральных гу-

берниях отменили рабский труд, не стоит надеяться, что в Степи введут крепостное право.

— В России народ повалил из деревень в города, фабрикам и заводам нужны рабочие руки, много рабочих рук. — Он не стал говорить отцу и дяде Мусе, что пишут прогрессивные авторы о городском пролетариате. — Развивая промышленность, государство богатеет, — толковал Чокан. — В Степи тоже с каждым годом все больше людей будет уходить из аулов. И чем больше появится в Степи городов, заводов и фабрик, тем лучше...

Чингис и Муса выслушали экономические доводы Чокана и отвергли. Не наше это дело — рыться в земле, добывать руду, топить сало на продажу. Как деды наши жили, так и мы должны. Главное богатство казаха — скот...

Приезжали в гости братья Чингиса, другие валиханиды. С ними Чокан вовсе не заговаривал о пользе промышленного развития Степи. Молодая султанская поросль его поначалу заинтересовала. Чокан попытался рассказать им о петербургских веяниях. Пусть хоть немного призадумаются о нуждах своего народа. Куда там! Молодые феодалы или откровенно зевали от речей Чокана, или на каждое его слово находили какое-нибудь нелепое возражение, оставаясь неизменно самого высокого мнения о собственном уме. Невежество — состояние привольное и не требующее со стороны человека никаких усилий, поэтому невежды исчисляются тысячами. Чокан оставил надежду найти единомышленников у себя в родне. Его главное дело сейчас — вылечиться, набраться сил и уж тогда оглядеться в Степи, понять, чем она живет и что ей надобно.

Отец и мать радовались, наблюдая счастливую перемену, свершившуюся с Чоканом. Он реже кашлял, ездил на охоту, сдружился с младшими братьями, уговаривал кадета Махмуда поступать после корпуса в военное училище, восхищался песнями Козыке¹.

Аул Валихановых празднично шествовал путем летнего кочевья, предписанным законами природы и обычаями предков. Кроме большого москвича, с Чоканом кочевал еще один гость — востоковед из Петербурга Хусаин Фаизханов, изучавший казахский фольклор. Судя по записям Ишмурата Ибрагимова, денщика на кочев-

¹ Полное имя — Сахиб-Гирей. Он был и композитором и поэтом. Умер очень молодым.

ке не было. Очевидно, его удалось сплассить обратно в Казань.

Летняя кочевка всегда праздник. Но такого праздника, как летом 1861 года в ауле Валихановых, казахи не видывали прежде и не увидят долго потом. Многие годы спустя старики, живущие в Кокчетавской области, смогут со всеми подробностями поведать, кто приезжал к Чокану и какие песни пелись. А ведь помнятся крепко только те события, которым сразу было придано особое значение. Следовательно, летом 1861 года Степь почувствовала что-то для себя многозначительное в возвращении Чокана из Петербурга на родину. Во что-то поверила, о чем-то возмечтала. Возымела новые надежды на лучшую жизнь. Увидела в Чокане того, кто может исполнить эти надежды.

По преданиям, возле белой десятиканатной юрты Чокана всегда было шумно и многолюдно. Чокап и Козыке любили слушать игру своего дяди Кангожи, исполнявшего народные мелодии на кобызе, на сыбызге и домбре. Чаще всего Чокан просил Кангожу сыграть кюй «Валбраун»¹.

Для Чокана и его друзей играл на кобызе знаменитый Курумбай Кангожин, пел Коке Альджанов, показывал свою ловкость акробат Абе Тогжанов. С выступлений перед Чоканом начал завоевывать успех молодой Толепберген, сын знаменитого кобызиста Тулака, искусством которого так восхищался Чокан в детстве, когда живущий неподалеку от Сырымбета музыкант приезжал в усадьбу бабушки Айганым.

Степной хабар разнес повсюду вести о том, что в ауле Валихановых идет самое главное в Степи состязание певцов и музыкантов. Молодой султан гостеприимен и щедр. Спешите к нему в аул. Но не только ради щедрого вознаграждения. В юрте Чокана умеют слушать, умеют ценить талант. Кто не выступал перед молодым султаном, тот еще не ведал истинного признания.

И вот все, кто летом странствует по Степи с домброй, кто умеет слагать стихи, поворачивают своих коней в аул Валихановых. И Шоже, и Тогжан, и Арыстамбай, и другие прославленные или еще только начинающие поэты. И Соқыр-Жырау — потомок известного певца Шала. Однажды к юрте Чокана подъехала на иноходце девушка

¹ Кюй — народная форма музыкального произведения. Валбраун в переводе — нега.

в праздничном наряде — он вышел и сам принял у нее поводья. То была чтимая в Степи поэтесса Ажар-кыз. Как он был счастлив видеть ее, слушать ее импровизации. Не может считаться отсталым народ, у которого есть женщины-поэты!

Чокан поправлялся. Вставал поздно, пил много кумыса, ел вареную баранину и копченую конину, которую, по преданию, затребовал, еще лежа в колыбели. По казахскому обычаю засиживался за полночь с гостями или сам скакал куда-нибудь на веселую вечеринку.

По свидетельству Ишмурата Ибрагимова, москвич полностью избавился от чахотки, на радостях раздарил все свои ружья и отправился в обратный путь. В конце лета и петербуржец Хусаин Фаизханов покинул аул Чокана, увозя поклоны Василию Васильевичу Григорьеву, Галсану Гомбоеву, Казем-Беку и другим столичным востоковедам.

Чокан остался в Сырымбете. Он писал друзьям, что приедет в Петербург попозже, в декабре, гладким зимником... Но вот уже новый, 1862 год, а он все еще в Сырымбете. Долину занесло снегом, только на горах чернеет бор. Чокан бродит по комнатам старинного дома бабушки Айганым, по дорогим ташкентским и персидским коврам. Горят свечи в бронзовых канделябрах, отражаясь в зеркалах. На тонконогих столиках стоят китайские вазы, привезенные им из Кашгара. На диваны и кресла брошены медвежьи и барсовы шкуры. Что ж... Здесь можно жить по-европейски, читать, писать¹.

2 декабря 1862 года он отправил письмо в Петербург Андрею Николаевичу Бекетову. Начинается оно шуточно: «Многоуважаемому профессору свидетельствует свое почтение киргиз-кайсак Валиханов из Средней орды и просит прощения за неаккуратность в переписке, причем он, Валиханов, возлагает свое упование на аллаха и надеется, что неаккуратность, как его национальное качество, приносит ему более чести, чем осуждения».

Но вряд ли он писал Бекетову в беззаботном настроении. В середине письма меж деловых строк прорывается: «Позвольте теперь поговорить о себе. Здоровье мое

¹ Теперь в Сырымбете степной ветер гонит волны по густой траве, и вдыхаешь горькую горечь джусана. Только побродив и приглядевшись, можно отыскать в джусане следы добротного фундамента. Как же это все-таки не уберегли люди свое степное Михайловское! Свою Ясную Поляну! Радостно было услышать в Кокчетаве, что начинаются работы по восстановлению Сырымбета.

все еще плохо, и доктора не позволяют теперь выехать в дорогу, поэтому я остаюсь в степи до лета, до августа».

Деловые предложения киргиз-кайсака Валиханова профессору Бекетову таковы. Он хотел бы продать по 50 рублей за печатный лист заметки о Кашгаре. Он просит прислать барометр, психрометр и несколько термометров, чтобы вести наблюдения за климатом. Он сообщает, что собрал много сказок, эпических сказаний и песен, что начал для Географического общества статью о картах Средней Азии и что занимается изучением киргизских законов, которые имеют связь с уложением Чингисхана¹.

Тут следует отметить строчку об изучении законов — она свидетельствует, что Валиханов уже тогда начал собирать материалы для своей будущей «Записки о судебной реформе». Ведь он еще в Петербурге знал, что такая реформа будет осуществляться.

Вскоре из Сырымбета везут в Кокчетав на почту еще одно письмо.

«Генваря 14, 1862 г. Киргизская степь.

Любезный друг, Федор Михайлович.

Ты, верно, полагаешь, что я давно уже умер, а между тем я жив, и доказательством тому может послужить это письмо. Я до сих пор не писал тебе по разным уважительным причинам, которые будут теперь изложены. Во-первых, я сам думал в октябре быть в Петербурге, потом заболел и оставил это намерение до декабря. Так как здоровье мое и в декабре оказалось очень слабым, то я склонился на совет сибирских докторов зиму провести в степи, а теперь пришел и сам к тому заключению, что с моим здоровьем в Петербурге жить постоянно нельзя. Поэтому я хочу получить место консула в Кашгаре, а в противном случае выйти в отставку и служить у себя в Орде по выборам. В Кашгаре я бы стал получать хорошее содержание, климат хороший, может быть, здоровье мое поправилось бы. Если это не удастся, и в степи будет недурно. Буду заниматься хозяйством, торговлей, а в случае выбора народа буду честным чиновником и, вероятно, принесу своим родичам более пользы, чем их безграмотные и дикие султаны. Через год или два мы станем ездить в Петербург, проведем с добрыми друзьями не-

¹ «Ясы Чингисхана» (1206 г.) отличались необычайной жестокостью наказаний. За любой проступок полагалась смертная казнь. «Ясы Чингисхана» устанавливали в завоеванных странах режим террора, страха и угнетения.

сколько приятных месяцев, запасемся новыми книгами, новыми идеями и опять в Орду, к киргизам. Ведь это будет не совсем дурно, не правда ли, голубчик, Федя?»

В конце идут поклонны — Михаилу Михайловичу, Майкову, Полонскому, Страхову, просьба передать Николаю Курочкину, что ему Чокан собирается писать, просьба прислать фотографические карточки, просьба присылать «Время» и подписаться для Чокана на «Современник».

Но вот что странно в этом письме: «Следуя совету одного доктора сибирского, но человека достойного уважения (ты его не знаешь), я зарок дал ничего не делать, ничего не пишу, ничего не читаю, одним словом, не изнуряю умственных способностей — в этом заключается мое лечение и от этого происходит моя скука».

Эти строки не согласуются с тем, что писал Чокан Бекетову о своих научных планах. И что за сибирский доктор взял с Чокана зарок не писать и не читать? В России такой запрет накладывают не доктора.

К сожалению, утеряны письма, которые Чокану в Орду писал Достоевский. Ни единого не сохранилось. А что писал — это ясно из ответов Валиханова и Достоевскому и Майкову.

Его мечта поехать консулом в Кашгар оказалась несбыточной. В некоторых биографиях Валиханова говорится, что ему отказали в назначении консулом по причине политической неблагонадежности. Это не так. Попытки России открыть в Кашгаре консульство и факторию закончились безуспешно.

А дома, с родней отношения все больше и больше обострялись. Отец заявил во всеуслышанье, что не намерен более воспитывать своих детей по-европейски.

— Они портятся, — говорил Чингис своим братьям и другим валиханидам, — перенимают у русских плохие привычки, забывают народные обычаи, перестают уважать старших.

— Чоканым, — Зейнеп усаживала его рядом, — дурной человек с почетного места стремится к двери, а хороший от двери стремится на почетное место. Думала ли я, что выращу дурного сына, что молоко мое потрачено напрасно... Тебе уже двадцать шесть лет...

Это действительно редкое — и позорное — для Степи дело. Молодой султан, сын уважаемого Чингиса отказывается ехать за просватанной ему дочерью Ахмета Джантюрина. Уж не болен ли? А может, другая причина?

В ауле старшего султана есть кому подсмотреть и подслушать.

По утрам мать отправляла к нему свою служанку с чашкой кумыса. Другие служанки не замедлили довести матери Чокана, что эта женщина слишком долго задерживается в юрте молодого торе. Зейнеп запретила ей бывать у Чокана, и на следующее утро ему принесла кумыс старуха. Он разозлился и отослал старуху к султанше:

— Скажи матери, чтобы кушанье посылала с прежней женщиной.

Но Зейнеп не собиралась уступать прихотям сына.

Тогда Чокан объявил родителям, что все равно не женится на дочери Ахмета Джантюрина. Ему известно, что эта девушка любит Жакупа, а Жакуп любит ее. Чингис и Зейнеп растерялись. Они не могли насильно женить своего старшего сына прежде всего потому, что он не находился от них в прямой зависимости. Он не Жакуп, приглядывающий за отцовскими стадами и отцовскими работниками. Он — штабс-ротмистр кавалерии и находится на государственной службе.

Но если над Чоканом родители не были властны, то с женщиной, находящейся у Зейнеп в услужении, с женой бедняка из бывших тюленгутов, они могли сделать все, что им угодно. И этим способом поучить старшего сына уму-разуму. А то русские его совсем испортили.

Служанку и ее мужа отправили в аул одного из братьев Чингиса — Чепе. К тому самому, что хотел когда-то вырастить Чокана сильным и жестоким, презирающим людей. Чокан требовал женщину к себе — ему два раза было отказано. Кто-то сообщил Чокану, что несчастную собираются отравить. Чокан знал, что Чепе на это способен. Он заявил родителям, что примет меры для защиты этой женщины. Ишмурату Ибрагимову пришлось выступить в качестве посредника между сыном и отцом. Какую-то он носил от Чокана записку на большом листе, Чингис прочел ее и спрятал, не показав Ишмурату.

Тем временем старшие решили отправить женщину и ее мужа к Мусе Чорманову в Баян-Аул. Чокан объявил родителям, что не отпустит женщину, добьется объявления ее прежнего брака незаконным и женится на ней, не стесняясь никого и ничего. Это уже был вызов всем султанским родам — правнук великого Аблая женится на тюленгутке. Чокан прекрасно понимал, какие камни в него полетят, но не отступал. Он отстаивал луч-

шие традиции своего народа, запечатленные в легенде о Козы-Корпеше и Баян-слу. И знал, что перед классическим судом биев — под открытым небом, при большом стечении народа — он сможет доказать свою правоту.

Чингису донесли, что его старший сын собирается силой отбить находящуюся под стражей женщину. На виду у всего аула к юрте Чокана направился отцовский верный телохранитель.

— Ага-султан дал клятву, — сурово произнес верный слуга Чингиса, помнивший Чокана маленьким своевольным торе. — Если вы выйдете из своей юрты, чтоб уехать за служанкой, ага-султан не выпустит вас из аула живым.

Угроза не пустая. По казахским законам нарушение родительской воли всегда каралось как самое тяжкое преступление — вплоть до смертной казни.

Жакуп метался по аулу — от отца к брату, от брата к отцу. Он должен был во что бы то ни стало предотвратить кровопролитие. Жакуп, конечно, понимал, что старший брат защищает не только свое право жениться по собственному выбору. Чокан освобождает дочь Ахмета Джантюрина от брака по принуждению и дает возможность ему, Жакупу, соединиться с любимой девушкой. Сам Жакуп, воспитанный в старозаветном духе, никогда не решился бы на смелый протест, но сердцем он был на стороне Чокана. И ему удалось примирить обе стороны. Соплились на том, что женщину увезет из аула Жакуп — и не к Мусе, а в Кокчетав. Чокан останется в отцовском ауле день или два и затем поедет в Кокчетав.

Фактически Чингису и вместе с ним всем старшим Валихановым пришлось признать свое поражение и отступить. Чокан понимал, что в глазах большинства народа его разрыв с отцом будет расценен как чудовищная неблагодарность. И — что еще хуже — как поступок не казахский. Поэтому он по приезде в Кокчетав обратился к указному мулле, и тот при многих свидетелях из почетнейших биев Кокчетавского округа развел эту женщину с мужем, который получил от Чокана — при тех же свидетелях — 200 рублей и лошадь. О том, что развод был совершен по закону, Чокан написал Гутковскому. Однако ни в письме Чокана, ни в воспоминаниях Ишмурата Ибрагимова не говорится о женитьбе Чокана — по закону! — на бывшей служанке матери. Возможно, такое условие поставил ему отец, выпуская живым из аула.

Чокан поселился в Кокчетаве. Женщина — ее имя так никто и не назвал — жила некоторое время у Чокана в доме, но потом Чокан будто бы остался ею недоволен, и она уехала в аул его отца. Отъезд женщины в аул Чингиса наводит на догадку, что вся эта история была сотворена Чоканом, чтобы помочь Жакупу соединиться с любимой девушкой, а женщина, возможно, только таким путем могла освободиться от мужа.

Так или иначе, но Чокан и его отец вскоре после разлада были вынуждены если не примириться полностью, то объединиться против общего врага — Ердена Сандыбаева.

Сандыбаевы — Байгулы и Ерден — фигуры нового образца, казахские кулаки. Оба неграмотны, оба прохвосты. Ерден был не раз под судом, но вывернулся. У Сандыбаевых теснейшая дружба с хапугами, засевшими в омских канцеляриях, — с Кури, Ивашкевичем, Нестеровым и всеми прочими. К тому же Байгулы и Ерден пользуются покровительством нового генерал-губернатора Александра Осиповича Дюгамеля, хотя он взяток не берет. Дюгамель — деятель нового образца. И в этом качестве ему нет резона поддерживать аристократов Валихановых, и так слишком влиятельных и, следовательно, менее сговорчивых. Дюгамелю выгоднее вытащить из грязи Сандыбаевых, создать новый влиятельный клан, ему лично преданный. И это будут не какие-то возомнившие о себе полукиргизы-полуевропейцы, а натуральные киргизы, по-восточному лстивые и подбострастные.

Байгулы и Ерден Сандыбаевы жили в Атбасаре. Их дома по богатству своему удостоились быть упомянутыми в официальном труде по географии и статистике Области сибирских киргизов, составленном генерального штаба подполковником Красовским. И, разумеется, Сандыбаевы считали, что власть в Атбасарском округе может принадлежать только одному из них, а именно Ердену.

Выборы старшего султана должны были происходить летом 1862 года. Всесильный Василий Егорович (Густав Карлович) Кури, правитель канцелярии военного губернатора Области сибирских киргизов, обещал Ердену за хорошую взятку свою полную поддержку. И вот тут вдруг выяснилось, что приехавший из Петербурга образованный сын Чингиса Валиханова собирается выдвинуть свою кандидатуру на выборах Атбасарского старшего султана. Сандыбаевы тотчас принялись действовать. История со служанкой оказалась им на руку. Они увезли к себе

разведенного мужа, сочинили от его имени жалобу в Омск. О дальнейшем позаботился Кури. Он состряпал письмо за подписью дурака Фридрихса с категорическим требованием, чтобы Чингис немедленно возвратил насильственно отобранную женщину ее мужу, и с выговором за то, что Чингис потворствует неблагоприятным поступкам сына.

Несправедливый выговор старшему султану, прослужившему по выборам почти три десятка лет, имеющему чин полковника, был рассчитан на то, что самолюбивый Чингис обидится и подаст в отставку. Он действительно пришел к такому решению, но вмешался Чокан и поехал вместе с отцом в Омск. Туда же отправился Муса Чорманов. Втроем они представляли такую силу, что Кури был вынужден отступить.

Гутковскому Чокан мог не объяснять, что защищает не узкие, родовые интересы Валихановых, а интересы казахов Кокчетавского округа. Гутковский вскоре имел возможность доложить генерал-губернатору, как мудро поступили, не приняв отставку старшего султана Валиханова. Зимой на Кокчетавский округ обрушилось страшное бедствие — джут. Пастбища покрылись коркой льда, начался падеж скота. По соседству, в Атбасарском округе, джута не было, аулы двинулись туда, но их встретили недружелюбно и кое-где у несчастных, спасавшихся от джута, отобрали последние остатки скота. Чингис употребил все свое влияние. Выхлопотал разрешение кокчетавским казахам пасти скот на атбасарских пастбищах, прекратил начавшееся с голода воровство, самолично занимался раздачей муки, отпущенной из казны для пострадавших аулов.

Чингис действовал согласно тем самым исконным обычаям родовой помощи, о которых Чокан писал, еще будучи кадетом, в своих возражениях А. И. Левшину и двойственность которых он стал замечать, когда глубже постиг политическую экономию. Зимой и весной 1862 года он стал свидетелем того, как бедняков, больше всех пострадавших от джута, закабаляла аульная верхушка. Казалось бы, что может быть лучше обычая сауи, по которому оставшийся без скота бедняк получал во временное пользование дойных овец или дойную корову, то есть получал молоко для своих детей. Но на поверку сауиши — бедняк, получивший сауи, — нес полную ответственность за сохранность молочного стада богача, то есть становился бесплатным пастухом. И вдобавок сауи-

ши из чувства благодарности за помощь шел работать в хозяйство богача по первому же зову. Для аульной верхушки саун превратился в золотую жилу, степные кулаки ловчили раздать во временное пользование весь свой молочный скот. Ну и, разумеется, процветал все больше аманат мал, по которому бедняк, взявший годовалого барана, возвращал через год двухгодовалого, а через два — трехгодовалого. Традиционный асар — помощь в сенокосении — превратился в повинность для бедняков заготавливать сено для богатых родичей.

Джут погнал из аулов в казацьи станицы и на рудники сотни казахов. Прибавилось нищих кибиток возле Кокчетавы, казахская беднота трудилась на всех четырех заводишках, на пяти мельницах. И кажется, никого, кроме Чокана, не интересовало, как живут эти люди. Поначалу они его встречали как торе — с почтительным испугом, с подобострастием. Он спрашивал, почему голодающие не идут в благотворительные юрты при окружающих приказах, где кормят бесплатно. Ему отвечали, что идти за казенным подаванием — значит оскорблять свою родню, а у богатой родни тоже просить неохота.

Весна 1862 года утвердила Чокана в намерении баллотироваться на должность старшего султана Атбасарского округа. У него в руках окажется сбор налогов, полицейская и судебная власть, и он многого добьется в своем округе и продемонстрирует всей Степи, чем может быть полезен образованный султан-правитель. Гутковский обещал Чокану полную поддержку на выборах. У Капустинных и в других омских интеллигентных домах его планы вызвали бурное одобрение. В России тогда началось увлечение земской службой, в ней многие увидели ответ на главный русский вопрос: что делать? А выборный старший султан и есть земский чиновник.

Перед выборами Чокан тщательно изучил обстановку в Атбасарском округе. В этом ему помогал отец, давно знавший баганалинцев, переданных в Атбасарский округ из Кокчетавского. Свою службу в должности старшего султана Чингис начал тридцать лет назад с попыток привести к дисциплине беспокойных баганалинцев, не признававших пограничной линии между Оренбургской губернией и Западной Сибирью. Но и к 60-м годам четыре волости баганалинцев, входящие в Атбасарский округ, продолжали кочевать как им заблагорассудится. Они считали своей крупнейшую территорию, простирающуюся до границ с Кокандом. Бесконечным непокорством ба-

багалинцы добились кое-каких поблажек от русского начальства, умиротворившего их за счет других казахских родов. Поэтому не исключено, что хитрый Дюгамель еще и потому поддерживал Сандыбаевых, что они были из багалинцев. Получив в руки власть, Ерден Сандыбаев скорее приведет сородичей к дисциплине, чем любой султан, пусть хотя бы и происходящий по прямой линии от самого Аблая.

Итак, багалинцы были заведомо против Чокана. К тому же меж ними пустили слухи о том, что, если Валиханова сделают старшим султаном, он всех казахов отдаст в солдаты, а всех детей в школы. Не дремали и муллы, отвращая правоверных от человека, который не бреет голову и не совершает омовений по пять раз в день.

Кроме багалинцев, в новый Атбасарский округ входили еще три волости других родов, переданные из Акмолинского и других соседних округов. Вот эти-то твердо стояли против багалинца Ердена и, значит, за Чокана. Ну и, конечно, все султаны Атбасарского округа собирались отдать свои голоса за Чокана, а не за черную кость Ердена.

На выборы в Атбасар пожаловал сам Кури, он принял попозже ночью сторонников Ердена, что-то от них еще получил и что-то, значит, пообещал.

Однако на другой день, когда проголосовали все явившиеся на выборы и когда были оглашены письменные отзывы не явившихся в Атбасар султанов, оказалось, что за Ердена подано 14 голосов, а за Чокана — 25. Полная победа. Чокан закатил для своей партии пир на весь мир и стал ждать формального утверждения, ни капли не сомневаясь, что безусловно будет утвержден. При его-то происхождении, при его-то образовании и заслугах перед Россией. Чокану донесли, что Ерден собрал большие деньги и послал с ними своего человека в Омск. Чокан только посмеивался. И вдруг как снег на голову известие от Гутковского: багалинцы съездили не зря, генерал-губернатор не хочет утверждать тебя старшим султаном.

Значит, Кури не побоялся? Нет, даже напротив... Кури свалил ненавистного ему Валиханова нагло, беспардонно. Поусердствовал и Виктор Карлович Ивашкевич, давний враг Валиханова. Один только Гутковский защищал Чокана и оказался бессильным, ему пришлось уйти в отставку.

Атбасарскую историю с Валихановым омские взяточ-

ники разыгрывали показательно, учили всю Степь, что так будет и впредь с образованными казаками, показывали: мы — сила, нам все нипочем — ни мнение народа, ни добрая репутация офицера русской службы, ни законы империи... А Дюгамель уперся на том, что штабс-ротмистр Валиханов откомандирован на родину по болезни. В приказе об утверждении хорунжего Ердена Сандыбаева в должности старшего султана Атбасарского округа написали хитро: «вместо штабс-ротмистра Валиханова, избранного на эту должность большинством голосов, но отказавшегося от принятия оной за болезнью».

Наглость за наглостью — и ничего нельзя поделать.

15 октября 1862 года Чокан пишет из Кокчетова отчаянное письмо Достоевскому:

«Любезный друг, Федор Михайлович.

Письмо твое с известием, что скоро едешь за границу, я давно уже получил и с того времени все собираюсь писать и, как видишь, наконец-таки пишу. Вероятно, ты думаешь бог знает что обо мне. Не умер ли? Не болен ли? Я между тем жив, хотя чувствую себя очень плохо как физически, так и нравственно. Во-первых, скука, во-вторых, беспрестанное раздражение от киргизских несообразностей, которые видеть должен каждый час, каждую минуту. Впечатление от всего этого делается тем более невыносимым, что не видишь надежды, вернее, луча надежды когда-нибудь освободиться от гнета окружающей пустоты».

Он рассказывает обо всей атбасарской истории, описывает своего главного противника — «секретаря губернского, баварского немца, который оставил родной Мюнхен с сестрицей, оканчивающейся на шеп, чтобы обирать киргизов в независимой Татарии и на их деньги шить жене «померанцевые платья на цитроновых лентах». И дальше, о подлом поведении Дюгамеля: «Оно и правда, что законы у нас на Руси пока еще пишутся не для генералов, известно мне также, что генералы больше любят натуральных киргизов, потому что в них, знаете, больше этой восточной подобострастности. «Гирей сидел, потуия взор, в устах его...» и проч. Но при всем том, признаться, я такого пассажа вовсе не ожидал. Каково, мой друг? Ты представь себе положение наше (я говорю о киргизах, воспитавшихся в России). Земляки нас считают отступниками и неверными, потому что, согласишься сам, трудно без убеждения из-за одной только политики пять раз в день хвалить бога, а генералы не любят потому, что

[у меня] мало этой восточной подобострастности. Черт знает, что это такое, хоть в пустыню удаляйся.

Пожалуйста, посоветуй, что делать. Просить удовлетворения, по-моему, то же самое, что просить конституции: посадят да потом к Макару на пастбище пошлют. Я уже написал к некоторым властям в Петербург, а ты дай этому побольше гласности, расскажи всем нашим друзьям, пусть разоидется по городу».

Ответил ли Достоевский на это отчаянное письмо? На крик души, на просьбу: «Пожалуйста, посоветуй, что делать?»

Если отправиться на поиски следов ответа в дальнейшую переписку Чокана, то в его длинном обстоятельном письме Аполлону Николаевичу Майкову от 6 декабря, почти два месяца спустя после письма Достоевскому, прочтешь: «Что делают Достоевские? Они редко пишут, в чем я, впрочем, сам виноват, потому что редко отвечаю». Неужели Достоевский так и не ответил Чокану? Не откликнулся на просьбу о помощи?

Известно, что Достоевский прожил за границей с июня по сентябрь 1862 года, что ездил в Лондон к Герцену и осматривал в Лондоне Всемирную выставку.

Глубокой осенью, когда пришло отчаянное письмо от Чокана, Достоевский уже был в Петербурге. И очевидно, накопившиеся за время отсутствия самые неотложные дела были приведены в порядок. В журнале «Время» все обстояло благополучно... Так почему же Достоевский не ответил Чокану? Или все-таки ответил? Вопрос остается открытым. Ведь если в семье Валихановых после смерти Чокана не позаботились сохранить письма к нему друзей, если утеряно письмо Достоевского, в котором он весной 1862 года сообщал о своем отъезде за границу, то могли утратить и ответ Достоевского на письмо Чокана от 15 октября.

Подсчитаем приблизительно, когда мог прийти ответ.

Письмо Чокана дошло в Петербург в начале ноября, а то и позже. А когда мог быть получен ответ? Вторая половина ноября в Сибири, начиная от Тюмени и дальше, в киргизскую степь, — это дикие бураны, самый рискованный ямщик неделю ждет, пока отправится в путь. Так что 6 декабря, когда Чокан писал Майкову, он по срокам еще и не мог получить ответ от Достоевского, но вот-вот получит. Завтра, через неделю... Если, конечно, тот самый «сибирский доктор», который запретил Чокану читать и писать, не занимался перлюстрацией переписки

ки своего подопечного. Допустим, что ответ Достоевского на письмо Чокана об атбасарской истории содержал предложение: напиши обо всем в журнал. Тогда как раз предложение Достоевского и стало причиной исчезновения письма где-то по пути к адресату.

Так или иначе, но в атбасарской истории самое странное то, что Чокан — блистательный публицист, имеющий в столице литературные связи! — не выступил сам в русской печати с разоблачением омских взяточников, стакнувшихся с прохвостом Ерденем Сандыбаевым, а всего лишь просил друзей распространить эту историю по Петербургу. Возникает догадка, что на него было оказано очень сильное давление. Потому-то и писал он в каком-то смятении, всем подряд. И Петру Петровичу Семёнову — в надежде, что он покажет письмо великой княгине Елене Павловне и она заступится. И Дмитрию Ильичу Романовскому, военному писателю, редактору газеты «Русский инвалид». И Николаю Павловичу Игнатьеву, и Дмитрию Алексеевичу Милютину. Игнатьев дипломатично ответил, что сам был крайне удивлен, узнав, что Чокана не выбрали, и дружески советовал потерпеть: «А терпеть вам нужно недолго». Чокан понял, что Дюгамеля собираются куда-то перевести. Дай-то бог!..

Меж тем жизнь в Кокчетаве делалась для него все более невыносимой. Ерден собирал казахов Кокчетавского округа, учил их, что делать для того, чтобы сместить Чингиса с должности старшего султана, давал понять, что действует по поручению Кури.

Родня Чокана растерялась. Что же такое происходит? Любимец белого царя не может заткнуть глотку ничтожному Ердену! Родня так и сяк раскидывала умом, и тут кто-то подсунул Валихановым убедительнейший ответ на мучившую всех загадку: Чокан уехал из Петербурга не по болезни, его оттуда прогнали. А за что? Чье-то изощренное воображение сочинило целую историю. Чокан ее услышал от одного султана, своего родственника. Вот как он передает эту дикость в письме Гутковскому:

«Видите ли, когда меня посылали в Кашгар, я там не был, а жил в горах, где-то около Верного, и, приехавши в Омск, написал разную чепуху. Царь, как-то читая мой отчет, видит, что все это неладно, на сказку что-то смахивает. Думает: дай-ка поиспытаю, и послал другого, более благонадежного человека в Кашгар. Тот, конечно, был в Кашгаре и, приехавши, донес, что у Валиханова все вздор написано: таких рек там нет и городов таких

нет, как у Валиханова. Царь рассердился и говорит: «Послать Валиханова в Кашгар в другой раз», а он сказался больным, тем это дело и кончилось. Вдруг Валиханов захотел быть султаном. Царь и говорит: «Нет, брат, ведь ты болен был, когда я посылал в Кашгар, будь и теперь больным».

В 1862 году экспедиция Проценко действительно побывала на Нарыне для рекогносцировки путей, ведущих в Кашгар. Но в Степи об этом знать не могли. Сказочка родилась в Омске.

Травля, в которой объединились омские чиновники и казахская верхушка, довела Чокана до неистовства. Он всерьез писал Гутковскому, что намерен совершить преступление и объявить, что доведен до этого несправедливостью сибирского начальства.

К сожалению, утеряны письма к нему Гутковского. Что он писал Чокану? Как успокаивал?

Зима 1862/63 года обошла Валиханова во сто крат дороже кашгарского путешествия. Чудо, что он воротился живым и невредимым из Кашгара. Но еще большее чудо, что он выжил в ту страшную для него зиму, что не унесла его опасная для легочных больных весна.

Весной засобиравшись в Петербург получивший отставку Гутковский. Чокан снабдил Карла Казимировича рекомендательным письмом к Достоевскому.

«Давно не имею от тебя никаких известий, любезный Федор Михайлович. Жив ли ты? Впрочем, если бы ты умер, то написали бы о том в газетах. Поэтому надо полагать, что ты жив, но забыл нас, живущих и вопиющих в пустыне киргизской. Что со мной и как я живу, узнаешь подробно от Карла Казимировича Гутковского, моего друга, который едет в Петербург по делу, касающемуся отчасти и меня... Я буду в Петербурге с первой зимней дорогой».

Это последнее дошедшее до нас письмо Валиханова Достоевскому. Переписка оборвалась. В ряде работ о Валиханове говорится об идейном разрыве, вызванном почвенническими взглядами Достоевского. И приводится письмо Валиханова А. Н. Майкову от 6 декабря 1862 года, где есть такие строки о Достоевских: «Говоря между нами, я что-то плохо понимаю их почву, народность, то славянофильством пахнет, то западничеством крайним, примирения что-то не видать или не удается им это примирение?»

Но кому все это пишет Чокан? Аполлону Николаеви-

чу Майкову, куда более последовательному почвеннику! И стоит обратить внимание, что Чокан в письме придерживается множественного числа: «Достоевские», «их журнал», «плохо понимаю их почву». Он ни в чем не обвиняет Федора Михайловича Достоевского. Слишком многое их связывает. Думается, что разрыв придуман исследователями в порядке какой-то привычной формулировки. У исследователей не отыскалось фактов, а зато имелась на руках другая формулировка: Достоевский — реакционер. И отсюда все последствия: если Валиханов порвал с ним — хорошо, если нет — плохо.

В литературоведении нередки случаи, когда недоумение плодотворней иного чрезмерного умения. И Чокан Валиханов не зря говорил: «Перед вечностью все это ничтожно».

Майкову он писал из занесенного снегом Кокчетав, центра округа, которым властно правил его отец, старший султан полковник Чингис Валиханов: «Интересно было бы узнать от Вас о некоторых крупных литературных скандалах и ученых критиках. Что с «Современником» и что будем делать мы, его подписчики?»

«Современник» не выходит с июня. А «литературные скандалы» и «ученые критики» — это об аресте Михайлова и Чернышевского. Но если Чокан спрашивает о них, то, значит, он, сидя в богом забытом Кокчетаве, прослышал о столичных событиях. От кого же?

Если когда-нибудь отыщется что-либо из переписки Чокана с Курочкиным, с друзьями-сибиряками, с Полонским, который дружил с Михайловым, можно будет точнее определить, что мог знать Валиханов, находясь за тридевять земель от столицы. Но и сейчас известно, что осенью 1862 года в Омске появился отсидевший в Петропавловской крепости Потанин. По рекомендации Петра Петровича Семенова он был зачислен в экспедицию астронома К. В. Струве, будущего академика, а до весны занялся делами Сибирского казачества, принял участие в составлении проекта нового положения о казачьем войске, благодаря Потанину из Омска пошел в Петербург самый демократический проект. Об этой бурной деятельности Потанина Чокан не мог не знать. И Потанин по приезде сразу же оказался в курсе всей позорной атбасарской истории. Расстояние между Омском и станцией Кокчетавской по сибирским меркам — пустык. Чокан и Григорий непременно должны были свидеться осенью или зимой. Значит, Валиханов имел вести из первых рук, от

непосредственного участника петербургского студенческого движения.

Какие решительные события начались в Петербурге вскоре после его отъезда! Распространялись прокламации, которые звали молодое поколение включиться в ряды революционных борцов, сблизиться с народом и повести среди него пропаганду, призывали избавить народ от чиновничества, демократизировать государственный строй, установить в общинах и волостях выборное самоуправление, выбрать в общероссийском масштабе доверенных лиц, а они уж решат, какие повинности и подати вводить, а какие нет.

Потанин приехал в Сибирь с планами организации здесь революционной пропаганды, создания тайного общества сибирских патриотов, созыва доверенных лиц от всей Сибири — в том числе и от инородцев — для того, чтобы решить на общем совете вопрос о равноправии Сибири с исконным центром России.

Чокану он говорил как единомышленнику о готовящемся крестьянском восстании, о мерах, принимаемых правительством для подавления революционного движения. Потанин рассказал Чокану о своих двух встречах с Чернышевским, о разногласиях партии Чернышевского с Герценом, о призыве Герцена: «В народ!» — о многом, что никак не могло быть упомянуто в письме Чокана Майкову — прежде всего из обычной для российской переписки осторожности. И потом это все-таки письмо Аполлону Николаевичу Майкову, не примыкающему к демократическому движению 60-х годов, а лишь изредка подающему возгласы сочувствия.

И все же осведомленность Чокана в новых веяниях вновь и вновь прорывалась в его письме Майкову. Вот он сообщает о своем хождении в парод:

«С местными султанами и богачами из черной кости я также не лажу, потому что они дурно обращаются со своими бывшими рабами, которые теперь хотя и освобождены, но живут у них, не зная, как уйти. Я требовал не раз, чтобы они платили им жалованье и чтобы обращались как с людьми, в противном случае грозил закопом. Зато с пролетариатом степным я в большой дружбе и скоро сходимся».

Однако, как бы ни были хороши отношения между первым революционером-демократом из казахов и «пролетариатом» (под которым Валиханов подразумевает всю степную бедноту), ему не удалось сыскать на родине единомышленников.

Он с горечью пишет Майкову, что живет «...хотя среди родных и окруженный милыми земляками, но разединенный с ними чем-то неодолимым. Как я ни стараюсь с ними сблизиться, но все как-то не удается. Иногда все идет хорошо, но, как только дело доходит до убеждений, до серьезных разговоров, мы начинаем расходиться. Мои родные — люди добрые, честные и очень неглупые, но все-таки — киргизы, и притом киргизы аристократы (дикие аристократы, надо заметить, несколько сноснее образованных, потому что проще их) и потому имеют множество как национальных, так и сословных предрассудков и качеств... Я вижу теперь, что трудно одному бороться со всеми, вижу, что истина, как бы она ни была светла, не может изгнать самых неверных заблуждений, когда они освящены временем, и особенно у киргизов, которые до сих пор держатся шаманства, примешивая к нему гомеопатическую дозу ислама».

Вот она — драма первого в своем народе! Какие бы прекрасные планы он ни строил в занесенном снегом Кокчетаве, нет рядом единомышленников. И нет рядом образованных людей из казахов, которые были бы равны по развитию, — этих людей историки Казахстана единицами отмечают в 60-х годах на всем огромном пространстве Степи.

В Оренбурге современники Чокана Валиханова Т. К. Сейдалин и С. А. Джантюрин явно придерживались сословных предрассудков, делали чиновничью карьеру и записывали для Географического общества только тех акыпов, которые защищали интересы казахской верхушки. Песни, опубликованные Т. К. Сейдалиным и С. А. Джантюрином, впоследствии возмутили Ибрая Алтынсарина, истинного собирателя казахского фольклора, педагога, просветителя и общественного деятеля. Но в 60-х годах Ибрай Алтынсарин еще только начинал свой путь и, несмотря на то, что мог в Оренбурге общаться с политическими ссыльными, больше прислушивался к своему учителю В. В. Григорьеву. В 1861 году Ибрай Алтынсарин праздновал большую победу: ему разрешили открыть в Тургае и в Иргизе школы для казахов.

Великому казахскому поэту и просветителю Абаю Кунанбаеву в 1862 году исполнилось 17 лет. Он учился в Семипалатинске, в медресе имама Ахмет-Ризы, и посещал украдкой от муллы русскую школу. Абай в 1862 году уже пишет стихи, но отец не даст ему закончить образование, увезет в аул и начнет обучать степной поли-

тике, готовить к управлению волостью. Надо полагать, что в ауле Кунанбая будущий поэт не раз видел Ивашкевича, злейшего врага Валиханова. Из записок Янушкевича известно, что Кунанбай пользовался покровительством этого своего «тамыра». Но слышал ли Абай что-либо о Чокане Валиханове, о его атбасарской истории? Неизвестно. Хотя, конечно, мог. Ведь его брат Халиулла Ускенбаев закончил Сибирский кадетский корпус, собирал для Костылецкого казахские легенды. И мальчиком Абай мог встречать в Семипалатинске губернаторский пышный поезд, в котором ехал молодой казах в русском мундире. И мог после видеть Валиханова, проезжавшего Семипалатинск по пути на Иссык-Куль и обратно, по пути в Кашгар и по возвращении оттуда, когда Чокан прожил в Семипалатинске почти месяц и бывал у Букаша в азиатской части города.

Русское революционно-демократическое движение и русская литература сыграют в жизни Абая ту же роль, что и в жизни Валиханова. Но Абаю в 1862 году еще нет никакого дела до того, что в Петербурге арестован студент Евгений Михаэлис, который был вхож к Чернышевскому, распространял прокламацию «К молодому поколению», участвовал в студенческих беспорядках, был брошен как зачинщик в Петропавловскую крепость, сослан без суда в Петрозаводск. Только в 1869 году Евгений Михаэлис (отбыв после Петрозаводска ссылку в Пудоже и на Таре) попадет в Семипалатинск, начнет изучать казахский быт и откроет в степи за Иртышом поэтический самородок, поможет самообразованию Абая. Все это будет только в 1869 году, а Валиханов искал единомышленников в 1862-м.

На кого он еще мог бы обратить внимание? На Салиха Бабаджанова, с которым его познакомил в Петербурге Лев Николаевич Плотников? В 1862 году Русское географическое общество избрало Бабаджанова членом-сотрудником по отделению этнографии и наградило серебряной медалью. Ходжа Мухамед Салих Караулович Бабаджанов много сделал для изучения быта казахов, но в глазах революционного демократа Чокана Валиханова Бабаджанов — ходжа, потомок Магомета, корреспондент реакционной «Северной пчелы».

Здесь стоит рассказать, что подельывал тогда внук Губайдуллы, Гази Валиханов. В заметке, опубликованной журналом «Нива» по случаю 30-летия службы султана Гази Валихана, написано — с его слов, — будто

Чокан Валиханов ему завидовал и по приезде из Петербурга написал вместе со своим отцом Чингисом донос на Гази, обвиняя в подстрекательстве казахов против правительства. Ложь самая беспардонная. Скорее было наоборот. Но, так или иначе, Гази отправили за что-то в Тобольск, он прослужил там две недели и, будучи внуком своего склонного к авантюрам деда, поехал в Петербург, представился военному министру Д. А. Милютину, министр доложил о нем царю, и Гази прикомандировали к лейб-гвардии казачьему его величества полку.

В Степь пришла весна — как всегда, стремительная, звонкая, короткая. Вышли на свои пашни джатаки. После джута больше народа стало сеять хлеб. Кокчетавский округ — вопреки Чингису — делался самым оседлым в Среднем жузе. Из России тянулись обозы переселенцев, русское бедняцкое кочевье. Уговаривались с казаками, где можно вспахать землю под хлеб, пахали и сеяли, а осенью собирали урожай и двигались дальше в Сибирь, оставив в степи несколько свежих могил с березовыми крестами. Два года требовалось русскому кочевью, чтобы добраться до обетованной земли. Время по-прежнему имело разные измерения для разных людей. Для Чокана оно как будто остановилось после скачки во весь опор. Он читал внимательно петербургские газеты, прислушивался к тому, что приносит из столицы русский и казахский хабар. Что же делать? Возвращаться в Петербург и участвовать в общерусской общественной жизни, искать там свое место — с кем он и против кого? Или оставаться в Степи и заведомо бороться в одиночку?

Он остался.

Летом 1863 года он принял участие в работе комиссии, которая отправилась в Степь, чтобы собрать народные мнения о проекте судебной реформы. Пригласил Чокана в комиссию сам Дюгамель, объявив, что Кури предложено подать в отставку. На губернатора все-таки воздействовали письма Игнатьева, который стал директором Азиатского департамента вместо Егора Петровича Ковалевского, подавшего в отставку после студенческих беспорядков, когда Литературный фонд стал помогать арестованным студентам и Егора Петровича обвинили в потворстве бунтующей молодежи.

Комиссию, отправившуюся в Степь для сбора народных мнений о проекте судебной реформы, возглавлял со-

ветник областного правления Иван Еремеевич Яценко, старый степной служака. Яценко в 1852 году, когда Чокан еще учился в корпусе, председательствовал в комитете при пограничном управлении по составлению свода законов сибирских киргизов. Степное право казалось ему примитивным и запутанным. Чем скорее придут в Степь общие законы Российской империи, тем лучше для самих степняков. Яценко не сомневался, что при его-то знании Степи выезд в приказы для отбора народного мнения — пустая формальность. Проект нового судопроизводства, опубликованный 30 сентября 1862 года «С.-Петербургскими сенатскими ведомостями», в Омске за зиму капитально обсудили. Все, что следовало добавить к основным положениям о судебной части для применения их в Области сибирских киргизов, согласовали с Дюгамелем. И Яценко, разумеется, собирался привезти из округов народное мнение, полностью совпадающее с мнением генерал-губернатора.

— Вы сами убедитесь, Чокан Чингисович, что ваш народ не подготовлен к пониманию преобразовательного значения готовящихся реформ, — втолковывал Яценко своему помощнику.

Так оно на первый взгляд и получалось. Яценко и Валиханов приезжали в приказ. Там их уже поджидали собравшиеся на совещание волостные правители, старейшины, султаны, бии, богачи из черной кости. Чокан растолковывал на казахском языке положения нового проекта. Его слушали без всякого интереса, а кое-кто сразу же погружался в сон. Вопросов по проекту не задавали. Вообще разговоры о каком-то новом судопроизводстве никто не принимал всерьез. В проекте искали то, чего в нем не было.

— Не желают ли нас обратить в крестьян? — спрашивал один.

В аулах этого очень боялись. Живя рядом с русскими, казахи имели возможность наблюдать, какие тяготы несет русский крестьянин и какие подати платит — куда больше, чем казах.

— Нет, — отвечал Чокан и видел, что ему не верят.

— В солдаты казахов будут брать? — спрашивал другой.

— Нет.

Опять не верят. Вмешивается Яценко и требует, чтобы совещание не отвлекалось от обсуждения проекта реформы.

— Согласны ли вы с предложенным в проекте порядком выборов биев?

Совещание молчит. Никто не понял вопроса. Какие выборы? Звание бия всегда передавалось по наследству. Долго молчат, потеют, потом просят отсрочки.

— Надо подумать.

На другой день Чокан видит, что половина участников совещания сбежала, оставив свои тамги более честолюбивым сородичам. А те успели сообразить, что новое судопроизводство сулит новые выгодные должности. У каждого в кармане побрякивает десяток родовых печатей. Начинается степной крикливый спор. Бии жаждут, чтобы их избирали на более долгий срок, чтобы их решения не подлежали обжалованию. Кое-кому виделись немалые выгоды в том, что бий превратится в мирового судью, то есть судебного чиновника. А волостные правители с пеной у рта против превращения бия в чиновника, они усматривают в этом посягательство на их безграничную власть. Обе стороны в конце концов примирились на том, что одна не будет мешать другой обирать простой народ.

— Вот и говори с ними!.. — возмущался Чокан.

— Что вы хотите... — выбившийся из сил Яценко, полужа на подушках, потягивал кумыс. — Дикость... Образчик киргиз-кайсацких нравов...

— Когда мой народ хвалят за гостеприимство, то называют или просто киргизами, или просто казахами. А если попрекают за грубость и дикость, непременно говорят: киргиз-кайсак. — Чокан повторил, прислушиваясь к звучанию собственного голоса: — Киргиз-кайсак, киргиз-кайсак... Вам не кажется, что в этом слове есть какой-то вокальный варваризм?..

Яценко надоели лекции по казахскому обычному праву, исторические справки о «Ясах Чингисхана», о сборниках обычаев Хакк-Назара и хана Есима, о законах хана Тауке¹, по которым за биями устанавливалась полнота судебной власти и которые постоянно совершенствовались благодаря тому, что решения знаменитых биев становились образцом для решения всех дел такого ти-

¹ Хакк-Назар (1539—1580), хан Есим (1598—1628). Законы хана Тауке (1680—1718) назывались «Жеты Жоргы», то есть «Законы семи судей», которыми они, по преданию, были составлены. Народ хранил эти законы в памяти в виде пословиц и изречений. Наиболее подробно «Жеты Жоргы» были записаны русскими исследователями, например А. И. Левшиным.

па, а специальные съезды биев устанавливали так называемые эреже — новые нормы права.

За всеми этими учеными разговорами, за столичными манерами, за пристрастием штабс-ротмистра Валиханова к тонкому белью, английским духам и гаванским сигарам надворный советник Яценко обнаружил — не без злорадства — дикую натуру киргиз-кайсака. Господин Валиханов, оказывается, не приемлет нового мирового суда. Он считает, что Степь должна остаться при кайсацких обычаях, при суде биев в его древней народной форме. По его мнению, даже русские истцы или русские ответчики предпочитают суд биев следствию, проводимому русскими чиновниками. И, по Валиханову, следует сохранить порядок, когда бии никем не избираются и никем не утверждаются, когда их значение основано на частном авторитете, который бий приобретает тем же путем, каким в Европе составляется репутация великого поэта или ученого, Гёте или Шекспира — само собой, без правительственных распоряжений.

Несмотря на сопротивление Яценко, Валиханов усердно вел сбор народных мнений, противоречащих всему, что решили умные люди в Омске. Некоторые султаны и бии Кокчетавского, Акмолинского, Атбасарского, Баян-Аульского округов поставили свои подписи и приложили тамги под постановлением, что суд биев лишь в отдельных частностях не соответствует новому мировому суду и потому должен быть сохранен при незначительном изменении прав и обязанностей биев.

В Каркаралинском приказе сбор народных мнений принял неожиданный оборот. Совещание вырешило курьезное дополнение к проекту: над биями должны стоять еще четыре «главных бия».

Здание приказа осадила возбужденная толпа. Кричали про какую-то неправильную бумагу. Чокану вспомнились рассказы о событиях в Бездне. Он вышел к толпе.

— Торе! Уничтожь бумагу! — кричал народ. — Мы не хотим биев над биями! Они воры! Они обманом записали!

Оказалось, в аулах все-таки прознали, какое дополнение к проекту внесено каркаралинскими султанами и старшинами. Чокану из толпы объяснили, для чего придуманы «бии над биями». В Каркаралах только что прогнали за лихоимство четырех чиновников-казахов. Для богачей они люди свои, им хотят подыскать новые должности.

Чокан с удовольствием выполнил требование взбунтовавшихся бедняков и порвал бумагу. А Яценко остался в убеждении, что Валиханов и есть главный зачинщик каркаралинских беспорядков.

По возвращении в Омск надворный советник Яценко и штабс-ротмистр султан Валиханов представили народные мнения, настолько противоречащие друг другу, что областное начальство не на шутку всполошилось. Решили вызвать в Омск из округов самых почтенных султанов и биев для участия в работе комитета, который сводил воедино все изменения и дополнения к проекту реформы. Генерал-губернатор Дюгамель дал согласие на приглашение киргизского элемента, но порекомендовал комитету начать занятия, не дожидаясь приезда степных аристократов.

— Это ускорит окончательное соображение дела, когда заявятся султаны и бии.

Была уже середина июля, Чокан знал, что все предложения должны быть представлены Дюгамелю не позже 1 августа. «Киргизский элемент» еле успеет примчаться по вызову и подписать все, что сочинит комиссия.

Один конь пыли не взметнет, а если и взметнет, то не добудет себе славы.

В Омск воротилась экспедиция астронома К. В. Струве. Встречу праздновали в Благородном собрании. Пришел и Ядринцев. В его воспоминаниях о Валиханове описан примечательный эпизод. Струве заговорил о том, что киргизы ненавидят казаков. Ядринцев заметил, что Чокану разговор неприятен. Чокан улыбнулся Потанину и встал с бокалом в руке:

— Что у киргизов нет ненависти к представителям казачьего войска, я желал бы засвидетельствовать. Я, как киргиз, поднимаю бокал и целую моего друга-казака! — И Чокан горячо поцеловал Григория.

За этим эпизодом не только крепкая дружба с детства, с кадетского корпуса. Чокану известно, что общество сибирских патриотов ведет в Сибири революционную пропаганду. В тайное общество, созданное Потаниным, вошли многие друзья юности Чокана, его одноклассники, в их числе и Евгений Колосов — тот, что в кадетские годы был влюблен в Чокана и запомнил на всю жизнь слова своего кумира о будущих путешествиях. Причастны к обществу и Николай Федорович Костылецкий, которому после ареста Потанина и Ядринцева велят

подать в отставку, и Николай Щукин, ученый и публицист, на его труды о якутах Чокан ссылался в набросках по истории южносибирских племен... Примкнул ли сам Валиханов к тайному обществу — осталось невыясненным. Валиханов не попал на заметку к засланному III отделением провокатору С. С. Попову¹, а на следствии сибиряки скрыли все: имена членов общества, свою связь с «Землей и волей». Не назвали они и Валиханова. А если следствию и сделалось что-то известно о Валиханове, то вызвать его в 1865 году на допрос было уже невозможно — Валиханов умер.

Зиму 1863/64 года Потанин не жил постоянно в Омске, бывал наездами. Он рассказал в своих воспоминаниях, как однажды застал Чокана тяжело больным, лежащим посреди комнаты под казахскими лисьими шубами. Чокан был очень грустен и жаловался на начальство.

Это свидетельство Григория Потанина объясняет, почему не рукой Валиханова написаны «Записка о судебной реформе» и работа «О мусульманстве в степи». Кому-то он диктовал, а потом собственной рукой вносил поправки. Он спешил — и не только потому, что хотел своими обоснованными доводами вмешаться в готовящиеся для Степи преобразования. Тяжело больной, он торопился составить свое политическое завещание, думая о судьбе «миллионов людей, подающих несомненные надежды на гражданственное развитие, людей, которые считают себя братьями русских по отечеству и поступили в русское подданство добровольно». В своем политическом завещании он отстаивал интересы целого народа, которые не должны быть жертвованы интересам отдельного сословия. «На мнения же привилегированных классов общества следует смотреть не иначе, как на отрицательное выражение истинных народных нужд, ибо интересы знатных и богатых людей, даже в обществах высокоцивилизованных, бывают большею частью враждебны интересам массы, большинства».

Он изложил в «Записке» свои взгляды, прибегая к

¹ Этот провокатор и сочинил прокламацию «К сибирским патриотам», в которой говорилось об отделении Сибири от России. Таким образом, сепаратизм — изобретение жандармов. Сибирские патриоты стояли за федерацию, и от них на следствии долго скрывали, что ведется «Дело о злоумышленниках, имевших целью отделить Сибирь от России и основать в ней республику по образцу Северо-Американских Соединенных Штатов».

оборотам, понятным тогдашнему русскому читателю и нуждающимся в расшифровке для читателя нынешнего. Валиханов пишет: «Все революции, бывшие в Европе с 1793 года, происходили единственно от стремления правительства подавить свободное народное движение. Реформы же насильственные, привитые, основанные на отвлеченных теориях или же взятые из жизни другого народа, составляли до сих пор для человечества величайшее бедствие. Современные наши историки недаром все наши общественные болезни и аномалии приписывают сокрушительному и антинародному духу петровской реформы».

Не петровская, конечно, а крестьянская реформа названа здесь сокрушительной и антинародной. Но само обвинение реформы Петра, разединившей Россию, — это любимая мысль Достоевского, это из программы журнала «Время», которая разрабатывалась осенью 1860 года, когда Чокан жил в Петербурге и часто бывал у Достоевских.

Возмущавшие Яценко «отсталые» высказывания штабс-ротмистра Валиханова (что при хане Тауке Степь имела суд, до которого Россия доросла только сейчас) перекликаются с известными тогда всей читающей России взглядами Чернышевского. Чернышевский считал, что порядок дел, к которому столь трудным и долгим путем стремится Запад, еще существует в России, и видел аналогию между российской сельской общиной и теми отношениями, которые придуманы сен-симонистами и коммунистами, как высочайшее развитие человеческого рода.

У Валиханова в «Записке о судебной реформе» про общинно-родовые отношения казахов сказано: «Наконец, что всего важнее, формы нашего общественного развития находятся в том самом безыскусственном периоде, когда они представляют наибольшую аналогию с результатами высшего, культурного развития. На этом факте основаны все наши надежды на будущее»¹. Здесь «результаты высшего культурного развития» обозначают для понимающего те формы общественной жизни, о которых мечтают лучшие умы Европы и России.

Валиханов сравнивал древний суд биев с английским судопроизводством. Он писал, что обычное право казахов — «по той же аналогии высшего развития с низшим,

¹ Этими надеждами на будущее объясняется идеализация суда биев в «Записке о судебной реформе». Валиханов так и не показал, что суд биев во все времена оставался судом классовым.

на которое мы так любим ссылаться» (то есть любим ссылаться на Чернышевского), — имеет более гуманных сторон, чем законодательство, например, мусульманское, китайское и русское при «Русской правде»¹. Так, у казахов, подчеркивал Валиханов, нет телесного наказания. Особое упоминание телесных наказаний у него не случайно. Великая реформа 19 февраля 1861 года порку крестьян не отменила. Валиханов протестовал против введения в Степи такой «новой» меры наказания и вообще против «тех предупредительных и устрашающих мер, которыми наполнены и новейшие европейские кодексы», то есть и проект судебной реформы.

Он предупреждал своего читателя — проницательно-го, как и читатель Чернышевского, — что не принадлежит к последователям той узкой теории народности, которые думают, что народность должна развиваться сама из себя. «Напротив, мы думаем, что усвоение европейского, общечеловеческого просвещения и энергичская борьба с препятствиями, мешающими достижению этой цели, должна составлять конечную цель для всякого народа, способного к развитию и культуре».

«Энергичская борьба с препятствиями...» «Конечная цель...» Обычная в статьях того времени подмена крамольных слов другими. В «Записке о судебной реформе» Валиханов утверждал, что «...для нормального роста народа, на какой бы степени развития он ни стоял, необходимы: саморазвитие, самозащитение, самоуправление и самосуд...». Здесь названы лозунги русского революционного движения. Н. П. Огарев писал в 1863 году в «Колоколе»: «В России бунт невозможен иначе, как чтобы вместе с ним возникли и учредились народное землевладение, самосуд и самоуправление».

Посылал ли Чокан Валиханов куда-нибудь в столичный журнал свою «Записку о судебной реформе»? Неизвестно. И дошла она до нас только потому, что эта совсем не служебная записка, а блистательная публицистическая статья была подана Чоканом по начальству и упокоена в архиве. И спасибо, что хоть упокоили! А то бы вовсе пропала, как многие рукописи Валиханова, как его «восточные тетради», о которых упоминал в письме к Чокану Хусаин Фаизханов. Можно предположить, что он надеялся на будущее, когда его труд найдут, и напечата-

¹ «Русская правда» — свод законов, памятник древнерусского права.

ют, и сделают достоянием народа. Так оно и случилось, причем в очень важный исторический момент, накануне первой русской революции 1905 года. «Записка о судебной реформе» была опубликована в 1904 году в томе сочинений Ч. Ч. Валиханова, изданном Русским географическим обществом¹.

Работу над «Запиской» Чокан Валиханов закончил 28 февраля 1864 года. 8 марта в Омске появился полковник Черняев. Он направлялся в укрепление Верное, чтобы возглавить поход Зачуйского отряда на кокандскую крепость Аулие-Ата.

Следуя примеру Перовского и Муравьева-Амурского, Черняев постарался заинтересовать ученых возможностью совершить путешествие в неведомые края. В походе согласились принять участие зоолог Н. А. Северцов, этнограф Ю. Д. Южаков, художник М. С. Знаменский. Поехал с Черняевым и Валиханов. Зачем? Дюгамель писал военному министру Д. А. Милютину, что полковнику Черняеву даны инструкции предложить киргизам присоединиться к России, а если правитель Ташкента или Туркестана изъявит такое желание, полковник Черняев должен вступить в предварительные переговоры. «Для такого рода отношений при нем будет состоять штабс-ротмистр Валиханов, весьма ловкий и развитый азиатец, хорошо знающий русский и татарский языки».

«Весьма ловкий и развитый азиатец». И не постыдились отписать так военному министру Д. А. Милютину, лично знающему штабс-ротмистра Валиханова, читавшему превнимательно кашгарский отчет и в особенности те страницы, где сказано, что Средняя Азия может развивать производство хлопка, если это потребуется России. А ведь туркестанский поход Черняева наряду с прочими историческими причинами вызван острой потребностью российской текстильной промышленности в хлоп-

¹ Сочинения Валиханова сыграли огромную роль в общественной жизни Казахстана и накануне первой русской революции, и в период подготовки к Октябрю, оказали решающее влияние на многих выдающихся деятелей казахской культуры, на русских исследователей Казахстана, на широкие слои читателей. Сейчас существует пятитомное собрание сочинений Ч. Ч. Валиханова, прекрасно прокомментированное, однако издание 1904 года раскрывает с благоговением. Считаю своим долгом выразить в этой книге благодарность поэту А. Тажибасву, из рук которого я много лет назад получила сочинения Ч. Ч. Валиханова. — И. С.

ке. Вызван тем, что в Америке идет гражданская война и на американский хлопок Европе рассчитывать не приходится.

Валиханов при его состоянии здоровья мог без хлопот уклониться от участия в походе Черняева, но он этого не сделал. Гутковскому¹ он писал: «Еду я, признаюсь, для того, чтобы получить чин. Черняев, кажется, человек хороший и чина, может, не пожалеет». Тут есть доля правды — после атбасарского поражения хочется досадить всем недругам повышением в чине. Ничто человеческое Валиханову не чуждо. В предыдущем письме Гутковскому он каялся, что не совсем хорошо вел себя после выздоровления: «...играл в карты, таскался по клубам и шампанское стал пить». Точно ему сделалось в Омске. Особенно после того, как Потанин и Ядринцев перенбрались из военно-чинового Омска в более культурный Томск. С отцом и дядей Мусой у Чокана установились ровные отношения. Но так или иначе он видел в любом их мнении «отрицательное выражение истинных народных нужд». Чингис наконец-то выхлопотал себе дворянство и ходил очень гордый. Обстоятельства вынуждали Чингиса искать путей к примирению с шайкой взяточников, и он намеревался летом 1864 года ехать разбирать в очередной раз претензии между оренбургскими и сибирскими казаками. Комиссию возглавлял Майдель, в нее входили все тот же Ивашкевич и несколько казахских султанов и биев, в их числе враг Валихановых — Байгалы Саңдыбаев. Чокан знал — он писал об этом Гутковскому, — что толку от комиссии не будет и вся тяжесть падет на казахскую бедноту. Но Чингис все равно принял участие в работе комиссии.

Уезжая из Омска, Чокан безболезненно порывал с отцом. Это тоже одна из причин его согласия присоединиться к экспедиции Черняева. Но главная была все-таки в том, что в тех краях, где Коканд понаставил свои крепости — Куртку, Пишпек, Токмак, Туркестан, Аулие-Ату, Чимкент, — издревле кочевали казахи и их родные братья — киргизы. С первой своей поездки за Или Чокан не переставал интересоваться делами Старшего жуза и дикокаменных киргизов. Кокандскому господству там при-

¹ Гутковский тогда все еще находился в Петербурге, где он общался с передовыми кругами, о чем свидетельствует тот факт, что в «Колоколе» Гутковского впоследствии охарактеризовали как самого дельного и самого знающего члена Степной комиссии, созданной для выработки новой системы управления казаками.

ходил конец. В 1860 году отряд полковника Циммермана в 1750 человек пехоты и конницы при 15 орудиях взял кокандские крепости Токмак и Пишпек. В этом походе участвовали казахские султаны, в том числе и Тезек, награжденный за храбрость золотой медалью и орденом святого Станислава. Чокан узнал о взятии Пишпека в Петербурге. И писал тогда Гутковскому, просил похлопотать об освобождении из плена Алишира-датхи, помощника коменданта крепости Пишпек, с ним он встречался в период подготовки к кашгарскому путешествию. Чокан знал, что, если русские освободят пленных, народная память сохранит доброе деяние, а народная поэзия еще и приумножит. Просьба Чокана возымела действие: Алишира и коменданта крепости Пишпек Атабека — при них обоих, кстати, в качестве охраны состоял Гази Валиханов — отпустили из плена.

Тогда же, в 1860 году, 20-тысячное кокандское войско двумя отрядами двинулось на укрепление Верное. Родам Старшего жуза и киргизам дали знать, что с кокандцами идет сын Кенесары Садык. Но в результате к походу на Верное присоединились лишь несколько казахских султанов и киргизских манапов.

Начальник Алатавского округа Колпаковский располагал не очень большими силами. Четыре сотни казаков, три роты пехоты, горстка артиллеристов с 6 орудиями и 2 ракетными станками. Но вместе с русскими против кокандцев выступило многочисленное казахское ополчение. В сражении при Узун-Агаче¹ кокандцы были разбиты. В этом сражении прославились храбростью многие казахские батыры, в их числе и Джабай из рода чапрашты. Его сын Джамбул, будущий знаменитый акын, в Узун-Агачском деле не участвовал, юношу оставили охранять обоз.

Впоследствии кокандцы сумели на время вновь овладеть крепостями Токмак и Пишпек — русские оставили там малочисленные гарнизоны. Но казахи, кочевавшие возле Чимкента, Аулие-Аты и Ташкента, продолжали отходить на территорию России.

Рядом, в Чуйской долине, вспыхнуло восстание киргизов против Коканда. Восставшие осадили крепость Пишпек и обратились за подмогой в Верное к Колпаковскому. Тот охотно откликнулся на просьбу чуйских кирги-

¹ На сопке около Узун-Агача воздвигли затем памятник в честь совместной победы русских и казахов. Он издали виден едущим по шоссе Алма-Ата — Фрунзе.

зов. Взяв Пишпек, Колпаковский приказал взорвать глинобитные крепостные стены. За Пишпеком открылась прямая дорога на Аулие-Ату. Время показало дальновидность Валиханова. О липии между фортом Перовским и укреплением Верным он писал в 1855 году в официальной записке от имени Гасфорта, доказывая, что низовья Чу непригодны для «постоянного водворения» и необходимо выходить в верхнюю часть Чу.

Продвижение на юг велось одновременно со стороны форта Перовского и со стороны укрепления Верного. Полковник Черняев еще в 1863 году, двигаясь из форта Перовского, занял кокандские крепости Сузак и Чулак-Курган. Из Верного выступил тогда же отряд Проценко — того самого, который уточнял составленные Валихановым маршруты. В походе принимали участие казахи, в том числе и воины Тезека. Отряд Проценко без боя овладел кокандской небольшой крепостью Джумгал. Она упоминается в кашгарском отчете Валиханова.

Узнав о падении крепости — соперницы в грабеже киргизских аулов, — гарнизон Куртки заранее отступил. Стоящая на берегу бурного Нарына Куртка досталась русскому отряду без боя. Некоторое сопротивление отряду Проценко оказывал только манап сарыбагышей Уметалы — русский подданный и тамыр Петра Петровича Семенова. А киргизы рода черик, которые в 1859 году не желали подчиниться коменданту Куртки Мамразыку-датхе и ездили жаловаться на него в Коканд, теперь решили добровольно присоединиться к России. 13 октября 1863 года Чокан видел представителей рода черик в Омске, когда они приносили присягу на верность России в присутствии высших военных и государственных чинов и самых именитых султанов.

Черики со времен Джангира принимали участие во всех кашгарских смутах. Чокан, встречаясь с ними в Омске осенью 1863 года, подробно расспрашивал о восстании дунган Восточного Туркестана.

Восстания против правящей Китаем маньчжурской династии дунгане поднимали и в прежние времена. Но о причинах ненависти этого трудолюбивого народа к китайскому правительству — религиозные это причины или политические — Чокан мог только строить предположения. Он считал, что у движения дунган есть что-то общее с тайпинским восстанием в центральном Китае. Тайпины добивались равного распределения зем-

ли и даже создали свое государство великого благоденствия¹.

Из Верного Колпаковский, которому поставляли сведения кочующие за горами казахи Старшего жуза, сообщил, что центром восстания дунган стал город Урумчи. В Урумчийском крае находится китайский «корпус зеленого знамени», составленный из вольных охотников. Дунгане, ценимые китайскими властями за честность и особенно за отвращение к опиуму, оказались там в большинстве, они служили даже на офицерских должностях — вплоть до помощника корпусного командира. Так что когда корпус перешел на сторону взбунтовавшихся дунганских крестьян и ремесленников, восстание сразу обрело небывалую силу. Восставшие взяли штурмом Урумчи, разгромили дома и лавки. А затем, по слухам, дунгане разделились на две партии. Одна пошла будто бы на Кульджу, а другая через Тянь-Шань на Кашгар и Яркенд. И будто бы у дунган объявился какой-то ходжа...

Об этом ходже Чокан расспрашивал чериков с особым интересом. Не Бузрукхан ли, сын Джангира? Черики вполне уверенно заявили, что нет, не Бузрукхан-тюря, а какой-то другой, не кашгарский ходжа. Действительно, то был некий Рашэддин-ходжа из города Куча, который вскоре объявил себя ханом и захватил Кашгар и Яркенд, а китайцы в обоих городах укрылись в цитаделях, ожидая, когда придут войска богдыхана и по обыкновению разгромят ходжу.

Но кашгарцам куда деваться?! Чокан вживе представлял, что сейчас творится в городе ремесленников и купцов. А будет в тысячу раз ужасней.

Не исключено, что уже тогда, отправляясь с Черняевым на Аулие-Ата, Чокан кое-что знал о Якуб-беке, опытном кокандском лашкербаше², и о том, что Якуб-бек подбивает святого Бузрукхана заявить о своих законных правах на Кашгар.

Якуб-бек стал известен в Оренбурге и Омске, когда его назначили комендантом Ак-Мечети и он занялся набегам на казахские аулы.

¹ Чокан тогда, очевидно, как никто другой, разбирался в дунганском восстании. Сказались кашгарские наблюдения. В тайпинском восстании 1850—1866 годов против маньчжуро-цинского правительства дунганам принадлежала немалая роль, но в целом это разные движения.

² Л а ш к е р б а ш и — главнокомандующий.

Тогда же на него обратили внимание и англичане. Якуб-бек укреплял Ак-Мечеть с помощью английских военных специалистов. Но вскоре русский отряд разгромил превосходящие силы Якуб-бека, и Худояр-хан сместил педадачливого коменданта. Якуб-бек отправился в Ташкент с подарком в тысячу червонцев и опять оказался в чести у хана. Он был, конечно, заклятым врагом России.

Зачуйский отряд формировался в Верном. Казачьи сотни, пехота, артиллерия и — это уж теперь вошло в обыкновение — казахские джигиты, так называемая киргизская милиция. В поход готовился большой обоз, гурт быков, отара овец — мясо для солдатского котла. В укрепление прибывали один за другим ученые — участники похода. Приезжали султаны Старшего жуза со своими джигитами, слугами и погонщиками верблюдов. Появился там и султан албанов Тезек.

В поход на Аулие-Ату выпросился у своего начальства и поручик Гази Валиханов. К этому времени шустрый родич стал еще более неприятен Чокану. Гази успел отличиться при подавлении польского восстания в 1863 году и хвастал тем, как лихо он рубил бунтовщиков. В подавлении польского восстания участвовал особый казахский отряд под командованием хорошо известного Чокану султана Ибрагима Джайкпаева, получившего дворянство одновременно с Чингисом.

Зачуйский отряд выступил из Верного 1 мая 1864 года. За полмесяца до выступления Черняев заслал к киргизам прокламацию, написанную Валихановым. Прокламация призывала родоначальников явиться с миром в отряд и обещала всем прощение. По совету Валиханова Михаил Григорьевич Черняев пригласил участвовать в походе казахских и киргизских биев. Суд биев по замыслу Чокана должен был разбирать в пути дела, переданные Черняеву генералом Колпаковским, а также все споры и претензии, с которыми станут обращаться в отряд казахи и киргизы. Таким образом, на территории, занимаемой отрядом, сразу появлялось законное и понятное народу судопроизводство. Ради одного этого Чокану стоило участвовать в походе на Аулие-Ату.

В отряде он присоединился к обществу умных и образованных людей, к этакой оппозиционной свите начальника похода, где посмеивались над историческими фразами Черняева и возмущались, когда по вечерам у палатки Черняева выстраивался солдатский хор и Михаил Гри-

горьевич приказывал играть сальные песни, чтобы показать свою близость к простому мужику-солдату.

— Лучше бы наш отец-командир дал людям отдохнуть после тяжелого перехода, — громко произносил художник Знаменский.

С Михаилом Степановичем Знаменским Чокана сблизил интерес к архитектуре могильных памятников, к росписям, к работам казахских искусных мастеров, украшенным затейливым орнаментом. Знаменский рассказывал Чокану, как поживает в Тобольске Ждан-Пушкин, бывший инспектор классов в кадетском корпусе. Вместе со Ждан-Пушкиным Знаменский навещал в тюрьме поэта М. Л. Михайлова, следовавшего в ссылку. Михаил Степанович вел в походе дневник, который, по счастью, сохранился. Чокан или вовсе не вел записей, или они до нас не дошли.

В отряде находился и генштабист Красовский — будущий автор капитального труда по географии и статистике Области сибирских киргизов. Казалось бы, на него должен был произвести большое впечатление Чокан Валиханов — действительный член Географического общества, образованный востоковед, первооткрыватель Кашгара. Но нет. В труде Красовского, изданном всего через четыре года после похода на Аулие-Ату, то есть по свежей памяти, дважды упоминается Валиханов: один раз он назван как толмач при Яценко (только толмач) и другой раз сказано, что одну из башен в Чуйской долине осмотрел и заснял в 1864 году штабс-капитан Валиханов. Непонятно, почему Красовский не уделил Чокану Валиханову хотя бы нескольких уважительных строк. Ведь в целом к киргизам, то есть к казахам, в труде Красовского выражено самое доброжелательное отношение.

13 мая отряд расположился лагерем на реке Чу, неподалеку от развалин кокандской крепости Токмак.

— Какие тут были сады! — сказал Чокан Знаменскому. — Все вырублено. Даже пенька не осталось.

Черняев отдал приказ заложить новое Токмакское укрепление на одну роту и казачью сотню при двух орудиях. По случаю закладки священник отслужил молебен с водосвятием. Солдаты точили заступы, пасаживали на черенки.

Выйдя из палатки, Чокан увидел скачущих к лагерю сарыбагышей. Одного из них он сразу узнал. Турегельды!.. Едет как ни в чем не бывало. Словно не он содрал с Чокана халат, не он грозился выдать русского агента кокашдам.

Турегельды тоже узнал Валиханова, ослабился.

У киргизов говорят: «Отплатить добром за добро может всякий, отплатить добром за зло — только настоящий человек». Чокан переводил Черняеву обещания Турегельды и приехавших с ним манапов. Сарыбагыши сами напросились доставить в отряд Черняева лес для строящегося укрепления... Кроме того, отдали в киргизскую милицию своих сыновей. Черняев наградил Турегельды и других манапов почетными халатами и часами.

В Пишпекке киргизы встретили отряд дружелюбно, пригнали баранов для продажи. К Черняеву приехали издалека, из Младшего жуза, казахские тамыры. Чокана пригласили переводить дружескую беседу. Он убедился, что казахи оренбургского ведомства тоже заинтересованы в смыкании русской границы. Чокан перевел Черняеву привезенное тамырами письмо бия Чокая. В нем сообщалось, кто из родоначальников намерен прибыть в Аулие-Ату для принятия русского подданства. В кочевых аулах, как видно, не сомневались, что Аулие-Ату возьмут.

К Мерке отряд продвигался долиной, изрезанной речушками и арыками. И нигде ни души. Хозяева засеянных полей — киргизы рода солты, — узнав о приближении отряда, бежали в горы.

— Они в прошлом году угнали у нас несколько тысяч баранов, — пояснил Чокану джигит из рода дулат. — А зимой у них был джуг, солты потеряли весь скот. Им теперь нечем с нами рассчитаться.

По воинственным разговорам дулатов Чокан понял, что они намереваются заняться барымтой и вернуть таким образом свое, законное.

Крепость Мерке с высокими зубчатыми стенами оказалась брошенной и гарнизоном, и мирными жителями.

Отряд Черняева простоял здесь несколько дней. Чокан отправился с Николаем Алексеевичем Северцовым изучать флору и фауну Тянь-Шаня. Странствуя вместе по окрестностям Мерке, они говорили о плодородии земли, о прекрасном климате и о возможности переселения сюда русских хлебопашцев. Несколько лет спустя Северцов будет составлять записку о пригодности посещенных им мест Тянь-Шаня для русских переселенцев и напишет, что при этом необходимо соблюдать такое вот главное условие: чтобы эти места были свободны и колонизация произошла без стеснения коренного местного населения.

В укромном месте они натолкнулись на две отары под охраной вооруженных джигитов.

— Да это барымта! — Чокан подъехал к джигитам. — Почему ушли из отряда? — Он узнал дулата, рассказывавшего, что киргизы из рода солты угнали в прошлом году у дулатов много скота. — Время ли сейчас заниматься барымтой?

По приказу Чокана казаки из конвоя погнали обе отары в Мерке.

Вернувшись в отряд, Чокан узнал, что другие дулаты тоже занялись барымтой и поймали своего старого врага, манапа рода солты Чолпанбая, когда он ехал к себе в кочевье из Чимкента от кокандского парваначи с богатыми дарами и с ярлыком на звание старшего манапа.

Пришлось созвать суд биев. Дулаты и солты выставили своих лучших ораторов. Проинструментированный Чоканом Черняев в ослепительно белом мундире занял председательское место, расправил усы... Ничего не скажешь — роль свою он провел с блеском. Суд биев уважил просьбу Черняева, желавшего привлечь род солты в русское подданство. Дулатов обязали вернуть Чолпанбаю те две барымты, которые были взяты казачьим конвоем, сопровождавшим Северцова и Чокана. Чолпанбая отпустили в его кочевья, оставив при нем все кокандские подарки. Черняев там же, на суде, преподнес манапу почетный халат и обещал передать царю просьбу солты о принятии в русское подданство.

Киргизская милиция получила огромное удовлетворение от походного суда биев. И вскорости после суда выяснилось, что в окрестностях Мерке не так уж безлюдно. Прибыл кочевавший поблизости с несколькими аулами бий толканов Маймулла. Прислали письма с летних пастбищ на Таласе манапы, чьи зимовки находились поблизости от Мерке. Чокан перевел Черняеву послание на желтой лощеной бумаге, засвидетельствованное родовыми печатями: «Услышали мы, что идут русские, и просим принять нас в подданство царя белого, желаем всю жизнь есть соль царскую. Мы прежде были подданными хана и ели его соль, но власть хана ослабела, просим охранить наши пашни от потравы. Пашни царские и скот наш — скот царский. Если мы будем хорошими подданными, то жалуйте нас, а коли худыми, то наказывайте».

В рапорте Черняева Дюгамелю от 27 мая 1864 года особо отмечены усердие и знания штабс-ротмистра Валиханова, способствовавшие ослаблению вражды между казахами и киргизами.

28 мая отряд Черняева, оставив в Мерке стрелковую

роту, тридцать казаков при двух легких орудиях и одной мортире, выступил на Аулие-Ату. Кокандцы боя не принимали, казачья разведка докладывала, что они отходят к крепости.

Глинобитные стены, перед воротами четыре вывезенные из крепости пушчонки. Невелика артиллерия. Стоило заговорить пушкам Зачуйского отряда, как кокандцы поспешили укрыться со своими пушчонками в крепости.

Черняев подозвал Чокана.

— Штабс-ротмистр, напишите от моего имени коменданту крепости, чтобы сдавался во избежание напрасного кровопролития. Обещаю безопасность гарнизону и жителям.

Вечером 2 июня проводник-казак понес письмо в крепость. Понес и пропал. Никакого ответа, никакого сигнала со стен крепости. Черняев приказал открыть по городу огонь из 4 легких и 4 батарейных орудий. Снаряды рвались где-то за глинобитной крепостной стеной. Закатное солнце облило город багровым светом. Чокану вспомнилось описание Таласской долины у Рубрука: «И с гор спускалась большая река, которая орошала всю страну». «Я видел там лозы и дважды пил вино».

В далекие времена, когда этой долиной проходил Великий шелковый путь, город Талас — он же Тараз — был окружен прекрасными садами, имел четверо ворот, посредине базар и соборную мечеть, а где-то в стороне христианскую церковь. Таразом восхищались многие восточные писатели. Наивысший расцвет этого торгового города приходится на IX—X века. А потом пришел Чингисхан, и не стало ни базара, ни мечети, ни христианской церкви. Ничего не стало. Но город все-таки вновь возродился под именем Аулие-Ата... Он нужен здесь, на этом самом месте, в этой долине...

Казак, ходивший в крепость с письмом Черняева, вернулся на другой день в 6 часов утра. Аулие-атинский бек Нияз-Али-датха просил четырнадцать дней на размышления. Он не мог рассчитывать, что к нему на выручку успеет прибыть сильное подкрепление. Нияз-Али думал не о судьбе крепости и не о судьбе ханства, а о том, как уберечь свою собственную голову. Беку был нужен кровопролитный бой. Чем больше трупов, тем лучше. А сам он успеет улизнуть в последний момент и доложит хану, что бился как лев и что вся вода в Таласе красна от русской крови.

В этот июньский ясный день в плодородной долине Та-

ласа, в древнем оазисе Средней Азии, не хотели боя ни мирные горожане, ни кокандские сарбазы, ни солдаты, пришедшие с Черняевым, ни киргизская милиция под командой поручика Гази Валиханова. Порешить бы миром — что может быть лучше!

Штабс-ротмистр Валиханов сделал все, что он мог сделать при сложившихся обстоятельствах. Он сам пошел в крепость парламентаром. Очевидно, надеялся, что ему удастся уговорить, улестить бека, что-то существенное посулить. Не сохранилось никаких сведений о том, как действовал Валиханов в качестве парламентаря. Известно только, что Нияз-Али отказался сдать крепость.

В знак вызова кокандцы вывесили на стенах крепости знамена. Черняев снова открыл огонь.

Крепость отстреливалась из своих четырех пушчонок. В зеленой палатке, где обедали штабные офицеры, говорили, что, по сведениям, доставленным лазутчиками, в Аулие-Ата никто до последнего времени не верил, что русские идут брать крепость. Посмотрят и уйдут. Этот слух был, конечно, пущен Нияз-Али-датхой.

5 июня стрелковые роты, сотня казаков и восемь орудий переправились под проливным дождем через Талас и подошли к городу с западной стороны. Киргизская милиция в штурме не участвовала. Начался орудийный обстрел, и через два часа солдаты на плечах противника ворвались в город. Нияз-Али-датха с 400 конными успел улизнуть из цитадели. Черняев писал в рапорте, что успех достался легко, во всем отряде ранено трое и контужено двое.

Храбрость самого Михаила Григорьевича не подлежит сомнению. Он лично участвовал в переправе через Талас и в штурме. По этой части в рапорте все достоверно. Сомнение вызывает только вот какое место. Черняев пишет, что по его распоряжению погребено 307 человек и что убитые почти все принадлежат к гарнизону. Вряд ли снаряды, рвавшие в городе два дня подряд, поражали только солдат и щадили мирное население.

Неизвестно, какой разговор состоялся у полковника Черняева со штабс-ротмистром Валихановым 6 июня 1864 года в разрушенном артиллерией городе Аулие-Ате под причитания женщин, оплакивавших своих близких.

В воспоминаниях Потанина причиной разрыва Валиханова с Черняевым названы расправа русских войск над единоверцами Чокана или, может быть, и над соплеменниками. Ядринцев высказывается неопределенней: «Не со-

шлись ли эти два деятеля, или Валиханов содрогнулся и в нем запротестовало чувство ввиду предстоящей борьбы в Средней Азии, остается неизвестным).

И Потанин и Ядринцев с Чоканом уже не встречались. Пишут по слухам.

В Центральном государственном архиве Казахской ССР сохранился «Наказ начальника 8-го батальона Богацевича начальнику 9-го батальона майору Курзину» от 8 июня 1864 года, данный в крепости Аулие-Ата. Из этого документа явствует, что 7 июня Черняев отправил обратно в Верное часть своего отряда. При отряде, направляющемся в Верное, должен был состоять в числе других и штабс-ротмистр султан Валиханов.

Каковы бы ни были причины и обстоятельства отъезда Чокана из Зачуйского отряда, Черняев не обошел его наградой. За отличие в делах с кокандцами штабс-ротмистр Валиханов был представлен к чину ротмистра.

Стоит обратить внимание, что после взятия Аулие-Аты подал в отставку поручик Гази Валиханов. Не спутаны ли в слухах Чокан и его родич? Гази в оппозиции к Черняеву не состоял. Он просто-напросто отправился к приятелю своему, султану джалаирав Камбару Аланову, и принялся вместе с ним обирать степняков-кочевников. А после он вновь окажется на службе. И где! В лейб-гвардии Атаманском его императорского величества наследника цесаревича полку¹.

Чокан в отставку не подал. Не мог он, не имел права уйти в отставку летом 1864 года, когда ходжа Бузрукхан, за спиной которого стоял Якуб-бек, двинулся на Кашгар.

Скорее всего Чокан узнал о Бузрукхане и Якуб-беке после взятия Аулие-Аты от пленных сарбазов. И именно это стало причиной его срочного отъезда в Верное.

20 ноября 1864 года Чокан Валиханов сидел за низким столиком в неряшливом зимовье султана Тезека и писал Герасиму Алексеевичу Колпаковскому о своих переговорах с китайцами, прибывшими из Кульджи. Чокана беспокоило, что до сих пор нет известий от его помощника Бектаира, направившегося для сбора сведений в Восточный Туркестан.

«Донося о сем вашему превосходительству, — писал

¹ Их будут путать и в дальнейшем. Возможно, что А. Е. Врагелъ мельком видел в Париже Гази Валиханова.

Чокан, — прошу Вас, если можно, облечь мое агентство в официальную форму, чтобы после мне быть полезным Вашим сотрудником».

Значит, до этого он действовал из аула Тезека от себя, на свой страх и риск, по своему убеждению и со своими надеждами сделать все, что в его силах, чтобы народы Восточного Туркестана перестали убивать друг друга.

Его характер и его убеждения недооценили даже близкие друзья. Ядринцев написал в своих воспоминаниях, что Валиханов удалился от дел и кончил жизнь печально среди родных кочевников, будучи не в силах передать им даже надежды на лучшее существование. Ошибку Ядринцева впоследствии использовали националисты, создававшие миф о разочаровании Валиханова: эlegantный офицер русской армии переоделся в широкую киргизскую одежду и умер в заброшенном киргизском ауле.

Заброшенный аул?.. На самом деле Чокан жил то у Тезека, отнюдь не в глуши, а в центре большого рода албанов, то в Капале, где существовал кружок образованных людей, где выписывали столичные газеты и журналы. И, значит, он держал в руках книжку «Современника» № 6 за 1864 год, где над статьей К. Губарева «Киргизская степь» стояло посвящение ему, Чокану Валиханову. Автор статьи рассказывал русскому читателю о большой тяге киргизов к образованию — в чем примером для степного кочевого племени служит «...Чокан Валиханов — такая способная, развитая и дельная личность, какой не появлялось ни между одними инородцами сибирскими». Нет, в Петербурге его не забыли.

В оставшийся малый срок жизни время Чокана опять летело стремительно. Он был теперь не одинок — рядом с ним появилась Айсары, сестра Тезека.

О ней нам мало что известно. Свадебных торжеств, очевидно, не было. Ведь в них непременно участвовал бы знаменитый акын Суюмбай со своим учеником, уже восемнадцатилетним Джамбулом, и они бы сохранились в поэтической памяти народа.

С Айсары встречался через полгода после смерти Чокана А. К. Гейнс, ездивший по аулам Среднего и Старшего жузов с комиссией, которая работала над проектом переустройства управления Степью. В дневнике Гейнса описаны встречи с родными Чокана Валиханова и с его вдовой. Гость, незнакомый с обычаями казахов, не понял глубины горя Зейнеп. По его описанию, она громко плакала и «гримасничала». Казахский обычай требовал и от Ай-

сары, чтобы она при гостях начинала громко причитать. Однако, как пишет Гейнс, «вдова была, видимо, подавлена своим горем, но не ломалась и не хныкала. У нее очень доброе лицо». Это свидетельство чужого, не слишком чувствительного человека неожиданно дает нам очень и очень много. В ауле Тезека, на взгляд того же Гейнса, все поглубже, попроще, подичее, чем у европеизированного Чингиса Валиханова. В соответствии с нравами своей семьи Айсары должна была бы, если пользоваться словами Гейнса, уж очень сильно ломаться и хныкать. Но она повела себя не как сестра султана Тезека, а как вдова Чокана Валиханова. Все-таки Чокан встретил в своем народе женщину, которая смогла стать ему духовно близкой. Перед смертью он написал родителям, чтобы они взяли Айсары к себе, не оставили без внимания и заботы. Просьба не совсем понятная. По адату после смерти мужа вдова становится женой его брата. Так что согласно обычаю Айсары непременно должна была оказаться после смерти Чокана у Валихановых. Не просил ли он перед смертью обойти этот обычай, чтобы Айсары просто переехала в Сырымбет к Чингису? Но все свершилось по адату: приехавший к Тезеку брат Чокана Жакуп воздвиг на его могиле мавзолей из глины, прикрепил доску с соответствующей молитвой и взял Айсары в жены. Существует легенда, что первый ребенок Айсары рожден не от Жакупа, а от Чокана, но это ничем не подтверждено. Тридцать лет спустя Потанин, приехавший навестить старого Чингиса, узнал, что Айсары все-таки развелась с Жакупом и живет с его детьми в Сырымбете у Маки. Однако Потанин с ней не повидался, не спросил ее о последних днях Чокана, хотя в ту пору он как раз усиленно занимался поиском рукописей своего покойного друга. И вообще все, кому дорога была память о Чокане, кто хлопотал о памятнике на его могиле, об издании его трудов, не вспоминали никогда о его вдове.

Об отношениях между Чоканом и султаном албанов Тезеком мы можем судить по письмам Чокана Колпаковскому. Чокан заключил с Тезеком определенный политический союз. Султан албанов, награжденный за участие в походе на Аулие-Ату золотой саблей, понимал всю выгоду своего посредничества между русскими властями и илийским цзянь-цзюнем, между русскими властями и восставшими дунганями. Именно в аул Тезека явился посланец уйгурских беков с сообщением, что у них теперь есть свой ходжа Сеидахмет-хан, уроженец Маргелана. Однако

наверняка все эти посланцы из-за кордона ехали не к Тезеку, а к жившему у Тезека штабс-ротмистру Валиханову. Но всем было удобно прикрываться именем султана албанов, у которого есть и русский чин, и китайский голубой шарик. Тугерек, где поселился Чокан, сделался в конце 1864 года вторым по значению пунктом Алатавского округа после Верного. В благодарность за помощь Чокан устраивал некоторые дела Тезека, рукой Чокана написана просьба султана албанов к Колпаковскому об отдаче ему на поруки манаша Али, с которым Тезек был в родстве.

Но этот политический союз с Тезеком не мешал Чокану выступать против местных феодалов. Посвящая Колпаковского в дела управления казахскими родами, Чокан писал, что Тезек продолжает себя считать владельцем албанов, а не чиновником русского правительства. Чокан возмущался тем, что Тезек управляет своими тюленгутами, как плантатор неграми. Но еще хуже жилось простым казахам из рода джалаиоров. Там родоправители, в числе которых теперь обретался и Гази, отошли от патриархальных форм эксплуатации и грабили народ по-новому. Являлись в аул с какими-то жалобами, сочиненными по их же наущению, и брали отступного тогузами, брали лошадей якобы для подвод и не возвращали.

«Прежде было основание церемониться с киргизской властью, — писал Чокан Колпаковскому в надежде повлиять на его мнение при обсуждении выводов Степной комиссии, созданной в 1864 году для подготовки реформы управления Степью, — теперь же, когда границы наши закреплены, можно положить конец их самоуправству и произволу и дать почувствовать им, что они не владельцы, а чиновники и что правительству нужен народ, а не султаны, ибо математически 100 вернее, полезнее, чем 10. По моему мнению, этого можно достигнуть, только подчинив формальным выборам должность султанов и управителей; ослабить аристократический элемент и поднять и дать значение суду биев. В Большой орде суд биев не существует, дела решаются по капризу властей».

Пять писем Валиханова Колпаковскому, дошедшие до нас, говорят об очень доверительных отношениях. Начало их надо искать в том апрельском дне, когда новый начальник Алатавского округа и киргизов Большой орды обнял прибывшего в караваном в Верное больного, исхудалого путешественника в черной казинетовой шубе. Колпаковский преотлично понимал, как много может сделать в пору бурных событий по ту сторону границы Чокан Вали-

ханов — с его кашгарским опытом, с его влиянием на казахов Большой орды.

Герасим Алексеевич Колпаковский не забыт в Алма-Ате. О нем напоминает правильная планировка города, напоминают столетние дубы и березы на центральных улицах, дорога, связывающая Алма-Ату с Фрунзе. Управляя Алатавским округом — а затем Семиреченской областью, — Колпаковский требовал неукоснительно, чтобы в казачьих станицах и в Верном каждый хозяин высаживал перед домом деревья — причем не какие придется, а самых благородных пород, взыскивая строго за каждое засохшее дерево и щедро награждая за выращенные. То же он продолжал делать, став генерал-губернатором Степного края и поселившись в Омске. Казахи, повидавшие самых разных русских начальников, уважали Колпаковского за справедливость и честность. Качества эти особенно хорошо были видны из кочевых аулов.

И для Чокана, конечно, немало значили личные качества Герасима Алексеевича. Будь на месте Колпаковского кто-то другой, Чокан, возможно, и не взял бы на себя столь сложную и ответственную дипломатическую миссию. Кстати, только Колпаковский мог бы поведать в своих воспоминаниях обо всем, что удалось совершить Чокану в последние месяцы жизни. Но Колпаковский этого не сделал. И более того — передавая в 1887 году Григорию Потанину пять писем Валиханова, Колпаковский не преминул обратить внимание собирателя научного наследия Чокана на то, что это частные письма. Бережность примечательная. Герасим Алексеевич Колпаковский с величайшей любовью относился к памяти Чокана Валиханова. Это он отыскал в омском архиве «Записку о судебной реформе», распорядился сделать с нее копию и отправил Потанину с письмом, в котором подчеркивал, что работа Валиханова «не лишена интереса и в настоящее время». В том же письме он предложил свои средства на издание трудов Валиханова.

В 1887 году в Верном уже существовали Дунганская, Уйгурская, Кашгарская улицы. Там жили переселенцы из Кульджинского края¹. И в том, что тысячи людей двинулись в Семиречье в поисках мира и покоя, есть и заслуга Чокана Валиханова, выступившего в защиту дунган.

¹ В 1877 году в район Токмака прибыла первая группа дунган. Основная масса уйгуров и дунган переселилась в Россию в 1881—1883 годах.

Это было его последнее выступление в печати — статья о восстании дунган в Западном крае Китайской империи, написанная в Капале 7 декабря 1864 года и опубликованная в газете «Русский инвалид» в № 51 за 1865 год. Начиналась она так: «Не думаю, чтобы нашлось очень много из читателей русских газет, которые бы знали то место, из которого я пишу Вам мое письмо, и хотя бы приблизительно могли указать на карте Капал. А между тем знание этого пункта не показывает одного только исключительного знакомства с географией, оно указывает и на степень того интереса, которым проникнуто наше общество к своим политическим делам в отдаленных пределах России. Об этих делах русское общество по большей части узнает из иностранных газет и преимущественно английских, в которых; кроме весьма малого знакомства с делом, беспрестанно встречаются самые превратные толкования действий в Азии. Поэтому я полагаю, что для русских читателей небезынтересно будет познакомиться из ближайшего источника с настоящим ходом дел в Китае, что более или менее ощутительно может отражаться и на русских, которые находятся по своим торговым и другим делам в довольно тесной связи с этою страной».

И дальше в этой обычной газетной корреспонденции Валиханов изложил свою теорию происхождения дунган, привлекающую внимание многих ученых. Валиханов считал, что дунгане произошли от древних уйгуров, которые, попав во власть Поднебесной империи, были окитаизированы. Однако, пояснял Валиханов, дунгане до сих пор составляют особую общину или племя в Китае и исповедуют отличную от китайцев веру — мусульманскую. Они неоднократно поднимали бунт против правящей династии. О самом восстании в статье содержатся сенсационные по тому времени подробности. Валиханов рассказывает о судьбе города Урумчи, разрушенного дотла, о походе инсургентов на Кульджу и на Аксу.

Мог ли Валиханов предвидеть в самом начале восстания, как потом повернутся дела? Кое-что он, несомненно, предвидел.

Якуб-бек тогда еще не объявил себя ханом. Выбросив из Кашгара ходжу Рашэддина, опиравшегося на восставших дунган, Якуб-бек провозгласил власть чтимого кашгарцами ходжи Бузрукхана. Кстати, китайцы все еще отсиживались в цитадели, куда их загнал в 1863 году Рашэддин. Осенью 1865 года Якуб-бек предложит китайцам сдаться, и осажденные погибнут все до единого, взорвав

цитадель. А Якуб-бек будет все меньше считаться с Бузрукханом, тот, боясь за свою жизнь, скроется из Кашгара, Якуб-бек посадит на ханский трон Катта-тюрю (о нем Валиханов тоже упоминал в своем Кашгарском отчете). Потом Якуб-бек отравит Катта-тюрю, будет обливаться слезами на похоронах, вновь призовет Бузрукхана, а в 1867 году отправит ученого ходжу в Мекку, объявит себя ханом, подавит дунганское восстание, принудив массы дунган бежать через Урумчи в Россию. Затем Якуб-бек, пользуясь слабостью Коканда, начнет раздвигать свое государство на север, в Ферганскую долину, пригласит к себе английских охотников на тигров, приютит сына Кенесары Садыка, будет мешать экспедиции Пржевальского и т. п. А в 1876 году придут китайские войска, разгромят Якуб-бека, и тысячи кашгарцев в 30-градусный мороз кинутся бежать через знакомый Валиханову Теректы, и вновь этот жуткий перевал будет усеян трупами, лишь немногих спасет и напишет о том рапорт начальник Ошского уезда майор Ионов.

Бегство через Теректы — вот что провидел Валиханов, наблюдавший из Капала и Тугерека за началом новой смуты. Недаром он писал в своей корреспонденции: «...нам как соседям с этим краем нельзя не обратить внимание на это движение и готовящийся переворот».

Меж тем султаны Старшего жуза во главе с Гази строчили доносы на штабс-ротмистра Валиханова, взявшегося защищать «степной пролетариат». Его обвиняли в распространении между казаками возмутительных слухов. Потом пораскинули умом и сочинили донос, что штабс-ротмистр Валиханов и полковник Тезек вступили в тайные сношения с Якуб-беком. Началось следствие, но дело пришлось закрыть из-за отсутствия «положительных улик», как было написано в одной бумаге. Это не значит, однако, что никто не приходил к Чокану от Якуб-бека. Могли и приходиться. В Кашгаре знали, кто он такой. К нему и уговорщика могли подсылать, и убийцу. Существует версия, что Валиханов умер не от туберкулеза, его убили. Все возможно. Однако насчет его истинного отношения к Якуб-беку? Не стоило учинять следствия, достаточно было перечесть кашгарский отчет.

Кашгарский отчет Валиханова, затребованный срочно из архива, лежал на столе начальника Главного штаба генерал-адъютанта графа Гейдена, которому было поручено

изучить вопросы кульджинского восстания. И возможно, не случайно именно Гейден докладывал 7 апреля 1865 года военному министру Д. А. Милютину о мерах, принимаемых вследствие «вредного влияния, производимого на умы киргизов Семиреченской области штабс-ротмистром Валихановым». Никак невозможно перевести Валиханова в Западную Сибирь. Возражает командующий войсками Западносибирского военного округа генерал-лейтенант Хрущев: «...почет и уважение, которым пользуется род Валихановых между киргизами Сибирской степи, может породить также весьма вредные для спокойствия их последствия». Выход один: «...перевести штабс-ротмистра Валиханова на службу в какой-либо кавалерийский полк внутри империи, где по условиям окружающей его среды пребывание его не может повлечь за собой никаких вредных последствий».

Граф Гейден вышел от Д. А. Милютина с резолюцией: «Перевести в один из кавалерийских полков по выбору самого штабс-ротмистра Валиханова. Генерал-лейтенант Хрущев мог бы ныне же прислать его сюда курьером». 9 апреля распоряжение военного министра полетело телеграммой в Омск.

Почему Валиханов стал так вреден и опасен с точки зрения властей? Почему его торопят выслать из Семиречья и категорически отказываются принять в Западной Сибири?

Дело в том, что начались подготовительные работы по выработке «Положения об управлении степных областей». Образована Степная комиссия, в которую, кстати, включен и Гутковский. Он, конечно, сразу напомнил о Чокане Валиханове; кто еще из ученых так глубоко, как Валиханов, знает историю казахского народа, его законы, обычаи, нравы? Левшин? Да, он когда-то первым записал «Жеты Жоргы». Мнением Левшина о реформе управления Степью действительно заинтересовались. Он высказался против отстранения султанов от власти, заявил, что султаны «готовее служить правительству». Возражал Левшин и против ликвидации управления по родам. Высказывания престарелого ученого, увы, не согласовывались со стремлением нарезать оренбургскую и сибирскую степь на уезды и лишить султанов сословных привилегий. Но если для правительственных реформаторов Левшин явно устарел, то Валиханов разве не близок им? Ведь он предлагал Кюлякскому не церемониться с киргизской властью, ослабить аристократический элемент. Да, кое в чем он близок

этим реформаторам, и они одно время, под влиянием его «Записки о судебной реформе», собирались сохранить суд биев. Но... Но при всем при том, как только приступила к деятельности Степная комиссия, Валиханов сделался опасен своим вредным влиянием на умы казахов. Власти исходили из недавнего российского опыта подготовки и проведения крестьянской реформы. Слухи о готовящейся воле вызвали в России вспышку мужицких бунтов. То же самое может начаться и в Степи, как только по аулам помчится хабар, что власть султанов приходит к концу. Русское начальство могло не страшиться появления нового Кенесары. Время ханских мятежей миновало безвозвратно¹. Пришло время, когда надо опасаться народных волнений, таких вспышек, как в Бездне, таких выступлений в защиту бунтовщиков, как речь профессора Щапова на панихиде, устроенной казанским революционным кружком. И вот тут-то Валиханову припомнили все, что за ним числилось. А числилось многое — и Дуров, и петербургские знакомства, и общество сибирских патриотов, и бунт казахской бедноты в Каркаралах, и те возмутительные беседы, которые Валиханов вел с семиреченскими казахами.

Думается, что в спорах исследователей научного наследия Чокана Валиханова о том, в какой степени он был революционным демократом и в какой либералом-реформатором, одним из самых веских аргументов может служить решение о высылке Валиханова в 1865 году из Степи в Петербург.

Если бы он мог уехать в Петербург!..

Когда Д. А. Милютин писал резолюцию на докладе начальника Главного штаба генерал-адъютанта графа Гейдена, в Петербурге уже знали, что в Англии издана книга «Русские в Средней Азии»² и что в нее наряду с переводами записок других русских путешественников вошел и перевод кашгарских записок Чокана Валиханова. В пре-

¹ После разгрома Китаем Якуб-бека сын Кенесары Садык возвратился в Степь и получил от правительства России амнистию. В 1889 году в Ташкенте вышла книга его брата, султана Ахмета Кенесарина, «Султаны Кенесара и Садык», вполне апологетическая. И как раз в это время капальский уездный начальник докладывал, что сооружение на могиле Валиханова находится в плачевном состоянии. Средств на восстановительные работы не оказалось. Обратились к потомкам Тезека, они отказались поправить могилу, опять же за неимением средств.

² The Russians in Central Asia. London, 1865.

дисловии издатели сообщали, что Валиханов офицер русской службы, сын киргизского султана и хорошо образованный человек. Все точно, без путаницы — Валиханов для издателей фигура известная. Его труды предлагаются английскому читателю потому, что «дают возможность англичанам составить правильное представление о теперешнем положении России в Средней Азии». Далее в предисловии идет речь о том, что «образование новой провинции под названием Туркестан»¹ увеличивает подозрения некоторой части английской общественности, нет ли со стороны России враждебных поползновений против Британской Индии. Английские издатели признают, что Бухара и Хива, а также Коканд к 1865 году находятся в сфере влияния России.

Судя по предисловию, книгу издали не с познавательными, а скорее с политическими целями. Ничего не сообщая об английских планах проникновения в Восточный Туркестан, предисловие указывает на «русскую опасность». В результате книга вызвала в Англии волну русофобии. Высказывались всерьез предположения, что русские бросят на Индию армию туркмен и казаков. В обзорах английской прессы, опубликованных в «Русском инвалиде»², приводится цитата из «Таймса»: «Есть намерение при помощи субсидий и политических агентов сделать Афганистан и другие пограничные с Индией владения политической преградой между нами и Россией». «Русский инвалид» отвечал «Таймсу», почти цитируя «Очерки Джунгарии» Валиханова: «В виду всей Средней Азии, находящейся в разложении и упадке, в виду Западного Китая, терзаемого до самых пределов Кашгара непрерывною инсургенциею против китайских властей, совершающих возмутительные жестокости, может ли Россия оставаться безучастною в контраст с образом действий англичан в Индии?»

Но Чокан не успел получить известие об издании его записок на английском языке, как не успел он получить приказ о производстве в чин ротмистра, как не успел узнать о своей высылке в Петербург.

Умирающему от чахотки дано напоследок почувствовать себя лучше и уверовать в свое выздоровление. В один из апрельских прозрачных дней он попросил вынести его из юрты на вольный воздух. Дышалось легко, степь рас-

¹ Имеется в виду Туркестанская область с центром в Ташкенте.

² «Русский инвалид», 1866, № 38, 42.

кинулась просторно, вольно, снежные верхи Алатавских гор соединились с облаками.

Какие планы он строил на будущее, можно только догадываться, потому что сгинули все записи Чокана той, последней поры его жизни или похищенные кем-то, кто знал им цену, или брошенные в огонь кем-то, для кого это была никому не нужная бумага¹. Неизвестно, о чем он мечтал, но известно, в чем он был совершенно уверен. Он знал, что годы его странствий и трудов совпали с исторически очень значимым периодом в жизни его народа, когда казахи всех жузов завершали свое вхождение в состав России и вместе с тем свое воссоединение в один большой народ — мирный и поэтический, веселый и честолюбивый, полный сил и энергии, подающий огромнейшие надежды на развитие... И во всем том, что свершилось к 1865 году, составляющему веху в истории казахов, оставался навеки след его, Чокана, усилий, его понимания своего долга перед народом, его отваги, его исторического предвидения.

Им никогда не владели тщеславные помыслы, и он очень строго судил о самом себе, но все это он знал. Не мог не знать! И чувствовал очень остро, что вот теперь-то приходит его время, чтобы повести свой народ путем истинного знания и завершить все незавершенное, исполнить пророчество Достоевского — растолковать многоязыкой России, что такое Степь и ее кочевой народ, открыть всему человечеству жизнь казахов, их прошлое, их настоящее, их помыслы о будущем...

Он скончался 10 апреля 1865 года, не дожив до тридцати лет, в ауле Тезека, в урочище Кочен-Тоган.

¹ То, что уцелело, взял приехавший к Тезеку в ноябре 1865 года Гутковский. Часть научного наследия Валихапова он сразу же передал П. П. Семенову. В 1920 году дочь Гутковского передала остальные рукописи и письма Валихапова в архив Академии наук в Ленинграде.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Ч. ВАЛИХАНОВА

- 1835, ноябрь* — Родился (день неизвестен) в крепости Кушмурун.
- 1847* — Поступил в Сибирский кадетский корпус.
- 1853* — Окончил кадетский корпус, вступил в службу в Сибирское линейное казачье войско, назначен к исправлению должности адъютанта при командире Отдельного сибирского корпуса Гасфорте.
- 1854* — Знакомство с Ф. М. Достоевским и С. Ф. Дуровым.
- 1855* — Первая поездка в Семиречье.
- 1856* — Экспедиция в Семиречье и на Иссык-Куль. Поездка в Кульджу. Знакомство с П. П. Семеновым-Тянь-Шанским. За отличие по службе произведен в поручики.
- 1857* — Избран в действительные члены Императорского русского географического общества. Командировка в Семиречье и на Иссык-Куль для подготовки экспедиции в Кашгар.
- 1858, 28 июня* — Присоединился к каравану, направляющемуся из Семипалатинска в Кашгар.
- 1859, 12 апреля* — вернулся с караваном в укрепление Верное.
- 1860* — В начале года приехал в Петербург. Доклад в Географическом обществе, интенсивная научная, общественная и литературная деятельность. Знакомство с Н. Г. Чернышевским. Произведен в штабс-ротмистры, награжден орденом Св. Владимира.
- 1861* — Возвращение на родину.
- 1862* — Выбран на должность старшего султана Атбасарского округа и не утвержден генерал-губернатором.
- 1863* — Участие в комиссии по сбору народных мнений о судебной реформе.
- 1864, март — июнь* — Участие в походе М. Г. Чернышева. С ноября — деятельность, связанная с освободительным движением народов Восточного Туркестана.
- 1865, 10 апреля* — Скончался в урочище Кочен-Тоған.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Маркс К. Русская торговля с Китаем, Энгельс Ф. Прогресс России в Средней Азии. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 12.

Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Алма-Ата, 1961—1972.

Лайдарова Х. Чокан Валиханов. Алма-Ата, 1945.

Луэзов М. Ф. М. Достоевский и Чокан Валиханов. — В книге: Мысли разных лет. Алма-Ата, 1961.

Атишев А. Социологические и государственно-правовые взгляды Валиханова. Алма-Ата, 1974.

Бегалин С. Чокан Валиханов. М., 1976.

Булатов С. К вопросу о государственных и правовых воззрениях Чокана Валиханова. — «Вестник Академии наук Казахской ССР», Алма-Ата, 1956, № 3.

Забелин И. Чокан Валиханов. М., 1956.

Зиманов С., Атишев А. Политические взгляды Чокана Валиханова. Алма-Ата, 1965.

Ивлев Н. Находки краеведа. Алма-Ата, 1977.

Кереева-Капафиева К. Русско-казахские литературные отношения. Алма-Ата, 1980.

Маргулан А. Очерк жизни и деятельности Ч. Ч. Валиханова. — В кн.: Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Алма-Ата, 1961. т. 1.

Маргулан А. Ч. Ч. Валиханов по отзывам русских и западноевропейских ученых. — «Вестник Академии наук Казахской ССР», 1966, № 10.

Марков С. Идущие к вершинам. Историко-биографическая повесть. М., 1968.

Муқанов С. Нить Ариадны (Чокан Валиханов). Историческая трагедия. М. — Л., 1945.

Муқанов С. Промелькнувший метеор. Роман. Алма-Ата, 1973.

Муқанов С. Степные друзья. Алма-Ата, 1979.

Сегизбаев О. Из истории идейной борьбы вокруг творческого наследия Чокана Валиханова. — «Ученые записки Казахского государственного университета», т. XV, философия. Вып. 2. Алма-Ата, 1959.

Семенов-Тянь-Шанский П. П. Путешествие в Тянь-Шань. М., 1958.

Фетисов М. Литературные связи России и Казахстана. 30—50-е годы XIX века. М., 1956.

Хасанов К. Чокан Валиханов как уйгуровед. Алма-Ата, 1963.

Воспоминания о Чокане Валиханове

Потанин Г. Н. В юрте последнего киргизского царевича. — «Русское богатство», 1896, № 8.

Потанин Г. Н. Чокап Валиханов, жизнь и служба в Омске. — «Сибирская жизнь», 1916, № 104, 1917, № 118.

Потанин Г. Н. Эпизод из жизни Чокана во время экспедиции Черныяева. — «Сибирская жизнь», 1913, № 257.

Потанин Г. Н. Встреча с С. Ф. Дуровым. — В сб.: На славном посту. Спб., 1901.

Потанин Г. Н. Наши мечты. — «Сибирская жизнь», 1913, № 17.

Потанин Г. Н. Европа и Азия в кадетском корпусе. — «Сибирская жизнь», 1916, № 18.

Ядринцев Н. М. Чокап Чингисович Валиханов. — «Отчет РГО за 1865 г.». Спб., 1866.

Ядринцев Н. М. Воспоминания о Чокане Валиханове. — В кн.: Валиханов Ч. Ч. Сочинения. Записки РГО. Спб., 1904.

Ядринцев Н. М. Иностранческое просвещение на Русском Востоке. — «Порядок», 1881, № 322.

СОДЕРЖАНИЕ

Правнук хана Аблая	5
Европа и Азия	34
Адъютант Гасфорта	57
Путешествие на Иссык-Куль и в Кульджу	97
Хождение в Кашгар	141
Год прожив там...	185
Стень	226
Основные даты жизни и деятельности Ч. Валиханова	281
Краткая библиография	282

Стрелкова И. И.

С 84 Валиханов. — М.: Мол. гвардия, 1983. — 284 с., ил. — (Жизнь замечат. людей. Сер. биогр. Вып. 6(635)).

1 р. 30 к. 100 000 экз.

Книга И. Стрелковой рассказывает о жизни замечательно-го ученого и путешественника Чокана Валиханова. Казахский народ считает его своим первым ученым и первым революционным мыслителем. В торговом караване Чокан Валиханов совершил путешествие в неизвестный тогда русской и европейской науке Кашгар. Открытия, сделанные им, поставили молодого поручика русской армии в ряд с выдающимися географами мира. Чокану Валиханову принадлежат выдающиеся труды по географии, истории, этнографии, экономике, социологии Казахстана, он сделал записи казахского фольклора, открыл для науки киргизский эпос «Манас». Книга рассчитана на массового читателя.

С $\frac{4702010200-088}{078(02)-83}$ Без объявл.

ББК 72.3
001(09)

ИБ № 2793

Ирина Ивановна Стрелкова

ВАЛИХАНОВ

Редактор **Е. Любушкина**

Серийная обложка **Ю. Арндта**

Художественный редактор **А. Степанова**

Технический редактор **Е. Михалева**

Корректоры **Т. Песнова, И. Тарасова, Е. Сахарова**

Сдано в набор 01.03.82. Подписано в печать 18.04.83. А03761.
Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская № 1. Гарнитура
«Обыкновенная новая». Печать высокая. Условн. печ. л. 15,12+
+1,78 вкл. Учетно-изд. л. 17,8. Тираж 100 000 экз. Цена 1 р. 30 к.
Заказ 2198.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства
ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» Адрес издательства и типогра-
фии: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

1 р. 30 к.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ